

сочинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941-1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://akhmatovaanna.ru/> Приятного чтения!

Собрание сочинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941-1959.
Анна Андреевна Ахматова

Вражье знамя
Растает, как дым,
Правда за нами,
И мы победим.

19 июля 1941

Анна Ахматова Собрание сочинений

КЛЯТВА

И та, что сегодня прощается с милым, –
Пусть боль свою в силу она переплавит.
Мы детям клянемся, клянемся могилам,
Что нас покориться никто не заставит!

Июль 1941

Ленинград

Том 2 Стихотворения 1941 \

9Копай, моя лопата,

Звени, кирка моя.

Не пустим супостата

На мирные поля.

Июль-август 1941

10 I Анна Ахматова Собра

ние сочинении

ПЕРВЫЙ ДАЛЬНОБОЙНЫЙ

В ЛЕНИНГРАДЕ

И в пестрой суеде людской

Все изменилось вдруг.

Но это был не городской,

Да и не сельский звук.

На грома дальнего раскат

Он, правда, был похож, как брат,

Но в громае влажность есть

Высоких свежих облаков

И вожделение лугов –

Веселых ливней весть.

А этот был, как пекло, сух,

И не хотел смятенный слух

Поверить – по тому,

Как расширялся он и рос,

Как равнодушно гибель нес

Ребенку моему.

После 4 сентября 1941 Январь 1942

Ленинград Ташкент

Том 2 Стихотворения. 1941

ДОРОЖНАЯ, ИЛИ ГОЛОС

ИЗ ТЕМНОТЫ

Из цикла «Песенки»

Кто чего боится,

То с тем и случится, –

Ничего бояться не надо.

Эта песня пета,

Пета, да не эта,

А другая тоже

На нее похожа...

Боже!

28 сентября 1941

12 I

Птицы смерти в зените стоят,
Кто идет выручать Ленинград?
Не шумите вокруг – он дышит,

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat

Он живой еще, он все слышит:
Как на влажном балтийском дне
Сыновья его стонут во сне,
Как из недр его вопли: «Хлеба!» –
До седьмого доходят неба...
Но безжалостна эта твердь.
И глядит из всех окон – смерть.
28 сентября 1941 Октябрь–ноябрь 1941
Самолет Ташкент

Пускай огонь сигнальный не горит
И город в мраке небывалом тонет,
Нам голос Ленинграда говорит:
– Готов к труду и обороне!
Сентябрь ? 1941

И осталось из всего земного
Только хлеб насущный твой,
Человека ласковое слово,
Чистый колос полевой.
Октябрь–ноябрь 1941
Вагон Эвакуация

НАСТУПЛЕНИЕ
Славно начато славное дело
В грозном грохоте, в снежной пыли,
Где томится пречистое тело
Оскверненной врагами земли.
К нам оттуда родные березы
Тянут ветки, и ждут, и зовут,
И могучие деды–морозы
С нами сомкнутом строем идут.
Январь 1942

МУЖЕСТВО
Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах.
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова, –
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!

23 февраля 1942

Ташкент

Том 2. Стихотворения 1942

С грозных ли площадей Ленинграда
Иль с блаженных летеиских полей
Ты прислал мне такую прохладу,
Тополями украсил ограды
И азийских светил мириады
Расстелил над печалью моей?
Март 1942

Ташкент

18 I Анна Ахматова. Собр;
ание сочинении

Так вот он – тот осенний пейзаж,

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat

Которого я так всю жизнь боялась:
И небо – как пылающая бездна,
И звуки города – как с того света
Услышанные, чуждые навеки.
Как будто всё, с чем я внутри себя
Всю жизнь боролась, получило жизнь
Отдельную и воплотилось в эти
Слепые стены, в этот черный сад...
А в ту минуту за плечом моим
Мой бывший дом еще следил за мною
Прищуренным, неблагосклонным оком,
Тем навсегда мне памятным окном.
Пятнадцать лет – пятнадцатью веками
Гранитными как будто притворились,
Но и сама была я как гранит:
Теперь моли, терзайся, называй
Морской царевной. Все равно. Не надо...
Но надо было мне себя уверить,
Что это все случалось много раз,
И не со мной одной – с другими тоже, –
И даже хуже. Нет, не хуже – лучше.

___Том 2. Стихотворения 1942

И голос мой – и это, верно, было
Всего страшней – сказал из темноты:
«Пятнадцать лет назад какой ты песней
Встречала этот день, ты небеса,
И хоры звезд, и хоры вод молила
Приветствовать торжественную встречу
С тем, от кого сегодня ты ушла...
Так вот твоя серебряная свадьба:
Зови ж гостей, красуйся, торжествуй!»

Март 1942

Ташкент

20 I

Многое еще, наверно, хочет
Быть воспетым голосом моим:
То, что, бессловесное, грохочет,
Иль во тьме подземный камень точит,
Или пробивается сквозь дым.

У меня не выяснены сче­ты
С пламенем, и ветром, и водой...

Оттого-то мне мои дремоты
Вдруг такие распахнут ворота
И ведут за утренней звездой.

Март 1942

Ташкент

Том 2. Стихотворения 1942

1

Щели в саду вырыты,

Не горят огни.

Питерские сироты,

Детоньки мои!

Под землей не дышится,

Боль сверлит висок,

Сквозь бомбежку слышится

Детский голосок.

18 апреля 1942

2

Постучи кулачком – я открою.

Я тебе открывала всегда.

Я теперь за высокой горою,

За пустыней, за ветром и зноем,

Но тебя не предаю никогда...

Твоего я не слышала стона.

Хлеба ты у меня не просил.

Принеси же мне ветку клена

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat

Или просто травинки зеленых,
Как ты прошлой весной приносил,
Принеси же мне горсточку чистой,
Нашей невиской студенкой воды,
И с головки твоей золотистой
Я кровавые смою следы.

23 апреля 1942

Ташкент

22 I

Г. Герус

Заснуть огорченной,
Проснуться влюбленной,
Увидеть, как красен мак.

Какая-то сила

Сегодня входила

В твоё святилище, мрак!

Мангалочий дворик,

Как дым твой горек

И как твой тополь высок...

Шехерезада

Идет из сада...

Так вот ты какой, Восток!

Апрель 1942

Ташкент

NOX

СТАТУЯ «НОЧЬ» В ЛЕТНЕМ САДУ

Ноченька!

В звездном покрывале,

В траурных маках, с бессонной совой.

Доченька!

Как мы тебя укрывали

Свежей садовой землей.

Пусты теперь Дионисовы чаши,

Заплаканы взоры Любви...

Это проходят над городом нашим

Страшные сестры твои.

30 мая 1942

Ташкент

В. Гаршину

Глаз не свожу с горизонта,

Где мятели пляшут чардаш...

Между нами, друг мой, три фронта:

Наш и вражий и снова наш.

Я боялась такой разлуки

Больше смерти, позора, тюрьмы.

Я молилась, чтоб смертной муки

Удостоились вместе мы.

3 июня 1942

Ташкент

Какая есть. Желаю вам другую,
Получше. Больше счастьем не торгую,

Как шарлатаны и оптовики...

Пока вы мирно отдыхали в Сочи,

Ко мне уже ползли такие ночи,

И я такие слушала звонки!

Не знатной путешественницей в кресле

Я выслушала каторжные песни,

сочинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat

А способом узнала их иным...
Над Азией – весенние туманы,
И яркие до ужаса тюльпаны
Ковром заткали много сотен миль.
О, что мне делать с этой чистотою
Природы, с неповинностью святою?
О, что мне делать с этими людьми?

Мне зрительницей быть не удавалось,
И почему-то я всегда вклинялась
В запретнейшие зоны естества.
Целительница нежного недуга,
Чужих мужей вернейшая подруга
И многих безутешная вдова.
Седой венец достался мне недаром,
И щеки, опаленные пожаром,
Уже людей пугают смуглотой.
Но близится конец моей гордыне,
Как той, другой – страдальце Марине, –
Придется мне напиться пустотой.
И ты придешь под черной епанчою,
С зеленоватой страшною свечою,
И не откроешь предо мной лица...
Но мне не долго мучиться загадкой, –
Чья там рука под белую перчатку
И кто прислал ночного пришлеца.
24 июня 1942
Ташкент

Любо вам под половицей
Перекликнуться с синицей
И присниться кой-кому,
Кто от вас во сне застонет,
Но и слова не проронит
Даже другу своему.
Июнь 1942
Анна Ахматова. Собрание сочинении
СМЕРТЬ

I
Я была на краю чего-то,
Чему верного нет названья...
Зазывающая дремота,
От себя самой ускользанье...
Август 1942

Дюрмень
II
А я уже стою на подступах к чему-то,
Что достается всем, но разною ценой...
На этом корабле есть для меня каюта
И ветер в парусах – и страшная минута
Прощания с моей родной страной.
Август 1942
Дюрмень

12

9НА СМОЛЕНСКОМ КЛАДБИЩЕ
А все, кого я на земле застала,
Вы, века прошлого дряхлеющий посев!
Вот здесь кончалось все: обеды у Донона,
Интриги и чины, балет, текущий счет...
На ветхом цоколе – дворянская корона
И ржавый ангелок сухие слезы льет.
Восток еще лежал непознанным пространством

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
И громыхал вдали, как грозный вражий стан,
А с Запада несло викторианским чванством,
Летели конфетти, и подвывал канкан...
Август 1942
Дюрмень

IN MEMORIAM*
А вы, мои друзья последнего призыва!
Чтоб вас оплакивать, мне жизнь сохранена.
Над вашей памятью не стыть плакучей ивой,
А крикнуть на весь мир все ваши имена!
Да что там имена! Захлопываю святцы;
И на колени все! Багровый хлынул свет!
Рядами стройными выходят ленинградцы,
Живые с мертвыми. Для Бога мертвых нет.
Август 1942
Дюрмень
* В память (лат.).

В тифу
Где-то ночка молодая,
Звездная, морозная...
Ой, худая, ой худая
Голова тифозная.
Про себя воображает,
На подушке мечется,
Знать не знает, знать не знает,
Что во всем ответчица,
Что за речкой, что за садом
Кляча с гробом тащится.
Меня под землю не надо б,
Я одна – рассказчица.
Ноябрь 1942
Ташкент, ТАШМИ (в тифозном бреду)
32 I

Если ты смерть – отчего же ты плачешь сама,
Если ты радость – то радость такой не бывает.
Ноябрь 1942
Ташкент, ТАШМИ
Том 2 Стихотворения 1942
А умирать поедем в Самарканд,
На родину предвечных роз...
Ноябрь – декабрь 1942
Ташкент, ТАШМИ
(в тифозном бреду)
34

И кружку пенили отцы,
И уходили сорванцы,
Как в сказке, на войну.
Но это было где-то там –
Тот непонятный тарарам,
Та страшная она.
(А к нам пришла сама)
И нет ленор, и нет баллад,
Погублен царскосельский сад,
И словно мертвые стоят
Знакомые дома.
И равнодушие в глазах,
И сквернословье на устах,

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat

Но только бы не страх, не страх,
Не страх, не страх... Бах, бах!

1942

Том 2 Стихотворения. 1942

И я все расскажу тебе:
Как промчался «афганец» дикий.
И чей лик на белой луне,
Что нашепчут еще арыки,
Что подслушаю в чайхане.

1942

36

Лежала тень на месяце двурогом...
..... страх.

А там трусили по кривым дорогам
Большие старики на маленьких ослах.

1942

Не сраженная бледным страхом
И отмщенья зная срок,
Опустивши глаза сухие,
И сжимая уста, Россия
От того, что сделалось прахом,
В это время шла на Восток.
И себе же самой навстречу,
Непреклонно в грозную сечу,
Как из зеркала наяву,
Ураганом с Урала, с Алтая,
Долгу верная
молодая

Шла Россия спасать Москву.

1942

Ташкент

38 I

Ленинградские голубые,
Три года в небо глядевшие,
Взгляните с неба на нас.
/ января 1943 (в бреду)
Ташкент

I 3

9И комната, в которой я болею,
В последней раз болею на земле,
Как будто упирается в аллею
Высоких белоствольных тополей.
А этот первый – этот самый главный,
В величии своем самодержавный,
Но как заплещет, возликует он,
Когда, минуя тусклое оконце,
Моя душа взлетит, чтоб встретить солнце,
И смертный уничтожит сон.

Январь 1943

Ташкент

ПУШКИН

Кто знает, что такое слава!
Какой ценой купил он право,
Возможность или благодать
Над всем так мудро и лукаво
Шутить, таинственно молчать

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
И ногу ножкой называть?
7 марта 1943
Ташкент

I 41

А в зеркале двойник бурбонский профиль прячет
И думает, что он незаменим,
Что все на свете он переиначит,
Что Пастернака перепастерначит,
А я не знаю, что мне делать с ним.
2 мая 1943
Ташкент
42 I

А.Ф. Козловскому
Как в трапезной – скамейки, стол, окно
С огромною серебряною луною.
Мы кофе пьем и черное вино,
Мы музыку бредим.
Все равно...
И зацветает ветка над стеною.
В изгнании сладость острая была,
Неповторимая, пожалуй, сладость.
Бессмертных роз, сухого винограда
Нам родина пристанище дала.
Май 1943
Ташкент

А мы?
Не так же ль мы
Сошлись на краткий миг для переключки?
21 июня 1943
Ташкент
44 I

ХОЗЯЙКА

Е.С. Булгаковой
В этой горнице колдунья
До меня жила одна:
Тень ее еще видна
Накануне новолуния,
Тень ее еще стоит
У высокого порога,
И уклончиво и строго
На меня она глядит.
Я сама не из таких,
Кто чужим подвластен чарам,
Я сама... Но, впрочем, даром
Тайн не выдаю своих.
5 августа 1943
Ташкент (Балахана)

ПОД КОЛОМНОЙ

Е.В. и С.В. Шервинским
...Где на четырех высоких лапах
Колокольни звонкие бока
Поднялись, где в поле мятный запах,
И гуляют маки в красных шляпах,
И течет московская река, –
Все бревенчато, дощато, гнуто...
Полноценно цедится минута

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat

На часах песочных. – Этот сад
Всех садов и всех лесов дремучей,
И над ним, как над бездонной кручей,
Солнца древнего из сизой тучи
Пристален и нежен долгий взгляд.
/ сентября 1943

Ташкент

46 I

ВСТРЕЧА

Как будто страшной песенки
Веселенький припев –
Идет по шаткой лесенке,
Разлуку одолев.
Не я к нему, а он ко мне –
И голуби в окне...
И двор в плюще, и ты в плаще
По слову моему.
Не он ко мне, а я к нему –
Во тьму,
во тьму,
во тьму.

16 октября 1943

Ташкент

I 47

ТРИ ОСЕНИ

Мне летние просто невняты улыбки,
И тайны в зиме не найду,
Но я наблюдала почти без ошибки
Три осени в каждом году.
И первая – праздничный беспорядок,
Вчерашнему лету назло,
И листья летят, словно ключья тетрадок,
И запах дымка так ладанно-сладок,
Все влажно, пестро и светло.
И первыми в танец вступают березы,
Накинув сквозной убор,
Стряхнув второпях мимолетные слезы
На соседку через забор.
Но эта бывает – чуть начата повесть.
Секунда, минута – и вот
Приходит вторая, бесстрашна, как совесть,
Мрачна, как воздушный налет.

Все кажутся сразу бледнее и старше,
Разграблен летний уют,
И труб золотых отдаленные марши
В пахучем тумане плывут...
И в волнах холодных его фимиама
Скрыта высокая твердь,
Но ветер рванул, распахнулось – и прямо
Всем стало понятно: кончается драма,
И это не третья осень, а смерть.
6 ноября 1943

Ташкент

ПАМЯТИ ВАЛИ

И все, кого сердце мое не забудет,
Но кого нигде почему-то нет...
И страшные дети, которых не будет,
Которым не будет двадцать лет,

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat

А было восемь, а девять было,
А было... – Довольно, не мучь себя,
И все, кого ты вправду любила,
Живыми останутся для тебя.

6 ноября 1943

50 I

Когда я называю по привычке
Моих друзей заветных имена,
Всегда на этой странной перекличке
Мне отвечает только тишина.

8 ноября 1943

Ташкент

ЕЩЕ ОДНО

ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Все небо в рыжих голубях,
Решетки в окнах – дух гарема...

Как почка, набухает тема.

Мне не уехать без тебя –

Беглянка, беженка, поэма.

Но, верно, вспомню на лету,

Как запылал Ташкент в цвету,

Весь белым пламенем объят,

Горяч, пахуч, замысловат,

Невероятен...

Так было в том году проклятом,

Когда опять мамзель Фифи*

Хамила, как в семидесятом.

А мне переводить Лютфи

Под огнедышащим закатом.

* «M-e'lle-Fifi» (фр.) – в одноименном рассказе Мопассана –

прозвище немецкого офицера, отличавшегося изощренной жестокостью
(примеч. Анны Ахматовой).

И яблони, прости их, Боже,
Как от венца в любовной дрожи.

Арык на местном языке,

Сегодня пущенный, лепечет.

А я дописываю «Нечет»

Опять в предпесенной тоске.

До середины мне видна

Моя поэма. В ней прохладно,

Как в доме, где душистый мрак

И окна заперты от зноя,

И где пока что нет героя,

Но кровлю кровью залил мак...

8 ноября 1943

Ташкент, Балахана

ГОСТИ

«... ты пьян,

И все равно пора нах хауз...»*

Состарившийся Дон-Жуан

И вновь помолодевший Фауст

Столкнулись у моих дверей –

Из кабака и со свиданья!..

Иль это было лишь ветвей

Под черным ветром колыханье,

Зеленой магией лучей

Как ядом залитых, и все же –

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
На двух знакомых мне людей
До отвращения похожих?
// ноября 1943
Ташкент, Балахона
хауз – nach Hause (нем.) – домой.

А в книгах я последнюю страницу
Всегда любила больше всех других –
Когда уже совсем не интересны
Герой и героиня, и прошло
Так много лет, что никого не жалко,
И, кажется, сам автор
Уже начало повести забыл,
И даже «вечность поседела»,
Как сказано в одной прекрасной книге.
Но вот сейчас, сейчас
Все кончится, и автор снова будет
Бесповоротно одинок, а он
Еще старается быть остроумным
Или язвит, – прости его Господь! –
Прилаживая пышную концовку,
Такую, например:
. . . И только в двух домах
В том городе (название неясно)
Остался профиль (кем-то обведенный
На белоснежной извести стены),
Не женский, не мужской, но полный тайны.
И, говорят, когда лучи луны –

Зеленой, низкой, среднеазиатской –
По этим стенам в полночь пробегают,
В особенности в новогодний вечер,
То слышится какой-то легкий звук,
Причем одни его считают плачем,
Другие разбирают в нем слова.
Но это чудо всем поднадоело,
Приезжих мало, местные привыкли,
И, говорят, в одном из тех домов
Уже ковром закрыт проклятый профиль.
25 ноября 1943
Ташкент
56 I

Все опять возвратится ко мне:
Раскаленная ночь и томленьё
(Словно Азия бредит во сне),
Халимы соловьиное пенье,
И библейских нарциссов цветенье,
И незримое благословенье
Ветерком шелестнет по стране.
10 декабря 1943
Ташкент

Важно с девочками простились,
На ходу целовали мать,
Во все новое нарядились,
Как в солдатики шли играть.
Ни плохих, ни хороших, ни средних.
Все они по своим местам,
Где ни первых нет, ни последних...
Все они опочили там.

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
1943
Ташкент

... И на этом сквозняке
Исчезают мысли, чувства...
Даже вечное искусство
Нынче как-то налегке!
1943 ?
Ташкент

И ты ко мне вернулась знаменитой,
Темно-зеленой веточкой повитой,
Изящна, равнодушна и горда...
Я не такой тебя когда-то знала,
И я не для того тебя спасала
Из месива кровавого тогда.
Не буду я делить с тобой удачу,
Я не ликую над тобой, а плачу,
И ты прекрасно знаешь почему.
И ночь идет, и сил осталось мало,
Спаси ж меня, как я тебя спасала,
И не пускай в клокочущую тьму.
6 января 1944. Сочельник
Ташкент
60 I

ПОСЛЕСЛОВИЕ

... Последнюю и высшую отраду –
Мое молчанье – отдаю
Великомученику
Ленинграду.
16 января 1944
Ташкент

ПОСЛЕСЛОВИЕ

«ЛЕНИНГРАДСКОГО ЦИКЛА»
Разве не я тогда у креста,
Разве не я утонула в море,
Разве забыли мои уста
Вкус твой, горе!
16 января 1944
Ташкент
62 I

Разве я стала совсем не та,
Что там, у моря,
Разве забыли мои уста
Твой привкус, горе?
На этой древней сухой земле
Я снова дома.
Китайский ветер поет во мгле,
И все знакомо...
Гляжу, дыхание тая,
На эти склоны,
Я знаю, что вокруг друзья –
Их миллионы.
И звук какой-то ветер мчит
На крыльях ночи –
То сердце Азии стучит
И мне пророчит,

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
Что снова здесь найду приют
В день светлый мира.
...И где-то близко здесь цветут
Поля Кашмира.
16 января – до 14 мая 1944
Ташкент

И в памяти, словно в узорной укладке:
Седая улыбка всезнающих уст,
Могильной чалмы благородные складки
И царственный карлик – гранатовый куст.
16 января 1944

ИЗМЕНА
Не оттого, что зеркало разбилось,
Не оттого, что ветер выл в трубе,
Не оттого, что в мысли о тебе
Уже чужое что-то просочилось, –
Не оттого, совсем не оттого
Я на пороге встретила его.
22 февраля 1944
Ташкент

ПОБЕДИТЕЛЯМ
Сзади Нарвские были ворота,
Впереди была только смерть...
Так советская шла пехота
Прямо в желтые жерла «берт».
Вот о вас и напишут книжки:
«Жизнь свою за други своя»,
Незатейливые парнишки –
Ваньки, Васьки, Алешки, Гришки,
Внуки, братики, сыновья!
29 февраля 1944
Ташкент
66 I

27 ЯНВАРЯ 1944 ГОДА
И в ночи январской беззвездной,
Сам дивясь небывалой судьбе,
Возвращенный из смертной бездны,
Ленинград салютует себе.
2 марта 1944

De profundis! * – Мое поколение
Мало меду вкусило. И вот
Только ветер гудит в отдаленьи,
Только память о мертвых поет.
Наше было не кончено дело,
Наши были часы сочтены,
До желанного водораздела,
До вершины великой весны,
До неистового цветенья
Оставалось лишь раз вздохнуть...
Две войны, мое поколение,
Освещали твой страшный путь.
23 марта 1944
Ташкент
Из бездны (взываю) (лат.).

INTERIEUR

Когда лежит луна ломтем Чарджуйской дыни
На краешке окна, и духота кругом,
Когда закрыта дверь, и заколдован дом
Воздушной веткой голубых глициний,
И в чашке глиняной холодная вода,
И полотенца снег, и свечка восковая –
Как для обряда все. И лишь, не уставая,
Грохочет тишина, моих не слыша слов, –
Тогда из черноты рембрандтовских углов
Склубится что-то вдруг и спрячется туда же,
Но я не встрепенусь, не испугаюсь даже.
Здесь одиночество меня поймало в сети.
Хозяйкин черный кот глядит, как глаз столетий,
И в зеркале двойник не хочет мне помочь.
Я буду сладко спать. Спокойной ночи, ночь!
28 марта 1944
Ташкент

Как ни стремилась к Пальмире я
Золотоглавой,
Но суждено здесь дожить мне до
Первой розы.
Персик зацвел, и фиалок дым
Черно-лиловый...
Кто мне посмеет сказать, что здесь
Злая чужбина?
18 апреля 1944
70 I

Третью весну встречаю вдали
От Ленинграда.
Третью? И кажется мне, она
Будет последней.
Но не забуду я никогда,
До часа смерти,
Как был отраден мне звук воды
В тени древесной.
Персик зацвел, а фиалок дым
Все благовонней.
Кто мне посмеет сказать, что здесь
Я на чужбине?!
Апрель ? 1944 1955

Справа раскинулись пустыри,
С древней, как мир, полоской зари,
Слева, как виселицы, фонари.
Раз, два, три...
А надо всем еще галочий крик
И помертвелою месяца лик
Совсем ни к чему возник.
Это – из жизни не той и не той,
Это – когда будет век золотой,
Это – когда окончится бой,
Это – когда я встречу с тобой.
29 апреля 1944
Ташкент
12

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat

Там по белым дурманым макам
Серой тучей ползут войска,
И невидимая рука
Роковым отличает знаком
Тех, кого позовет домой,
Когда будет окончен бой.
Апрель–май ? 1944
Ташкент

Я не была здесь лет семьсот,
Но ничего не изменилось...
Все так же льется Божья милость
С непререкаемых высот,
Все те же хоры звезд и вод,
Все так же своды неба черны,
И так же ветер носит зерна,
И ту же песню мать поет.
Он прочен, мой азийский дом,
И беспокоиться не надо...
Еще приду. Цвети, ограда,
Будь полон, чистый водоем.
5 мая 1944
74 I

Ты, Азия, родина родин!
Вместилище гор и пустынь...
Ни с чем предыдущим не сходен
Твой воздух – он огнен и синь.
Невиданной сказочной ширмой
Соседний мерещится край,
И стаи голубок над Бирмой
Летят в нерушимый Китай.
Великая долго молчала,
Закутавшись в пламенный зной,
И вечную юность скрывала
Под грозной своей сединой.
Но близится светлая эра
К навеки священным местам.
Где ты воспевала Гесера,
Все стали Гесерами там.
И ты перед миром предстала
С оливковой ветвью в руках –
И новая правда звучала
На древних твоих языках.
До 14 мая 1944 1955
Ташкент

ТАШКЕНТ ЗАЦВЕТАЕТ
Словно по чьему-то повелению,
Сразу стало в городе светло –
Это в каждый двор по привиденью
Белому и легкому вошло.
И дыханье их понятней слова,
А подобье их обречено
Среди неба жгуче-голубого
На арычное ложиться дно.
Я буду помнить звездный кров
В сиянии вечных слав
И маленьких баранчуков
У черноколых матерей
На молодых руках.
До 14 мая 1944

ИЗ «ТАШКЕНТСКОЙ ТЕТРАДИ»
Блаженный мир – зеленый мир
За каждым поворотом.
Багдад ли то или Каир?
Лечу, как пчелы к сотам.
Каир ли то или Багдад?
Нет, то обыкновенный сад,
И голос шепчет: «кто там?»
Над белоснежную стеной
Слегка качались ветки эти
С изяществом и простотой,
Которых нет на свете.
Как луч, как ветер, как туман
Шел через город караван
В пустыню из пустыни
[Для.....как на картине]
И там я видела орлов
И маленьких баранчуков
У черноколых матерей
На молодых руках.
До 14 мая 1944
Ташкент

... И со всех колоколен снова
Победившее смерть слово
Пели медные языки...
До 14 мая 1944
Ташкент
78 I

С САМОЛЕТА
1
На сотни верст, на сотни миль,
На сотни километров
Лежала соль, шумел ковыль,
Чернели рощи кедров.
Как в первый раз я на нее,
На Родину, глядела.
Я знала: это все мое –
Душа моя и тело.
14 мая 1944
Ташкент–Москва
2
Белым камнем тот день отмечу,
Когда я о победе пела,
Когда я победе навстречу,
Обгоняя солнце, летела.
14 мая 1944
Ташкент–Москва

3
И весеннего аэродрома
Шелестит под ногой трава.
Дома, дома – ужели дома!
Как все ново, и как знакомо,
И такая в сердце истома,
Сладко кружится голова...
В свежем грохоте майского грома –
Победительница Москва!
14 мая 1944
Ташкент–Москва

Отстояли нас наши мальчишки,
кто в болоте лежит, кто в лесу.
А у нас есть лимитные книжки.
Черно-бурую носим лису.
До конца мая 1944

ГОРОДУ ПУШКИНА
И царскосельские хранительные сени...
Пушкин
О, горе мне! Они тебя сожгли...
О, встреча, что разлуки тяжелее!..
Здесь был фонтан, высокие аллеи,
Громада парка древнего вдали,
Заря была себя самой алее,
В апреле запах прели и земли,
И первый поцелуй...
Июнь 1944 8 ноября 1945
г. Пушкин Фонтанный Дом
82 I

Вспыхнул над молом первый маяк,
Других маяков предтеча, –
Заплакал и шапку снял моряк,
что плавал в набитых смертью морях
Вдоль смерти и смерти навстречу.
Июнь ? 1944

Лучше б я по самые плечи
Вбила в землю проклятое тело,
Если б знала, чему навстречу,
Обгоняя солнце, летела.
Июнь ? 1944
Ленинград
84 I

ПРИЧИТАНИЕ
Ленинградскую беду
Руками не разведу,
Слезами не смою,
В землю не зарюю.
За версту я обойду
Ленинградскую беду.
Я не взглядом, не намеком,
Я не словом, не попреком,
Я земным поклоном
В поле зеленом
Помяну.
После 1 июня 1944
Ленинград

ПОСЛЕДНЕЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ
У меня одна дорога:
От окна и до порога.
Лагерная песня
День шел за днем – и то и се
Как будто бы происходило
Обыкновенно – но чрез все

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat

Уж одиночество сквозило,
Припахивало табаком,
Мышами, сундуком открытым
И обступало ядовитым
Туманцем...

25 июля 1944

Ленинград

86

Наше священное ремесло
Существует тысячу лет...
С ним и без света миру светло.
Но еще ни один не сказал поэт,
Что мудрости нет, и старости нет,
А может, и смерти нет.

25 июля 1944

Ленинград

Опять подошли «незабвенные даты»,
И нет среди них ни одной не проклятой.
Но самой проклятой восходит заря...
Я знаю: колотится сердце не зря –
От звонкой минуты пред бурей морскою
Оно наливается мутной тоскою.
И даже сегодняшний ветреный день
Преступно хранит прошлогоднюю тень,
Как тихий, но явственный стук из подполья
И сердце на стук отзывается болью.
Я все заплатила до капли, до дна,
Я буду свободна, я буду одна.
На прошлом я черный поставила крест,
Чего же ты хочешь, товарищ зюйд-вест,

—
Что ломаются в комнату липы и клены,
Гудит и бесчинствует табор зеленый
И к брюху мостов подкатила вода? –
И все как тогда, и все как тогда.
Все ясно – кончается злая неволя,
Сейчас я пройду через Марсово Поле,
А в Мраморном крайнее пусто окно,
Там пью я с тобой ледяное вино,
И там попрощаюсь с тобою навек,
Мудрец и безумец – дурной человек.
Лето 1944. 1945 21 июля 195
Ленинград

И, как всегда бывает в дни разрыва,
К нам постучался призрак первых дней,
И ворвалась серебряная ива
Седым великолепием ветвей.
Нам, исступленным, горьким и надменным,
Не смеющим глаза поднять с земли,
Запела птица голосом блаженным
О том, как мы друг друга берегли...
25 сентября 1944

90 I

ЯВЛЕНИЕ ЛУНЫ

А. Козловскому

Из перламутра и агата,

сочинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat

Из задымленного стекла,
Так неожиданно покато
И так торжественно плыла, –
Как будто «Лунная соната»
Нам сразу путь пересекла.
25 сентября 1944
Ленинград

I 91

От странной лирики, где каждый шаг – секрет,
Где пропасти налево и направо,
Где под ногой, как лист увядший, слава,
По-видимому, мне спасенья нет.
1944
92 I

СТЕКЛЯННЫЙ ЗВОНОК
Стеклянный звонок
Бежит со всех ног.
Неужто сегодня срок?
Постой у порога,
Подожди немного,
Меня не трогай
Ради Бога!
1944

Пора забыть верблюжий этот гам
И белый дом на улице Жуковской.
Пора, пора к березам и грибам,
К широкой осени московской.
Там все теперь сияет, все в росе,
И небо забирается высоко,
И помнит Рогачевское шоссе
Разбойный посвист молодого Блока..
1944–1950

94 I Анна Ахматова, Собрание сочинений
А человек, который для меня
Теперь никто, а был моей заботой
И утешеньем самых горьких лет, –
Уже бредет как призрак по окраинам,
По закоулкам и задворкам жизни,
Тяжелый, одурманенный безумьем,
С оскалом волчьим...
Боже, Боже, Боже!
Как пред тобой я тяжко согрешила!
Оставь мне жалость хоть...
13 января 1945

ОТРЫВОК

И.М. Басалаеву на память о нашем Ташкенте
Не знала б, как цветет айва,
Не знала б, как звучат слова
На вашем языке,
Как в город с гор ползет туман,
И что проходит караван
Чрез пыльный Бешагач,
Как луч, как ветер, как поток...
* * *

И город древен, как земля,
Из чистой глины сбитый.
Вокруг бескрайние поля
Тюльпанами залиты.

Теперь я всех благодарю,
Рахмат и хайер говорю
И вам машу платком.
Рахмат, Айбек, рахмат, Чусты,
Рахмат, Ташкент! – прости, прости,
Мой тихий древний дом.
Рахмат и звездам и цветам,
И маленьким баранчукам
У черноколых матерей
На молодых руках...
Я восемьсот волшебных дней
Под синей чашею твоей,
Лапислазурной чашей
Тобой дышала, жгучий сад...
28 сентября 1945
Ленинград

Что-то неладно со мною опять...
Сердце колотится сиром.
Кровь мою солнцу пора показать,
Старому лекарю мира!
1945

УЧИТЕЛЬ
Памяти
Иннокентия Анненского
А тот, кого учителем считаю,
Как тень прошел и тени не оставил,
Весь яд впитал, всю эту одурь выпил,
И славы ждал, и славы не дождался,
Кто был предвестьем, предзнаменованьем
Всего, что с нами после совершилось,
Всех пожалел, во всех вдохнул томленья –
И задохнулся...
16 января 1945

I

99 Последний ключ – холодный ключ забвенья.
Он слаще всех жар сердца утолит.
Пушкин
Есть три эпохи у воспоминаний.
И первая – как бы вчерашний день.
Душа под сводом их благословенным,
И тело в их блаженствует тени.
Еще не замер смех, струятся слезы,
Пятно чернил не стерто со стола –
И, как печать на сердце, поцелуй,
Единственный, прощальный, незабвенный...
Но это продолжается недолго...
Уже не свод над головой, а где-то
В глухом предместье дом уединенный,
Где холодно зимой, а летом жарко,
Где есть паук и пыль на всем лежит,
Где истлевают пламенные письма,
Исподтишка меняются портреты,
Куда как на могилу ходят люди,
А возвратившись, моют руки мылом,
И стряхивают беглую слезинку
С усталых век – и тяжело вздыхают...

сочинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
Но тикают часы, весна сменяет
Одна другую, розовеет небо,

Меняются названья городов,
И нет уже свидетелей событий,
И не с кем плакать, не с кем вспоминать.
И медленно от нас уходят тени,
Которых мы уже не призываем,
Возврат которых был бы страшен нам.
И, раз проснувшись, видим, что забыли
Мы даже путь в тот дом уединенный,
И, задыхаясь от стыда и гнева,
Бежим туда, но (как во сне бывает)
Там все другое: люди, вещи, стены,
И нас никто не знает – мы чужие.
Мы не туда попали... Боже мой!
И вот когда горчайшее приходит:
Мы сознаем, что не могли б вместить
То прошлое в границы нашей жизни,
И нам оно почти что так же чуждо,
Как нашему соседу по квартире,
Что тех, кто умер, мы бы не узнали,
А те, с кем нам разлуку Бог послал,
Прекрасно обошлись без нас – и даже
Все к лучшему...
5 февраля 1945 1950-е годы ?
Фонтанный Дом

ОСВОБОЖДЕННАЯ
Чистый ветер ели колышет,
Чистый снег заметает поля.
Больше вражьего шага не слышит,
Отдыхает моя земля.
18 февраля 1945
102 I Анна Ахматова. С обра:
нне сочинении
Победа у наших стоит дверей...
Как гостью желанную встретим?
Пусть женщины выше поднимут детей,
Спасенных от тысячи тысяч смертей, –
Так мы долгожданной ответим.
До 20 мая 1945

В МАЕ
Сталинградской страды
Золотые плоды:
Мир, довольство, высокая честь,
И за каждым окном
Шелестит ветерком
Нам о радости будущей весть.
Май 1945
104 I

Навстречу знаменам, навстречу полкам
Вернувшейся армии нашей
Пусть песня победы летит к облакам,
Пусть чаша встречается с чашей.
И грозную клятву мы ныне даем
И детям ее завещаем,
Чтоб мир благодатный, добытый огнем,
Стал нашим единственным раем.

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
Май ? 1945

I 105

Нам есть чем гордиться и есть что беречь, –
И хартия прав, и родимая речь,
И мир, охраняемый нами.
И доблесть народа, и доблесть того,
Кто нам и родней, и дороже всего,
Кто – наше победное знамя!
Май ? 1945

Пусть грубой музыки обрушится волна,
Пусть хриплый марш пересечет молчанье.
Мне праздником всегда казалось окончанье
Чего б то ни было, но твой конец, война,
Меня оледенил...
Май ? 1945

I 107

И очертанья «фауста» вдали
Как города, где много черных башен,
И колоколен с гулкими часами,
И полночей, наполненных грозю,
И старичков с не гетевской судьбою,
Шарманщиков, менял и букинистов,
Кто вызвал черта, кто с ним вел торговлю
И обманул его, а нам в наследство
Оставил эту сделку...
И выли трубы, зазывая смерть,
Пред смертью смычки благоговели,
Когда какой-то странный инструмент
Предупредил, и женский голос сразу
Ответствовал. И я тогда проснулась.
8 августа 1945

108 I

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые.
Тютчев
Н.А. Ольшевской
Меня, как реку,
Жестокая эпоха повернула.
Мне подменили жизнь, в другое русло,
Мимо другого потекла она,
И я своих не знаю берегов.
О, как я много зрелищ пропустила,
И занавес вздымался без меня
И так же падал.
Сколько я друзей
Своих ни разу в жизни не встречала.
О, сколько очертаний городов
Из глаз моих могли бы вызвать слезы,
А я один на свете город знаю
И ощупью его во сне найду.
О, сколько я стихов не написала,
И тайный хор их бродит вокруг меня
И, может быть, еще когда-нибудь
Меня задушит...
Мне ведомы начала и концы,
И жизнь после конца, и что-то,
О чем теперь я лучше промолчу.

И женщина какая-то мое
Единственное место заняла,
Мое законнейшее имя носит,
Оставивши мне кличку, из которой
я сделала, пожалуй, все, что можно...
Я не в свою, увы, могилу лягу.
Но иногда весенний шалый ветер,
Иль сочетанье слов в случайной книге,
Или улыбка чья-то вдруг потянут
меня в несостоявшуюся жизнь.
В таком году произошло бы то-то,
А в этом – это:
ездить, видеть, думать,
И вспоминать, и в новую любовь
входить, как в зеркало, с тупым сознанием
измены и еще вчера не бывшей
морщинкой...
Но если бы оттуда посмотрела
я на свою теперешнюю жизнь,
я б умерла от зависти...
2 сентября 1945
Ленинград, Фонтанный Дом
(Задумано еще в Ташкенте)
110

ПАМЯТИ ДРУГА
И в День Победы, нежный и туманный,
когда заря, как зарево, красна,
вдовою у могилы безымянной
хлопочет запоздалая весна.
Она с колен подняться не спешит,
дохнет на почку и траву погладит,
и бабочку с плеча на землю ссадит,
и первый одуванчик распушит.
8 ноября 1945 (ночь)

Как у облака на краю,
вспоминаю я речь твою,
а тебе от речи моей
стали ночи светлее дней.
Так, отторгнутые от земли,
высоко мы, как звезды, шли.
Ни отчаяния, ни стыда
ни теперь, ни потом, ни тогда.
Но живого и наяву,
слышишь ты, как тебя зову.
И ту дверь, что ты приоткрыл,
мне захлопнуть не хватит сил.
26 ноября 1945
112 I

Истлевают звуки в эфире,
и заря притворилась тьмой.
В навсегда онемевшем мире
два лишь голоса: твой и мой.
И под ветер с незримых ладог,
сквозь почти колокольный звон,
в легкий блеск перекрестных радуг
разговор ночной превращен.
20 декабря 1945

я не любила с давних дней,
чтобы меня жалели,
А с каплей жалости твоей
Иду, как с солнцем в теле.
Вот отчего вокруг заря.
Иду я, чудеса творя,
Вот отчего!
20 декабря 1945

Кого когда-то называли люди
Царем в насмешку, Богом в самом деле,
кто был убит и чье орудье пытки
Согрето теплотой моей груди...
Вкусили смерть Свидетели Христовы,
И сплетницы-старухи, и солдаты,
И прокуратор Рима – все прошли.
Там, где когда-то возвышалась арка,
Где море билось, где чернел утес, –
Их выпили в вине, вдохнули с пылью жаркой
И с запахом блаженных роз.
Ржавеет золото и истлевает сталь,
Крошится мрамор – к смерти все готово.
Всего прочнее на земле печаль
И долговечней – царственное Слово.
1945

I 115
На стеклах нарастает лед.
Часы твердят: «Не трусь!»
Услышать, что ко мне идет,
И мертвой я боюсь.
Как идола, молю я дверь:
«Не пропускай беду!»
кто воеет за стеной, как зверь,
Что прячется в саду?
1945
Фонтанный Дом
116 I

Это рысьи глаза твои, Азия,
что-то высмотрели во мне,
что-то выдразнили подспудное,
И рожденное тишиной,
И томительное, и трудное,
Как полдневный термезский зной.
Словно вся прапамять в сознание
Раскаленной лавой текла,
Словно я свои же рыдания
Из чужих ладоней пила.
1945

Знаешь сам, что не стану славить
Нашей встречи горчайший день.
Что тебе на память оставить,
Тень мою? На что тебе тень?
Посвященье сожженной драмы,
От которой и пепла нет,
Или вышедший вдруг из рамы
Новогодний страшный портрет?
Или слышимый еле-еле
Звон березовых угольков,
Или то, что мне не успели

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
Досказать про чужую любовь?
6 января 1946
118 I

Не дышали мы сонными маками,
И своей мы не знаем вины.
Под какими же звездными знаками
Мы на горе себе рождены?
И какое кромешное варево
Поднесла нам январская тьма?
И какое незримое зарево
Нас до света сводило с ума?
// января 1946

И увидел месяц лукавый,
Притаившийся у ворот,
Как свою посмертную славу
Я меняла на вечер тот.
Теперь меня позабудут,
И книги сгниют в шкафу.
Ахматовской звать не будут
Ни улицу, ни строфу.
27 января 1946
Ленинград
120 I

ВО СНЕ
Черную и прочную разлуку
я несу с тобою наравне.
Что ж ты плачешь? Дай мне лучше руку,
Обещай опять прийти во сне.
Мне с тобою как горе с горою...
Мне с тобой на свете встречи нет.
Только б ты полночного порою
Через звезды мне прислал привет.
15 февраля 1946

I 121
ВТОРАЯ ГОДОВЩИНА
Нет, я не выплакала их.
Они внутри скипелись сами.
И все проходит пред глазами
давно без них, всегда без них.
Без них меня томит и душит
Обиды и разлуки боль.
Проникла в кровь – трезвит и сушит
Их всежигающая соль.
Но мнится мне: в сорок четвертом,
И не в июня ль первый день,
Как на шелку возникла стертом
Твоя страдальческая тень.
Еще на всем печать лежала
Великих бед, недавних гроз, –
И я свой город увидала
Сквозь радугу последних слез.
/ июня 1946
Ленинград
Ш I

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА БЛОКА
Он прав – опять фонарь, аптека,
Нева, безмолвие, гранит...

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat

Как памятник началу века,
Там этот человек стоит –
Когда он Пушкинскому Дому,
Прощаясь, помахал рукой
И принял смертную истому
Как незаслуженный покой.
7 июня 1946

\123

НАЯВУ

И время прочь, и пространство прочь,
Я все разглядела сквозь белую ночь:
И нарцисс в хрустале у тебя на столе,
И сигары синий дымок,
И то зеркало, где, как в чистой воде,
Ты сейчас отразиться мог.
И время прочь, и пространство прочь...
Но и ты мне не можешь помочь.

13 июня 1946

124 I

НАДПИСЬ НА ПОРТРЕТЕ

Т. Вечесловой

Дымное исчадье полнолуния,
Белый мрамор в сумраке аллея,
Роковая девочка, плясунья,
Лучшая из всех камей.
От таких и погибали люди,
За такой Чингиз послал посла,
И такая на кровавом блюде
Голову Крестителя несла.

15 июня 1946

Фонтанный Дом

Со шпаной в канавке
Возле кабака,
С пленными на лавке
Гру-зо-ви-ка.

Под утренним туманом
Над Москвой-рекой,
С батькой-атаманом
В петельке тугой, –
Я была со всеми,
С этими и с теми,
А теперь осталась
Я сама с собой...

Август 1946

Фонтанный Дом

126 I

Дорогою ценой и нежданной
Поняла я, что помнишь и ждешь.
А быть может, и место найдешь
Ты – могилы моей безымянной.

Август 1946

Фонтанный Дом

В каждом древе распятый Господь,
В каждом колосе тело Христово,
И молитвы пречистое слово
Исцеляет болящую плоть.

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
1946
128 I

Дострадать до огня над могилой.
1946

112
9Б. Пастернаку
И снова осень валит Тамерланом,
В арбатских переулках тишина.
За полустанком или за туманом
Дорога непроезжая черна.
Так вот она, последняя! И ярость
Стихает. Все равно что мир оглох...
Могучая Евангельская старость
И тот горчайший Гефсиманский вздох.
1947
Ленинград. Фонтанный Дом
130 I

Я всем прощение дарую
И в Воскресение Христа
Меня предавших в лоб целую,
А не предавшего – в уста.
1947 или 1948 (на Пасху)
Москва

Б. Пастернаку
Здесь все тебе принадлежит по праву,
Стеной стоят дремучие дожди.
Отдай другим игрушку мира–славу,
Иди домой и ничего не жди.
1947 1958?

Удивляйтесь, что была печальней
Между молотом и наковальней,
Чем когда-то в юности была...
После 1948

I 133
КОЛЫБЕЛЬНАЯ
Я над этой колыбелью
Наклонилась черной елью.
Бай, бай, бай, бай!
Аи, аи, аи, аи...
Я не вижу сокола
Ни вдали, ни около.
Бай, бай, бай, бай!
Ай, ай, ай, ай...
26 августа 1949 (днем)
Фонтанный Дом
134 I

ПАДЕНИЕ БЕРЛИНА
(В кино)
Я в два часа четыре долгих года
Вновь прожила.
Дыханье затая,
Я видела,

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat

о Родина моя,
Как спасена была твоя свобода.
... Пересекая чуждые равнины,
Шли наши танки, как идет судьба...
И русской песни голос соловьиный
Плыл в музыке...
И все, что нам мерещилось в тумане,
Что виделось сквозь мрак военной ночи
(В Саратове, в Челябинске и в Сочи), –
Все ожило пред нами на экране.
Историей прославленные дни
Незабываемы, –
уже не дни, а даты,
В дыму Берлин,
на штурм идут солдаты,
–

9Последний штурм...
И вспыхнули огни.
И с отзвуком далекого раската
Блаженная настала тишина,
И радость встреч,
и нет тебя, война!
Мир – миру!
Октябрь 194
9Москва
136 I

21 ДЕКАБРЯ 1949 ГОДА
Пусть миру этот день запомнится навеки,
Пусть будет вечности завещан этот час.
Легенда говорит о мудром человеке,
Что каждого из нас от страшной смерти спас.
Ликует вся страна в лучах зари янтарной,
И радости чистейшей нет преград, –
и древний Самарканд, и Мурманск заполярный,
и дважды Сталиным спасенный Ленинград
В день новолетия учителя и друга
Песнь светлой благодарности поют, –
Пускай вокруг неистовствует выюга
Или фиалки горные цветут.
И вторят городам Советского Союза
Всех дружеских республик города
И труженики те, которых душат узы,
Но чья свободна речь и чья душа горда.
И вольно думы их летят к столице славы,
К высокому Кремлю – борцу за вечный свет,
Откуда в полночь гимн несется величавый
И на весь мир звучит, как помощь и привет.
21 декабря 194

9

9И Вождь орлиными очами
Увидел с высоты Кремля,
Как пышно залита лучами
Преображенная земля.
И с самой середины века,
Которому он имя дал,
Он видит сердце человека,
Что стало светлым, как кристалл.
Своих трудов, своих деяний
Он видит спелые плоды,
Громады величавых зданий,
Мосты, заводы и сады.
Свой дух вдохнул он в этот город,
Он отвратил от нас беду, –
Вот отчего так тверд и молод

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat

Москвы необоримый дух.
И благодарного народа
Вождь слышит голос:
«Мы пришли
Сказать, – где Сталин, там свобода,
Мир и величие земли!»
декабрь 194
9

1950
Пятидесятый год – как бы водораздел,
Вершина славного невиданного века,
Заря величия, свидетель мудрых дел,
Свершенных волей человека.
Там – в коммунизм пути, там юные леса,
Хранители родной необозримой шири,
И, множась, дружеские крепнут голоса,
Сливаясь в песнь о вечном мире.
Там волны наших рек нетерпеливо ждут
Великолепное цветущее мгновенье,
Когда они степям бесплодным понесут
От черствой засухи спасенье.
А тот, кто нас ведет дорогою труда,
Дорогою побед и славы неизменной, –
Он будет наречен народом навсегда
Преобразителем. вселенной.
декабрь 194
9

Где дремала пустыня – там ныне сады,
Поля и озерная гладь.
Мы раз навсегда сотрем следы
Войны, –
чтоб жизнь созидать.
И нам не страшна зарубежная ложь,
Мы правдой своей сильны.
Он создан уже –
великий чертёж
Грядущего нашей страны.
194
9140 I

КЛЕВЕТНИКАМ

I
Напрасно кровавою пеленой
Вы страну нашу мните покрыть, –
Восстанут народы живой стеной
И скажут:
«Тому не быть!»
Уже полмиллиарда новых друзей
Прислали нам свой привет,
И в старой Европе все больше людей,
Которым с каждой минутой ясней,
Откуда приходит свет.
194
9II
Когда б вы знали, как спокойно
Здесь трудовая жизнь течет,
Как вдохновенно, как достойно
Страна великая живет,
–

I 141
Как все здесь говорит о мире,
Восходят новые леса,
Все полнозвучнее и шире

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat

Звучат поэтов голоса,
Осуществленную мечтою
И счастьем полон каждый час,
... А вы постыдной клеветою
Себя унижите – не нас!
194
9142 I

Так в великой нашей Отчизне
На глазах наших стал человек
Настоящим хозяином жизни,
Повелителем гор и рек,
Это он осушил трясины,
Черный ветер он задушил,
Города свои в сад соловьиный
Это он,
трудясь, превратил.
И цветут лимонные рощи,
Солнцем радости озарены...
Не от слабости, а от мощи
Стал он грозным врагом войны.
И в устах его мудрое слово,
Лучезарное слово –
мир, –
что звучит как благовест новый,
Над простыми летя людьми,
что звездой путеводной светит
Среди зарубежной тьмы
И ответ всех народов встретит:
«Мира ищем и жаждем мы!»
194
9

143

МОСКВЕ
Москва... как много в этом звуке...
Пушкин
Как молодеешь ты день ото дня,
Но остаешься всегда неизменной,
Верность народу и правде храня,
Жаркое сердце вселенной!
Слышны в раскатах сирен трудовых
Отзвуки славы московской...
Горький здесь правде учил молодых,
Жизнь прославлял Маяковский.
Плавный твой говор, рассвет голубой,
Весен твоих наступленье!
Солнечный праздник нам – встреча с тобой.
Мыслей и чувств обновленье.
194
9144

ТОСТ

За эти пламенные зори,
За первый день твой, месяц май!
За тех, кто в воздухе и в море
Родимый охраняет край,
За то, чтобы в советской школе
Звенели голоса детей,
За вновь распаханное поле,
За наших доблестных друзей,
За целостность драгоценных всходов
Великих мыслей и трудов,
За то, чтоб воля всех народов
Сковала происки врагов!
1949 – 1 мая 1950

9ПОДЖИГАТЕЛЯМ
И чем грозите вы?
Пожаром?
Уничтожением детей?
Но знайте: не пройдет вам даром
Яд клеветнических речей.
Одним порывом благородным
Фронт мира создан против вас,
И труженику стать свободным
Приходит долгожданный час.
1949 Июнь – ноябрь 1950
146 I Анна Ахматова. Собр;
ание сочинении
Любовь всех раньше станет смертным прахом,
Смирится гордость, и умолкнет лесть.
Отчаянье, приправленное страхом,
Почти что невозможно перенести.
Конец 1940-х – начало 1950-х годов ?

-е гг. I 147
И снова мадам Рекамье хороша
И Гете, как Вертер, юн.
1940-е годы ?
148 I

Прошло пять лет, – и залечила раны,
Жестоким нанесенным войной,
Страна моя,
и русские поляны
Опять полны студеной тишиной.
И маяки сквозь мрак приморской ночи,
Путь указуя моряку, горят,
На их огонь, как в дружеские очи,
Далеко с моря моряки глядят.
Где танк гремел – там ныне мирный трактор,
Где выл пожар – благоухает сад,
И по изрытому когда-то тракту
Автомобили легкие летят.
Где елей искалеченные руки
Взывали к мщению – зеленеет ель,
И там, где сердце ныло от разлуки, –
Там мать поет, качая колыбель.

1ы стала вновь могучей и свободной,
Страна моя!
Но живы навсегда
В сокровищнице памяти народной
Войной испепеленные года.
Для мирной жизни юных поколений,
От Каспия и до полярных льдов,
Как памятники выжженных селений,
Встают громады новых городов.
Май 1950
150 I

1 июня 1950
Пусть дети запомнят сегодняшний день
Студеный, прохладный, погожий
[В садах городских зацветает сирень]
И лип молодых чуть заметная тень
легла на гранитные плиты.

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
И в рупоре голос ребенка звенит
Который на помощь зовет и кричит
Май–июнь 1950

ГОВОРЯТ ДЕТИ

В садах впервые загорелись маки,
И лету рад и вольно дышит город
Приморским ветром свежим и соленым.
По рекам лодки пестрые скользят,
И юных липок легонькие тени –
Пришелиц милых на сухом асфальте –
Как свежая улыбка...
Вдруг горькие ворвались в город звуки,
Из хора эти голоса – из хора сирот, –
И звуков нет возвышенной и чище,
Не громкие, но слышны на весь мир.
И в рупоре сегодня этот голос
Пронзительный, как флейта.
Он несется
Из-под каштанов душного Парижа,
Из опустевших рейнских городов,
Из кима древнего.
И он доходчив,
Как жаворонка утренняя песня.
Он – всем родной и до конца понятный...
О, это тот сегодня говорит,
I

Кто над своей увидел колыбелью
Безумьем искаженные глаза,
Что прежде на него всегда глядели
Как две звезды, –
и это тот,
кто спрашивал:
«Когда отца убили?»
Ему никто не смеет возразить,
Остановить его и переспорить...
Вот он, светлоголовый, ясноглазый,
Всеобщий сын, всеобщий внук.
Клянемся,
Его мы сохраним для счастья мира!
/ июня 1950

\153

КОРЕЯ В ОГНЕ

I
Где ароматом веяли муссоны
Над зарослью густою и зеленой, –
Там тополя, как факелы, чадят,
Алмазных гор сияющие склоны
Едва в дыму пожарища сквозят.
Где ласточки, в лучах заката рея,
Кружились –
и блаженствовал закат, –
Там сироты в пустых полях Кореи
В родное небо с ужасом глядят.
И хочется на помощь звать скорее...
Не может быть, чтоб длился этот ад!

II

Воды не хватит в Тихом океане,
Чтоб эту кровь невинную отмыть,

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat

И женщинам корейским не забыть
Своих детей, игравших на поляне.
... А их заокеанские соседи,
Погрязшие в непоправимом бреде,
Еще вопят о правоте своей, –
Убийцы и мучители детей.
Но миру явны злодеянья эти,
И нет угла такого на планете,
Где не звучал бы, как подземный гул,
Твой грозный зов, растерзанный Сеул!
И как восходят в небесах созвездья,
Как океанский близится прилив,
Так он придет –
великий день возмездья,
Своим лучом Корею озарив.
После 27 июня–ноябрь 1950

СТОКГОЛЬМСКАЯ ХАРТИЯ
Бессмертен день, когда одною грудью
Страна труда восстала против зла
И молвила:
– Бесчестным людям
Не дам творить кровавые дела!
Кто хартию Стокгольмскую подпишет
И кто бороться до конца готов,
Он в этот миг великий зов услышит –
То эхо миллионов голосов, –
Оно к своим врагам неумолимо,
Оно не замолчит и не простит,
А каждое подписанное имя
Как новый шаг по верному пути.
30 июня 1950
Ленинград
156 I

В ПИОНЕРЛАГЕРЕ
Ане Каминской
Здравствуй, племя младое,
незнакомое!..
Пушкин
Как будто заблудившись в нежном лете,
Бродила я вдоль липовых аллей
И увидала, как плясали дети
Под легкой сеткой молодых ветвей.
Среди деревьев этот резвый танец,
И сквозь загар пробившийся румянец,
И быстрые движенья смуглых рук
На миг заморозили все вокруг.
Алмазами казались солнца блики,
Волшебный ветерок перелетал
И то лесною веял земляничкой,
То соснами столетними дышал.
Под ярко-голубыми небесами
Огромный парк был полон голосами,
И даже эхо стало молодым...
... Там дети шли с знаменами своими,
И Родина сама,
любуюсь ими,
С улыбкою чело склонила к ним.
Июль 1950
Павловск

ПЕСНЯ МИРА

Качаясь на волнах эфира,
Минуя горы и моря,
Лети, лети голубкой мира,
О песня звонкая моя!
И Расскажи тому, кто слышит,
Как близок долгожданный век,
Чем нынче и живет и дышит
В твоей отчизне человек.
Ты не одна – их будет много,
С тобой летящих голубей, –
Вас у далекого порога
Ждет сердце ласковых друзей.
Лети в закат багрово-алый,
В удушливый фабричный дым,
И в негритянские кварталы,
И к водам Ганга голубым.
Сентябрь 1950
158 I

ПОКОРЕНИЕ ПУСТЫНИ
Чей дух извечно-молодой
Над этим краем веял,
Пустыню напоил водой
Прохладною
и золотой
Пшеницею засеял!..
Там, где, рождаясь, суховей
С тупым упорством дул,
Сжигая дальний цвет степей, –
Там легонькая тень ветвей,
Черкез и саксаул.
Цветут хлопковые поля
И великаны тополя,
Где птица не летала.
Чья воля провела канал
Там, где верблюду изнемогал
И вихрь песчаный заметал
Иссохший труп шакала?
Сентябрь 1950

\15
9СЕВМОРПУТЬ
Чей разум угадал сквозь льды
Давно желанный путь,
Куда ничьи не шли следы,
Где замерзает ртуть,
Там каждый миг и каждый час
Всеми конец готов,
Но чуток слух и зорек глаз
Советских моряков.
Под северным сиянием,
Когда цветут снега,
Под злобным завыванием,
Когда летит пурга, –
Опаснейшей из всех дорог
Корабль доверив свой,
Не ослабел, не изнемог
Тот разум огневой!
Сентябрь 1950
160

ПРИМОРСКИЙ ПАРК ПОБЕДЫ
Еще недавно плоская коса,
Черневшая уныло в невской дельте,
как при Петре, была покрыта мхом

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat

и ледяною пеною омыта.
Скучали там две–три плакучих ивы,
и дряхлая рыбацкая ладья
в песке прибрежном грустно догнивала.
И буйный ветер гостем был единым
безлюдного и мертвого болота.

* * *

Но ранним утром вышли ленинградцы
бесчисленными толпами на взморье.
И каждый посадил по деревцу
на той косе, и топкой и пустынной,
на память о великом дне Победы.
И вот сегодня – это светлый сад,
привольный, ясный под огромным небом:
курчавятся и зацветают ветки,
жужжат шмели, и бабочки порхают,

и соком наливаются дубки,
а лиственницы нежные и липы
в спокойных водах тихого канала,
как в зеркале, любят себя...
И там, где прежде парус одинокий
белел в серебряном тумане моря, –
десятки быстрокрылых, легких яхт
на воле тешатся...

Издали
восторженные клики с стадиона
доносятся...
Да, это парк Победы.
1950

СЛАВА МИРУ!
Что начал Стокгольм – продолжала Варшава,
И миру звучит неумолчная слава,
Воздвигнуто зданье прочней пирамид.
И с каждой минутой все ярче горит
Тот светоч, зажженный народною волей,
Чтоб не было больше ни страха, ни боли.
Да здравствуют честные люди труда,
Да славится мир! Пусть везде и всегда.
Он узами дружбы скрепляет народы
И сеет прекрасные зерна свободы.
1950

I 163
P.C.F.C.P.
Первая среди равных,
Славная среди славных,
Светлых времен колыбель!
Ровно треть века
Растишь человека,
Лелея великую цель.
От края до края
Всем нам родная, –
Сказочен твой простор!
В труде и в покое
Дружны с тобою
Пятнадцать твоих сестер.
Необозрима,
Непокорима, –
Как я тобой горжусь!
Песней твоею
Сердце согрею,

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
Отчизна – Советская Русь!
1950
164 I

ВОЛГА–ДОН

В грозном вое степных ураганов,
Рассекая земную грудь,
Мимо древних скифских курганов
Волга к Дону проводит путь.
Если небо повито туманом,
Луч прожектора светел и прям,
Экскаватор живым великаном
По бескрайним шагает степям.
Что Петровской было мечтою,
Стало былью в наш мудрый век.
Здесь усилъя свои утроит,
Чтоб добиться всего, человек.
И прочнее ижевской стали
(Это значит, прочнее всего)
Слово то, что сказал нам Сталин, –
Наша слава и торжество.
Февраль 1951
Ленинград

Пять строек великих, как пять маяков,
Светящих сквозь толщу грядущих веков,
И юг озарили и жаркий восток
И в сердце народном родили восторг.
И спорится дело в умелых руках,
Вселяя в врагов изумленье и страх.
На то, как работа на стройках кипит,
Страна с материнской заботой глядит.
И видит: вцепился в пески саксаул,
И вихрь смертоносный навеки уснул,
Кочевью барханов положен предел,
Чтоб мирно великий канал голубел.
И в Крым направляются волны Днепра,
И взрывом ввергается в Волгу гора,
И чудо–плотина встает из воды,
Чтоб травы цвели и чтоб зрели плоды,

Чтоб тучные в поле бродили стада
И юные вольно росли города.
Творится и новый и радостный мир
Титанами воли – простыми людьми.
Чтоб хаос в природе навеки исчез...
А вы, создатели этих чудес,
А вы, победители в грозной борьбе! –
Вы силы стихий подчинили себе.
И ваши прославленные имена
На мраморе золотом пишет страна.
10 марта 1951
Ленинград

ТАК БУДЕТ!

Не надо нам земли чужой,
Свою мы создаем, –
И одарил ее водой
Могучий водоем.
Не засуху, не недород,
Не раскаленный прах –

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat

Благоухание несет
Здесь ветер на крылах.
Не будет больше черных бурь,
Губящих как самум,
Увидит свежую лазурь
Пустыня Кара-Кум.
И дети, ясным вечерком
В тени гоня овец,
Уже не ведают, о чем
Печально пел отец...
Но что в моей стране труда
Теперь произошло,
То лучезарным навсегда
В историю вошло.

1951
168 I

Особенных претензий не имею
Я к этому сиятельному дому,
Но так случилось, что почти всю жизнь
Я прожила под знаменитой кровлей
Фонтанного Дворца... Я нищей
В него вошла и нищей выхожу.
1952

16

9СТИХИ ИЗ НЕНАПИСАННОГО РОМАНА
Как древние в Коломенском ворота
Они стоят совсем недавно тут,
За ними – ничего, а было что-то),
Так в никуда слова мои ведут.
Но иногда люблю я распахнуть
Вот эти створки – ив далекий путь!
Иль в ближний омут – что одно и то же.
И это все совсем на смерть похоже.
После 1952 ? 1959–1962 ?

170 I

Памяти Н. Пунина
И сердце то уже не отзовется
На голос мой, ликуя и скорбя.
Все кончено... И песнь моя несется
В пустую ночь, где больше нет тебя.
После августа 1953

ОТРЫВОК

В прошлое иду я – спят граниты,
Не до шуток мне, увы, теперь.
Что там – окровавленные плиты
Или замурованная дверь,
И зовет меня последним криком
Кто-то.....
.....в исступленьи диком
Над его уже застывшим ликом
Только смерть, как добрая сестра.

1954
172 I

О ДЕСЯТЫХ ГОДАХ
Ты – победительница жизни,
И я – товарищ вольный твой.
Н. Гумилев

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
И никакого розового детства...
Веснушечек, и мишек, и игрушек,
И добрых тетей, и страшных дядь, и даже
Приятелей средь камешков речных.
Себе самой я с самого начала
То чьим-то сном казалась или бредом,
Иль отраженьем в зеркале чужом,
Без имени, без плоти, без причины.
Уже я знала список преступлений,
Которые должна я совершить.
И вот я, лунатически ступая,
Вступила в жизнь и испугала жизнь:
Она передо мною стлалась лугом,
Где некогда гуляла Прозерпина.
Передо мной, безродной, неумелой,
Открылись неожиданные двери,
И выходили люди и кричали:

\173

«Она пришла, она пришла сама!»
А я на них глядела с изумленьем
И думала: «Они с ума сошли!»
И чем сильнее они меня хвалили,
Чем мной сильнее люди восхищались,
Тем мне страшнее было в мире жить
И тем сильнее хотелось пробудиться.
И знала я, что заплачу сторицей
В тюрьме, в могиле, в сумасшедшем доме,
Везде, где просыпаться надлежит
Таким, как я, – но длилась пытка счастьем.
4 июля 1955

Москва

174 I

ЗАСТОЛЬНАЯ

Из цикла «Песенки»
Под узорной скатертью
Не видать стола.
Я стихам не матерью –
Мачехой была.
Эх, бумага белая,
Строчек ровный ряд.
Сколько раз глядела я,
Как они горят.
Сплетней изувечены,
Биты кистенем,
Мечены, мечены
Каторжным клеймом.
1955

ЛЮБОВНАЯ

Из цикла «Песенки»
А ведь мы с тобой
Не любились,
Только всем тогда
Поделились.
Тебе – белый свет,
Пути вольные,
Тебе зорюшки
Колокольные.
А мне ватничек
И ушаночку.
Не жалея меня,
Каторжаночку.

/955
176 I

Не с лирою влюбленного
Иду пленять народ,
Трещотка прокаженного
В моей руке поет.
Успеете наахаться,
И воя, и кляня,
Я научу шарахаться
Всех «смелых» – от меня.
Я не искала прибыли
И славы не ждала,
Я под крылом у гибели
Все тридцать лет жила.
25 июля 1956

СОН
Сладко ль видеть неземные сны?
А. Блок
Был вещим этот сон или не вещим...
Марс воссиял среди небесных звезд,
Он алым стал, искрящимся, зловещим, –
А мне в ту ночь приснился твой приезд.
Он был во всем... И в баховской чаконе,
И в розах, что напрасно расцвели,
И в деревенском колокольном звоне
Над чернотой распаханной земли.
И в осени, что подошла вплотную
И вдруг, раздумав, спряталась опять.
О август мой, как мог ты весть такую
Мне в годовщину страшную отдать!
Чем отплачу за царственный подарок?
Куда идти и с кем торжествовать?
И вот пишу, как прежде без помарок,
Мои стихи в сожженную тетрадь.
14 августа 1956
Старки–Москва

Ты выдумал меня. Такой на свете нет,
Такой на свете быть не может.
Ни врач не исцелит, не утолит поэт, –
Тень призрака тебя и день и ночь тревожит.
Мы встретились с тобой в невероятный год,
Когда уже иссякли мира силы,
Все было в трауре, все никло от невзгод,
И были свежи лишь могилы.
Без фонарей как смоль был черен невольский вал,
Глухая ночь вокруг стеной стояла...
Так вот когда тебя мой голос вызывал!
Что делала – сама еще не понимала.
И ты пришел ко мне, как бы звездой ведом,
По осени трагической ступая,
В тот навсегда опустошенный дом,
Откуда унеслась стихов казненных стая.
18 августа 1956
Старки

I 17
9По той дороге, где Донской
Вел рать великую когда-то,
Где ветер помнит супостата,

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat

Где месяц желтый и рогатый, –
я шла, как в глубине морской...
Шиповник так благоухал,
что даже превратился в слово,
и встретить я была готова
моей судьбы девятый вал.

20–23 августа 1956

Под Коломной

180 I

Меня влекут дороги Подмосковья,
как будто клад я закопала там,
клад этот называется любовью,
и я его тебе сейчас отдам.
И в кронах лип столетняя дремота,
и Пушкин, Герцен. Что за имена!
мы близки от такого поворота,
где вся окрестность на века видна.
А та дорога, где Донской когда-то
вел рать свою в немыслимый поход,
где ветер помнит клики супостата
и клич победы на крылах несет

20–23 августа 1956

еще говорящую трубку
она положила обратно,
и ей эта жизнь показалась
и незаслуженно долгой,
и очень заслуженно – горькой
и будто чужою. Увы!
и разговор телефонный...

август 1956

182 I

не повторяй – (душа твоя богата) –
того, что было сказано когда-то,
но, может быть, поэзия сама –
одна великолепная цитата.
19 сентября 1956

\183

ты опять со мной, подруга осень!
ин. анненский
пусть кто-то еще отдыхает на юге
и нежится в райском саду.
здесь северно очень – и осень в подруги
я выбрала в этом году.
живу, как в чужом, мне приснившемся доме,
где, может быть, я умерла,
и, кажется, тайно глядится Суоми
в пустые свои зеркала.
иду между черных приземистых елок,
там вереск на ветер похож,
и светится месяца тусклый осколок,
как финский зазубренный нож.
сюда принесла я блаженную память
последней невстречи с тобой –
холодное, чистое, легкое пламя
победы моей над судьбой.

октябрь 1956

комарове

184 I

ПЕРВАЯ ПЕСЕНКА

Таинственной невестречи
Пустынны торжества,
Несказанные речи,
Безмолвные слова.
Нескрещенные взгляды
Не знают, где им лечь.
И только слезы рады,
Что можно долго течь.
Шиповник Подмосковья,
Увы! при чем-то тут...
И это все любовью
Бессмертной назовут.
5 декабря 1956

ДРУГАЯ ПЕСЕНКА

Несказанные речи
я больше не твержу.
Но в память той невестречи
Шиповник посажу.
Как сияло там и пело
Нашей встречи чудо,
Я вернуться не хотела
Никуда оттуда.
Горькой было мне усладой
Счастье вместо долга,
Говорила с кем не надо,
Говорила долго.
Пусть влюбленных страсти душат,
Требую ответа,
Мы же, милый, только души
У предела света.
1956
Комарове
186 I

В РАЗБИТОМ ЗЕРКАЛЕ

Непоправимые слова
Я слушала в тот вечер звездный,
И закружилась голова,
Как над пылающею бездной.
И гибель выла у дверей,
И ухал черный сад, как филин,
И город, смертно обессилен,
Был Трои в этот час древней.
Тот час был нестерпимо ярок
И, кажется, звенел до слез.
Ты отдал мне не тот подарок,
Который издалека вез.
Казался он пустой забавой
В тот вечер огненный тебе.
А он был мировой славой
И грозным вызовом Судьбе.
И он всех бед моих предтеча, –
Не будем вспоминать о нем!..
Несостоявшаяся встреча
Еще рыдает за углом.
1956

I 187

Меня и этот голос не обманет,
Пора, пора вам, гость случайный, в путь,
Но, говорят, убийцу часто манит

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat

На труп еще хоть издали взглянуть.
Но говорят... Совсем не в этом дело,
Настало время отходить ко сну,
Как стрекоза крыловская, пропела
Я лето, зиму, осень и весну.
И, кажется, исполнена программа,
Есть в этом мире пожалеть о чем,
И вот идет шекспировская драма,
И страшен призрак в зеркале чужом.
Все уезжают – я должна остаться...
Стоят оледенелые года.
И с кем-то можно наспех попрощаться
У лестницы, ведущей в никуда.
Но все уже настолько очевидно
.....[я должна остаться]
Чистилищем он может оказаться
И даже хуже. Тоже может быть.
1956

... Как! Только десять лет, ты шутишь, Боже мой,
О как ты рано возвратился,
Я вовсе не ждала – ты так со мной простился
Какой-то странной и чужой зимой.
И даже посмотреть те сотни тысяч строк,
Где сказано, как я бесчестна и преступна.
1956

I 18
9ИЗ ЦИКЛА «СОЖЖЕННАЯ ТЕТРАДЬ»
Пусть мой корабль пошел на дно,
Дом превратился в дым...
Читайте все – мне все равно,
Я говорю с одним,
Кто был ни в чем не виноват,
А впрочем, мне ни сват, ни брат.
Как в сердце быть уколотым
И слышать крик: умри!
Что по фонтанке золотом
Писали фонари?
1956
190 I

И мне доказательство верности этой
Страшнее проклятий твоих.
/956 – начало 1957 ?

Пою эту встречу, пою это чудо –
Пришел ты когда-то ко мне ниоткуда,
Ушел ты, как все от меня – навсегда.
И рослые стали меж нами года.
И вдруг ты придумал сюда возвращаться,
Во все, что вокруг меня, стал воплощаться.
Я знала, кто в зеркале круглом таится,
Я знала, кто в черной фонтанке двоится,
... у меня за плечом
И я поняла – это даже не мщенье,
А просто он молит, он просит прощенья...
1956 ?

Обыкновенным было это утро

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
Московское и летнее почти что,
Была еще обыкновенной встреча:
К кому-то кто-то на часок зашел.
..И вдруг слова благоуханьем стали.
Казалось, что шиповник говорит
И голос ал, душист и свеж безмерно...
Как будто та сияющая сущность,
которая мне десять лет назад
Открылась – снова предо мной возникла.
Как будто вдруг светильники зажглись
Как те, что видел Иоанн когда-то,
И тайный хор, тот, что в листве живет
Таким был голос певший.....
Так нам его описывает Дант.
1956 ?

193

ИЗ ЛЕНИНГРАДСКИХ ЭЛЕГИЙ
О! из какой великолепной тьмы,
Из самой окончательной разлуки
Вернуться можно – я узнала это.
Сегодня был обыкновенный день
.....и человек тот был тобой.
И ты назвал запретнейшие даты,
Ие имена назвал.
Ты говорил о том, о чем помыслить
уже невысказано. И ты пришел сказать,
что ты дал клятву и ее исполнил.
[И снова ты ушел – теперь навеки].
И это было так прекрасно,
Так бескорыстно, так великодушно!
.....и чистотой посмертной
Звучал твой голос – в бездны чистоты,
Казалось мне, я окунула душу.
1956 ?
Запретнейш

Забудут? – вот чем удивили,
Меня забывали сто раз,
Сто раз я лежала в могиле,
Где, может быть, я и сейчас.
А Муза и глохла и слепа,
В земле истлевала зерном,
Чтоб снова, как феникс из пепла,
В эфире восстать голубом.
21 февраля 1957
Ленинград

Вижу я,
Лебедь тешится моя.
Пушкин
Ты напрасно мне под ноги мечешь
И величье, и славу, и власть.
Знаешь сам, что не этим излечишь
Песнопения светлую страсть.
Разве этим развеешь обиду?
Или золотом лечат тоску?
Может быть, я и сдамся для виду.
Не притронусь я дулом к виску.
Смерть стоит все равно у порога.
Ты гони ее или зови,
А за нею темнеет дорога,
По которой ползла я в крови,

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat

А за нею десятилетия
Скуки, страха и той пустоты,
О которой могла бы пропеть я,
Да боюсь, что расплачешься ты.
Что ж, прощай. Я живу не в пустыне.
Ночь со мной и всегдашняя Русь.
Так спаси же меня от гордыни.
В остальном я сама разберусь.
8 апреля 1957
Москва, Ордынка

О. Мандельштаму
Я над ними склонюсь, как над чашей,
В них заветных заметок не счесть –
Окровавленной юности нашей
Это черная нежная весть.
Тем же воздухом, так же над бездной
Я дышала когда-то в ночи,
В той ночи и пустой и железной,
Где напрасно зови и кричи.
О, как пряно дыханье гвоздики,
Мне когда-то приснившейся там, –
Это кружатся Эвридики,
Бык Европу везет по волнам.
Это наши проносятся тени
Над Невой, над Невой, над Невой,
Это плещет Нева о ступени,
Это пропуск в бессмертие твой.
Это ключики от квартиры,
О которой теперь ни гу-гу...
Это голос таинственной лиры,
На загробном гостящей лугу.
5–10 мая 195 7 5 июля 1957
Москва Комарове

I 197
Я подымаю трубку. Я называю город.
Мне отвечает голос, – какого на свете нет...
Я не так одинока, проходит смертельный холод.
Нежный вокруг струится, едва голубея, свет.
Я говорю: «О Боже, кто мог бы еще... не верю,
что будет такая встреча в эфире двух голосов».
И ты отвечаешь: «Долго ж ты помнишь свою потерю,
я даже в смерти услышу твой, ангел мой, дальний зов».
Но, Боже, вместо ответа на то, что тебя спросила,
Вся холодея от страха,
Свой собственный слышу стон...
Все в комнате как обычно,
А пол под ногой как плаха,
И, как орудие пытки,
На круглом столе чернеет,
Застыв навек, телефон.
19 июня 1957
198 I

АВГУСТ

Он и праведный, и лукавый,
И всех месяцев он страшней:
В каждом августе, Боже правый,
Столько праздников и смертей.
Разрешенье вина и елея...
Спас, Успение... Звездный свод!..
Вниз уводит, как та аллея,
Где остаток зари алеет,

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat

В беспредельный туман и лед
Вверх, как лестница, он ведет.
Притворялся лесом волшебным,
Но своих он лишился чар.
Был надежды «напитком целебным»
В тишине заполярных нар...
А теперь! Ты, новое горе,
Душишь грудь мою, как удав...
И грохочет Черное море,
Изголовье мое разыскав.
27 августа 1957
Комарове

I 1
99ЭПИГРАММА
Могла ли Биче словно Дант творить,
Или Лаура жар любви восславить?
Я научила женщин говорить...
Но, Боже, как их замолчать заставить!
Лето 1957
Комарове
200 I

МУЗЫКА
Дд. Шостаковичу
В ней что-то чудотворное горит,
И на глазах ее края гранятся.
Она одна со мною говорит,
Когда другие подойти боятся.
Когда последний друг отвел глаза,
Она была со мной в моей могиле
И пела, словно первая гроза,
Иль будто все цветы заговорили.
10 сентября 1957

I 201
Все, – кого и не звали, – в Италии,
Шлют домашним сердечный привет,
Я осталась в моем Зазеркалий,
Где ни света, ни воздуха нет,
Где за красными занавесками
Все навек повернулось вверх дном...
Так не буду с леонардесками
Переглядываться тайком,
И дышать тишиною запретною
Никогда мной не виданных мест,
И мешаться с толпою несметною
Крутолобых христовых невест.
26 сентября 1957 16 апреля 1963
7 февраля 1958 (окончено)
Москва

Этой ивы листья в девятнадцатом веке увяли,
Чтобы в строчке стиха серебриться свежее стократ.
Одичалые розы пурпурным шиповником стали,
А лицейские гимны все так же заздравно звучат.
Полстолетья прошло... Щедро взыскана дивной
судьбою,
я в беспамятстве дней забывала течение годов, –
и туда не вернусь! Но возьму и за Лету с собою
Очертанья живые моих царскосельских садов.
5 октября 1957
Москва

I 203

Не мудрено, что похоронным звоном
Звучит порой непокоренный стих.
Пустынно здесь! – Уже за Флегетоном
Три четверти читателей моих.
А вы, друзья! – Осталось вас немного,
Мне оттого вы с каждым днем милей...
Какой короткой сделалась дорога,
Которая казалась всех длинней.
3 марта 1958
Болшево. Комната № 7
204 I

РИСУНОК НА КНИГЕ СТИХОВ

Он не траурный, он не мрачный,
Он почти как сквозной дымок,
Полуброшенной новобрачной
Черно-белый легкий веночек.
А под ним тот профиль горбатый,
И парижской челки атлас,
И зеленый, продолговатый,
Очень зорко видящий глаз.
23 мая 1958

I 205

Позвони мне хотя бы сегодня,
Ведь ты все-таки где-нибудь есть,
А я стала безродных безродней
И не слышу крылатую весть.
9 июня 1958
206 I

ПРИМОРСКИЙ СОНЕТ

Здесь всё меня переживет,
Всё, даже ветхие скворешни
И этот воздух, воздух вешний,
Морской свершивший перелет.
И голос вечности зовет
С неодолимостью нездешней,
И над цветущею черешней
Сиянье легкий месяц льет.
И кажется такой нетрудной,
Белея в чаще изумрудной,
Дорога не скажу куда...
Там средь стволов еще светлее,
И все похоже на аллею
У Царскосельского пруда.
16-17 июня 1958
Комарова

207

«И кто-то приказал мне: «Говори,
Припомни все...»
Леон Фелипе – «Дознанье»
Кому и когда говорила,
Зачем от людей не таю,
Что каторга сына сгноила,
Что Музу засекли мою.
Я всех на земле виноватей,
кто был и кто будет, кто есть.
И мне в сумасшедшей палате
Валяться – великая честь.

Одичалая и немая,
Это близисься ты, Седьмая!
Июнь 1958

\20

Из СЕДЬМОЙ СЕВЕРНОЙ ЭЛЕГИИ
... А я молчу – я тридцать лет молчу.
Молчание арктическими льдами
Стоит вокруг бессчетными ночами,
Оно идет гасить мою свечу.
Так мертвые молчат, но то понятно
И менее ужасно...
Мое молчанье слышится повсюду,
Оно судебный наполняет зал,
И самый гул молвы перекричат
Оно могло бы и, подобно чуду,
Оно на все кладет свою печать.
Оно во всем участвует, о Боже! –
Кто мог придумать мне такую роль!
Стать на кого-нибудь чуть-чуть похожей –
О Господи! – мне хоть на миг позволь!
И разве я не выпила цикуту,
Так почему же я не умерла,
Как следует – в ту самую минуту.
Мое молчанье в музыке и в песне
И в чьей-то омерзительной любви,
В разлуках, в книгах____В том, что неизвестней
Всего на свете.

Я и сама его подчас пугаюсь,
Когда оно всей тяжестью своей
Теснит меня, дыша и надвигаясь:
Защиты нет, нет ничего – скорей!
Кто знает, как оно окаменело,
Как выжгло сердце и каким огнем,
Подумаешь! – кому какое дело,
Всем так уютно и привычно в нем.
Его со мной делить согласны все вы,
Но все-таки оно всегда мое.
Оно почти мою сожрало душу,
Оно .мою уродует судьбу,
Но я его когда-нибудь нарушу,
Чтоб смерть позвать к позорному столбу.
Июнь 1958 1964

Ленинград, Красная Конница
Том 2. Стихотворения, 1958 I 211
ЛИРИЧЕСКИЕ ОТСТУПЛЕНИЯ
СЕДЬМОЙ ЭЛЕГИИ

1) Пауки в окне.

А у присяжных то же изумленье
В глазах застыло – тридцать пятый год.
Я их любила за единодушие,
За полную готовность присудить
Меня к чему угодно...
В инфаркте выносили прокуроров,
Десятки лет искали адвоката,
Он где-то был, вот здесь, почти сейчас.
И третье поколение конвойных
Винтовку лихо ставило к ноге.
Как хорошо теперь – защитник будет,
И можно, значит, беззаботно спать.

Нет, умер он от старости, и это
Был не он, а кто-то в маске...
Скамейка подсудимых.....
Была мне всем: больничной койкой
И театральной ложей...
Но, может быть, о ней уже довольно.
Я пропотелый ватник и калоши
Высокие – ношу тридцатый год.
И муху, что ползет по лбу, не сгонишь.
...У кого-то рождались дети, кто-то получал вы-
сокие награды – кто-то умер, а я еще вдыхала дух
махорки и крепкий душный запах сапог солдатских.
212

И страшный голос протокол читал, и всем каза-
лось – это человек, а это черный рупор надрывался и
повторял все те же тридцать фраз все тридцать лет. Все
помнили все это наизусть, все с каждой сроднились
запятою.
Я защищаю
Не голос, а молчание мое.
И я не знаю – лето за окном,
Иль моросит холодный серый дождик,
Иль май идет и расцвела сирень,
Та белая – что обо мне забыла,
Как все и всё...
А я сию – опять слюну глотаю
От голода. – А рупор говорит.
Я узнаю, какой была я скверной
В таком году, как после становилась
Еще ужасней.
Как в тридцать лет считалась стариком, а в трид-
цать пять обманами и лестью кого-то я в Москве уго-
ворила прийти послушать мой унылый бред, как дочь
вождя мои читала книги и как отец был горько пора-
жен.
О сказочка про белого бычка!
Мне кажется, что тот бычок обязан

I .
В моем гербе найти себе покой.
А после выступают стукачи...
Их было много, и они казались
Всех благородней, сдержанней, скромнее
С каким достоинством, с каким умением
И.....они себя держали.
Июнь ? 1958

Ты кто-то из прежней жизни,
А кто – не вспомнить теперь...
На чьей мы скорбели тризне,
В какой мы гибли отчизне,
Зачем мне стучишься в дверь?
Из каких ты склубился бредней
И какого ты ждешь венца?
Уж не ты ль тот самый – последний,
Который после конца
В последнюю речь подсудимой
Мои превратили стихи.
После июня ? 1958

Он не друг и не враг и не демон

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat

Кто он, что он, и с кем он, и где он
Помнит все, что нельзя позабыть.
Не его я когда-то губила
И не траурный хор востепенулся
В милой вечности, там средь ветвей –
Это он осторожно коснулся
Заколдованной жизни моей.
И в последнюю речь подсудимой
Все мои превращает стихи.
После июня ? 1958

Пусть кто-нибудь сюда придет,
Мне эта тишь невыносима
И этот призрак, что незримо
Со мною ест, со мною пьет.
И улыбается слегка,
Когда неловкая рука
Его нечаянно заденет.
Но, Боже мой, зачем он тут
И кто он, как его зовут
2 июля 1958? Коней, 1950-х годов
Комарово

ПРИ МУЗЫКЕ
Не теряйте отчаянья.
Н. Пунин
Опять проходит полонез Шопена,
О Боже мой! – как много вееров,
И глаз потупленных, и нежных ртов,
Но как близка, как шелестит измена.
Тень музыки мелькнула по стене,
Но прозелени лунной не задела.
О, сколько раз вот здесь я холодела
И кто-то страшный мне кивал в окне.
И как ужасен взор безносых статуй,
Но уходи и за меня не ратуй,
И не молись так горько обо мне...
И голос из тринадцатого года
Опять кричит: Я здесь, я снова твой...
Мне ни к чему ни слава, ни свобода,
Я слишком знаю... но молчит природа,
И сыростью пахнуло гробовой.
20 июля 1958
Комарово
218 I

М.М. Зощенко
Словно дальнему голосу внемлю,
А вокруг ничего, никого.
В эту черную добрую землю
Вы положите тело его.
Ни гранит, ни плакучая ива
Прах легчайший не осенят,
Только ветры морские с залива,
Чтоб оплакать его, прилетят...
Июль ? 1958
Комарове

I 21
9ИМЯ
(А.А.А.)
По существу же это страшный крик

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
младенческий, прискорбный и смертельный.

И. Бродский
Татарское, дремучее
Пришло из никогда,
К. любой беде липучее,–
Само оно – беда.
Лето 1958 1963
Комарове
220 I

Вы меня, как убитого зверя,
На кровавый подымете крюк,
Чтоб, хихикая и не веря,
Иноземцы бродили вокруг
И писали в почтенных газетах,
Что мой дар несравненный угас,
Что была я поэтом в поэтах,
Но мой пробил тринадцатый час.
1958 ? – 1 апреля 1964
Комарово

\221
СТИХИ ИЗ НЕНАПИСАННОГО РОМАНА
У кого-то.....есть
.....дом и честь,
У кого-то муж и друг,
Кто-то тайный входит в круг,
Кто-то ждет у поворота,
Чтобы умертвить кого-то.
У кого-то ничего,
Кроме голоса его,
Что без толку ночью ноет,
Всех в округе беспокоит.
2 ноября 1958
222 I

От меня, как от той графини,
Шел по лесенке винтовой,
Чтоб увидеть рассветный, синий
Страшный час над страшною Невой.
1958

I 223
И будешь ты из тех старух,
Что всех переживут,
Теряя зренье, память, слух...
1958
224 I

Самый черный и душный самый
Это город Пиковой Дамы.
1958

I 225
Горячего дня середина
Безлюдна.....равнина.
1958
226 I

Под рукоплесканья клеветы
И зависти змеиный свист.

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
1958

I 227
я была тебе весной и песней,
А потом была еще чудесней,
А теперь меня на свете нет.
1958
228 I

Завещать какой-то дикой скрипке
Ужас и отчаянье свое.
1958

122
9Стеклянный воздух над костром
Струится и дрожит,
И сквозь него я вижу дом
Не мне принадлежит.
1958
230 I

..... накануне
я приду к тебе в том июне,
Когда августу не бывать.
/958

\231
И все пошли за мной, читатели мои,
Я вас с собой взяла в тот путь неповторимый.
1958
232 I

И возникает мой сонет,
Последний, может быть, на свете.
1958

I 233
Непогребенных всех –
я хоронила их,
я всех оплакала, а кто
меня оплачет?
1958
234 I

И яростным вином блудодеянья
Они уже упились до конца,
Им чистой правды не видать лица
И слезного не ведать покаянья.
1958 ?

УМЕРЬ!
четыре буквы, вечный мрак!
И.....лице...
И почему-то твердый знак
Всегда торчит в конце...
Так значит больше ничего
Никак и никогда
1958 ?

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
236 I

.....звон монет
И думы нет, и дома нет,
И даже дыма нет.
1958 ?

\237
Не с тобой мне есть угощенье,
Не тебя мне просить прощенья,
Не тебе я в ноги валюсь,
Не тебя по ночам боюсь...
1958–195
9238 I

Зазвонили в Угличе рано,
У царевича в сердце рана.
1958–195
9

123
9ПОДРАЖАНИЕ КОРЕЙСКОМУ
Приснился мне почти что ты,
Какая редкая удача!
А я проснулась, горько плача,
Зовя тебя из темноты.
Но тот был выше и стройней
И даже, может быть, моложе
И тайны наших страшных дней
Не ведал. Что мне делать, Боже?
Что!.. Это призрак приходил,
Как предсказала я полвека
Тому назад. Но человека
Ждала я до потери сил.
1958–195
9240 I

В скорбях, в страстях, под нестерпимым гнетом
Где смерть стоит за каждым поворотом,
И гибели достаточно для всех.
1958–1959 ?

Скука, скую.....
О каким Оксфордским воскресеньем
Мне в то утро показался мир.
1958–1959 ?
242 I

Это скуки первый слой
...самой злой,
Но минуй его скорее –
дальше, глубже – в ту аллею,
где лишь сосен тишина
и случайная луна,
а кругом – наверно, осень...
1958–1959 ?

I 243
СЕВЕРНЫЕ ЭЛЕГИИ
Их будет семь, – я так решила,

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat

Пора испытывать судьбу,
И первая уже свершила
Свой путь к позорному столбу...

/958 ?–1960–е годы

244 I

СМЕРТЬ СОФОКЛА

Тогда царь понял, что умер Софокл.
Легенда

На дом Софокла в ночь слетел с небес орел,
И мрачно хор цикад вдруг зазвенел из сада.

А в этот час уже в бессмертье гений шел,

Минуя вражий стан у стен родного града.

Так вот когда царю приснился странный сон:

Сам Дионис ему снять повелел осаду,

Чтоб шумом не мешать обряду похорон

И дать афинянам почтить его отраду.

1958 ? 1 марта 1961

I 245

Это с тобой я встречала тогда

Первую старость.

4 февраля 195

9246 I

МАРТОВСКИЕ ЭЛЕГИИ

1

Если бы ты музыкой была,

Я тебя бы слушал неотрывно,

И светлел бы мой померкший дух.

Если бы звездой ты была,

Я в окно глядел бы до рассвета,

И покой бы в душу мне вошел.

Если б ты была моей женой,

Сразу б я тебя возненавидел,

Проклял трижды и навек забыл –

И безмерно счастлив был с другою.

Но она не это, и не то,

И не третье...

Что же делать с нею?

Февраль ? 195

9

I 247

24 МАЯ

Это были черные тюльпаны,

Это были страшные цветы.

24 мая 195

9248

ОТРЫВОК

...И мне показалось, что это огни

Со мною летят до рассвета,

И я не дозналась – какого они,

Глаза эти странные, цвета.

И все трепетало и пело вокруг,

И я не узнала – ты враг или друг,

Зима это или лето.

21 июня 1959. Троица

Москва

I 24

9Не мешай мне жить – и так не сладко,

Что ты вздумал, что тебя томит?
Иль неразрешимая загадка
Ледяной звездой в ночи горит,
Или галереями бессонниц
Ты ко мне когда-то приходил,
Иль с давно погибших белых звонниц
Мой приезд торжественный следил?
В прежних жизнях мы с тобою счеты
Плохо подвели, о бедный друг!
Оттого не спорится работа,
Сухо в горле, кровь бормочет что-то
И плывет в глазах кровавый круг.
Иль увидел взор очей покорных
В тот для памяти запретный час,
Иль в каких-то подземельях черных
Мертвой оставлял меня не раз.

И при виде жертвы позабытой
Места не найти тебе теперь...
Что там – окровавленные плиты
Или замурованная дверь?
В самом деле – сотни километров,
Как ты и сказал мне, – сущий вздор,
И знакомый с детства голос ветра
Продолжает наш старинный спор.
Июнь 195
Ю. Комарове

Ю. Цветаевой
Ты любила меня и жалела,
Ты меня как никто поняла.
Так зачем же твой голос и тело
Смерть до срока у нас отняла?
2 июля 195
Ю. Комарове

Что нам разлука? – Лихая забава,
Беды скучают без нас.
Спьяну ли ввалится в горницу слава,
Бьет ли тринадцатый час.
Или забыты, забиты, за... кто там
Так научился стучать? –
Вот и идти мне обратно к воротам
Новое горе встречать.
7 июля 1959 10 декабря 195
Ю. Комарове Красная Конница

ЖИЗНЬ ПОЭТА

5. «ВЕТЕР ВОЙНЫ»

Первые месяцы войны – июнь – сентябрь 1941 г. – Анна Ахматова пережила в Ленинграде. Стремительное наступление фашистских войск на Ленинградском фронте развернулось уже в начале июля, – они вторглись в пределы Ленинградской области. К 20 – 21 августа была перерезана железная дорога Ленинград – Москва, немцы вплотную подошли к городу с юга, финны захватили Кексгольм (Приозерск). 30 августа была занята станция Мга, т.е. разорвана последняя же-лезнодорожная ветка, соединяющая Ленинград со стра-ной. 8 сентября пал Шлиссельбург, сухопутное сообще-ние с Ленинградом прервалось. Начался страшный и трагический период в истории города – блокада.
С 4 сентября 1941 г. начались систематические ар-тиллерийские обстрелы города, с 8 сентября – масси-рованные налеты авиации. За период с сентября по де-кабрь 1941 г. фашистская артиллерия выпустила по Ленинграду свыше 30 тысяч снарядов. В городе спеш-но строились бомбоубежища и укрытия, на стенах до-мов появились надписи: «Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна». Стекла окон за-клеивали бумажными крестами, драгоценные статуи за-капывали в землю

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat рядом с их пьедесталами. 8 сентяб-ря, во время первого налета немецких бомбардировщи-ков, были подожжены зажигательными бомбами «Ба-даевские склады», где хранились продовольственные запасы осажденного города – полуторасуточный рас-ход муки и трехсуточный расход сахара. Поступление продовольствия в Ленинград вплоть до открытия ле-довой «Дороги жизни» по Ладожскому озеру практи-чески прекратилось. Начался голод. Не было топлива и электроэнергии. Когда в октябре 1941 г. в Чистополе Л. К. Чуковская спросила только что приехавшую к ней Анну Андреевну, боятся ли в Ленинграде вторжения в город немцев, измученная дорогой женщина ответи-ла ей: «Что вы, Л.К., какие немцы? О немцах никто и не думает. В городе голод, уже едят собак и кошек. Там будет мор, город вымрет. Никому не до немцев» *.

С конца июня началась массовая эвакуация из Ле-нинграда – перемещение в Поволжье и Сибирь воен-ных заводов, крупнейших предприятий, сокровищ Рус-ского музея и Эрмитажа. Вывозили в тыл стариков и детей. Крупные творческие союзы отправляли в эва-куацию женщин с детьми (для последних создавали ин-тернаты). До начала сентября удалось эвакуировать 636 тысяч человек. Следующий, второй этап эвакуа-ции стал возможен только после открытия 22 ноября 1941 г. «Дороги жизни» – на грузовых автомашинах по ледовой трассе было вывезено больше полумиллиона человек. По официальным данным, во время блока-

Чуковская Л.К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 1–3. М.: Согласие, 1997. Т. 1. С. 234. Далее том и страница указаны в тексте.

ды умерло от голода свыше 640 тысяч жителей, погиб-ло от бомбежек и обстрелов 17 тысяч человек. Реаль-ные потери города, разумеется, были больше...
Анне Ахматовой исполнилось в июне 1941-го пять-десят два года. Сын ее – Лев Николаевич Гумилев – отбывал срок в лагере на востоке страны. Любимый человек, Владимир Георгиевич Гаршин, навещал ее ча-сто, но он был женат и не мог быть с нею рядом посто-янно, к тому же медицинская специальность делала его военнообязанным, и работа в Первом медицинском институте отнимала все силы. В коммунальной кварти-ре фонтанного дома она была одна. Эвакуироваться не собиралась, и ее друзья знали об этом, тревожились за нее и понимали, что ее судьба неотделима от судьбы несчастного погибающего города. «Я – как петербур-гская тумба», – запомнила ахматовские слова Зоя Борисовна Томашевская, дочь ближайших друзей Ах-матовой, Бориса Викторовича Томашевского и Ирины Николаевны Медведевой-Томашевской: «Только теперь я понимаю весь могучий смысл этой формулы. Они, эти тумбы, гранитные и чугунные, охранявшие наши дома, вращались в землю, в тротуары, в булыжные мос-товые, в асфальт... Теперь это называется «культур-ным слоем». Но редко кому удавалось вынуть такую тумбу из петербургской земли» *.

Мемуаристы и поэты, рассказавшие об Ахмато-вой первых месяцев войны, запомнили ее идущей на ночное дежурство с тяжелой сумкой противогаса и даже с лопатой в руках, участвующей в спасении статуй Лет-
Об Анне Ахматовой. Стихи, эссе, воспоминания, письма. Л.: Лениздат. 1990. С. 417.

него сада, зарываемых в землю. Запомнили они и ее одиночество и страх: «1941 год. Замкнулось кольцо блокады. ... Постепенно город стал наполняться беженцами из области. Начались бомбежки. Во двор фонтанного дома упали зажигалки, Николай Никола-евич Пунин увел свою семью в подвалы Эрмитажа, где многим художникам и музейным работникам Иосиф Абгарович Орбели предоставил убежище. Анна Анд-реевна осталась одна. Ей было страшно. 31-го авгус-та она позвонила. Борис Викторович зашел за ней и привел на канал Грибоедова. ... 8-го сентября бомба упала совсем близко – в Мошковом переулке, потом на Дворцовой набережной. Ходить по лестнице в наш пятый этаж стало трудно. Анна Андреевна зап-росилась жить в убежище» *.
Анна Ахматова была не готова к смерти, она не хотела умирать **. Но нежелание смерти не исключает мужества. Мужество и величие души поэта Анны Ах-матовой были в эти дни абсолютными.

В июле она написала свою «Клятву» – присягу на верность городу и Родине перед лицом наступаю-щего врага: «Мы детям клянемся, клянемся моги-лам, // что нас покориться никто не заставит!» В сен-тябре – проклятие тому, «Кто равнодушно гибель нес // Ребенку моему». Состраданье гибнущим детям и клятва «могилам», т.е. погибшим, замученным, в том

* Об Анне Ахматовой. С. 420–422. Запись слов Ахматовой об этом сделана Л.К. Чуковской 13 де-кабря 1941 г.: «Я не боялась смерти, но я боялась ужаса. Боялась, что через секунду увижу этих людей раздавленными ... Я поняла – и это было очень унижительно – что к смерти я еще не готова. Верно, жгла я недостойно, потому и не готова еще» (1, 350).

числе и прежде всего в сталинских лагерях, – две важ-нейшие темы стихов Ахматовой военной поры. Актом мужества было выступление Анны Ахматовой по ле-нинградскому радио в конце сентября 1941 г. Широко известен текст этого

сочинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
выступления, меньше известна его предыстория. Распоряжение начать передачи о
положении блокадного города пришло из Москвы в начале сентября. Организатором
передач стал Г.П. Макого-ненко, работавший тогда редактором
литературно-дра-матического отдела радиокомитета. Предполагалось, что выступать
будут фронтовики и жители блокадного Ле-нинграда. Первая передача прошла 6
сентября. Одна-ко дальше дело застопорилось: два человека подряд, – известный
ученый и крупный театраль-ный режиссер, – отказались выступать, – город жил под
угрозой втор-жения врага, стал фронтом, и, предо-ущая возможность оккупации, эти
люди не хотели рисковать и вещать в эфир на всю страну о своем патриотизме.
После этих двух неудач Г.П. Макого-ненко обратился к Д. Д. Шо-стаковичу и А.А.
Ахматовой, – оба приняли его пред-ложение с гордостью. Выступление Шостаковича
про-звучало 16 сентября: «Час назад я закончил вторую часть своего нового
симфонического произведения. Если это сочинение мне удастся написать хорошо,
удастся закончить третью и четвертую части, то тогда можно будет назвать это
сочинение Седьмой симфонией... Я сообщаю об этом для того, чтобы радиослушатели,
которые сейчас слушают меня, знали, что жизнь наше-го города идет нормально...
Все мы сейчас несем свою боевую вахту...» *

*Макого-ненко Г.П. Из третьей эпохи воспоминаний / Об Анне Ахматовой. С. 264.
2 и 12 сентября в Ленинграде были проведены два снижения норм выдачи хлеба; 16
сентября газета «Ле-нинградская правда» вышла с передовой статьей под заглавием:
«Враг у ворот!» Эта статья была перепеча-тана в качестве листовки и расклеена по
всему городу, на улицах которого шли бои («Сзади Нарвские были ворота, //
Впереди была только смерть»).

Запись выступления Анны Ахматовой состоялась в конце сентября. Она была
нездорова, у нее не было сил добраться от канала Грибоедова до радиокомитета,
который находился на углу Манежной площади и Ма-лой Садовой, и ее записывали в
квартире М.М. Зо-щенко, там же, на канале Грибоедова. Запись произво-дила Ольга
Федоровна Берггольц. Выступление было переслано в Москву, и оттуда зазвучало на
всю страну: «Ленинград в дни смертельной схватки говорил и голо-сом Ахматовой»
*.

Ольга Берггольц свидетельствует, что голос Ах-матовой звучал в эфире уже через
несколько часов пос-ле записи:

Мои дорогие согражданки, матери, жены и сестры Ленинг-рада. Вот уже больше
месяца, как враг грозит нашему городу пле-ном, наносит ему тяжелые раны. Городу
Петра, городу Ленина, городу Пушкина, Достоевского и Блока, городу великой
культуры и труда враг грозит смертью и позором. Я, как и все ленинградцы,
замираю при одной мысли о том, что наш город, мой город может быть растоптан.
Вся жизнь моя связана с Ленинградом – в Ле-нинграде я стала поэтом, Ленинград
стал для моих стихов их ды-ханием... Я, как и все вы сейчас, живу одной
непоколебимой ве-рой в то, что Ленинград никогда не будет фашистским. Эта вера
крепнет во мне, когда я вижу ленинградских женщин, которые

*Макого-ненко Г.П. Из третьей эпохи воспоминаний. С. 264

просто и мужественно защищают Ленинград и поддерживают его обычную, человеческую
жизнь. Наши потомки отдадут должное каждой матери эпохи Отечественной войны, но
с особой силой взо-ры их прикует ленинградская женщина, стоявшая во время
бом-бежки на крыше с багром и щипцами в руках, чтобы защитить город от огня,
ленинградская дружинница, оказывающая помощь раненым среди еще горящих обломков
здания... Нет, город, взра-стивший таких женщин, не может быть побежден. Мы,
ленинг-радцы, переживаем тяжелые дни, но мы знаем, что вместе с нами – вся наша
земля, все ее люди. Мы чувствуем их тревогу за нас, их любовь и помощь.

Мы благодарны им, и мы обещаем, что мы будем все время стой-ки и мужественны...
Приведя этот текст выступления Ахматовой, Ольга Берггольц особо подчеркнула, что
передачи из Ленин-града слушали не только в нашей стране, – их слушал весь мир,
поэтому было очень важно, чтобы из Ленин-града звучали голоса тех людей,
«которых знала вся земля». «Слушали, конечно, и фашисты. Слушали и за-писывали,
как потом выяснилось, фамилии выступав-ших, мечтая, что рассчитаются с ними» *.
Эти воспоминания Ольги Берггольц Ахматова зна-ла. 25 января 1964 г. она говорила
о них Г.В. Глёмкину: «Ольга написала обо мне в Ленинграде, о том, как я выступала
по радио в квартире Зо-щенко. Она все время порывалась это напечатать, но ей
говорили: «Нельзя. Нельзя допустить, чтобы Ахматова защи-щала Ленинград» **.

*Берггол ь цО.Ф. Говорит Ленинград. М., 1964. С. 15 – 16.

**Глёмкинг. Встречи с Ахматовой (Из дневниковых записей 1959–1966 годов) / Вопросы
литературы. 1997. Март – апрель. С 315.

28 сентября 1941 г., по специальному распоряже-нию правительства, из
блокированного Ленинграда вывезли на военных самолетах некоторых ученых,
дея-телей культуры, писателей. Список писателей состав-лял А. Фадеев. Ахматова
была включена в него по лич-ному указанию Сталина. Легенда о том, что именно
Сталин спас ее от смерти в блокадном Ленинграде, очень нравилась Ахматовой. Она

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
рассказывала об этом мно-гим. Вот один из таких рассказов: «Я вылетела из
Ле-нинграда 28 сентября 41-го года. Ленинград был уже блокирован. Летела я на
военном самолете, эскортиро-вали истребители. Они летели так близко, что я
боя-лась, что они заденут нас крылом. Я была в списке на эвакуацию, подписанном
Сталиным. В этом списке был и Зощенко. В ночь с 27 на 28 сентября я ночевала в
бомбоубежище, в Доме писателей. Заехали за мной, потом поехали на Васильевский
остров, взяли там ака-демиков. Нам не сказали, куда мы летим. Была посад-ка
где-то близко от фронта. Там высадили каких-то во-енных, мы полетели дальше и
оказались в Москве» *.

Анна Ахматова летела на самолете первый раз в жизни. На военном аэродроме под
Москвой, где при-землился самолет, она растерянно спрашивала: «Где мы?»

Естественно, ей никто не ответил.

В самолете она написала прощальное стихотворе-ние о городе, еще дышащем, но уже
обреченном на смерть:

Птицы смерти в зените стоят, кто идет выручать Ленинград?

ТотхартН. Двенадцать встреч с Анной Ахматовой (Из дневниковых записей 1959–1966
годов) /Вопросы литературы. 1977. Март – апрель. С. 268.

Не шумите вокруг – он дышит, Он живой еще, он все слышит: Как на влажном
балтийском дне Сыновья его стонут во сне, Как из недр его вопли: «Хлеба!» – до
седьмого доходят неба... Отворите райскую дверь, Помогите ему теперь.

Строки эти звучат трагично, безнадежно. В руко-писи книги «Нечет», над которой
Ахматова работала в военные годы, были еще две заключительные стро-ки – о
страхе:

И стоит везде на часах, и уйти не пускает страх.

Потом она их отбросила...

Неудивительно, что вплоть до 1961 г. Ахматова не могла напечатать это
стихотворение, тогда как другие – «Вражье знамя растает, как дым...», «А та, что
сегод-ня прощается с милым...», «Мужество», «Первый дальнобойный в Ленинграде»,
«Щели в саду выры-ты...», «Постучи кулачком – я открою...», «Статуя «Ночь» в
Летнем саду» и даже «Копай, моя лопата...» печатались и перепечатывались
многokrato в газетах, журналах и сборниках – «Родина зовет», «В огне
Отечественной войны», «Мы победим!», «Родной Ленинград» и др.

После недолгого пребывания в Москве Ахматова была включена в эшелон писателей,
эвакуируемых из Москвы в Чистополь, а оттуда, по ее просьбе, отправле-на с
семьей Л. К. Чуковской через Казань в Ташкент.

В ташкентских стихах ленинградская тема продол-жала звучать с прежней
трагической силой, вошла в пре-дисловие и последнюю часть «Поэмы без героя»:
«Всю эту поэму я посвящаю памяти ее первых слушателей, погибших в Ленинграде во
время осады. Их голоса я слышу теперь, когда я читаю вслух мою поэму, и этот
тайный хор стал для меня навсегда фоном поэмы и ее оправданием-. 8 апреля 1943».
В третьей части – «Эпilogue» – содержится на-стойчивое обращение к несчастному
городу, покинуто-му в беде: «Мне казалось, за мной ты гнался, // Ты, что там
погибать остался //В блеске шпилей, в от-блеске вод...» Анна Ахматова в Ташкенте
была пред-ставительницей великого города и великой русской куль-туры,
воплощением которой был Ленинград – город Пушкина, Блока, Ахматовой.

Именно так сказал в Ташкенте на митинге 14 июня 1942 г. Корней Иванович
Чуковский, – в газете «Правда Востока» в этот день была напечатана целая полоса,
посвященная Ленинграду, под заглавием «Мы с вами, дорогие ленинградцы!». Статья
К. Чуковского «Друзья Ленинграда» начиналась словами: «Я родил-ся в Ленинграде и
прожил там всю свою жизнь. ... В нем каждая улица – цитата из Пушкина, из
Некра-сова, из Александра Блока, из Анны Ахматовой». В этой же газете были
помещены стихи Виктора Гусева «Ленинграду», статья Амила Умари «Твердыня
куль-туры», семь строф поэмы Николая Тихонова «Киров с нами», а митинг был
посвящен письму товарищей Жданова и Попкова, партийных руководителей
осаж-денного города, содержащему призыв к писателям со-здавать новые
произведения, отражающие нашу геро-ическую эпоху. На митинге выступали Х.

Алимджан, А.Н. Толстой, К.И. Чуковский, В. Ян, В. Гусев,
А. Умари, Чусты. Они говорили о глубине чувства пат-риотизма и горячем
стремлении своими произведения-ми помочь великому народу разгромить врага.
Стихов Ахматовой в этом номере газеты не было, на митинге она не выступала. И в
этом сочетании – высоких слов о ней и отсутствия самой Анны Ахматовой –
явствен-но прослеживается двойственность положения, в каком она оказалась в
Ташкенте. 8 марта 1942 г. в централь-ной партийной газете «Правда» напечатали
стихотво-рение Анны Ахматовой «Мужество». В конце октября ей пришел перевод из
«Правды» на большую сумму, много больше, чем составил бы обычный гонорар. Л.К.
Чуковская записывает в дневнике: «Третьего дня, когда я пришла к ней и она уже
лежала очень больная, она сказала мне в смятении: «Из «Правды» вдруг пере-вели
мне 1000 рублей. Это – заказ» (1, 496). Анна Ах-матова испытывала и выражала в

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
стихах высокие патриотические чувства, но выполнять «заказ» партийной прессы
она не могла. Она была – АННА АХМАТОВА!

9 ноября 1942 г. Анна Андреевна рассказала Л. К. Чуковской свой сон: «Я видела
земной шар – такой большой глобус. Земля летит вся в снегу. И на тех местах, где
встречаются два фронта, – лежат две огромные тени – от двух бронзовых
символических статуй» (1, 503).

Ахматова приехала в Ташкент 9 ноября 1941 г. эшеломом Казань – Ташкент, в
котором С.Я. Маршаку, для писателей и их семей, отправляемых в Алма-Ату и
Ташкент, были выделены два вагона. Уже 2 декабря она в первый раз выступала на
«Большом вечере поэзии» в Доме Красной Армии Среднеазиатского военного округа.
Один из зрителей рассказал позже: «Зал полон. Читают стихи Виктор Гусев, Сергей
Городецкий, Иосиф Уткин, Якуб Колас, Владимир Луговской, Хамид Алимджан. И вот
на сцене она – Анна Ахматова. В строгом черном платье, высокая, величавая.
Видно, что она не молода, что ей за пятьдесят, – «но голос ее – низкий,
красивого тембра – звучит сильно и по-молодому взволнованно» *.

Руководитель Ташкентской писательской организации Хамид Алимджан вспоминал о
первой военной зиме 1941–1942 г. в Ташкенте: «Узбеки ходили на литературные
вечера, чтобы услышать новые стихи Анны Ахматовой» **.

И она читала их – на благотворительных вечерах в пользу эвакуированных детей, в
госпитале, на первомайском вечере. Иногда читала старые – «Я с тобой не стану
пить вино...» – «Бойцы слушали очень дисциплинированно – хлопали... В
книге отзывов записано, что я понравилась больше всех» (1, 378). Об одном из
таких выступлений в госпитале рассказывала ташкентская поэтесса и переводчица
Светлана Сомова: «В госпиталях тогда лежали изувеченные больные, нередко без рук
и без ног. Санитарки и сестры самоотверженно за ними ухаживали, называли их, по
русской привычке не поддаваясь горю, «самоварчиками». И вот в одной большой
палате (бывший класс школы, занятой госпиталем) лежал такой горько страдающий
молодой

*Курносенков. Лик Анны Ахматовой / Правда Востока. Ташкент. 1987. 7 января. С.
4.

Алимджан Х. Возвращение / Правда Востока. 1943. 19 сентября.

человек. Мы боялись к нему подходить, чтобы не задеть своим сочувствием, он все
время молчал, не отвечал на вопросы, сестры по глазам догадывались, что ему было
нужно.

Ахматова сразу подошла к нему, молча села около кровати. Я не видела ее глаз,
но, верно, они были горькими. А потом она стала читать стихи о любви –
«Годовщину последнюю праздной...», «Я с тобой не стану пить вино...», «Как
белый камень в глубине колодца...» и другие.

Непонятно было, как и зачем читать такие стихи полуживым людям. Но в палате
стало тихо. Лица разгладились, посветлели. И этот несчастный юноша вдруг
улыбнулся...» *

Еще один рассказ о выступлении в госпитале – ученика ташкентской школы,
начинающего поэта, в будущем – доктора филологических наук, литературоведа
Эдуарда Бабаева: «Когда мы проходили мимо нашей новой школы, построенной перед
самой войной, где теперь был расположен госпиталь, она всегда оста-навливалась и
подолгу смотрела на высокие окна, в которых мелькали лица молодых солдат. Мне и
до сих пор кажется, что во время одной из таких остановок под окнами
ташкентского госпиталя возникли ее стихи о мальчиках-солдатах 40-х годов:
Вот о вас и напишет книжки: «Жизнь свою за други своя».

С о м о в а С. Анна Ахматова в Ташкенте / Воспоминания об Анне Ахматовой. С.
370. Неточность мемуаристики: первая строка стихотворения в те годы звучала:
«Годовщину веселую праздной...», – очевидно, она уточняла ее по более позднему
печатному тексту.

В классах нашей школы теперь были солдаты со всех концов страны: «Незатейливые
парнишки...» – «внуки, братики, сыновья...» Э. Бабаев также рассказывал о том,
что надевшая халат Ахматова прошла в палату и читала стихи тяжелораненым:

«Сержант Еремеев, никогда прежде не слышавший ее имени, весь в белом, руки на
растяжках, как серафим, все приподнимался на койке, чтобы взглянуть на нее.

Потом он сказал:

– Эх, ребята, жаль, что вы опоздали. Тут сестра приходила...

– Какая сестра?

– Нездешняя... Вы ее не знаете. Песни рассказывала...

Я повторил эти слова Анне Ахматовой. Она говорила, что ничего лучше никогда не
слыхала. И переспрашивала:

– Сестра?

– Нездешняя!

– «Песни рассказывала...»

Еще я спросил ее, какие стихи она читала там, в палате.

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941-1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
– Новые. «Постучись кулачком – я от-крою...», – ответила она. – Потом старые:
«Пах-нет гарью...», «Далеко в лесу огромном...» *.

Может быть, именно в контексте подобных трагически-сентиментальных воспоминаний
можно понять ахматовский эпитет «незатейливые парнишки». Суще-
* Б а б а е в Э. «На улице Жуковской...» / Воспоминания об Анне Ахматовой. С.
408-409.

ствует поздняя легенда, что в этом стихотворении была не одна, а две строки с
перечислением имен – «Неза-тейливые парнишки – // Ваньки, Васьки, Алешки,
Гришки, // Лёвки, Сашки, Аркашки, Мишки, – // Внуки, братики, сыновья!», – где
имя Лёвки – имя сына. Но – уж к Льву Николаевичу Гумилеву никак не подошло бы
определение «незатейливый». И леген-да продолжает «изменять» текст:

«святоотческие пар-нишки» ...

Еще одно выступление – торжественное, офици-альное, парадное: «Помню зал Военной
академии име-ни Фрунзе. Запах натертого пола и новых гимнасте-рок, яркий свет.
Ахматова читает стихи. Строгая, строй-ная, в чем-то темном. Тогда не было
микрофонов, и мы все перед аудиторией старались усилить голос, почти кричали. Но
Ахматова читала тихим голосом. И благо-говейная тишина сразу ее окружила при
первых словах: «Мы знаем, что ныне лежит на весах...» Такова ем-кость
ахматовского слова. Передо мной встают лица офицеров, вначале официальные, а
потом как бы со-гретые душевным теплом. Гул одобрения, гром апло-дисментов.
Ахматова не кланялась в ответ, она слегка наклоняла голову, рукой как бы
отстраняла шум осо-бым жестом, снимающим аплодисменты, и читала сти-хи дальше.
В годы войны Ахматова жила жизнью активной и патриотической *.

22 января 1942 г. Ахматова сказала Л.К. Чуковской: «Как я ра-д. что Вы пришли.
Я Вас весь день ждала. Я написала патриотичес-кие стихи». Это было стихотворение
о победе под Москвой «Славно начато славное дело...» (1, 381).

Сомова С. Анна Ахматова в Ташкенте / Воспоминания об Анне Ахматовой. С. 370.

На этом вечере в Военной академии были Гафур Гулям и Иоганнес Бехер, Хамид
Алимджан и Якуб Колас, Шейхзаде и Эмиль Мадарас, Владимир Лу-говской и Иосиф
Уткин, Николай Ушаков и Николай Погодин» *.

В газете «Правда Востока» имя Анны Ахматовой названо в числе выступающих 15
марта 1942 г. на «боль-шом литературном вечере», посвященном А.С. Пуш-кину, в
помещении Драматического театра. Вступитель-ное слово там произнес Д.Д. Благой,
доклад «Пушкин и Россия» сделал М.А. Цявловский, далее следовали «стихи,
посвященные Пушкину» – Э. Аббаса, А. Ах-матовой, И. Уткина, С. Городецкого, В.
Луговского, М. Шейхзаде и др., а также романсы на слова Пуш-кина в исполнении
С.С. Апродова и А.Б. Меерович. Читала ли стихи на этом вечере Анна Ахматова,
неиз-вестно, дневниковая запись Л.К. Чуковской за этот день не содержит таких
сведений. Но можно предпо-ложить, что написанное в Ташкенте стихотворение
«Пушкин», имеющее дату 7 марта 1943 г., создано в связи с подобным вечером и ее
общением с кругом московских пушкинистов, оказавшихся вместе с Ахма-товой в
Ташкенте.

Короткое, шестистрочное стихотворение о Пуш-кине чрезвычайно важно для понимания
и эстетики, и гражданской позиции Ахматовой военных лет:

Кто знает, что такое слава! Какой ценой купил он право, Возможность или
благодать

Над всем так мудро и лукаво Шутить, таинственно молчать И ногу ножкой называть?
По воспоминаниям Г.Л. Козловской, толчком к созданию этого стихотворения мог
быть незначитель-ный бытовой эпизод. Однажды супруги Козловские – сосланный в
Ташкент еще до войны композитор Алек-сей Федорович Козловский и его жена Галина
Лонги-новна, детство и юность которой прошли в США и Англии, а в числе
воспоминаний юности – «шесть английских Гамлетов», – навестили Ахматову. Ей
не-здоровилось, они застали ее в постели. Увидев случай-но высунувшуюся из-под
одеяла ступню больной, Алек-сей Федорович, в разговоре которого с Анной
Андре-евной установился тон легкого флирта, воскликнул: «Ах, какая ножка!»
Разумеется, права на подобную фривольность тона у него не было, но для всех
присутствующих это была цитата – слишком хорошо они знали Пушкина, его стихи и
его судьбу:

Город пышный, город бедный, Дух неволи, стройный вид. Свод небес зелено-бледный.
Скука, холод и гранит – Все же мне вас жаль немножко, Потому что здесь порой
Ходит маленькая ножка, Вьется локон золотой.

Стихотворение Пушкина написано после казни де-кабристов по возвращении его из
ссылки, когда он ока-зался в сложнейшей нравственной и финансовой зави-симости
от Николая I, его царского благоволения и цар-
ского гнева: «Город пышный, город бедный, // Дух неволи...» На это стихотворение
отвечает Ахматова: «Кто знает, что такое слава] // Какой ценой купил он право,
// Возможность или благодать...»

Право – перед современниками и потомками, воз-можность – купленную ценой

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
унижений или комп-ромиссов. Параллель – слава и возможность творче-ства самой
Ахматовой, купленная немалой ценой.

Появлению Ахматовой в Ташкенте сопутствовала легенда о личном покровительстве ей
Сталина и «офи-циальных властей». Эту легенду запомнил и запечат-лел в своих
воспоминаниях польский офицер и худож-ник, человек высочайшей европейской
образованнос-ти, Иозеф (Юзеф) Чапский. Он впервые увидел Ахматову в доме А.Н.
Толстого, во время широкого застолья, где он сам читал стихи польских поэтов, а
после него читала Ахматова.

« Все присутствующие относились к ней с крайним почтением, каждый давал мне
понять, что именно она – великая русская поэтесса. В строках, которые Ахматова
читала странным, певучим голосом, как ког-да-то Игорь Северянин, не было ничего
ни от оптими-стической пропаганды, ни от хвалы Советам и советс-ким героям,
воспеваемым Толстым, не было его «суро-вых, но справедливых рыцарей». Поэма
Ахматовой – единственное произведение, которое меня взволновало и заставило
ощутить, чем на самом деле была оборона раздавленного, изголодавшегося,
героического города» *.

Наблюдательный и прозорливый поляк очень хо-тел узнать Ахматову ближе, но его
останавливали по-

'Чапский Ю. Облака и голуби. Глава из книги «На бесчело-вечной земле». – ВРХД.
1989. № 156. С. 161.

стоянная слежка за ним и присутствие при нем сопро-вождающего с советской
стороны. Однако выводы его о судьбе и положении Ахматовой в 1942 г.

знамена-тельны: «Я помнил, что об Ахматовой говорили как о человеке очень
обособленном, трудном для общения из-за некоторой искусственности, может быть
просто необычности ее поведения. У меня сложилось впечат-ление, что она человек
глубоко раненный, маскирую-щий свои раны именно этой искусственностью». Поз-же,
публикуя свои воспоминания уже после смерти Ах-матовой, Чапский сделал к главе
«Облака и голуби» следующую приписку: «В тот вечер, описанный в главе «Облака и
голуби», Ахматова пришла к Толстому по-тому, что отчаянно пыталась узнать, жив
ли ее сослан-ный сын Лев» *.

Пояснение, что Ахматова пришла в дом А.Н. Тол-стого, чтобы узнать, жив ли ее
сосланный сын, – это тоже легенда, вернее, антилегенда. О судьбе аресто-ванных,
заключенных, ссыльных родственников в по-добных «элитных» домах советской знати
не говорили. Даже с самыми близкими о них не говорили, – только так можно было
выжить, выдержать муку, которая над-рывала сердце. Из воспоминаний Ф.Г.
Раневской об Ахматовой в Ташкенте: «В Ташкенте она получила от-крытку от сына из
отдаленных мест. Это было при мне. У нее посинели губы, она стала задыхаться. Он
писал, что любит ее, спрашивал о своей бабушке – жива ли она? Бабушка – мать
Гумилева» **.

Чапский Ю. Облака и голуби. С. 161. "Раневская Ф.Г. Разговор с собой. Дневник на
клочках / •Лит. газета. 1966. 21 августа С. 6 / Публ. Юрия Данилина по архи-вам
РГАЛИ. См. также журн. «Юность». 1996. № 8 и 9.

Трагическая тема судьбы сына и в ташкентские годы входила в стихи, однако,
возможно, не все они дошли до нас. Л.К.. Чуковская вспоминала неясное
бор-мотание Ахматовой:

Радость моя, сын мой возлюбленный. Сын мой – мальчик загубленный... –
может быть, это строки недописанного или не дошед-шего до нас стихотворения...

Отметим для себя эту трагическую особенность духовного бытия того времени. В
воспоминаниях таш-кентских поэтов-школьников, Валентина Берестова и Эдуарда
Бабаева, занимавшихся русской литера-турой и английской поэзией в студии
Центрального дома художественного воспитания детей (ЦДХВД) под руководством
Лидии Корнеевны Чуковской и Надежды Яковлевны Мандельштам, рассказыва-ется о
том, что на занятиях с Надеждой Яковлевной они говорили о многих поэтах, но
только не о Ман-дельштаме. Стихи Осипа Мандельштама молодым поэтам впервые
прочитала Л. К. Чуковская, потом они сами выписывали их в библиотеках. А о том,
что Мандельштам, как и его друг, поэт и переводчик Александр Моргулис (с вдовой
которого Изой да-выдовой Ханцын и сыном Мишей Моргулисом молодые поэты также
много общались) погибли в ла-герях, Валентин Берестов, по его словам, узнал
«лишь через полвека, на Мандельштамовских чтениях в Во-ронеже» *.

'Берестов В. Мандельштамовские чтения в Ташкенте во время войны / «Отдай меня,
Воронеж». Третьи Международные мандельшта-мовские чтения. Изд-во Воронежского
университета. 1995. С. 343.

В тех же воспоминаниях: «Одной из них (из пре-подавательниц ЦДХВД Ташкента. –
Н.К.) была Лидия Корнеевна Чуковская, румяная, с молодыми сияющими близорукими
глазами, но совсем седая. Мы не знали, что ее мужа расстреляли, а брата убили на
фронте».

Об этом не говорили. Жизнь в условиях строгого самоконтроля, с одной стороны, и
слежки и доноси-тельства, с другой, продолжалась и в Ташкенте.

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
«...о Мандельштаме не говорили ни слова. Мы открывали его для себя другими
путями» .

Когда Валентин Берестов написал смелое по тем временам стихотворение «В извечной
смене поколе-ний...», распространившееся в списках, с его мамой «побеседовали» в
НКВД: «Скажите своему мальчи-ку, а он у вас одаренный, чтоб больше таких стихов
не писал» **.

Таковы были условия ташкентского существования Анны Ахматовой.

В числе ее ближайших друзей – Надежда Яков-левна Мандельштам, Фаина Георгиевна
Раневская, Лидия Корнеевна Чуковская (до ссоры, точнее – пол-ного разрыва
отношений в декабре 1942 г.), супруги Г.Л. и А.Ф. Козловские, Е.С. Булгакова.
Близкое соседство с семьями писателей, отдаю-щих должное ее великому таланту,
способствовало об-щению. Луговские, Штоки, Ян, Цявловские и их младший друг А.П.
Сухомлинова, А.М. Эфрос, К.А. Липскеров, В.М. и М.М. Волькенштейны; жи-вущие в
Ташкенте узбекские, украинские, белорусские

Берестов В. «Отдай меня, Воронеж». С. 336. "Там же. С. 335 – 336.

и русские поэты; лечившиеся в госпиталях Ташкента поэты-фронтовики, – всех не
перечислить, – бы-вали у Ахматовой, читали ей и слушали ее стихи. Де-сятки, если
не сотни людей, посетивших Ахматову в военные годы, вспоминали о том, как она
читала им «Поэму без героя», военные стихи, наброски пьесы «Энума элиш».
Пожалуй, никогда еще у Ахматовой не было такой регулярной, благодарной,
заинтересо-ванной аудитории, пусть даже иногда состоящей из одного или двух-трех
человек. Ахматова с готовнос-тью читала «Поэму без героя» одному человеку так
же, как если бы перед нею был переполненный зал. Ощущение нужности своей поэзии,
ее востребован-ности помогало выжить.

В одной из рабочих тетрадей (РТ 113, л. 11 об.– 12, РГАЛИ) записаны адреса, по
которым Ахматова жила в Ташкенте:

«1. Ул. Карла Маркса, 7. Общежитие московских писателей. 1941–42 («Мужество»,
«Триптих», «Какая есть»). Санаторий Дюрмень. Тифозный барак (конец 1942 г.).
2. Ул. Жуковского, «Белый Дом». Балахана с 1 июня 1943, и по-том квартира
Луговских. С Надей оттуда (1944 13 мая) улетаю в Москву. В Москве у Ардовых».
«Общежитие московских писателей» – первое пристанище писателей, эвакуированных в
Таш-кент, – выходило одной стороной на местную Крас-ную площадь; в этом здании
было Управление по делам искусств. Ахматовой досталась отдельная ком-натка на
втором этаже, в которой раньше помеща-лась касса. Вот описание этой комнаты в
воспомина-ниях Г.Л. Козловской, которую привела к Ахмато-вой Евгения
Владимировна Пастернак в один из пер-вых дней после ее приезда: «Я оглядела
конурку, в которой Ахматовой суждено было жить. В ней едва помещалась железная
кровать, покрытая грубым сол-датским одеялом, единственный стул, на котором она
сидела (так что она предложила нам сесть на по-стель). Посередине – маленькая
нетопленая печка «буржуйка», на которой стоял помятый железный чайник. Одинокая
кружка на выступе окошка «Кас-сы». Кажется, был еще ящик или что-то вроде того,
на чем она могла есть.

В каморке было холодно. Тусклая лампочка лишь усиливала тоскливость этого
одинокого угла, его нетопленность и случайность. ... Было что-то
глумливо-ироничное, но совершенно единое с гофманианой ее жизни и судьбы, в том,
что ей, самой безденежной из всех, суждено было жить в помещении, где до войны
шелестели купюры и вы-давались суммы, часто немалые, преуспевающим писателям» *.
С. Сомова уточняла: «Дом на улице Карла Марк-са около тюльпановых деревьев,
посаженных еще пер-выми ташкентцами. Двухэтажный дом, в котором по-селили
эвакуированных писателей. Там были отдель-ные комнаты, не общежитие, как пишут в
примечаниях к книге Ахматовой 1976 года. Непролазная грязь во дворе, слышный
даже при закрытых окнах стрекот ма-шинок. Во дворе справа лестница на второй
этаж, на-

*КозловскаяГ. Воспоминания об А.А. Ахматовой / Новый Журнал. 1987. № 168–169. С.
348. Другой вариант воспоминаний Г.Л. Козловской – «Мангалочий дворик» /
Воспоминания об Анне Ахматовой. С. 378–379.

ружная. Вокруг всего дома открытый коридор, и в нем двери. Дверь Ахматовой» *.

Из «Ташкентских тетрадей» Л.К. Чуковской, за-пись 21 ноября 1941 г.: «Вчера
А.А., замученная ре-монтом, отсутствием воды и уборной, обеда и постели, и, к
тому же, зубной болью:

– Слава всегда оборачивалась ко мне как-то странно. К другим знаменитым подходят
на вече-рах; слава приносит им комфорт и достаток. А ко мне поклонники подходят
объясняться главным об-разом тогда, когда я стою в очереди к уборной. Каж-дый
раз» (1, 343). Запись 9 декабря 1941 г.: «Я заш-ла к ней днем – лютый холод в
комнате, ни полена дров, ни одного уголька, плесень проступает на сте-нах и на
печке» (1, 347). При этом – Ахматова читает книгу рассказов Джеймса Джойса,
изданную в Москве в 1937 г., обсуждает с Лидией Корнеевной особенно
понравившийся обоим рассказ «Дублинцы». На ее шею ожерелье, подаренное ей

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
Мариной Цветаевой.

Я.З. Черняк, посетивший Ахматову в июле 1942 г., записал: «Комнатка крошечная. Окно чердачное. Раскалено за день под чердачной крышей. Окно открыто, а духота не уходит. Лежит – два дня нездорова. Между двумя стенками угол занят висящими на палке пла-тьями. Жилище зашедшего сюда на день, на вечер... А она здесь с И ноября 1941 года» **.

Сомова С. Анна Ахматова в Ташкенте /Воспоминания об Анне Ахматовой. С. 369.

"Черняк Я.З. Из Ташкентского дневника / Воспоминания об Анне Ахматовой. С. 376.

Об Ахматовой заботились соседи – жена драма-турга Исидора Владимировича Штока, Ольга Рома-новна, жена и дочь СМ. Городецкого – Нимфа (Анна Александровна) и Ная (Рогнеда Сергеевна) Городец-кие. Л. К. Чуковская приносила продукты из пайка К. И. Чуковского, покупала на рынке деревянные ящики и уголь для топки печки. А.П. Сухомлинова вымени-вала продукты на Алайском базаре. Запись в дневнике Л.К. Чуковской 16 февраля 1942 г.: «В эти же дни выяснилось, что NN давно уже получила пропуск в магазин, то есть право на паек; ее известили – и она позабыла об этом, чудовище... Я ужасно счастлива, теперь она будет сыта. Ольга Романовна ходи-ла дважды в магазин, и я с Люшей один раз – когда О.Р. уезжала на Чирчик. – Капуста, желе, вино, пшеничная крупа, лапша» (1, 396). 21 февраля: «В ком-нате холод – кончились дрова совсем. Паек – липа, совсем не тот, что папин, дают ерунду» (1, 399).

Таким был быт. И на этом фоне – стихи. Чтение стихов. Писание новых, добавление новых строф в «Поэму без героя». 24 февраля 1942 г.: «Она прочла мне набросок стихотворения о русском слове («Мужест-во»)» (1, 401). Слова Ахматовой 21 февраля: «Не дай мне бог написать то, что я сейчас задумала» (1, 399).

Кардинальное улучшение бытовых условий жиз-ни Анны Ахматовой произошло непосредственно вслед за публикацией ее «Мужества» в центральной «Прав-де».

Почти сразу же после этого, в марте 1942 г. А.Н. Толстой предложил ей переехать из «Общежития Писателей» в так называемый Дом академиков на Уез-дной улице. Л.К. Чуковская пишет об этом: «Там удоб-но, сытно, уборная в доме, ванная и прочие прелести. Но зато дорого: комната обходится около 200 р. в ме-сяц. NN колеблется. Все скорбят и отговаривают. Я бы ужасно хотела, чтобы она переехала в человеко-подобный дом. Но боюсь дороговизны и отсутствия Ольги Романовны (Шток. – Н.К.), которая моет, шьет и пр. Правда, быт там легкий» (1, 414). 19 марта Л.К. Чуковская узнала о решении, которое приняла Ахматова после недолгого колебания: «Сообщила, что ни за что никуда не поедет. – «Здесь я, платя 10 р. за комнату [могу], на худой конец, и на пенсию жить. Буду выкупать хлеб и макать в кипяток. А там я че-рез два месяца повешусь в роскошных апартаментах. ... Тут, конечно, целая сеть причин сразу: и ее ужас перед бытом, и нелюбовь к переменам, и принципи-альное нищенство, и боязнь одиночества» (1, 416, 420–421).

Запись Л.К. Чуковской 14 мая 1942 г.: «Сегодня, в Союзе, Радзинский рассказал мне, что вчера вечером за NN прислали машину из ЦК, и там спрашивали о ее здоровье, книге, пайке и пр. NN, вероятно, объяснит это по-иному, но в действительности это – результат письма, которое Шкловский подал на дня в ЦК» (1, 446). Ахматову принимал второй секретарь * ЦК КП(б) Узбекистана Н.А. Ломакин. «...Он спро-сил ее о ее быте, и она, конечно, как ей и надлежит, ответила, что живет отлично и ей ничего не надо. Чу-довище! У нее никакого пайка, чердак вместо комна-ты» (1, 447–448). 16 мая 1942 г.: «Вчера утром папа * Секретарь по идеологии.

по моей просьбе написал письмо Ломакину об истин-ных нуждах NN (паек, обеды, поликлиника), и я от-несла его» (1, 451). 20 мая 1942 г.: «забыла написать: я подала папино письмо в ЦК в воскресенье утром, а во вторник NN прислали пропуск в распределитель ЦК и талоны на обеды в Дом академиков (откуда ее откре-пили)» (1, 454). 23 мая 1942 г.: «Вчера вечером у нее долго сидел Мур. Она отдала ему из своего пайка (нашего! выхлопотанного!) очень многое. Они говори-ли о французских поэтах, забрасывая друг друга цита-тами. Поносили стихи Гюго и восхваляли Поля Верле-на» (1, 456). А немного раньше Лидия Корнеевна за-писала слова Ахматовой о сыне Марины Цветаевой: «Марина умерла бы вторично, если бы увидела сейчас Мура. Желтый, худой... Чем помочь ему? Я и так от-даю ему весь хлеб» (1, 455).

В сентябре 1942 г. Ахматову прикрепили к «сто-ловой Партактива» (1, 482).

В ноябре 1942 г. Анна Ахматова тяжело заболе-ла – брюшной тиф, или паратиф, температура 38,5 °. «Отправлять ее в больницу, конечно, страшно. В боль-нице нет кипяченой воды и очень много тараканов, но дома ведь нечем топить, то есть разогревать, варить, штепселя запечатаны» (1, 496). Последняя фраза не случайна: в Ташкенте в условиях военного времени эконо-мили электроэнергию, в газете «Правда Востока» еще 9 ноября 1941 г. появилось грозное объявление:

«Ташэнергосбыт сообщает, что пользование электри-ческими нагревательными приборами (плитки, чайни-ки, утюги и т.п.) временно запрещено». См. об этом в

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941-1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
воспоминаниях о Ташкенте Н.Я. Мандельштам: «Воровать электроэнергию я научилась
к концу вой-ны» *. Ахматову отвезли в особую «правительственную» палату
Ташкентского медицинского института. Она по-просила Н. Я. Мандельштам не
посещать ее в этой при-вилегированной больнице. «Не думаете ли вы, что та-кая
осторожность излишня? Я думаю, Осип на такое способен не был», – спросила Л.К.
Чуковскую глу-боко обиженная Надежда Яковлевна (1, 499). Однако вскоре –
простила...

С 1 июня 1943 г. Ахматова живет в другом писа-тельском доме – на улице Жуковской
– на «балаха-не», в комнате уехавшей Е.С. Булгаковой. Бытовые условия стали чуть
лучше, круг общения все так же широк, круг друзей все так же узок.

Ташкент вошел в поэзию Ахматовой своей приро-дой, восточной мудростью и
доброжелательностью, ве-ками сложившейся особой культурой мусульманских народов,
живущих в прекрасном оазисе между пусты-нями, жизнью неспешной и подчиненной
законам и ка-таклизмам природы. Она ощутила несколько неболь-ших землетрясений,
встретила в Ташкенте три весны, когда город утопал в цветах, а вокруг города
бескрай-ние поля были покрыты тюльпанами, перенесла холод зимой и зной летом, –
Но не забуду я никогда До часа смерти,
Как был отраден мне звук воды В тени древесной.

И там же она ощутила свою сопричастность к Вос-току как «чингизидки» («я не была
здесь лет семь-

¹Мандельштам Н. Вторая книга. М., 1990. С. 484.

сот...»)– Ей помогало жить сочувствие восточного на-рода всеобщему бедствию,
особо проявляющееся в от-ношении к Ленинграду и ленинградцам.

19 сентября 1943 г. в статье «Возвращение» Ха-мид Алимджан писал о Ташкенте,
принимавшем эва-куированных из европейской части страны: «Ташкент-скую зиму 1941
– 1942 гг. люди никогда не забудут. В город, казавшийся до тех пор тесным самим
ташкен-тцам, нахлынули десятки тысяч людей самых разнооб-разных профессий.

Эшелон за эшелоном прибывали академики, писатели, художники, артисты,
предприя-тия, заводы, военные академии, вузы. На площади Ташкентского вокзала
образовалось огромное скопле-ние народа. Работники города не знали, как
поступить с приехавшими, где их приютить, сокращали норму жилой площади,
уплотняли учреждения, освобождая для жилья занятые ими помещения. Комиссия по
уст-ройству эвакуированных день и ночь принимала посе-тителей, но очереди никак
не сокращались. Улицы го-рода были переполнены новыми людьми. ... Узве-ки
говорят: «Если сердце щедрое, место найдется». ...

Никогда, ни в одну эпоху Ташкент не был средо-точием такого гигантского
количества людей науки, литературы и искусства» *.

Ташкент, столица Узбекистана, в 1941 г. был од-ним из тех городов, где
сосредоточились огромные куль-турные силы эвакуированных из столиц организаций и
союзов (такими же городами были Куйбышев, Алма-Ата, Чистополь). В Ташкенте сразу
же приступили

Правда Востока. 1943. 19 сентября.

к работе Институт мировой литературы Академии наук и Ленинградская
консерватория, приезжали на гастро-ли, сменяя друг друга, лучшие московские
театры, с сольными программами выступали певцы, чтецы, ан-самбли, авторы
эстрадных номеров. Активно работали собственные ташкентские театры, спектакли
которых отвечали самым высоким требованиям знатоков.

Радиопередачи «ОтСоветского Информбюро», га-зетные новости, письма родных и
друзей, а иногда – незнакомых читателей с фронтов и из осажденного Ле-нинграда,
рассказы раненых и приехавших с фронта – источники сведений о событиях,
отразившихся в ахма-товских стихах ташкентских лет. И еще документаль-ные
фильмы, которые регулярно выходили на экраны в те годы: о сражении под Москвой,
о Сталинграде, о блокадном Ленинграде, о разгроме итало-германских войск в
Африке. Разумеется, судьба Ленинграда и Москвы была самой главной болью. Но для
Ахмато-вой были важны и новости о судьбе Лондона, о сраже-ниях в Ливии, об
открытии второго фронта.

В поэзию Анны Ахматовой вошел город Тобрук – «Это где-то там, у Тобрука, // Это
где-то здесь, за углом...». О Тобруке и боевых действиях вокруг него много
писали газеты тех лет. Осажденный Тобрук и военные действия в Ливии были
регулярной темой военных сводок конца 1941 г. Газеты и радио рассказы-вали об
осажденном гарнизоне Тобрука, части которо-го «заняли укрепленную точку
неприятеля», о том, что наиболее активные операции английской армии прово-дились
западнее Тобрука (12 декабря 1941 г.), что южноафриканские и индийские войска
установили кон-такт с войсками гарнизона Тобрука. 17 декабря 1941 г.

появилось сообщение об отступлении двух бронетанко-вых дивизий генерала Роммеля
и двух итальянских моторизованных дивизий – в 32 километрах от Тоб-рука – и т.д.
В английском документальном фильме «Победа в пустыне», где речь шла о разгроме
армии генерала Роммеля в октябре 1942 г., также большое место отве-дено Тобруку.

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
«После ночной атаки английских войск 23 октября 1942 г., – пересказывает рецензент содержание фильма, – видны сотни немецких танков, пылающими кострами разбросанных в пустыне, развороченные пушки, выпотрошенные блиндажи. Один за другим взвиваются английские флаги над Тобруком, Бенгази, Эль-Агейлой» *. Два удара – полное очищение от фашистов Египта, Киренаики и Ливии и Сталинградская битва – слились в единый общий удар, писал рецензент фильма. 10 сентября 1943 г. Италия объявила о своей капитуляции.

Ф.Г. Раневская вспоминала о том, как Ахматова бежала к ней через весь Ташкент, чтобы сообщить эту потрясающую новость.

16 сентября 1942 г. у Ахматовой был в гостях чешский поэт Сандра Лысогорский. Она читала ему «По-эму без героя» – «...и он говорил, что это самая современная вещь, какую он слышал, что впервые так сказано верно о войне: «Это где-то там, у Тобрука – это где-то здесь, за углом», что вещь европейская, что в ней показана вся та культура, которая теперь разрушается» (1, 482).

*Аренберги. Победа в пустыне / Правда Востока. 1943. 27 июня.

Ташкент в годы войны был выдающимся театральным городом. Кроме собственных театров – Государственного театра оперы и балета им. А. Навои, Русского драматического театра им. Горького, Узбекского драматического театра им. Хамзы, Театра музыкальной драмы и комедии, Тюза и Театра кукол, с первых месяцев войны здесь развернули работу многочисленные эвакуированные в Ташкент коллективы: Театр Революции, Государственный еврейский театр, Театр Ленинского комсомола. На гастроли приезжали Театр киноактера, Ленинградская еврейская оперетта, Киевский театр оперы и балета и др. Приезжали и давали сольные вечера и концерты Изабелла Юрьева, Любовь Орлова, Владимир Яхонтов, Кето Джапаридзе, Лидия Русланова, Вадим Козин, Аркадий Райкин, Т.К. Окуневская, М.Р. Александрович, М.В. Кусевицкий, Анна Гузик, чтецы Э. Каминка, К.В. Пугачева; проводил «сеансы» Вольф Мессинг.

Силами ташкентских артистов и Ленинградской консерватории давались замечательные симфонические концерты. Михоэлс играл Тевье-молочника и короля Лира и ставил узбекские оперные спектакли в Ташкентском театре оперы и балета; художник А. Тышлер оформлял спектакли в Театре Революции и в театре им. Хамзы и получил звание заслуженного деятеля искусств Узбекской ССР.

В репертуаре Русского драматического театра им. Горького – «Машенька» А.Н. Афиногенова, «Опти-мистическая трагедия» В.В. Вишневского, «Кремлевские куранты» Н.Ф. Погодина, «Анна Каренина» по Л. Толстому, «Тот, кого искали» А.Б. Раскина и М. Слободского, «Русские люди» К.М. Симонова, «Батальон идет на запад» Г.Д. Мдивани, «Нашествие» Л.М. Леонова, «Олеко Дундич» А.Г. Ржешевского и М.А. Капа, «Генерал Брусиллов» И.Л. Сельвинского, «Дети Солнца» М. Горького.

Мы не знаем, бывала ли Ахматова на этих русских спектаклях. Но в том, что она посещала оперы, балетные вечера и симфонические концерты, сомнений нет. В одном из интервью 1962 г. Ахматова говорила: «За последние двадцать лет меня все больше влечет музыка. Она попросту необходима мне» *.

За последние двадцать лет – т.е. с 1942 г. Вряд ли ее привлекали оперные спектакли вроде «В бурю» Т. Хренникова по роману Н. Вирты «Одиночество» (премьера в середине ноября 1941 г.) или опера «Суворов» С.Н. Василенко. Но она могла пойти на «Лебединое озеро», «Пиковую даму» или «Евгения Онегина» Чайковского, «Кармен» Бизе, «Дон Кихота» Минкуса, «Князя Игоря» Бородина, «Ивана Сусанина» Глинки, «Садко» Римского-Корсакова.

По словам Г.Л. Козловской, из русских опер Ахматова «знала и по-настоящему любила «Хованщину» и «Пиковую даму» ... как-то, когда она пренебрежительно отозвалась о либреттистах «не-поэтах», Алексее Федорович показал ей тексты «Сказания о невидимом граде Китеже» и «Золотого петушка» либреттиста Вельского. Этот ученый-лингвист, который писал либретто для опер Римского-Корсакова, был прежде всего прекрасным поэтом, обладавшим удивительным чувством русского языка. Слиянность его стихов с музыкой уникальна, а претворение «Золотого петушка»

*Простор. 1971. №2. С. 101.

Пушкина в остроумнейшее драматическое произведение является шедевром. Мы были рады, когда Ахматова признала в нем подлинного поэта» *.

Интерес Ахматовой именно к «Сказке о золотом петушке» не случаен: еще в 1933 г. она опубликовала в «Звезде» статью о ней «Последняя сказка Пушкина», комментировала ее в издании «Рукописи А.С. Пушкина. Фототипическое издание» (М., 1939).

Можно предположить, что Ахматова посетила оперы, музыку которых написал А.Ф. Козловский. Не случайно мемуаристка подчеркивала их «взаимное понимание» с Ахматовой: «Ее глубоко трогала сила его неугасимого художественного горения. Понимая, через что должен был пройти большой художник, пересаженный на иную

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat национальную почву, она втайне преклонялась перед творческой силой его личности, перед его влюбленностью в музыкальные и духовные родники от-крывшегося ему Востока» **.

На сцене Ташкентского оперного театра исполнялись несколько произведений А.Ф. Козловского. Опера «Давран-Ата» (авторы текста К. Яшен, С. Абдулла и Чусты, композиторы Т. Садыков и А. Козловский) была поставлена 4 ноября 1941 г., с 28 ноября в опере пела Халима Насырова («Халимы соловьиное пенье», – написала о ней Ахматова). Сюжет музыкальной дра-мы незамысловат: у старого рабочего-железнодорож-ника Давран-Ата – три сына: Мардан – лейтенант Красной армии, Аббас – инженер-путеец и Таир – учащийся. Двое старших – на фронте, Аббас совер-

" Новый журнал. 1987. № 168–169. С. 369. "Там же. С. 363.

шает подвиг и гибнет. Семья тяжело переживает утра-ту. И тогда старик отец посылает на фронт третьего сына, чтобы тот отомстил врагам за смерть брата. В рецензии особо отмечалось музыкальное новаторство композиторов Т. Садыкова и А. Козловского, поста-вивших перед исполнителями трудную задачу: сочетать арии с диалогами-речитативами, драматическую игру с пением, что не всегда удается оперным певцам. Не-обыкновенно звучал и оркестр: «Введение в симфони-ческий оркестр узбекских национальных музыкальных инструментов на этот раз вылилось в очень интересные формы. Композиторы сумели найти пути к органичес-кому слиянию национальных инструментов со звуча-нием симфонического оркестра» *.

Премьера музыкальной драмы «Шерали» (текст Хаида Гуляма, музыка М. Ашрафи, С.Н. Василен-ко, А.Ф. Козловского) состоялась 15 января 1942 г. Участвовали Халима Насырова, Карим Закиров, Кари Якубов, М. Тургунбаева и др. Наибольшую славу ком-позитору принесла историческая опера «Улугбек» (либ-ретто Г. Герус и А. Козловского, музыка Козловско-го). Она исполнялась в переводе на узбекский язык Миртемира Турсунова. В доме Козловских ее называ-ли «наша опера», и в ней также пела Халима Насыро-ва. Рецензент профессор В. Беляев писал, что за все тринадцать лет существования узбекского музыкаль-ного театра «это наиболее значительное из всех произ-ведений, ранее поставленных на этой сцене» **.

"Викторов В. «Давран-Ата»/ Правда Востока. 1941. 5 ноября. С. 4.

** Правда Востока. 1942. 26 ноября.

Содержание оперы – борьба сил добра и зла. Добро воплощено в образе Улугбека, внука Тимура, правителя Самарканда. Он – гуманист и ученый, покровитель наук и искусств, строитель обсервато-рии. Против него выступает его собственный сын Абдул-Ляtif, честолюбец, ревнивец, объединивший вокруг себя темные силы зла. В этой борьбе Улугбек гибнет, вместе с ним идет на смерть китайка Син-Дун-фам, любящая Улугбека и не пожелавшая сми-риться с тем, что тот «отдал» ее сыну. За историчес-ким сюжетом явственно просматривается современ-ность: силы добра – это союзники во главе с СССР и Сталиным, силы зла – фашизм, Гитлер. О музы-кальных достоинствах оперы рецензент был очень высокого мнения: «Музыкальный язык оперы «Улуг-бек» ярок и выразителен. Это произведение зрелого мастера, блестяще владеющего оркестровыми сред-ствами и красками, глубоко прочувствовавшего свою тему и давшего в своем роде образец для будущих творцов узбекских опер». Особо отмечается знание композитором узбекского музыкального фольклора и умелое его использование.

Спектакль был блестящим. Дирижер – народный артист УзССР Мухтар Ашрафи, режиссер Э.И. Кап-лан, художник А.В. Усто-Мумин, художник-консуль-тант А. Г. Тышлер. Художественный руководитель всей постановки – народный артист СССР, орденонсец, профессор СМ. Михоэлс. Именно так торжественно было написано в рецензии о Михоэлсе. «Ценнейшие плоды в руководстве этим спектаклем и всей художе-ственной работой Узбекского театра оперы и балета при-несло участие народного артиста СССР орденоносца

С.М. Михоэлса. ... Каждый раз, когда меркнет свет в зрительном зале и на сцене возникают ярко осве-щенные стены древнего Самарканда – резиденции Улугбека, – чувствуешь все величие борьбы советско-го народа с фашистскими варварами» *. Итак, это был современный антифашистский и про-сталинский спектакль. В феврале 1944 г. на «декаде советской музыки республик Средней Азии» объеди-ненный симфонический оркестр исполнял еще одно про-изведение Козловского – симфоническую поэму о Сталине «Великий полководец» (композиторы Мух-тар Ашрафи и А.Ф. Козловский, дирижер лауреат Ста-линской премии, народный артист УзССР Мухтар Ашрафи). Такова была единственная форма выжива-ния для творца, высланного из Москвы в чужую стра-ну и чужую духовную среду.

Анна Ахматова понимала это, не осуждала, тя-нулась к этим одаренным, не сдающимся людям, пы-тающимся сохранить себя и творить в условиях почти невозможных для творца. Г.Л. Козловская написала об этом в одном из вариантов своих воспоминаний, созданных еще до «перестройки» и до распада ком-мунистической системы: «И все же, несмотря на очень тяжелую обстановку, в

сочинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
доме нашем шла интенсивная творческая жизнь. Писалась музыка, ставилась наша
опера «Улугбек». Люди шли к нам во множестве, са-мые разные. Шли те, кто ничего
не уступал и не от-ступался от своей духовной сущности. И даже гофма-ниана нашей
порой фантастической жизни не прини-жала, не уничтожала нас, а лишь усиливала и
обостряла

* Правда Востока. 1942. 26 ноября.

наше чувство времени, что тоже дар, который надо хранить» *.

Из многих воспоминаний известно, что Ахматова в Ташкенте часто слушала музыку.

Сонаты, этюды, отрывки из симфоний играли ей Козловский и Иза Ханцин,
насвистывала (она изумительно умела это де-лать) Ф.Г. Раневская. Ахматова любила
Баха и Ви-вальди, Моцарта и Шопена, Стравинского и Римско-го-Корсакова. «Алексей
Федорович рассказывал ей однажды, как на основе кантат Баха ученый-музыкант
Швейцер и Болеслав Яворский обнаружили общность символов в его инструментальных
произведениях. Анна Андреевна была этим очень увлечена и часто просила играть и
объяснить, что каждый из этих символов оз-начает» **. И еще она любила романсы –
«Для бере-гов отчизны дальной» Бородина, «Пророк» Римско-го-Корсакова, «Сирень»
Рахманинова. «Многое уйдет, а «Сирень» останется», – говорила Анна Андреев-на...
В доме Козловских Ахматова могла встречаться с певицей Большого театра Ксенией
Георгиевной Дер-жинской, лучшей Девой Февронией в «Сказании о не-видимом граде
Китеже».

«Как хорошо слушала она музыку! Она почти каж-дый раз просила Алексея Федоровича
играть ту или иную вещь, что он, при своей редкостной памяти, де-лал легко и
просто»***. «Вообще Алексей Федорович почти всегда ей играл, когда она
приходила. После бе-сед и разговоров все кончалось музыкой» ****.

* Воспоминания об Анне Ахматовой. С. 385. ** Новый журнал. С. 368. ""Там же. С.
359. *""Т а м ж е. С. 362.

И еще Ахматова любила слушать в исполнении Г. А. Козловской сочинения
Козловского на ее стихи – «Пролог» к «Поэме без героя», «А я росла в узорной
тишине...», «Царскосельскую статую». Специально приводила послушать ее
исполнение Раневскую.

И, наконец, совершенно особым было отношение Ахматовой к музыке Шостаковича. Его
музыка зазвучала в Ташкенте с первых же выступлений там эвакуи-рованной из
Ленинграда Консерватории.

Статья В. Викторова в «Правде Востока» расска-зывала о начале учебного года в
Ленинградской кон-серватории в ноябре 1941 г. и большом концерте, дан-ном ее
творческим коллективом под руководством дирижера И.А. Мусина: первое отделение
концерта началось «Интернационалом» – в очень интересной и новой для
ташкентского слушателя оркестровке Д.Д. Шостаковича. Далее следовали
«Торжественная увертюра» Глазунова, «Песня о Сталине» Хачатуряна и другие
произведения *. По мнению рецензента, этот концерт означал «начало контакта
между консервато-рией и общественностью города».

Подводя итоги деятельности Ленинградской кон-серватории за 1942 г., «Правда
Востока» в статье проф. С.Л. Гинзбурга «Концерты Ленинградской консерва-тории»
отмечала чрезвычайное богатство имен компо-зиторов, чья музыка звучала в
Ташкенте: Бах, Моцарт, Бетховен, Шуберт, Шуман, Дебюсси, Глинка, Боро-дин,
Чайковский, Танеев, Глазунов, Скрябин. Особым успехом пользовались камерные
вечера из произведе-ний Д.Д. Шостаковича и Л.В. Николаева. « Достой –

* Правда Востока. 1941. 23 ноября.

ным завершением концертного сезона явилось испол-нение седьмой симфонии
Шостаковича» *.

Седьмая симфония Шостаковича заняла особое место в поэзии Ахматовой 1940-х годов
и в ее творчес-ком мироощущении.

Запись в дневнике Л.К. Чуковской 22 июня 1942 г.: «Вчера вечером с Лидочкой
зашла к NN. Она была усталая, разбитая и недобрая. Утром она слушала с Раневской
репетицию симфонии Шостаковича.

«– Я так разбита, так устала, что хоть ложками собирай. Какая страшная вещь...
Вторую и третью ча-сти нужно слышать несколько раз, чтобы проникнуть-ся ими, а
первая доходит сразу. Какой ужас эти гнус-ные маленькие барабанчики... Там есть
место, где ске-леты танцуют фокстрот... Радостных нот нет, победы радости нет
никакой: ужас сплошь. Вещь гениальная, Шостакович – гений, и наша эпоха,
конечно, будет именоваться эпохой Шостаковича. Раневская сказала о симфонии: так
страшно, точно ваша поэма... Несколь-ко человек так говорили» (1, 465).

Любопытно сравнить первое впечатление Ахмато-вой от Седьмой симфонии с рассказом
о ней А.Н. Тол-стого, услышавшего ее на генеральной репетиции в Куй-бышеве и
вскоре написавшего о ней одну из лучших своих рецензий «На репетиции Седьмой
симфонии Шостаковича» **. Г.Л. Козловская писала: «Помню, как он рассказывал
моему мужу о своем впечатлении от Седьмой симфонии Шостаковича Толстой

* Правда Востока. 1942. 30 октября.

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
"Правда. 1942.16 февраля. Впоследствии перепечатана во мно-гих газетах, в том

числе и в ташкентской «Правде Востока» (1942. 25 февраля).
волновался, выколачивал трубку и как-то наивно, по-детски повторял: «А потом все
барабанщики, барабан-щики». Услышав эту симфонию, мы поняли, что он имел в виду
– неумолимо нарастающую смертоносность фа-шистской поступи» *.

25 июня 1942 г. Седьмая симфония Шостаковича исполнялась в Ташкенте в большом
зале Оперного теат-ра – оркестром Ленинградской ордена Ленина Государ-ственной
консерватории, состоящим из профессоров и сту-дентов. Дирижер – заслуженный
артист республики, про-фессор-орденоносец И.А. Мусин. Сбор от продажи билетов
поступил в пользу эвакуированных детей. 29 июня исполнение было повторено в
помещении Дворца культу-ры, бывшего клуба швейников, на ул. Чехова. Возможно,
Ахматова была на одном из этих исполнений.

Запись Ф.Г. Раневской – о встрече в больнице с Д.Д. Шостаковичем: «Я рассказала
ему, как мы с Ахматовой слушали знаменитую «Ленинградку» в Ташкенте, в
эвакуации, как дрожали обе, слушая его гениальную музыку. В ней было все: было
время наше, время войны, бед, горя. Мы плакали. Она редко пла-кала» **.

По воспоминаниям К. Курносенкова, домой Ах-матову провожала толпа молодежи***. В
день премье-ры, приуроченной к годовщине начала войны, было очень жарко – 44 0 в
тени. «Зал, раскаленный от жары, был переполнен. В финале ... торжественность пе-

* Новый журнал. 1987. № 168–169. С. 357.

" Раневская Ф.Г. Разговор с собой. Дневник на клочках / лит. газета. 1996. 21
августа.

*** «Лик Анны Ахматовой», из цикла очерков «Незабытое»/ Правда Востока. 1987. 7
января.

*г

редавалась залу, который тоже поднимался в едином порыве» *.

Позже Анна Ахматова напишет Шостаковичу на книге своих стихов: «Дмитрию
Дмитриевичу Шоста-ковичу, в чью эпоху я живу на земле».

Незадолго до этих симфонических вечеров, на пер-вомайском вечере 1942 г., в
помещении балетной шко-лы Тамары Ханум, где располагался И МАИ, впервые в
Ташкенте прозвучало ахматовское «Мужество».

«И я, уходя на фронт, взял с собой ахматовское «Мужество» и с симоновским «Жди
меня» пронес его через всю войну», – писал К. Курносенков.

Этим стихотворением откроется книга стихов Ахматовой «Избранное», составленная в
Ташкенте в 1942-м и изданная в 1943 г.

В ноябре 1941 г. к только что приехавшей в Таш-кент Ахматовой пришла ташкентская
поэтесса Светла-на Александровна Сомова, работавшая тогда в Союзе писателей
консультантом и собиравшая стихи для аль-манахов, которые начали издаваться в
Ташкенте. Ах-матова читала ей стихи. «Да, в тяжкие дни войны, в тревоге, в
бедности, в холоде и болезни она читала стихи впервые увиденной неизвестной
женщине! Зву-чали слова: «Ив пестрой суете людской...», «Легких рифм сигнальные
звоночки...», «Ноченька! В звезд-ном покрывале...». Тогда же она мне их дала, и
мы с Луговским включили их в сборник «Родной Ленинг-рад», который тогда
выпустили» **.

"Хентока С. Шостакович. Жизнь и творчество. Т. 2. Л., 1986. С. 94.

** Воспоминания об Анне Ахматовой. С. 369–370.

14 июля 1942 г. Ахматова читала «Поэму без ге-роя» и стихи о Ленинграде
литературоведам Я.З. Чер-няку и Д.И. Еремину. Я.З. Черняк записал в дневни-ке:
«Какой поэт! Весь в музыке, в сдержанной музыке, которой искусаны губы, измучены
прекрасные руки. Сдержанный, закованный порыв. Извержение, оста-новленное
чеканщиком. Читала поэму «1913 года, или Поэма без героя». Посвящение.

Вступление. Первая глава, вторая. Третья – «Решка» – послесловие. ... Это поэма
о том, как жизнь шла вне жизни и становилась трагическим звуком.

Еремин говорит: как старинная постройка – с ба-шенками, пристройками, балконами.
Нет – как лири-ческие поэмы Байрона. ... Читала лирику. Стихи о Ленинграде. О
погибшем ребенке, о закопанных в землю статуях Летнего сада. О дальнобойном
ленин-градском – громе орудия. Удивительные восьмисти-шия. Лаконизм потрясающий.
И сила поэтическая нео-быкновенная. Слово – как молния, как меч, как ста-ринная
важная дверь, закрывающаяся тяжело, как бы навсегда» *.

Позже Я.З. Черняк будет регулярно получать тек-сты новых стихов Ахматовой в
письмах к нему актри-сы Натальи Александровны Вишневской, читавшей стихи
Ахматовой в концертах (ее письма к Черняку хра-нятся в РГАЛИ).

Ахматовой читали свои стихи ташкентский поэт В.В. Державин и В.А. Луговской,
переводчики В.В. Левик и А.С. Кочетков. Поэтесса и переводчица Е.Я. Тарановская
(сестра С.Я. Парнок) знакомила

Воспоминания об Анне Ахматовой. С. 376–377.

Ахматову с подстрочниками и своими переводами сти-хов Рахили Баумволь, – позже
Ахматова также пере-ведет несколько ее стихотворений. 30 сентября 1942 г.

сочинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
Ахматова навестила в день ее именин большую поэтессу Веру Александровну Меркурьеву, которую знала еще по Старкам. Ахматовой читали стихи Саша Гинзбург (будущий Александр Галич) и Наум Рамбах (будущий переводчик Наум Гребнев).
Со второй половины 1943 г. Н.Я. Мандельштам, которой надоели занятия английской поэзией в официальной обстановке, стала все чаще приводить своих учеников – В. Берестова, Э. Бабаева и З. Туманову – «на балахану», в комнату Анны Ахматовой. Теперь на занятиях звучали уже не английские, а русские стихи – А. Фет, К. Случевский, И. Анненский, В. Хлебников, Б. Пастернак и, разумеется, О. Мандельштам. При этом не просто «звучали». Замечательные «учительницы» – Анна Ахматова и Надежда Мандельштам – подсказывали, как увидеть в поэзии истоки образа, родство и единство поэтического языка. Н.Я. Мандельштам читала собравшимся «Лето» Пастернака – «... и поняли мы, // Что мы на пиру в вековом прото-типе – // На пире Платона во время чумы». В. Берестова поражает «сочетание Пира Платона с пиром во время чумы». Пушкинский образ заставляет вспомнить строки: «...И в аравийском урагане, //Ив дуновении чумы», а отсюда один шаг к «Стихам о неизвестном солдате» Мандельштама: «Может быть, Мандельштаму, когда он писал «Стихи о неизвестном солдате», показалось, что аравийский ураган не гремит арфой (вспомним пушкинское: «и в аравийском урагане, // И в дуновении чумы») и, значит, не может быть залогом бессмертия. «Аравийское месиво, крошево, // Свет раззолотых в луч скоростей», – сказал он про тот же ураган, с каким оба они Пастернак и Мандельштам сравнили XX век» *. Так анализировать стихи учили Н.Я. Мандельштам и Анна Ахматова.
Сделаем следующий шаг – к творчеству самой Ахматовой: не в этом ли ряду вариант ахматовского эпитета в стихотворении «Лондонцам» (1940) – «Сами участники чумного пира...», строки из стихотворения «Родная земля» (1961) – «И мы мелем и месим и крошим...» и образ скорости как бедствия XX века? И уже не кажется рискованным сопоставление строки знаменитого ахматовского «Мужества» – «И мы сохраним тебя, русская речь» с мандельштамовским обращением «К немецкой речи» (1932) – не только из-за поразительного родства формулировок, но и потому, что это стихотворение неизбежно должно было вспомниться Ахматовой в ташкентские годы, когда все настойчивее звучал в поэзии и с газетных страниц клич «Убей его!». Она, безусловно, была патриоткой, но и христианкой тоже. В ее творчестве темы «Убей его!» не было. Она возмущенно отказалась от сомнительной чести присутствовать при казни немецких преступников в 1946 г. Строка «И мы сохраним тебя, русская речь» может восприниматься как полемика с Мандельштамом, сказавшим: «Мне хочется уйти из нашей речи». А подтверждением тому, что разговор об этом стихотворении шел на уроках в ахматовской комнате на балахане, может служить запись В. Берестова о чтении там стихотворения Китса «Ода к соловью»: «Н.Я. распевно, прямо-таки трубным голосом, словно сама это сочинила, по просьбе Ахматовой прочла нам «Оду к соловью». Обе они переводили и поясняли каждую строку. Ахматова рассказывала о жизни Китса. Это был наш последний урок английского» *. Далее Берестов сопоставляет образ и одическую серьезность воспевания соловья у английского поэта с мандельштамовскими одой «К немецкой речи» и сонетом «Как соловей сиротствующий славит...»: «По-немецки соловей – «нахтигаль». Что бы ни происходило с Германией, немецкая речь не виновата. И поэт по-русски воспеваешь немецкого соловья, как Ките воспеваешь соловья английского: Бог нахтигаль, меня еще вербуют для новых чум, для семилетних боен, Звук сузился. Слова шипят, бунтуют, Но ты живешь, и я с тобой спокоен. Война, предсказанная Мандельштамом в 1932 г., начавшись в 1939-м, и впрямь длилась семь лет»**.
Может быть, и от этих мандельштамовских строк ахматовский «чумный пир» начала Второй мировой войны?
10 марта 1944 г. Ахматова прочла ученикам Н.Я. Мандельштам весь свой «Ленинградский цикл», а Надежда Яковлевна – «Стихи о неизвестном солдате» Мандельштама. В доме Ахматовой на этом или подобных этому чтениях – кроме троих «учеников», «сбежавший из госпиталя» Рамбах (Н.Гребнев), Нина Пушкинская, Светлана Сомова, Ксения Некрасова.
Наконец, может быть, ахматовская строка «И мы сохраним тебя, русская речь» восходит к другому мандельштамовскому, обращенному к Ахматовой, стихотворению: «Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма...» – ведь в той же строфе – еще одна переключка с Ахматовой: Как вода в новгородских колодцах должна быть черна и сладима, чтобы в ней к Рождеству отразилась семья плавниками звезда.
У Ахматовой – «Ведь капелька новгородской крови //Во мне, как льдинка в пеннистом вине».

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat

У Мандельштама – «В игольчатых чумных бо-калах...», «Что пересиливали срам //И чумную за-разу», «Это чумный председатель / / Заблудился с ло-шадьми». А также «За рыжую спесь англичанок», «Полночный ключик от чужой квартиры», «Я лишил-ся и чаши на пире отцов»; у Ахматовой – «Заглядел-ся на рыжих красавиц», «Это ключики от квартиры», «Я над ними склонюсь, как над чашей...».

У Мандельштама – «И светотени мученик Рем-брандт», «И мастер и отец черно-зеленой тени...», У Ахматовой – «мраки Рембрандта».

У Мандельштама: «Небо крупных оптовых смер-тей.. .» У Ахматовой: «.. .счастьем не торгую, как шар-латаны и оптовики». У Мандельштама: «Хорошо уми-рает пехота...» У Ахматовой: «Не страшно под пуля-ми мертвыми лечь...» У Мандельштама: «И летучая рыба – случайность...» Ахматова: «.. .в брюхе лету-чей рыбы...» У Мандельштама: «Потому что не волк я по крови своей, //И меня только равный убьет». У Ахматовой: «...а волка – круглый год».

Разговор на языке поэзии Мандельштама, нача-тый в юности, продолжался в военные годы, подкреп-ляемый беседами «на балахане».

Стихи -- это было главное. К Ахматовой прихо-дили, чтобы услышать ее стихи. Ее приглашали в дома ташкентской интеллигенции и «элитные» гостиные эвакуированных москвичей, чтобы она читала свои стихи. Особенно насыщенной была программа-lite-ратурно-музыкальных вечеров в домах Пешковых и Толстых.

На одном из таких вечеров у Толстых – 27 фев-раля 1942 г. – переводчик В.В. Левик читал «Лено-ру» и Ронсара, А.Н. Толстой – «Сказку о молодиль-ных яблоках и живой воде», героиней которой была «сильная, могучая богатырь-девица Синеглазка», ком-позитор Половинкин исполнял музыку на стихи Утки-на, которые перед этим читал поэт. Анна Ахматова читала «Поэму без героя». «Алексей Николаевич зас-тавил ее прочесть поэму дважды, ссылаясь на все ту же знаменитую трудность и непонятность. По-моему, он и после двух раз не понял, – записала Л.К. Чуков-ская. – Говорил об общности с символизмом – не-верно. Помянул «Было то в темных Карпатах» (А. Бло-ка. – Н.К.) – некстати. Одно он сказал верно, что поэма будет иметь большую историю» (1, 403). «Об-ратно мы шли ночью, при яркой луне: я, она и Левик. Она была весела и остроумна» (1, 404). Еще одна за-пись Чуковской от 10 марта 1942 г.: «8-го вместе с А.А. у Толстых. Левик, Пугачева, Над. Ал. Пешкова, вначале – папа К.И. Чуковский. Потому ли, что не было Уткиных и Половинкина, но на этот раз гораз-до приятнее, чем в первый. Левик читал неприличного Гейне и Лафонтена (мука для меня), плохого Бодлера и великолепного Ленау; NN – «ни измен, ни преда-тельств», «Другу» (?), «Лозинскому», [«Все это раз-гадаешь ты один»]. Успешно ходатайствовала о маль-чике Марины Цветаевой. ... 7-го она была в Прези-диуме Союза; 8-го – у Тамары Ханум*. С возмущением рассказала мне о том, как неумело был устроен этот вечер в Союзе» (1, 410–411).

«В дом Ахматовой приходили самые разные люди, которым было о чем ей рассказать. Позже она говори-ла об этом с улыбкой, многие запомнили ее фразу: «Они все словно сговорились не выпустить меня из Ташкента без законченного высшего образования...» В одной из бесед сентября 1944 г. Ахматова так отозвалась о сво-их ташкентских посетителях: «– А как было в Таш-кенте? – спросила ее С.К. Островская (литератор, пе-реводчица, подробно записывавшая беседы с Ахмато-вой в своих дневниках, а также сообщавшая об их содержании в органы Госбезопасности – Н.К.). Она оживилась и засмеялась: – А там все ко мне приходили, приходили... При-шла одна дама, очень милая, очень культурная, прочла мне двухчасовую лекцию о Грибоедове. Потом посмот-рела на часы, попрощалась и ушла. За нею пришел Ян – этот лауреат за своего Чингисхана! – и прочел

*Т.е. в помещении Театральной студии Тамары Ханум, где про водились литературные вечера.

мне двухчасовую лекцию о Чингисхане. Потом посмот-рел на часы и ушел. За ним кто-то и прочел мне новую двухчасовую лекцию о чем-то очень интересном. И по-том также посмотрел на часы и ушел. А я за все время, кажется, и полслова не сказала...» *

За легким ахматовским юмором этой фразы – благожелательность. Историк Милица Васильевна Нечкина не только излагала Ахматовой содержание своего исследования «Грибоедов и декабристы», но и чи-тала ей свои стихи, которые писала в те годы, и слуша-ла стихи Ахматовой; Василий Григорьевич Ян (Янче-вецкий) беседовал с Ахматовой об истории Средней Азии, и эти темы напоминали ей об интересах сына, Льва Николаевича Гумилева; в ташкентские годы В.Г. Ян написал цикл стихов, посвященных Ахматовой.

В 1943 г. Анна Ахматова принимала в своем доме художника Александра Григорьевича Тышлера, решив-шего сделать несколько ее карандашных портретов. « Мы говорили о поэзии. Анна Андреевна читала свои новые стихи. Я вслушивался, всматривался и все ду-мал, что же я должен еще передать, нарисовать, кроме «носа с горбинкой»?

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
Ведь рисунок, линия, которые со-здают образную гармонию лица, должны содержать и
еще один очень важный компонент, который все скрепляет – определенное состояние.
Вот этим состо-янием и была та тишина, которую так излучала Анна Андреевна... Я
как бы вполз в эту тишину и начал рисовать ... Анна Андреевна читала свои стихи
эпически спокойно, тихо, выразительно, так, что меж-
'Островская С.К. Встречи с Ахматовой (1944–1946) / ВРХД. 1989. Т. 156. С.
171–172.

ду нею и слушателем словно бы возникала прозрачная поэтическая ткань.
Создавалось своеобразное мягкое звучание тишины... Это помогло мне увидеть и
нари-совать Ахматову» *.

28 марта 1943 г. В. Берестов записал в дневнике: «В первый раз был у Ахматовой.
Читал ей стихи. Очень сдержанно похвалила. Прочла эпилог своей великолеп-ной
поэмы» **.

В 1943 г. Ахматова читала стихи и давала возмож-ность переписать «Поэму без
героя» Э. Бабаеву. «Я пе-реписывал по рукописям Анны Ахматовой ее «Поэму без
героя» в тетрадь, которую назвал «Моей антологи-ей» ***.

В чтении Ахматовой слышала «Поэму без героя» ташкентская поэтесса Нина Ивановна
Пушкарская (Та-тарина): «...услышав начало поэмы:

Из года сорокового,
Как с башни, на все гляжу, –
сказала: «Это как набат!»

Анна Андреевна согласилась. В некоторых спис-ках поэмы, в том числе и в моей
тетради, пролог имеет название «Набат». Это название не удержалось» ****.

Записки Э.Г. Бабаева содержат любопытный эпи-зод о посещении дома Ахматовой юной
поэтессой Зоей Тумановой: «Зоя Туманова простояла у двери Анны Ахматовой целый
час, не решаясь войти, потому что там Владимир Луговской читал свои белые стихи
из

'Воспоминания об Анне Ахматовой. С. 401, 403. "Там ж е. С. 336. "'Там ж е. С.
406–407. **"Т а м ж е. С. 406.

«Середины века». Дослушав до конца, Зоя ушла по-трясенная и написала
замечательные белые стихи, на-чинавшиеся строкой: «Там было все, чем полон этот
мир...» *.

Общение в Ташкенте Анны Ахматовой с Влади-миром Луговским – особая тема, которой
почти не касались пока еще исследователи ее творчества. Исклю-чение – книга А.
Павловского **.

Светлана Сомова рассказывала: «В добрых отно-шениях Ахматова была и с Владимиром
Луговским, ее рыцарем и почитателем; он целовал ей руки, провожал, поддерживая
за локоток, но такова была сила воздей-ствия Ахматовой, что, когда они шли рядом
– хруп-кая немолодая женщина и широкоплечий мужествен-ный мужчина, – казалось,
что он опирается на нее, а не наоборот. Когда они с Ахматовой читали стихи на
Жуковской у Елены Сергеевны Булгаковой, которая много помогала им обоим, – это
был эстетический праздник» ***.

Владимир Александрович Луговской (1901– 1957), попавший в Ташкент раньше
Ахматовой, появил-ся в ее доме с первых дней после ее приезда. Он пере-живал в
ту пору тяжелый психологический кризис – сомнения в своей храбрости и силе духа
после участия в одном из боев в роли корреспондента. Осмысляя свою жизнь и
судьбу, в Ташкенте Луговской начал работу над первыми поэмами будущей книги
«Середина века», в 1950-е годы кардинально переделанной им, превра-

* Воспоминания об Анне Ахматовой. С. 406 "Павловский А.И. Анна Ахматова. Очерк
творчества. Л., 1966. С. 123–130.

"* Воспоминания об Анне Ахматовой. С. 371–372.

щенной в политический трактат о Ленине и силе ком-мунистических идей и вышедшей
уже после его смерти (1958). Но в 1943 г. исповедальные «белые стихи» Луговского
потрясли слушателей, и Анна Ахматова высоко ценила их, а его самого считала
образцом ис-тинного поэта, всегда сомневающегося в себе – и пи-шущего об этом.
Из воспоминаний Э.Г. Бабаева: «Иногда он при-ходил к Анне Андреевне и читал ей
отрывки из своих новых стихов. Анна Андреевна тогда отодвигала свой стул в тень
и молча слушала его.

Сегодня день рожденья моего.

Ты разве жив?

Я жив, живу в Дербенте.

Однажды я слышал, как он читал свою поэму «Белькомб», одно из самых таинственных
произведе-ний его книги «Середина века».

Там много неясностей, недомолвок, биографичес-ких и исторических. Что привело
поэта в этот курорт-ный городок в Савойских Альпах и почему такая горе-стная
интонация? И главное, откуда этот страх, нарас-тающий, как лавина, готовая
поглотить мир:

И, грохоча туманным колесом, Пошла лавина смертными кругами...

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
Видно, там, в Белькомбе, поэтом владело великое смятение. И началось это еще до
войны: «Ты думаешь, что я ищу покоя?.. / /Я очень осторожен, и за мною / /
Огромный опыт бедственного счастья...» *

'Бабаев Э. Назначенный круг / Вопросы литературы. 1995. Вып. ГУ. С. 275.

Иногда, вспоминает Э. Бабаев, Луговской «сидел на ступеньках, опустив крылья
своего плаща, какой-то несчастный, чем-то потрясенный, как демон, в глубокой
задумчивости. ... он как будто искал снисхожде-ния у Анны Ахматовой. Целовал
ее руки, читал ей свои исповедальные стихи. Но она отмалчивалась. И только
однажды, увидев, как Луговской вскапывал землю вес-ной после заморозков, когда
зацветали деревья, сказала:

– Если хотите знать, что такое поэт, посмотрите на Луговского!» *

Приведем одно из стихотворений В. Луговского, появившееся 14 ноября 1943 г. на
страницах ташкентс-кой газеты «Правда Востока», – оно может служить как бы
«поэтическим фоном», на котором ярко высту-пает своеобразие «военных» и
«ташкентских тем» ли-рики Ахматовой:

Шуршали голубые тополя,
Луна летела на осеннем небе,
Такое огромное и такое бездонном,
Что каждое движение ее
По золотому кругу мирозданья
Живым казалось, трепетным и легким.
Кружась во сне, на землю падал лист.
И далеко по улицам Ташкента
Я слышал голос – важные известья,
Сигнал Москвы и мерный шум эфира.
Стояли толпы возле рупоров.
И «Широка страна моя родная»
Играла затемненная Москва.
Остановился я в толпе случайной.
Нет больше мочи. Дальше не пойду. ...

* Б а б а е в Э. Назначенный круг / Вопросы литературы. 1995. Вып. IV. С. 276.

Люди напряженно ждут известий:

Но медлит, медлит диктор.

... И нестерпимо в мире больше ждать.

Одно известно всем – идет Победа.

Замысел цикла поэм Луговского «Середина века» *, очевидно, восходит к
ахматовской поэме «1913 года, или Поэма без героя», как она называлась в годы
вой-ны. Отдельные составляющие цикл поэмы, так же как у Ахматовой, приурочены к
определенным датам, дей-ствие происходит на фоне исторических событий, на-бор
которых тождественен упоминаемым в поэзии и ав-тобиографической прозе Ахматовой.
Так же сдвигают-ся и переплетаются пласты времени и пространства. Поэма «Сказка
о дедовой шубе» повествует о событи-ях начала XX века: «Поверить трудно – умер
Мен-делеев» (он умер в 1907 г.); «А Блерио не может уле-теть // На моноплане.
Все ломает крылья» – собы-тия происходят в конце 1900-х годов; «Вы видели
Шалыпина в «Борисе»?» – Шалыпин пел партию Бориса Годунова с 1898 г.;
«Столыпинская дума. Ху-тора. // Петля Столыпина. Террор кромешный» – это о
периоде после 1906 г., когда П.А. Столыпин стал министром внутренних дел, затем
председателем Со-вета министров, а в 1906 – 1911 гг. провел аграрную реформу,
утверждающую право каждого крестьянина на свой собственный надел земли
(«хутора»).

В поэме «Как человек плыл с Одиссеем» рефре-ном проходит дата – 1916.

«Шестнадцатый кончал-ся страшный год...» «Да ведь и год-то был совсем

'Луговской В. Середина века. Книга поэм. М.: Сов. писатель, 1958. Далее страницы
указаны в тексте.

последний, / / Шестнадцатый. Распутина прикончи-ли вчера».

Время действия поэмы «Новый год» – новогод-ний вечер с 1918-го на 1919 г. и так
далее, вплоть до лет войны, послевоенных переоценок прошлого (XX съезда) и
нового возвращения памяти к годам юности и революции. Восходит к ахматовской
образ-ности поэтический язык Луговского.

Луговской:

Речные девки в реках мочат косы и выжимают косы. ... (С. 17)

И человек сидит у той дороги, Сам черный, черный, вроде даже стылый,
И злобно щерится, и всем пророчит войну и мор, и голод, и пожар. (С. 18)

Германия упала на колени, Могилы наползают на могилы (С. 31)

Кладут камни белые по взгорью (С. 18)

Корабль звенит, как тетива тугая,

И парус, накренясь, летит упрямо ...

Ахматова:

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
А я сушила соленую косу... («У самого моря»)
Приходил одинокий прохожий И один на дворе говорил: «Сроки страшные близятся.
Скоро Станет тесно от свежих могил. Ждите града, и труса, и мора, И забвенья
небесных светил...»
(1914)
Как белый камень в глубине колодца (1916)
...На этом корабле есть для меня каюта И ветер в парусах – страшная минута
Прощания с моей родной страной, (цикл «Смерть», 1942)
Корабль идет, отмеченный
судьбою,
Навстречу верной гибели своей. (С. 23)
... и обе дочки Вдруг оказались возле Херсонеса. Там быстро вылетел маяк
высокий, И завизжали цепи. Севастополь Пошел навстречу ясными огнями. Ложится
ветер. Катится луна.
Когда возвращалась, маяк
с востока
Уже сиял переменным светом И мне монах у ворот Херсонеса Говорил: «Что ты
бродишь
ночью?» («У самого моря»)
Темы обысков и арестов у Луговского напоминают ташкентский вариант пьесы
Ахматовой «Энума элиш»:
И человек с наганом хлопнул дверцей, Усталый, почерневший, в черной коже. «Ее не
тронули, – сказал расстрига, – Она хорошая. Она ребенок. Она тут ни при чем.
Забрали мужа...» (С. 54)
Ахматовские «пармские фиалки» возникают в строке:
Вдыхая пармскую тоску фиалок... (С. 84)
А ахматовское размышление о славе – в строках Луговского:
Не то, чтоб слава – знаем эту славу! Не то чтоб почесть – знаем эту почесть! Но
дух истории тревожит камни... (С.108)
«Кладбищенские кресты» из «Поэмы без героя» вспоминаются при чтении у
Луговского:
О, карта мира, ветер, посвист флейт, Железные кресты и громы маршей, И
безнадежность, может быть, расплата, Кровавое победное гнилье, Кресты железные,
березовые, даже Бетонные кресты, кресты кривые... (С.126)
Образ девушки у Луговского : «И парижанка до мозга костей, / / чуть бережливая,
как ртуть живая...» (С. 111), кажется, восходит к «той молодящейся, увы, и
деловитой парижанке», а ахматовская тема «черного кольца» ведет к сюжету одной
из поэм Луговского:
Дарю тебе, любимый, два браслета, Стекланные и тонкие. Смотри, Обычные браслеты
таитянки, кто их наденет, будет вечно твой. Дарю тебе стекланные браслеты
Прощанья, верный дар моей разлуки. Не мне тебя сдержать – отдай браслеты Той,
кто тебя на счастье позовет. (С. 151)
Лестница, площадка, стол и прочие аксессуары места действия драмы «Энума элиш»
вспоминаются при чтении у Луговского:
Вот будто бы большие марши лестниц... Площадки, двери золотого дуба... И никого.
А впрочем на площадке, Которая во сне проплыла мимо, За круглым полированным
столом Сидели двое, очень молодые,
Держа друг друга за руки. Бесстрастно Они во сне упали в пустоту. Я лишь заметил
альый переплет Знакомой, нужной, непонятной книги, Которая лежала на столе. (С.
152)
В последних строках угадывается любимый Ах-матовой дантовский сюжет франчески и
Паоло.
В стихах Луговского – ахматовский мяукающий кот с горящими глазами, героиня – в
одной рубашке («Энума элиш»):
...еда лежала. Кот, слегка ощерясь. Глядел в окно. Зеленые глаза, Как блюдечки,
катались возле носа. (С. 161)
Она была в одной рубашке. Тело так золотилось, будто бог зажег В нем на прощанье
золотую лампу. Была рубашка в тех тугих морщинках, Которые, как жилки желтых
листьев, Обозначают осень и усталость. (С. 156)
Строка «Из бездны времени» (С. 156) Луговско-го – параллель к «De profundis»
Ахматовой. Близки образ Луговского «Кто справится, скажи, со скоростя-ми...» (С.
157) и тема «скорости» у Ахматовой. Близ-ки темы времени, которого «больше не
будет», и память-ти, и «летучей рыбы» – снаряда или самолета, и «ти-хого Дона», и
двоих, идущих по набережной:
...Вот и все, мой милый, Простимся, время кончилось. Гляди! (С. 160)
И если будет память, не забудь! Но память будет, будет, будет, будет, будет! – Снаряд
прошел безмолвно, словно рыба. (С. 162)
По набережной с низким парашетом Мы только двое шли. (С. 163)

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
И тихий Дон скользил в твоих губах. (С. 165)

У Луговского: У Ахматовой:

Кружилась долго черная пластинка И мяучит песенка простая. И голосом мяукающим
пела. (С. 176)

И, наконец, тема одной из поэм Луговского является развернутым ахматовским
образом из стихотворения, одно время существовавшего как самостоятельное
произведение, а затем входившего в «Поэму без героя» и, наконец, отброшенного в
«варианты».

В поэме Луговского «Первая свеча» описаны два эшелона; в одном –

Стремилась люди на восток, как должно,
Чтобы работать, жить, изобретать,
И темнота летела вслед за ними
На мягких крыльях бархатно-совиных. ...

(С.177)

В другом:

Навстречу выносились эшелоны С гармониками в огненных теплушках, Орудья под
зелеными чехлами, Спокойные скуластые ребята
Соскальзывали кошками на рельсы, Бежали, наклонясь, за кипятком. И «За Москву!»
– написано на стенках Теплушек этих, красных, как знамена.
Думается, что этот сюжет – две России, встречающиеся в пути с Востока на Запад
и с Запада на Восток, был открыт для поэзии военной лирикой Анны Ахматовой, в
частности ее чеканным и кратким стихотворением-формулой «Не сраженная бледным
страхом...» (1942).

Мы говорили в основном о воздействии стихов Ахматовой на поэзию Луговского. Но
можно найти точки обратного воздействия – отголосок заветной темы Луговского,
например, в элегии «Меня как реку, // Жестокая эпоха повернула. // Мне подменили
жизнь...».

Отметим, наконец, что, как и Ахматова, глубины своих душевных метаний Луговской
поверял по стихам Пушкина. Как уже говорилось, в ташкентские годы это были
переживания, связанные с его кратким участием в военных действиях. Он мог прийти
к Ахматовой в любой час дня и ночи с томиком Пушкина в руках, чтобы немедленно
прочитать ей:

Ты помнишь час ужасной битвы? Когда я, трепетный квирит, Бежал, нечестно бросив
щит, Творя обеты и молитвы?

Луговской задыхался, когда повторял эти страшные строки: «Как я боялся, как
бежал...» – вот что я должен написать! Но когда Луговской ушел, Анна Андреевна
сказала, что такие стихи пишут только очень сильные люди*.

*Бабаев Э. Назначенный круг. С. 267 – 277.

Особая тема в биографии Анны Ахматовой – ее общение с А.Н. Толстым. Анна
Ахматова не любила Толстого. Она рассердилась на К.И. Чуковского, когда тот в
1941 г. вспомнил о «молодом талантливом Алексее Толстом» времени их юности. Но –
она бывала у него в гостях на домашних литературных вечерах, на чествовании
актеров МХАТ (10 июня 1927 г.), на приемах в честь зарубежных гостей. В
Ташкенте, когда их общение было особенно частым, именно А.Н. Толстой помог
издать книгу стихотворений Ахматовой 1943 г., прохождение которой через
многочисленные инстанции затянулось почти на год. При этом Ахматова была в доме
Толстых независима и могла, например, заявить пришедшей с ней к Толстым Ф.Г.
Раневской: «Фаина, мы не можем оставаться в этом доме, потому что здесь ругают
Горького!» – и увести ее от роскошно накрытого стола. Она винула Толстого в
гибели Осипа Мандельштама – «После того, как он дал пощечину Алексею Толстому,
все было кончено...», – но, хорошо зная эгоцентризм, неверность, стремление
служить системе и угождать властям, она высочайшим образом ценила его талант,
яркую индивидуальность и – может быть, прежде всего – доброе отношение А.Н.
Толстого к ней самой. Вот как она рассказывала о своих взаимоотношениях с А.Н.
Толстым в конце 1945 г. Исая Берлину: «Алексей Толстой меня любил. Когда мы
были в Ташкенте, он ходил в лиловых рубашках а la russe и любил говорить о том,
как нам будет вместе хорошо, когда мы вернемся из эвакуации. Он был
удивительно талантливый и интересный писатель, очаровательный негодяй, человек
бурного темперамента. Его уже нет. Он был способен на все, на все, он был
чудо-вишним антисемитом; он был отчаянным авантюристом, ненадежным другом. Он
любил лишь молодость, власть и жизненную силу. Он не окончил своего «Петра
Первого», потому что говорил, что он мог писать только о молодом Петре. «Что мне
делать с ними все-ми старыми?» Он был похож на Долохова и называл меня Аннушкой,
– меня это коробило, – но он мне нравился, хотя он и был причиной гибели лучшего
поэта нашей эпохи, которого я любила и который любил *
меня» .

В Ташкенте Ахматова ходила на выступления Толстого, нанесла ему «визит
сочувствия», когда ему не дали Сталинскую премию (апрель 1942 г.). Вместе с тем

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
любивший стихи Ахматовой А.Н. Толстой в своих официальных статьях и докладах
имени ее в числе выдающихся советских поэтов не упоминал. Многократно
слушавший ташкентский вариант «Поэмы без героя», поэму «Путем всея земли» и
военные стихи Ахматовой, Толстой был убежден, что Ахматова «воскрешает
сим-волизм», хотя при этом и «двигает вперед русскую поэ-зию своими поэмами»
(см. об этом: 1,407 и др.). Вот как выглядела в понимании Толстого «обойма»
лучших советских писателей военных лет:
Литература наших дней – подлинное народное и нужное всему народу высокое
гуманитарное искусство. Оно круто идет на подъем. Это поэма Твардовского
«Василий Теркин», стихи Симонова, Исаков-ского, Сельвинского, Суркова,
Эренбурга, сатиры Маршака, ленинг-радские рассказы Николая Тихонова, рассказы
Соболева, Паустовско-го, очерки Бориса Горбатова, повести и очерки Василия
Гроссмана, по-койного Полякова, военные рассказы непрофессиональных писателей,
"Берлин И. Из воспоминаний «Встречи с русскими писателя-ми» / Воспоминания об
Анне Ахматовой. С. 443–444.
подписанные майорами и полковниками, «Радуга» Ванды Василевс-кой и многое другое
*.

И в то же время были темы, в которых именно в эти военные годы творческие пути
Ахматовой и А. Толстого соприкасались, хотя они и принадлежа-ли к разным
историко-литературным мирам. Это преж-де всего – тема патриотизма, тема Родины.
А. Тол-стой писал в статье «Как создавалась трилогия «Хож-дение по мукам»: «Мы
пришли к ощущению родины через глубокие страдания, через борьбу. Никогда на
про-тяжении, может быть, целого века не было такого глу-бокого и острого
ощущения родины, как сейчас» **.

И соприкосновение Ахматовой с официальной со-ветской литературой в теме
патриотизма, и диаметрально-ное расхождение с нею можно проследить в одном
сю-жете, который, по-видимому, одновременно вошел в творческое сознание двух
писателей, но был вопло-щен ими абсолютно по-разному. Речь идет о сюжете
возвращения с фронта израненного, не похожего на себя прежнего, героя и встрече
его со своей слепой матерью. Толстой написал на эту тему рассказ «Русский
харак-тер» (окончен 1 мая 1944 г.). Ахматова начала в Таш-кенте, не закончила,
снова вернулась к этой теме в 1960-е годы и снова не закончила пьесу «о
летчи-ках» – «Слепая мать». В рассказе А. Толстого лейте-нант Егор Дремов едва
не погиб при взрыве танка во время сражения под Курском. У него сильно обгорело
лицо, в течение восьми месяцев ему восстановили нос,
'литература и искусство. 1942. 5 декабря. Статья «О литерату-ре и войне».

"Красная звезда. 1943. № 67. 21 марта.
губы, веки, уши. Перед возвращением на фронт он по-лучил отпуск и поехал к отцу
с матерью. Родители, в том числе его старая слепая мать, не узнали его, он
расска-зывал им об их сыне как о своем товарище.
– Ты скажи – страшно на войне? – перебивала она, глядя ему в глаза темными, его
не видящими глазами. ...

Чем дальше лейтенант Дремов сидел неузнаваемый и рассказы-вал о себе и не о
себе, тем невозможней было ему открыться, – встать, сказать: да признайте же вы
меня, уroda, мать, отец!.. Ему было и хорошо за родительским столом и обидно.

...
Ночью Дремов не мог заснуть: «Неужто так и не признала, – думал, – неужто не
признала? Мама, мама...»

Финал рассказа Толстого – письмо матери, на-чинающееся словами: «Здравствуй,
сынок мой ненаг-лядный...», где она говорит о голосе своего материн-ского
сердца, которое подсказало ей: «Он это, он был у нас!» *

В пьесе Ахматовой домой, к своей жене и ослеп-шей матери, под видом
героя-летчика возвращается по-хожий на него человек – его бывший друг, убивший
его и присвоивший его документы, славу, героическую биографию. Жена, виновная
перед мужем (в разных вариантах набросков – то ли в том, что имела любов-ника,
раненого, которого выходила, то ли в убийстве ребенка), делает вид, что узнала
мужа. Но слепая мать категорически не признает чужого:

Мать (вздрагивая). Чей это голос?

Варя. Мама – это Игорь вернулся. (К Неизвестному.) Она ослепла.

Мать (брезгливо). Мало ли Игорей (т. 3. С. 297).

"Толстой А.Н. Собр. соч.: в 15 т. М., 1946–1953. Т. 14. С 42–48.

По глубокому убеждению Ахматовой, мать, даже слепая мать, не может не узнать
сына и не может при-нять за сына – чужого. Это самое сильное полемичес-ки
заостренное место ахматовских набросков несосто-явшейся пьесы. В произведении
Ахматовой тема геро-изма снижена, слава достается не самому герою, а
подменившему его двойнику, «штабному» подполков-нику. «Вокруг все гремит его
славой: город переимено-ван в его честь. Выходят книги о нем, ему посвящена
симфония. Но он каждую минуту ждет, что его разоб-лачат. Симулирует потерю

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
памяти от контузии» (т. 3. С. 295).

Летчик и его убийца предстают в одной из сцен как бы зеркальным отражением друг друга.

Тень на стене (страшная) кривляется. Пьяный N принимает ее за K., который якобы следит за ним. Стреляет в тень. Боится себя в зеркале – ему начинает казаться, что в зеркале не он, а каким-то чудом спасшийся сам Игорь... Слепая старуха мать в кресле. (Не то напевает, не то бормочет):

Я не вижу сокола

Ни вдали, ни около... (т. 3. С. 302).

Эти стихи, вложенные в уста слепой матери, на-писаны Ахматовой в день ареста Н.Н. Пунина в 1949 г. – так в «военную» тему обмана, подмены, присвоенной чужой славы вплетается тема «лагерная», тема арестов и казней: «Вася пытается что-то сказать об этом Варе. X. слышит и доносит на Васю. Васю, конечно, берут. Расстрел» (т. 3. С. 302).

И еще один мотив возникает в набросках пьесы о летчиках – любви не к живому, а к мертвому, наме-ченный в ахматовских набросках пушкинской цитатой:

«Я не хочу делиться с мертвецом / / Любовницей, ему принадлежащей...» («Борис Годунов», сцена «Ночь. Сад. Фонтан». Слова Самозванца). Присвоивший себе чужую личность и славу, убийца вынужден говорить, что в бою погиб он сам, выслушивать, как его чернят и поносят, видеть, как о мертвце тоскует любимая им девушка. У Пушкина в подобной ситуации Марина Мнишек поддеживает Самозванца : «Димитрий ты и быть иным не можешь; / / Другого мне любить нельзя» .

Так трансформируется в художественном мире Ах-матовой традиционный для советской литературы во-енных лет сюжет: мать и сын, вернувшийся с фронта. Так видоизменяется тема награды за героизм и тема славы героя.

В доме Толстых обсуждалось одно из самых инте-ресных начинаний эвакуированного в Ташкент издатель-ства «Советский писатель» – издание сборника польских стихов в переводе на русский язык – стихов о страданиях и борьбе оккупированной фашистами Польши (1942). Именно об этом говорили собравши-еся в доме А.Н. Толстого^ тот вечер, когда Анна Ах-матова познакомилась с Иозефом Чапским. Присут-ствовали, кроме Толстых и А.Н. Тихонова (Серебро-ва), переводчики, невестка А.М. Горького – Н.А. Пешкова (Тимоша), Анна Ахматова, которую, по-видимому, также хотели привлечь к работе над пе-реводами. Чапский писал: «Мы договорились, что Ти- Пушкин А.С. Поли. Собр. соч. : в 10 т. Т. 5. М, 1957. С 281.

хонов возьмет на себя издание сборника польских по-этов, что сборник этот будет разбит на три части: стихи из оккупированной Польши (они дошли до нас через Лондон), стихи польских поэтов из Лондона, а также стихи, написанные в формирующейся в Советском Со-юзе польской армии. Так же, как и на вечере в Юнги-Юль, я читал лондонские стихи» *.

Юнги-Юль (точнее Янги-Юль) – поселок под Ташкентом, где располагался штаб генерала Андерса, который в это время на территории СССР, с личного разрешения Сталина, формировал из пленных польских офицеров будущую народно-освободительную армию Польши для борьбы с Германией. В процессе форми-рования выяснилось, что 15 тысяч поляков бесследно исчезли в советских лагерях. По распоряжению Андер-са, Чапский, сам прошедший лагеря под Старобельс-ком и под Вологдой, – пытался выяснить их судьбу, но это ему не удалось. В 1942 г. Чапский ведал «куль-турной работой» штаба Андерса, одной из форм кото-рой должно было стать издание сборника польских пат-риотических стихов. В 1943 г. сформированные части польской армии переправились в Иран и вступили в войну с Германией на итальянском фронте. После окончания войны Польское правительство лишило гражданства солдат и офицеров армии Андерса, Чап-ский оказался в Париже. Польские стихи в чтении Чапского, сопровождае-мые его подстрочным переводом, потрясли присутству-ющих. «Я до сих пор вижу слезы в огромных глазах *ВРХД. 1989. № 156. С. 157. Другой перевод текста Чапского, выполненный К.М. Поливановым, см. в кн.: Ахматова А. Requiem. М.: Изд-во МПИ, 1989. С. 170–174. молчаливой Ахматовой, когда я неловко переводил стро-фу, « Варшавской колядки » : А если ты хочешь родить его в тени Варшавских пепелищ, То лучше сразу после рожденья Брось его на распятые.

«Баллада о двух свечах», «Отчизна Шопена» Ба-линского, а также «Воздушная тревога в городе Вар-шаве» Слонимского произвели на всех потрясающее впечатление. Мне пришлось прочитать все его стихи, мне не позволили пропустить ни одного» *.

Чапскому пришлось перевести дословно каждую строчку. «Ахматова согласилась взять на себя перевод «Варшавской колядки», хотя, по ее словам, стихов она никогда не переводила. Толстой рычал: почему никто в Советах так не пишет о России, почему стихи о роди-не «пишут у нас застенчиво и неестественно» **.

К.М. Поливанов перевел слова Толстого иначе: «Почему наши сегодня пишут такие холодные и такие искусственные стихи о родине» ***.

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
Почувствовав, что собравшиеся плохо знают классику польской поэзии, Чапский
стал читать Ю. Сло-вацкого и Ц.К. Норвида.

«Я стал переводить отрывки из стихотворения «Фатум» Словацкого:

Диким зверем пришло несчастье к человеку.

Вонзило в него свои роковые очи.

Ждет,

Покуда человек не собьется.

*ВРХД, 1989. № 156. С. 157–158. **Т а м ж е. С. 158.

*** А х м а т о в а А. Requiem. М.: Изд-во МПИ, 1989. С. 172.

Чапский так заинтересовался этими стихами, что помог мне перевести их на русский язык, а потом пере-писал и спрятал в карман» *.

Так же весьма заинтересовало А.Н. Толстого определение патриотизма, данное в письме Норвида 1864 г.: патриотизм – «это созидательная сила, а не форма самоотделения и самоиссушения»... Норвид говорит дальше, что «чувство национальности питается способностью к усвоению, а не пуританской исключи-тельностью». Толстой пришел в восторг от этой фра-зы, уверял, что мы посвятим отдельный вечер Нор-виду **.

Именно для такого человека, знающего такие стихи и такую польскую прозу, в этот вечер читала Ахматова свою «Поэму без героя» и стихи о ленинг-радской блокаде. Именно с ним она совершила в ту ночь долгую прогулку по ночному Ташкенту, которая отра-зилась потом в стихотворении «В ту ночь мы сошли друг от друга с ума...». Чапский написал о том же пос-ле смерти Ахматовой, когда его слова уже не могли ей повредить: «Мы с ней совершили длинную прогулку, во время которой она совершенно преобразилась. Ах-матова с болью и горечью говорила о том, что она цело-вала сапоги всех знатных большевиков, чтобы они ей сказали, жив или умер ее сын, но ничего от них не уз-нала. Мы были удивлены, что стали вдруг так близки друг другу, а это оказалось возможным из-за того, что я был в польском мундире, и она мне абсолютно пове-рила, что я не шпион. Об этом я, конечно, не мог напи-

'ВРХД.С. 159.

"Ахматова А. Requiem. С. 172.

сать в книге, которая вышла еще при жизни Ахмато-
» * вой» .

5 мая 1942 г. Л.К. Чуковская записала в своем дневнике: «На днях, вечером, NN рассказывала мне о вечере у Толстых, на который она была приглашена. Там был поляк и читались польские стихи – Слоним-ского и еще чьи-то. Она говорила о них с восторгом, пыталась вспомнить строки» (1, 437–438). Позже Л.К. Чуковская встретила этого поляка у Анны Ахма-товой (2, 366, 444) и один вечер провела в беседе с ним – в номере гостиницы, закрепленном за коман-дующим польской армией Андерсом, где Иозеф Чап-ский предполагал устроить прием для желающих еще раз послушать польские стихи, на куда ни один из при-глашенных не явился – «Я подозревал «дипломати-ческие болезни», запрет»**.

«И вновь, – пишет Чапский теперь уже о Л.К. Чу-ковской, – эта редкая, типично русская мгновенность близости с человеком, которого никогда не видал прежде и никогда, вероятно, не встретишь потом. Я читал сти-хи для нее одной и переводил их на русский язык, а за-тем еще раз читал по-польски. Чувство пронзительной близости меня не оставляло. Она не произнесла ни сло-ва и лишь после чтения попросила кое-что уточнить, вслушиваясь в звучание слов, требовала точно передать значение по-русски. А затем вдруг сказала: «Значит, вы уже нашли выражение тому, что пережили... а мы... еще ничего...» – и умолкла. Глаза ее были опущены, уголки губ дрожали ***.

* Русская мысль. 1989. 10 марта. "ВРХД. 1989. № 156. С. 162. ""Там ж е. С. 162.

Далее Чапский передает речь Л.К. Чуковской, до-верительный рассказ о своих близких и о своем поколе-нии, погибших на фронте во время финской и Второй мировой войн, но в атом рассказе нет ни слова о рас-стрелянном муже и о сидящих в лагерях и тюрьмах дру-зьях. Об этом не говорили.

Отметим еще одну особенность ташкентского бы-тия Анны Ахматовой. Кроме поэзии и патриотическо-го сопереживания народным бедствиям была еще одна связующая нить между нею и людьми ближайшего ее окружения: это чувство юмора, смех, который не толь-ко помогал выжить в страшные годы, но и мог как бы «заговорить беду».

Когда-то юмор, острая шутка, кол-кая эпиграмма сопровождали дружбу Ахматовой и Мандельштама, Ахматовой и Лозинского, семейную жизнь Ахматовой и Гумилева, пребывание в доме Ардовых. В Ташкенте она тянулась к тем, кто умел за-ставить ее улыбнуться и кто мог оценить ее юмор, ос-нованный на изысканном и неожиданном соединении понятий, стилистических пластов, на введении в рафи-нированную аристократическую речь простонародного, иногда грубоватого оборота. Такой способностью обла-дали Ф.Г. Раневская, Н. Я. Мандельштам и ее моло-дые ученики, А.Ф. Козловский. «В отношениях меж-ду Анной Андреевной и моим мужем юмор сразу

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat стал цементирующей основой их симпатии. У обоих этих людей чувство юмора было неповторимым и блиста-тельным. Когда они встречались, то становились слов-но катализаторами друг для друга», – писала Г.К. Козловская*.

'Новый журнал. 1987. № 168–169. С. 351.

«И когда появилась Раневская, музыки не убави-лось, но смеха прибавилось, словно в доме стало в три раза больше людей, – вспоминает она же. «С вашего позволения, я родила двойню». Этой фразой упивалась вся театральная Москва, когда Фаина Григорьевна (так. – Н.К.). Раневская играла в оперетте «Жироф-ле-Жирофля» в Камерном театре в постановке Таиро-ва. Позднее весь Советский Союз повторял знамени-тую, ею придуманную фразу: «Муля, не нервируй меня!» (в фильме «Подкидьш»). Огненно-рыжая, гро-могласная, ослепительно гротескная, она словно смета-ла все, увлекая всех в вихре смеха.

Фаина Григорьевна была не только поразительно многогранной актрисой, она была также удивительным человеческим явлением. С Фаиной Григорьевной сразу было легко. И хотя ее ум бывал насмешливым, от нее неизменно шли токи доброжелательности» *.

Ф.Г. Раневская, с юности любившая стихи Ахма-товой, пришла к ней в Ташкенте в декабре 1941 г. Вскоре они стали почти неразлучны. Раневская, как никто, уме-ла увести от тоски, развеселить, сыграть перед Ахма-товой жизнь в ее смешных и трагикомичных эпизодах, часто не щадя при этом ни себя, ни Ахматову. Одна из подбных сценок – изображение швеи, крутящей руч-ку швейной машинки и напевающей при этом ахматов-ские стихи: «Соседка из жалости – два квартала, // Старухи как водится – до ворот, / / А тот, чью руку я держала, / / До самой ямы со мной пойдет...» Ра-невская рассказывала: «Спела я ей это на вульгарный мотив песен шарманки. Она смеялась и все просила меня

'Новый журнал. 1987. С. 359.

спеть «швейкину песню», нисколько не обиженная, и все повторяла: «На это способны только вы... Ну, еще швейкину песню» *.

В других сценках Раневская, подобно Маяковско-му, пела «Сероглазого короля» на мотив «Ехал на яр-марку ухарь-купец» или «Не любишь, не хочешь смот-реть? О, как ты красив, п-р-роклятый...» – на вос-точный, придуманный ею самой мотив**.

«Ахматова плакала от смеха. Я тоже плакала. Но не только от смеха. От изумления и восхищения». Наталья Ильина, сама обладавшая незаурядным сати-рическим даром, писала об Ахматовой: «У этой величавой женщины, умевшей оцепеняюще действовать на присутствующих, был абсолютный слух на юмор...»***.

«Милостивый боже, стихи Ахматовой из сборни-ка «Четки»! В присутствии автора эти строки пароди-руют, над ними издеваются! «И только красный тюль-пан, тюльпан у тебя в петлице», – прошептала напос-ледок «восточная» певица уже как бы в изнеможении... Мы тоже изнемогали от смеха – и автор «романса», и я... Ахматова, вытирая глаза (умела смеяться до слез), умоляюще: «Фаина! Теперь – швею»****.

Из дневниковых записей Л. К. Чуковской 27 марта 1942 г.: «Предыдущий вечер у нее я провела вместе с Раневской. Раневская изображала директора, свою

' А л и г е р м. В последний раз. / Воспоминания об Анне Ахматовой. С. 353.

** И л ь и н а Н. Анна Ахматова, какой я ее видела / Воспоми-нания об Анне Ахматовой. С. 574–575. "'там же. С. 573. **"т а м ж е. С. 574.

квартирную хозяйку и очень мне понравилась» (1, 421). Еще одна тема домашних сцен-зарисовок – время съе-мок фильма «Мечта» во Львове 1940–1941 гг., когда город только что отошел к СССР после раздела Польши, и актеры спешили закупить в магазинах красивые вещи, соответствующие европейской моде; Раневская изобра-жала Анну Радлову, давнишнюю «соперницу» Ахмато-вой, примеряющую шляпы в магазине, хозяйка которого зовет девочку-служанку и восклицает: «Скажи, эта дама – богиня?» И снова Ахматова «смеялась до слез», и Л.К. Чуковская записала ее отзыв: «Актёрка до мозга костей. Актриса Художественного театра в быту просто дама, а эта – актёрка. Если бы в шекспировской труппе были женщины, они были бы таковы» (1, 424). «Это верно, – не без ревности соглашается Л.К. Чуковс-кая. – Тут и похабство, и тонкость, и слезы от одино-чества, и светскость, и пьянство, и доброта». Лидия Кор-неевна не была объективным судьей...

У «веселящейся» Раневской было достаточно сво-их поводов для скорби – ее родные были в эмигра-ции, на сцене и в кино ей не довелось сыграть и поло-вины того, что она могла бы и хотела, ее окружали не-понимание и зачастую – клевета и «дурная слава». Вот одна из поздних записей в ее дневнике: «Тоска, тоска, я в отчаянии. И такое одиночество. Где, в чем искать спасения? «Час тоски невыразимой: все во мне и я во всем», – это сказал Тютчев, мой поэт. А как хорошо было около Ахматовой, как легко было, а как хорошо было с моей Павлой Леонтьевной. Тогда мы не знали смертной тоски» *.

'Щеглов А. Раневская. Фрагменты жизни. М., 1998. С. 269.

Раневская не написала воспоминаний об Ахмато-вой, – в ее заметках сохранились только отдельные детали, фразы, эпизоды. Когда ее спрашивали об этом,

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
отговаривалась тем, что она слишком ее любила, что об Ахматовой «надо писать или
все, или ничего, а то получается фальшь» (см. в кн. «О Раневской». М., 1988. С.
88). И.С. Зильберштейну, могущественно-му издателю «Литературного наследства»,
на его воп-рос: «Ведь вы, наверное, часто ее вспоминаете?» – ответила: «Ахматову
я вспоминаю ежесекундно. Но писать о себе воспоминания она мне не поруча-ла...»
– рассказ В.Я. Лакшина, приведенный в книге Алексея Валентиновича Щеглова,
«эрзац-внука» Ф.Г. Раневской*.

Лучший и любимейший фильм с участием Раневс-кой – «Мечта» по сценарию Михаила
Ромма и Евге-ния Габриловича – был закончен 15 июня 1941 г., его просмотр в Доме
кино в Москве проходил, когда над Москвой уже гудели немецкие самолеты. Горький
ко-нец этого фильма был обрезан и заменен «угодным на-чальству», – и все же
фильм имел огромный успех. Вот как писал Е. Габрилович о Раневской 1940-х
го-дов: «Уже в те давние годы я понял, что возникла тра-гикомическая актриса,
которая была всему тогдашне-му не с руки. Ибо из всего ненавистного начальство
пуще всего ненавидело горькую комедию, а тем более комедию с несчастным концом.
А ведь как раз для этого была создана Раневская.

Конечно, в конце концов, мы прилатали нашей «Мечте» подходящий начальству конец.
Но это был

"Щеглов А. Раневская. Фрагменты жизни. М., 1998. С. 279.

конец, наскоро сметанный и грубо подшитый. Хотя и старались мы изо всех сил.
В целом же (такова моя убежденность!) Фаина Раневская из-за властей, надзиравших
искусство, не сыграла и половины того, что могла бы сыграть» *.

До последних лет жизни Раневская вспоминала сдова Ахматовой, запомнившиеся ей с
ташкентских вре-мен: «...какая ужасная профессия быть актером – обречены всего
бояться, от всего зависеть...» **

Такой же была в советские годы участь поэта – такого поэта, как Ахматова, не
желающего и не умею-щего угождать, подчиняться, хотя и радующегося, ког-да ее
высокое чувство патриотизма совпадало с опреде-ленным фрагментом официальной
идеологии.

Самое существенное среди последствий публика-ции в «Правде» ахматовского
«Мужества» – пред-ложение издать ее книгу стихов в издательстве «Со-ветский
писатель», действовавшем в Ташкенте. Пер-вые разговоры с Ахматовой о книге и ее
составе начались именно в марте 1942 г. Сначала отбор стихов произво-дился по
сборнику «Из шести книг». Было известно, что листаж ограничен. Однако Ахматовой
хотелось включить многое из старого; она работала над вариан-тами текста,
составляла циклы. Из дневника Л.К. Чу-ковской: «В стихотворении «Дальний голос»
– «Не-правда, у тебя соперниц нет» – предложила заменить первое слово: «Сказал
мне».

"Щеглов А. Великая Фуфа. Фаина Раневская была создана для горькой комедии /
Независимая газета. Прилож. «Кулиса НГ». № 1. Ноябрь 1997. С. 8.

"Щеглов А. Раневская. С. 281.

– «А то будут говорить, что я – лесбианка».

– Бог с вами!

– «Уже говорят. Вязальщицы. Вот до чего дово-дит вязанье» (1, 433–434).

Появился цикл «Эпические мотивы» из четырех «отрывков». Ощущая явственную
перемену в отноше-нии властей к церкви – «по слухам», начал издавать-ся
«Религиозный журнал», в городе Молотов служили «утреню», – Ахматова решается
включить в книгу «Плотно сомкнуты губы сухие...», «Исповедь» («Умолк простивший
мне грехи...»), «А Смоленская нынче именница...», «Из Книги Бытия». Она
хо-чет, чтобы вошли ее «лучшие стихи» – «И в тайную дружбу с высоким...», «
Бесшумно ходили по дому...», «Он длится без конца – янтарный, тяжкий день...».
Думает, не вернуться ли в стихотворении «Мужество» к одному из вариантов: «...И
от срама спасем...», не изменить ли выбор стихов из книги «Аппо Domini» –
экземпляр этой книги оказался в Ташкенте у писателя Петра Владимировича Слетова,
у самой Ахматовой экземпляра не было.

В начале мая 1942 г. книга была сдана в издатель-ство. 7 мая А.Н. Тихонов,
назначенный редактором ах-матовской книги, сказал Л.К. Чуковской, что, по его
мнению, книга составлена дурно: «Новых стихов мало – почему нет «Ленинграда»,
«Лондонцам», «Рго домо теа», «Путем всея земли», – а старые выбраны неверно» (1,
441).

Новым составителем книги был назначен К.Л. Зелинский. Л.К. Чуковская после
визита А. Ти-хонова и К. Зелинского записала в дневнике предло-жения
издательства: «NN, как всегда после подоб-ных визитов, унижена, горда, ранена.
Предлагают дать: всю вторую главу «Поэмы», весь эпилог, вступ-ление, посвящение
(это умно, хотя, впрочем, поэму надо давать целиком или не давать совсем, так
как это симфония); настаивают на «Ленинграде», «Но я пре-дупреждаю вас...» и
«Путем», что крайне глупо. Хотят «кое-что снять».

Тихонов сказал NN: «Отдел новых стихов, по срав-нению со старыми, мал и слаб».

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
Снимают отделы и «Тростник» (1, 444).

В мае 1942 г. Ахматовой была выписана первая часть гонорара (1000 рублей). 19 мая Зелинский при-нес Ахматовой новый вариант книги и свой текст пре-дисловия к ней. «Стихи – лирические стихи! – раз-ложены по тематическим рубрикам: патриотизм, рус-ские города и русские поэты, история и поэмы, любовная лирика. Но и в этих идиотских рубриках дикие ошиб-ки: – «Как площади эти обширны...» – поставлено в отдел о городах» (1, 451–452).

С согласия Ахматовой, Л.К. Чуковская переписа-ла предисловие, переставила стихи более осмысленно. Ахматова добавила в книгу «И упало каменное сло-во...» и «С грозных ли площадей Ленинграда...». В бумагах Л.К. Чуковской сохранился ранний набро-сок этого стихотворения, сильно отличающийся от окон-чательного оптимистического шестистишия:

С грозных ли площадей Ленинграда Ты прислал мне эту прохладу Иль с блаженных летейских полей Тополями украсил ограды И азийских светил мириады Расстелил над печалью моей

Воду изгнанья Я из рук великих пила Не такого с тобой свиданья Я Россия всегда ждала (1. 453).

В конце мая книгу Ахматовой читали в Моск-ве – в ЦК. В июне она должна была пойти в набор. Очередные переживания Ахматовой были связаны с намерением художника В.С. Алфеевского украсить книгу рисунками, заставками, «штучками». Ахмато-ва категорически возражала против «штучек», даже таких, как Адмиралтейская игла, – правда, оговари-ваясь тут же: «Вот если бы Тышлер – Тогда я позволила бы и иголки и булавки и все, что он захо-чет» (1, 464).

27 августа 1942 г. книгу Анны Ахматовой вычер-кнули из плана 1942 г. В октябре она все-таки была набрана. В ноябре от директора издательства «Советс-кий писатель» Г.А. Ярцева из Москвы в Ташкент при-шла телеграмма: «Верстку высылаем печатайте книгу» (1, 507).

6 апреля 1943 г. книга была подписана к печати. Тираж – 10 000 экземпляров. Составителем книги назван К. Зелинский, ему же принадлежало введение «От составителя»:

В Сборник избранных стихов Анны Ахматовой включены произ-ведения разных лет, опубликованные раньше и публикуемые впервые. Сборник раскрывает мотивы поэзии Ахматовой. Россия, природа, ис-кусство, любовь, человеческий портрет – вот главнейшие из этих мо-тивов.

Стихотворения Анны Ахматовой в настоящем сборнике сгруп-пированы по трем разделам. Первый открывается стихотворением «Му-жество». Сюда вошли по преимуществу стихи последних лет, затем стихи о родине, о долге, произведения, посвященные русским поэтам и рус-ским городам. Стихотворение о Маяковском замыкает этот раздел.

Во втором разделе стихи об искусстве, о творчестве, стихи, наве-янные образами истории.

Третий раздел – любовная лирика *.

В книге 110 страниц. В ней действительно есть сти-хи о войне, «Лондонцам», «Ленинград в марте 1941», «Надпись на книге «Подорожник», цикл «Эпические мотивы», цикл «Из Книги Бытия». Как отдельные стихотворения (без указания на цикл или поэму «Рек-вием») – «И упало каменное слово...», «Уже безу-мие крылом...». Впервые напечатано «Но я преду-преждаю вас...». Заключает книгу грустное стихотво-рение о разрыве, обращенное к Н.Н. Пунину: «Не недели, не месяцы – годы...»

Даже в таком сокращенном, урезанном виде книга Ахматовой потрясала.

«...Гениальность стихов затме-вает все», – написала о ней Л.К. Чуковская, получив книгу в издательстве (1, 516). Две рецензии на книгу написал Б.Л. Пастернак (обе остались не опублико-ванными). Он сопоставлял ранние и поздние стихи Ахматовой, оказавшиеся в книге рядом, так как стихи были расположены по тематическому принципу, – и делал вывод, что «составитель мог, не рискуя стили-стической путаницей, ставить рядом ее стихи десятых и сороковых годов». Пастернак сопоставлял «Первый Дальнебойный в Ленинграде» и «Памяти 19 июля 1914 года» – между ними двадцать семь лет, однако читатель забывает о хронологии: «Как следовали одна за другой эти войны в истории русского существова-

* А хматова А. Избранное. Стихи. [Ташкент]. 1943. С. 3.

ния, так мысли, содержащиеся в обоих стихотворени-ях, сказаны одним голосом и как бы одновременно. ...

Было бы странно назвать Ахматову военным по-этом. Но преобладание грозных начал в атмосфере века сообщило ее творчеству налет гражданской значитель-ности» *.

Книга Ахматовой 1943 г. не получила оценки в кри-тике – ни в столичной, ни в ташкентской печати. Она оказалась как бы лишь одной из многих среди издан-ных в Ташкенте книг – «Поэты Узбекистана», 1942, под ред. К. Чуковского и И. Уткина (в числе перевод-чиков – Н. Ушаков, Л. Пеньковский, В. Левик и С. Сомова); А.Н.

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat Tolstoy. «Что мы защищаем». Сборник статей, 1942; Хамид Алимджан. «Зейнаб и Аман». Поэма. Пер. С. Сомовой. 1943; Гафур Гулям. «Иду с Востока». Стихи. Пер. С узбекского Л. Пеньковского, В. Державина, С. Сомовой. 1943; Альманах «Мы победим», 1942; «Слово предоставляется детям», 1942 и др. Все эти книги были отрецензированы в газете «Правда Востока» и обсуждены на собраниях Союза писателей и ташкентской интеллигенции. Книга Анны Ахматовой такой прессы и такого обсуждения не получила, – при всей своей «отобранности», при наличии самых высоких разрешений на печатание – она вызвала настороженность и опаску. О стихах Ахматовой военных лет вообще писали немного. А. Сурков прочел ее «Мужество» в Колонном зале Дома Союзов «в суровые зимние дни "Пастернак Б. Собр. соч.: в 5 т. М.: Худож. литература. 1991. т. 4. с. 390–391. 1942 года, рассказывая . . . о советской военной лирике» – «под аккомпанемент сирен воздушной тревоги». «Долго не смолкающими аплодисментами приняла его строгая, на две трети солдатская аудитория того незабываемого вечера» *. О поэзии Ахматовой есть несколько упоминаний, – например: Б. Филистинский как напечатали Анну Ахматову (газета «За родину». Рига. 2 сентября 1943 г.) имя Ахматовой, пожалуй, чаще называли в зарубежных статьях о Ленинграде и русской литературе в дни войны – см., например, статью В. Александровой «Первая военная зима в России» (Новый журнал. 1943. № 4. с. 260–261), ее же – «Под прожектором войны» (там же. № 5. с. 393); «Обзор советской журналистики за 1943 год» (там же. № 7. с. 355), Н. Анина «Ленинградские ночи» в газете «Парижский вестник». 1943. № 63) и др. В последней статье было процитировано стихотворение «Тихо льется тихий Дон...». Стихи Ахматовой переводились и включались в сборники – Bowra C.M. A Book of Russian Verse. London, 1943; Cornford F. and Salaman E.P. Poems from Russian. London, 1943; Cournos J.A. Treasury of Russian Life and Humor. New-York. 1943; Sheleу G. Modern Poems from Russia. London, 1942 (в последней книге – двадцать ахматовских стихотворений).

Большая часть «военных» стихов Ахматовой ташкентских лет обращена к Ленинграду. Трагизм судьбы осажденного, вымирающего, но не сдающегося города вошел в поэзию Ахматовой как ее личное горе, как ге-

*См. послесловие в кн.: Ахматова А. Стихотворения. 1961.

роизм, страдания и гибель ее близких. Соседский мальчик, друг, любимый человек, которого отделили от нее «три фронта – наш и вражий и снова наш», безмянные ленинградцы, защищающие ее город и находящие вечное успокоение на новых, необжитых участках старых кладбищ – «в чаще новых твоих крестов», – герои ахматовских стихов. Она ревниво относилась к написанному о блокаде Ленинграда другими поэтами – Ольгой Берггольц, Верой Инбер, Николаем Тихоновым. Из дневника А.В. Любимовой: «28 июня 1945. . . Говорили немного про блокаду. Я люблю с ней об этом говорить, – она единственная, кто понимает это время как надо и как тогда все это было и могло быть, хотя она здесь, к счастью, в самые страшные месяцы не была. Согласилась со мной, что Вера Инбер написала в своей поэме хорошие слова: «Чтоб ты ослеп... чтоб потерял ты карточки на хлеб...» По моему, так написать мог только человек, не видевший голода в его настоящем виде, хотя и проживший блокаду в Ленинграде» *.

30 августа 1942 г. «Комсомольская правда» напечатала «Ленинградскую поэму» Ольги Берггольц, – прочтя ее, Л.К. Чуковская плакала, но Анна Андреевна была безжалостна: «Боже, как плохо, как слабо! Что тут может нравиться? Бедная Оля. Такая талантливая, такие прекрасные писала стихи... Что с ней случилось? – А главное – все неправда, все ложь» (1, 479).

В отличие от первой поэмы О. Берггольц «Февральский дневник», написанной скупыми и точными красками, «Ленинградская поэма» рассказывала о бес-

* Воспоминания об Анне Ахматовой. С. 425.

примерных случаях – например, о шофере, который облил свои руки бензином и поджег их, чтобы согреть и отремонтировать машину, на которой вез хлеб в осажденный Ленинград, и т.п. Ахматова писала о Ленинграде на языке сдержанности и торжественности, ее герои – рядовые великой беды: «Ни плохих, ни хороших, ни средних... // Все они по своим местам, // Где ни первых нет, ни последних... // Все они опочили там».

Разумеется, в поэзии Ахматовой использованы «опорные» слова патриотической лирики тех лет – «мужество», «клянemся», идущая в бой «советская пехота», грохочущий заводами Урал, матери, провожающие сыновей, и пр. Ср., например, с ахматовскими образами строки И. Уткина: «Как звонок мужества металл» («Герою Советского Союза тов. Талалихину»); «... советские люди в огне и крови великой битвы доказали, что рабами они быть не хотят и не будут, и великодушным мужеством своим спасают человечество от рабства» – заключительная фраза речи А.Н. Толстого на общегородском собрании интеллигенции г. Ташкента 30 декабря 1941 г. Вс. Иванов. «Мужество наших дней» – заглавие статьи в «Правде Востока»

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
1 мая 1942 г. «На мечях ледников ему клялся Кавказ // И Урал грохотал
многорудный...» – Перец Мар-киш, «Великий стратег» («Правда Востока», 14
де-кабря 1941 г.). У Ахматовой: «...тоннелями и моста-ми // Загремел
сумасшедший Урал» (Эпилог «Поэмы без героя», окончанный в Ташкенте 18 августа
1942 г.). Образ внешне близкий, но внутренне совершенно иной: Урал гремит
«тоннелями и мостами», а не своими заво-дами и забоями, Ахматова берет в стихи
только то, что

видела из окна несущегося на восток поезда. И слово «клянемся» в ахматовском
лексиконе – слово сози-дания, стойкости, а не разрушения: «Мы детям кля-немся,
клянемся могилам, // Что нас покориться ник-то не заставит!» – ср. в
стихотворении И. Уткина «Новогодняя здравица»: «.Клянитесь к бесовской по-роде
//В бою беспощадными быть, // Клянитесь всем сердцем народа // Убийц до конца
истребить! // Клянитесь держать свое знамя, // Не думать в бою о другом...» и
т.д. Финал этого стихотворения, кото-рое Ахматова могла читать в ташкентской
«Правде Вос-тока» и слышать на совместных с И. Уткиным выступ-лениях, также
внешне близок ахматовскому «Мужест-ву»: «И пусть ни покой нам не ведом, // Ни
жизнь нам не дорога – // Пока мы не вырвем победу // Из рук охладевших врага!» у
Ахматовой – «Не страш-но под пулями мертвыми лечь, // Не горько остаться без
крова, – // И мы сохраним тебя, русская речь...» Но в первом случае – поэт
призывает к активности и агрессии: убей врага и вырви победу. Во втором –
призывает к защите самого святого и во имя этой за-щиты «не страшн под пулями
мертвыми лечь». В во-енных стихах Ахматовой нет агрессии, даже наступле-ние и
победа выстраданы и страдательны:

Славно начато славное дело В грозном грохоте, в снежной пыли, Где томится
пречистое тело Оскверненной врагами земли.
И День Победы в поэтической системе Ахмато-вой – «нежный и туманный, // Когда
заря, как заре-во, красна» и когда «Вдовою у могилы безымянной //
Хлопочет запоздалая весна». Она сама как бы отделя-ет свою патриотическую лирику
от казенного и офици-ального патриотизма:

Я не песенкой наемной,
Я не похвальбой нескромной ...

А земным поклоном

В поле зеленом

Помяну...

Эвакуированных ленинградцев было в Ташкенте много, и к ним относились
подчеркнуто внимательно. Газетные сводки «На Ленинградском фронте» печата-лись в
первую очередь, у репродукторов на лестничной площадке писательского общежития
или у почты соби-рались толпы людей, ловящих каждое слово дикторов. На
общегородском собрании интеллигенции 30 декаб-ря 1941 г. присутствующие были
потрясены сообщени-ем поэта Хаида Алимджана, что в осажденном Ле-нинграде
праздновали юбилей Алишера Навои – под ударами вражеских бомб. 19 апреля 1942 г.
газета «Правда Востока» сообщила, что в Ташкенте началась съемка
«военно-оборонного фильма «Ленинградцы» («Героическая оборона Ленинграда»). В
работе участву-ют С. Герасимов, М. Блейман, М. Колотозов; актеры Б. Бабочкин, Т.
Макарова. Ахматова знала об этих съем-ках, вместе с Ф.Г. Раневской бывала у
Бориса Андрее-вича Бабочкина. 12 марта 1942 г. рассказывала о вечере У него и о
режиссере С.А. Герасимове Л.К. Чуковской.

21 августа 1942 г. газета «Правда Востока» дала высокую оценку документальному
фильму «Ленинград в борьбе» Ленинградской студии кинохроники, кото-рый шел в
Ташкенте. В рецензии пересказывается со-держание фильма:

Ясный июньский день. Город-красавец встает пред зрителями во всем великолепии
своих строгих и прекрасных улиц, величественных зданий, бессмертных памятников
культуры. В размеренный темп без-мятежной мирной жизни врывается зловещая весть
о войне. Толпы людей у репродукторов с нарастающей тревогой слушают слова
товари-ща Молотова.

Панорама показывает корабли Балтики, проходят отряды народ-ного ополчения. Враг
обрушивает на город лавины огня и металла, – «но не сломить ему волю советских
людей к борьбе и победе. Пусть воют сирены, возвещая грозную опасность
воздушного нападения, пусть рядом рвутся снаряды и бомбы, – ленинградцы остаются
у станков, ... воздвигают неприступные укрепления». Звучат слова Петра I:
«Оборону флота и сего места иметь до последней силы и живота, яко наиглавнейшее
дело».

Основное содержание фильма – «лютая, голодная зима 1941– 1942 года». Враги
задумали задушить город голодом. Сутками не смол-кает артиллерийская канонада.
Темные ночи опалены пламенем пожа-рищ. Смерть и разрушение.
Нельзя без волнения и боли смотреть на то, что сделал враг с на-шим Ленинградом.
Пусть никто никогда этого не забудет. Огромный заснеженный город, лишенный
топлива, света, продуктов. Безжизнен-но повисли провода, трамвайные линии замело

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
снегом. У проруби длинная очередь за водой. На улице падает истощенный человек. Пронесутся снаряды над головами прохожих. Фасад Эрмитажа разрушен варварами. Обогревая руки у костров, рабочие ремонтируют танки. Город задыхается в тисках блокады.

Телеграмма от маршала Жукова руководителю обороны Ленинграда Жданову: «Спасибо ленинградцам за помощь москвичам в борьбе с кровожадными гитлеровцами».

Финал оптимистичен: показаны Ладога, «дорога жизни», гигантские потери немцев, весеннее оживление города: весна – время надежд.

Этот и подобные ему документальные фильмы о войне могли дать реальный материал для стихов о ленинградцах и о блокадном Ленинграде. Еще один источник – статьи-информации с фронтов, письма с фронтов, в том числе и письма немецких солдат и офицеров. Особенно часто включал их в свои тексты И.Г. Эренбург. В статье «Величие Ленинграда» Эренбург процитировал корреспонденцию немецкого автогра с ленинградского фронта: «К нашим позициям каптается вал огня и дыма: из развалин домов вылезают советские солдаты, их число растет, они атакуют позиции полицейской дивизии СС, кричат «ура». Многие из них даже поют. Это трудные минуты для СС». Другая газета (Кенигсбергская), которую цитирует Эренбург, сообщает: «Немецким солдатам приходится под Ленинградом иметь дело с ожесточенными мужиками» («Правда Востока», 6 октября 1942 г.).

Из Ташкента отправляли в Ленинград посылки и подарки (одну из посылок – В.Г. Гаршину – отправила Ахматова). Госиздат Узбекской ССР выпустил «Ташкентский альманах» – книгу «дружбы, ненависти и силы», как написал о нем рецензент книги П. Лопатин («Правда Востока», 10 января 1943 г.). В альманахе представлены свыше ста авторов, писатели десяти национальностей. В финале рецензии говорится об Ахматовой, стихи которой напечатаны в альманахе: «Народ шлет своих сыновей на смертный бой, шлет с чистым сердцем, с открытой душой, ибо знает, что сыновья его борются и умирают за святое дело – за право жить и работать на своей земле, лелеять эту землю, строить на ней новые солнечные города, создавать новые прекрасные творения искусства, хранить великое наследие прошлого и бережно передавать все это детям и внукам. И редкой силой, глубокой страстью, мужеством и уверенностью в победе звучат слова поэта:

Не страшно под пулями мертвыми лечь, Не страшно остаться без крова, Но мы сохраним тебя, русская речь, Великое русское слово, Свободным и чистым тебя донесем, И внукам дадим, и от плена спасем Навеки.

(Ан. Ахматова. «Мужество»).

Большая, впечатляющая книга».

Именно такой – ранний вариант стихотворения – был напечатан в альманахе.

С ноября 1942 г. в Ташкентском парке отдыха им. Тельмана были установлены павильонные декорации Петергофа, на фоне которых шли съемки фильма «Два бойца», посвященного героической обороне Ленинграда; снимались в фильме Марк Бернес и Борис Андреев, режиссер Л. Луков.

8 сентября 1943 г. «Правда Востока» перепечатала корреспонденцию с Ленинградского фронта Павла Лукницкого, бывшего хорошего знакомого Ахматовой, и Бориса Бродянского «Сильнее смерти» – о том, что подразделение летчиков уничтожило более 200 немецких дальнебойных орудий, стрелявших по Ленинграду, много автомобилей и вагонов с боеприпасами, склады горючего.

И наконец 30 января 1944 г. ташкентцы радостно читали перепечатанную из «Красной звезды» от 28 января статью Николая Тихонова «Город-победитель»: «Над зимними просторами великого города, над царственной Невой, над вечерними улицами и площадями прокатилась волна артиллерийского грохота. Вторая, третья, четвертая. И вместо того, чтобы рассредоточиться, поспешить в укрытие, как это они делали раньше, ленинградцы выбегали на улицы и с восторгом следили за багряными вспышками, освещавшими белые крыши. 324 орудия ударили 24 раза, и ни один голос артиллерийской тревоги ни в одном районе не отозвался на эту стрельбу. И затем наступила странная, непонятная, блаженная, долгожданная тишина Победы!»

Именно об этом салюте освобожденного города писал Ахматова в стихотворении «27 января 1944 года»:

И в ночи январской беззвездной, Сам дивясь небывалой судьбе, Возвращенный из смертной бездны, Ленинград салютует себе.

О трагической судьбе города, еще до того, как увидела его разрушенным, – возможно, после просмотренного документального кинофильма Ахматова написала:

Последнюю и высшую отраду – мое молчанье – отдаю Великомуученику Ленинграду.

Под этим стихотворением после даты стоит место его написания: Ташкент.

Итак, материал для своих стихов Ахматова могла черпать как из своих собственных впечатлений первых блокадных дней, так и из тех впечатлений и сведений, которые давал ей Ташкент.

Добавим, что «ленинградская тема» в жизни Ахматовой в Ташкенте возникала иногда неожиданно. В дневнике Л.К. Чуковской есть запись от 8 апреля 1942 г.: «Вчера

сочинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
вечером драма Штока о Лейдене и сле-зы Анны Ахматовой» (1, 424). Драма И.В.
Штока

«Осада Лейдена», которую он написал в Ташкенте, была историческим сочинением о борьбе Нидерландов против владычества Испании, против абсолютной мо-нархии Филиппа II. Вот ее «пролог»: «Осажденный со всех сторон врагами, стоял Город. В него били из ору-дий, в него посылали огонь и смерть. Город стоял. Воо-руженные как дьяволы в аду, враги окружили его и тре-бовали, чтобы Город упал на колени. Город стоял.

Весь мир, затаив дыхание, смотрел на него. Он стоял как памятник. Город Свободы, Город-Воин. Слава тебе, Город...»

Слушая драму о Лейдене, Ахматова плакала о Ленинграде. С этой пьесой отправился на фронт Комсомольско-молодежный фронтовой театр весной 1943 г. В Ташкенте спектакль был поставлен в мест-ном драматическом театре. «В героях Лейдена зри-тель узнает героев Ленинграда, Одессы, Севастопо-ля», – писал рецензент газеты «Правда Востока» 10 февраля 1943 г.

И, разумеется, Ленинград с Ташкентом связывали письма. Чаще всего – переданные с оказией, чтобы избежать военной цензуры, немногочисленные и нере-гулярные. Ахматова получала их от О.Ф. Берггольц, от Томашевских, от М.Л. Лозинского и от В.Г. Гаршина. Получали письма от родных и друзей все окружав-шие Ахматову ленинградцы.

Эти письма они читали друг другу, писатели вставляли их в свои статьи. Особенно волновали Ахматову письма, рассказывающие о судьбе меди-ков – врачей и преподавателей Первого медицин-ского института и больницы им. Эрисмана, Военно-медицинской академии.

Одно из таких писем процитировал в своей статье «Москве угрожает враг» А.Н. Толстой. Это письмо профессора Военно-медицинской академии, хирурга В.С. Галкина; Толстой писал:

Ленинград сурово, организованно и твердо принял на себя чудо-вищный удар германских танковых и стрелковых корпусов. Ленинг-радцы, красноармейцы, балтийские моряки отбросили их и жестоко приостановили наступление. Сейчас здесь немецкий фронт, истекаю-щий кровью, медленно начинающий пятиться.

На днях один из моих друзей прислал открытку из Ленинграда: «...настроение у нас бодрое, работаем. На кафедре у меня сквоз-няки, дырки в стенах. Лекции читаю. Опериров. Вечером прихожу к сыну, приношу котлеты, кусок хлеба, вареной картошки; мы сидим в темноте в Военно-медицинской академии и смотрим в окно на чер-ную Неву, на силуэты домов, на зарево по горизонту. Верим в скорую победу, а значит в скорое счастье...»*

Из подобных писем Ахматова пыталась предста-вить себе быт и судьбу человека, о котором думала как о своем будущем муже, – В. Г. Гаршина, профессора-патологоанатома, во время блокады – главного прозек-тора Ленинграда. О его судьбе Ахматова и близкие к ней люди справлялись через В.М. Инбер; у ее мужа – ди-ректора Первого ленинградского медицинского инсти-тута И.Д. Страшуна, под началом которого работал Гар-шин, у эвакуированных из Ленинграда в Москву Тома-шевских, с которыми Гаршин был дружен. Часто Ахматовой казалось, что он умер. Она бы хотела знать о его смерти и хотела бы, чтобы ему сообщили, если ум-рет она. «Он настоящий мужественный человек» (1, 57).

21 декабря 1941 г. – письмо от О.Ф. Берг-гольц Ахматовой: «Села и прочла вслух, все. Первая

* Правда. 1941.18 октября.

радость в Ташкенте. Конкретное, подробное, достой-ное веры и мужественное письмо. NN ходит окры-ленная, озаренная. Там так много и так хорошо о В.Г.» (1, 358).

28 февраля 1942 г.: «Я теперь уверена, что В.Г. погиб. Убит или от голода умер...» (1, 405). В апреле 1942 г. появилась возможность послать посылки в осаж-денный Ленинград – Анна Андреевна собрала посыл-ку для Гаршина, в июле 1942 г. стало известно, что все посылки дошли. Л.К. Чуковская записывает полубре-довое бормотание Ахматовой 7 мая 1942 г.: «Она мно-го говорила – шепотом – говорила без умолку, пере-скакивая с предмета на предмет. О, теперь, здесь, я должна заменять светлого слушателя темных бред-ней (т.е. Гаршина? – Н.К.), а у меня нету уменья, нету сил и уменья. Нет, бредни не темные, они пронзи-тельно светлые и пророческие, и трудно, не под силу, быть на уровне их.

«Лева умер, Вова умер, Вл. Г. умер», – голосом полным слез, но слез нет» (1, 440). Это был бред, все трое были живы... 24 мая 1942 г. Ахматова получила от Гаршина открытку. 12 июня 1942 г. сообщила Чу-ковской, что хочет ехать в Ленинград с подарками для ленинградских детей, чтобы увидеть Гаршина. От То-машевских пришло сообщение, что Гаршина они виде-ли в марте, что он был сравнительно сыт и здоров, хотя у него расшатаны нервы, и он тяжело переживает смерть близких ему людей – Б.М. Энгельгардта, литерату-роведа, когда-то

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
познакомившего его с Ахматовой, вра-ча-психиатра Н.В. Зеленина. 19 июня 1942 г.
– еще одно письмо от И.Н. Медведевой-Томашевской: о тя-желом состоянии Бориса
Викторовича Томашевского.

«А В.Г., по-видимому, здоров и светел» (1, 463). 7 сен-тября 1942 г.: «Получила
письмо от Томашевской, будто Вл. Георг, заговаривается, пораженный смертью
Энгель-гардтов и Зеленина. Получила письмо от Вл. Георг., противоречащее этим
сведениям...» (1, 477). 20 ок-тября 1942 г. Ахматова получила из Ленинграда
теле-грамму, что скоропостижно скончалась Татьяна Вла-димировна, жена В.Г.
Гаршина. Она упала и умерла на улице. В.Г. Гаршин жил в это время при военном
гос-питале на казарменном положении. Известие об этой смерти потрясло Ахматову.
Но тут же, «заговаривая» боль смехом, она рассказала Л.К. Чуковской о вчераш-нем
визите профессора В.М. Зуммера, который про-чел ей лекцию о художнике Александре
Иванове... А кончил он так: «Я провел год у ног Вячеслава [Ива-нова] в Баку.
Здесь я услышал Вас в Педагогическом институте. К Вам меня привел Эрос». Фаина
Григорь-евна Раневская, присутствовавшая при этой беседе, тут же по уходе
профессора сделала замечательный скетч: «Я в старости (Ну, очевидно, такая, как
теперь). Глу-хая. Ко мне входит старичок, – «А.А., меня к Вам привел Эрос». –
«Кто? Эфрос? Разве этот старый халтурщик еще жив?» – «Эрос, не Эфрос!» – «Ах,
эпос! Нет, я пишу только лирику»... – «Да нет же, Э-рос»... – Тогда я наконец
понимаю и – смотри-те...» NN порывисто села на постели, схватила зерка-ло,
пудреницу и напудрилась» (1, 489–490). Это было смешно...

9 ноября 1942 г. Ахматова получила от Гаршина письмо; ее ответ записала в
дневнике Л.К. Чуковская:

Милый друг, с того дня, как я получила телеграмму, я не пере-стаю тревожиться о
Вас и посылаю запросы в Ленинград. Я очень ценю,
что в такую минуту Вы нашли в себе силы мне написать. Я лежу в больнице. У меня
брюшной тиф. форма не тяжелая, уход первокласс-ный. Пишите мне пока на адрес
Л.К.Ч. Жму руку. Ваша...

После этого письма Ахматова получила от Гаршина несколько телеграмм, в которых
он высказывал тревогу за ее здоровье, за ними последовала полутороговая
переписка. Она не сохранилась. Кое-что мы знаем из рассказов Анны Андреевны
друзьям, кое-что можно воссоздать на основании писем Гаршина своему сыну, А.В.
Гаршину, на фронт:

25 апреля 1943 г.

Очень поддерживают письма А.А. Ахматовой, моего большого друга. Читал ли ты ее
стихи? Это ведь один из крупнейших поэтов нашего времени. Собственно говоря, я
переписываюсь только с тобой да с ней.

2 сентября 1943 г.

Я не знаю, как сложится моя личная жизнь. Переписываюсь эпи-зодически со
многими, но регулярно с моим близким другом Анной Андреевной Ахматовой. Мне от
нее доставили совершенно гениаль-ную поэму, правда, очень интимную...

10 марта 1944 г.

.. .надеюсь, что на днях приедет Анна Андреевна, будет хоть с кем душу отвести.
Она хороший человек ...

18 апреля 1944 г.

Жду на днях приезда Анны Андреевны. Правду говоря, все это вызывает какое-то
беспокойство и волнение перед новым периодом жизни.

Примерно в это же время (конец 1943 г.) Гар-шин писал своей сослуживице И.Д.
Хлопиной в Са-марканд:

Не осуждай меня, я жить не могу без Анны Андреевны, я делаю ей вызов в
Ленинград, не осуждай, что так скоро после смерти Татьяны Владимировны я хочу
соединиться с Анной Андреевной *.

Гаршин сделал Ахматовой предложение, которое было принято. Он попросил ее при
регистрации брака взять его фамилию. Она согласилась. Однако вызова от Гаршина
не было, и из Ташкента Ахматова выехала не в Ленинград, а в Москву, по списку
писателей, под-лежащих реэвакуации. В Москве она оказалась в зени-те славы, ее
принимали и посещали восторженные по-клонники и ценители ее стихов, квартира
Ардовых, в которой она остановилась, была переполнена посети-телями Анны
Андреевны. Ей предложили остаться в Москве, обещали квартиру. Но о квартире,
которая ждет ее в Ленинграде, писал ей и В.Г. Гаршин – в ведомственном доме ВИЭМ
(Всероссийского инсти-тута экспериментальной медицины) на Кировском
(Каменноостровском) проспекте, дом 69/71 по со-седству с Лозинскими. 31 мая 1944
г. Ахматова вые-хала в Ленинград.

Развалины Ленинграда, вид жителей, количество известий о погибших близких и
знакомых потрясли Ах-матову.

Свои впечатления от встречи с послеблокадным Ле-нинградом и с разрушенным
городом ее детства – Пушкином она выразила не только в стихах, но и в про-зе. В
дневниковых записях А.В. Любимовой эта пер-вая проза Ахматовой названа

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
«Воспоминания о днях возвращения». «4 октября 1945. ... Продолжила чтение своей
прозы «Воспоминания о днях возвраще-

* Б у д ы к о Ю. Владимир Георгиевич Гаршин. Биографический очерк. ОР ИРЛИ.
ния». Анна Андреевна пишет очень просто, как гово-рит, обходится без всяких
украшений (как и в одежде, которой у нее, кстати, почти нет)» *.

В одной из своих автобиографий «Коротко о себе» Ахматова написала об истоках
этой своей прозы: «Страшный призрак, притворяющийся моим городом, так поразил
меня, что я описала эту мою с ним встречу в прозе. Тогда же возникли очерки «Три
сирени» и «В гостях у смерти» – последнее о чтении стихов на фронте в Териоках
... Первый мой опыт все очень хвалили, но я, конечно, не верила. Позвала
Зоценку. Он велел кое-что убрать и сказал, что с остальным со-гласен. Я была
рада. Потом, после ареста сына, сожгла вместе со всем архивом».

Встреча Ахматовой и Гаршина на вокзале не была радостной. Только сейчас он
сообщил, что квартира на Кировском проспекте не готова и что ей предстоит жить у
Рыбаковых. Своей коллеге и будущей второй жене, Капитолине Григорьевне Волковой,
Гаршин, по ее сло-вам, описал встречу кратко: «Встретил. Едва ли у нас с ней
что-нибудь получится». Точно спешил сообщить мне это известие». Говорил Гаршин
Капитолине Григо-рьевне и о том, что он не потерпит потери самостоя-тельности,
если женится на Анне Андреевне, и о ее бес-хозяйственности и безалаберности в
быту**.

О разрыве отношений между Ахматовой и Гарши-ным, происшедшем в июне 1944 г.,
подробно рассказа-

* Об Анне Ахматовой. С. 240.

** Волкова К.Г. и Г а р ш и н А.В. Дополнения к биографи-ческому очерку Ю.И.
Будыко (1921–1984) Владимир Георгиевич Гар-шин. Март 1985 г. ОР ИРЛИ. Там же –
Мандрыкина Л.А., Рыбакова О.И. Отзыв на эту работу.

ла О.И. Рыбакова в очерке «Грустная правда»: «Пе-ред приездом Анны Андреевны
Владимир Георгиевич говорил моей матери, что он видит перед собой умер-шую
Татьяну Владимировну (свою покойную жену) и что она запрещает ему жениться на
Ахматовой. На такие же галлюцинации он жаловался и врачу 1-го ЛМИ Сусанне
Яковлевне Хлапониной. Выглядел в эти дни он совсем больным» (ОР ИРЛИ). После
решитель-ного объяснения в квартире Рыбаковых и громкого кри-ка Ахматовой:
«Вон!» – она вычеркнула его из своей жизни, уничтожила их переписку, сняла
посвящения Гаршину со своих произведений и изменила посвящен-ные ему строки.
По мнению О.И. Рыбаковой, одной из причин раз-рыва было обвинение в адрес
Гаршина, которому по-верила Ахматова, – что он в блокаду занимался «кабальными
обменами», приобретае коллекционные мо-неты у владельцев, умирающих от голода.
О.И. Рыбакова не опровергает этого обвинения, но и не осуждает Гарши-на: «В то
время все эквиваленты были другими, и понять это тем, кто тогда не жил в
Ленинграде, трудно».

Как патологоанатом Первого медицинского инсти-тута, Гаршин имел доступ в годы
блокады к «величай-шим ценностям» тех дней – спирту, мясу убитых лошадей, овсу.
Этим кормились и благодаря этому вы-жили семьи многих врачей и преподавателей
мединсти-тута, семьи их друзей. Благодаря Гаршину выжила семья Рыбаковых –
дважды он приносил им по литру спир-та, «мы потом выменяли его на продукты», –
писала Рыбакова *.

* Грустная правда / Об Анне Ахматовой. С. 224–226.

З.Б. Томашевская вспоминала, как в конце января 1942 г. благодаря помощи Гаршина
выжила их семья. «Были потеряны карточки. Все четверо лежали тихо по своим
углам. Было совсем темно и очень холодно. Владимир Георгиевич посидел, как
всегда, молча. И вдруг сказал: «Лошадей уже всех съели, но у меня остался овес.
Я бы мог его дать вам. ... Он дал мне целый мешок овса, вернее – мерку. Так
называли ме-шок, который подвязывали лошадям. Это было кило-граммов восемь. ...
Мерка овса спасла нас от вер-ной гибели. ... мы мололи овес в кофейных
мель-ницах» *.

Из доноса осведомительницы, внедренной в бли-жайшее окружение Ахматовой в 1944
г.: «Ахматова считала, что Гаршин обарахлился антиквариатом во время блокады,
торговал казенным спиртом, брал взятки» **.

Трудно сейчас понять, почему Ахматова повери-ла клевете. Но она поверила...
По-видимому, реаль-ный образ Гаршина не соответствовал созданному воображением
образу святого мученика. А его естест-венная нерешительность в вопросе их брака,
обуслов-ленная и оправданная в тяжкую послеблокадную пору хотя бы тем, что он
просто был не в силах взять на себя ответственность за другого, слабого и
беспомощ-ного, человека, когда он сам был слаб и беспомощен и нуждался в опоре,
была однозначно расценена ею как предательство.

* «Я – как петербургская тумба» / Об Анне Ахматовой. С. 427–428.

** Госбезопасность и литература. На опыте России и Германии (СССР и ГДР).

Материалы конференции. М., 1994. С. 76.

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
6. АНАФЕМА

Попробуем проследить, что в творческой судьбе Анны Ахматовой предшествовало появлению постанов-ления ЦК ВКПб «О журналах «Звезда» и «Ленинг-рад», несправедливого и оскорбительного. Ее стихи регулярно печатались – в журналах «Звезда», «Ле-нинград», «Знамя», «Огонек», книгах «Красноарме-ец», «Победа» (Л., 1945), «Ленинградский альманах» (Л., 1945). Газета «Правда» 20 мая 1945 г. напечатала стихотворение Ахматовой «Победа» («Но что нам ска-зать долгожданной ей...»), газета «Известия» 7 апре-ля 1946 г. – «Памяти друга» («И в день Победы, нежный и туманный...»). Газета «Вечерний Ленинг-рад» поместила 4 июля 1946 г. интервью с нею А. Мак-симова «Разговор с поэтом». В 1945 г. Ахматову выб-рали в правление Ленинградского отделения Союза пи-сателей; в списке она была третьей по числу набранных голосов. Это было для нее важно, – спустя двадцать лет, в 1965 г., она помнила об этом и рассказывала М.В. Латманизову, мало знакомому человеку, ее био-графу-любителю: «Выбрали меня в правление, причем третьей по порядку – по числу голосов. Так же, треть-ей по порядку, выбрали меня в правление и в 1945 го-ду – двадцать лет назад. А потом, вскоре, в 1946 году было выступление Жданова» *.

Трагический август 1946 г. был впереди, но в 1944–1945-м и даже в 1946-м, несмотря на появив-шиеся и нарастающие тревожные признаки, – она ощущала себя независимой, гордой, почти свободной.

В таком состоянии победной и послепобедной эйфории жили тогда многие писатели – Борис Пастернак, Ольга Берггольц, писатели, участвовавшие в боях и писате-ли-блокадники. Вот один из разговоров в последние месяцы войны, когда люди близкого окружения Анны Ахматовой и она сама много и радостно думали о мире, который скоро настанет и который не может быть по-хож на предвоенный ежовско-бериевский ужас. Запи-сал И. Бахтерев: «В заключение еще один сюжет, к которому Анна Андреевна сама не раз возвращалась: что будет после войны. Анна Андреевна была перепол-нена оптимизмом: «Нас ждут необыкновенные дни, – повторяла она. – Вот увидите, будем писать то, что считаем необходимым. Возможно, через пару лет меня назначат редактором ленинградской «Звезды». Я не откажусь» *.

Анна Ахматова выступала в Союзе писателей, в городе Пушкине, перед бойцами воинских частей Ле-нинградской области, по радио.

Из дневника старой знакомой Анны Ахматовой, Наталии Павловны Колпаковой, фольклориста и ли-тературоведа, когда-то учившейся в «студии» при из-дательстве «Всемирная литература» у Лозинского, Гу-милева и Шилейко: «22 июня 1944 г. На днях у нас в Доме писателя был устроен «Устный альманах». (Это было 19 июня. – Н.К.) Выступали наши блокадные и фронтовые поэты, а также и приезжие. Среди всех, как солнце среди звезд, выделялась Анна Андреевна. ... Она читала свои стихи последнего времени.

* Об Анне Ахматовой. С. 223. Другой вариант текста в сб. «Ванна Архимеда» (Л., 1991. С. 453–454).

И в интонациях, в глазах, в звуках ее голоса слыша-лось что-то такое огромное, выстраданное, чего не смог-ли вложить в свои стихи все наши ленинградские по-эты-фронтовики и блокадники» *.

Выстраданная сила ахматовских стихов потрясала слушателей. Это главное, что отмечают все, кто пишет о встрече с послевоенной Ахматовой. И второе, о чем пишут многие, – ее «окруженность», обилие вокруг нее поклонников, суетных почитателей, официальной советской писательской элиты. «Анна Андреевна была весь вечер так окружена и нашими, и москвичами, и другими приезжими, что поговорить с нею так, как бы хотелось, мне не удалось. ...», – записала Н.П. Колпакова. О выступлении Ахматовой перед ра-ненными бойцами и офицерами писала «Литературная газета» 3 марта 1945 г., о выступлении в Доме писате-ля им. Маяковского – «Литературная газета» от 10 марта 1945 г.

В Доме писателя был устроен специальный вечер Анны Ахматовой (лето 1945 г.). «Была уйма наро-ду», – описывает зал Дома писателя им. Маяков-ского С.К. Островская. Она называет в числе при-сутствующих подругу Ахматовой Анту (Антонину Михайловну Аранжерееву), переводчицу Татьяну Гри-горьевну Гнедич, литературоведов Тамару Юрьевну Хмельницкую и Александра Петровича Могилянско-го. «На эстраде Ахматова, средневековая, черная и прекрасная, мудро и благородно несущая в старость свою женскую прелесть и странное очарование древ-ней статуи и змеи, сидела между Саяновым и Лиха-ревым* ... Глядя на такое окружение, мне пришло в голову, что следовало бы написать картину и назвать ее «Арест государыни».

После чтения стихов был перерыв, затем обсуж-дение услышанного «писательской общественностью». «Сейчас меня будут ругать...» – сказала Ахматова. «На ее лице был легкий смугловатый румянец. Улыбка, как и всегда, казалась горькой, недоброй и презритель-ной» **. Это написала женщина, которая очень скоро будет

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat завербована НКВД для слежки за Ахматовой по подозрению в шпионаже в пользу англичан – после ее встречи с Исайей Берлином. Бывший генерал КГБ Олег Калугин писал об этом: «Дело по шпионажу, 1945 год. Поводом для заведения дела послужило посещение коммунальной квартиры Ахматовой первым секретарем Посольства Великобритании в Москве, профессором Оксфордского университета Берлином. Берлин проявил повышенный интерес в Ахматовой, и, как сообщили местные стукачи, даже признавался ей тогда в любви. После этого эпизода Ахматова была обставлена агент-турой, в квартире у нее, на фонтанке, 34, была оборудована техника прослушивания. Среди агентов, которые ее окружали, особой активностью отличалась некая переводчица, полька по происхождению, и научный работник-библиограф ...»

Ахматова становится объектом тщательной проверки, но на наш, чекистский, лад. Дотошно устанавливаются, в первую очередь, ее связи. Но они, как на подбор, все находятся в поле зрения МГБ. Борис Пастер-

* Редакторы журналов «Звезда» и «Ленинград». "Остро вская С.К. Встречи с Ахматовой (1944–1946) – ВРХД. 1989. Т. 156. С. 167.

как тоже подозревается в контрразведке, как английский агент. Илья Эренбург, Ольга Берггольц, Эфрос, Кетлинская – как злостные антисоветчики. На всех этих и многих других лиц ведутся дела. Таким образом, Ахматова сразу же попадает в определенную атмосферу, и здесь пришлось немало поработать ленинградским чекистам, чтобы ввести к ней лиц, которым можно было доверять. Выше упомянутые две фигуры были наиболее эффективны, с точки зрения доносительства» *.

Стукачи сообщают о негативном отношении Ахматовой к Союзу писателей: «Союз писателей – это идиотский детдом, где всех высекли и расставили по углам. Девочка Аня не хочет играть со всеми и кушать повидло». И еще один донос, более развернутый: «Заботится о чистоте своего политического лица, гордится тем, что ею интересовался Сталин. Очень русская. Своим национальным установкам не изменяла никогда. Стихами не торгует. Дом писателя не навидит как сборище чудовищных склочников. Хорошо пьет и вино, и водку» **.

Не любя атмосферу писательского дома, Ахматова тем не менее в 1944–1946 гг. регулярно бывала там, участвовала в работе секции поэзии – была, например, на обсуждении новых стихов молодых тогда поэтов Глеба Семенова и Леонида Хаустова. «Это пока эскизы», – сказала она об их стихах.

И по-прежнему, как в Ташкенте, много и охотно принимала дома гостей, желавших услышать ее стихи.

"Калугин О. Дело КГБ на Анну Ахматову / В кн.: Госбезопасность и литература на опыте России и Германии (СССР и ГДР). Материалы конференции. М., 1994. С. 75.

"Там же. С. 76

Они приходили в июне – июле 1944 г. на Кутузовскую набережную, в дом Рыбаковых, а после августа 1944-го – в коммунальную квартиру 44 фонтанного дома, где при содействии О.Ф. Берггольц была восстановлена ее прописка (при эвакуации за жителями Ленинграда «бронировалась» их жилплощадь, однако комнаты все равно заселялись людьми из разбомбленных домов). В двух комнатах, принадлежащих Ахматовой (одна предназначалась для освобожденного из лагеря и ушедшего добровольцем на фронт сына), был сделан ее друзьями необходимый минимальный ремонт. Об этом ремонте забавную подробность запомнил Г.П. Макогоненко: стекла не было, выручил друг О.Ф. Берггольц, заместитель директора Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина Всеволод Марин: «Стекол у меня нет. Но для Ахматовой надо воспользоваться резервами. Есть у нас в запасах множество дубликатов портретов писателей – на всякий случай. Все они разных размеров и, естественно, все застекленные. Сейчас мы их расстеклим. В случае чего ты подтвердишь, куда пошли вынутые стекла с портретов великих писателей. Думаю, нас простят...» *

Для конца 1944–1945 гг. характерны немногочисленные, но высокие оценки военной лирики Ахматовой – А. Сурков. Предчувствие победы (Литературная газета. 1944. 7 ноября); А. Сурков. Советская поэзия в дни Отечественной войны (М., 1944. С. 13); С. Спасский. Письма о поэзии (Звезда. 1945. № 1. С. 119–122); Е.

Долматовский. Наши песни будут жить многие годы (Из выступления на X пленуме Правления Союза писателей СССР) (Литературная газета. 1945. 26 мая) и др. Затем официальных восторгов становится меньше, но число публикаций Ахматовой растет. Первые номера журналов «Звезда» и «Ленинград» за 1946 г. вышли с большими подборками ахматовских стихов: в «Звезде» № 1 их было семь: «Я не любви твоей прошу...», «В парке» (Девяностые годы), «Хозяйка», «Вроде монолога» («Так вот он – тот осенний пейзаж...»), «Как в трапезной, скамейки, стол, окно...», «Памяти Иннокентия Анненского», «Мой городок игрушечный сожгли»; в журнале «Ленинград» № 1/2 – семь стихотворений и три отрывка из поэмы «Русский Трианон»: 1. «Как я люблю пологий склон зимы...», 2. «...И рушилась твердыня Эрзерума...», 3. «Прикинувшись солдаткой, выло горе...» (Название этой публикации – «Отрывок

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat из поэмы «Русский Трианон». «Воспоминания о войне 1914–1917 гг.», стихотворения – «У кладбища направо пылил пустырь...», «Надпись на книге» («Почти отзалетейской тени...»), «Август 1940 г. («Когда погребают эпоху...»), «Возвращение» («Все души милых на высоких звездах...»), «Три осени» («Отрывок» от строки «...И я наблюдала почти без ошибок...»), «Вечерняя комната» («Когда лежит луна ломтем чарджуйской дыни...»), «Памяти друга» («Ив День Победы, нежный и туманный...»). Обе подборки назывались «Стихи разных лет». В номере 3/4 журнала «Ленинград» были опубликованы «Пять стихотворений из цикла «Любовь» – «Сипце», стихи, навеянные встречей и долгими «несанкционированными» беседами с английским дипломатом, литературоведом и философом И. Берлином.

В конце июня 1946 г. утвердили новую редколлекцию журнала «Звезда», в которую вошел и М.М. Зощенко.

7 января 1946 г. Ахматова выступала в Доме ученых им. Горького на Неве, 17 марта – в Доме кино. Оба раза вступительные доклады о ее творчестве делал Б.М. Эйхенбаум. Он говорил о творчестве Ахматовой в историческом контексте великих имен Блока и Маяковского, о ее пути как о третьей линии наряду с символизмом и футуризмом. От символизма, по мнению Эйхенбаума, лирика Ахматовой отличалась «резкой конкретностью, вещественностью, точностью». Ей были свойственны «лаконизм, жесткость, энергия языка, скупость слов». От футуризма ее творчество отличалось – «узостью тем, домашностью, тихостью («Слаб голос мой» и «Голос мой незвонок»), шепотностью, тяготением к классичности, к равновесию, сосредоточенностью на теме любви». Но – интимная жизнь героини Ахматовой рисовалась в многочисленных связях с природой, городом, жизнью других людей, историей. Двойное восприятие мира – как бы с оглядкой на какую-то другую, простую жизнь – превращало героиню ахматовской лирики в женщину из народа, «русскую бабу» *.

Б.М. Эйхенбаум показывал стилистическое своеобразие ахматовской поэзии, для которой характерны «переходы от интимной, домашней интонации к торжественной, ораторской», особо выделял тему «памяти, истории» – «А я росла в узорной тишине...», и в совершенно неожиданном контексте цитировал отрывок из «Реквиема»: в поэзии Ахматовой личная жизнь ощущается как жизнь национальная, историческая, а миссия избранничества – как бремя, наложенное судьбой: «Вот откуда и сила памяти, и страшная борьба с нею (потому что «Надо снова научиться жить»), и чувство истории, и силы для нового пути, трагическое (не личное) мужество, в жертву которому отдается личная жизнь: «Упрямая, жду, что случится» *.

Сложно-парадоксальный ход мысли исследователя сплетал в единый комплекс темы ахматовского «Реквиема» – «Надо, чтоб душа окаменела, // Надо снова научиться жить...» («Приговор», 22 июня 1939), стихотворения «Мужество» (1942) и трагического стихотворения «Пока не свалюсь под забором...» (30 августа 1921), обращенного то ли к умершему Н.В. Недрово, то ли к казненному Н.С. Гумилеву: Упрямая, жду, что случится, Как в песне случится со мной, – Уверенно в дверь постучится И, прежний, веселый, дневной, Войдет он и скажет: «Довольно, Ты видишь, я тоже простил». Не будет ни страшно, ни больно... Ни роз, ни архангельских сил....

Б.М. Эйхенбаум говорил о двух этапах творчества Ахматовой, давал разъяснение сути второго этапа (особенно четко это сформулировано в конспекте речи перед выступлением Ахматовой 17 марта в Доме кино): «Поэзия Ахматовой – одно из тех больших явлений, которое связано с историей целого поколения, прошедшего весь путь от первой русской революции до второй мировой войны (40 лет). Я сам из этого же поколения – и поэзия Ахматовой – факт моей душевной, умственной и литературной биографии. Мне и легко, и очень трудно говорить – не все скажу ясно.

Самое важное то, что Ахматова, пережив эпоху молчания и уединения (1925–1935), нашла силы для нового пути, для нового творчества. Дело тут не только в личных силах, в личном таланте: тут нужно говорить об исторических силах и стимулах. Сохранить силу жизни можно личным усилием – сохранить творческую силу невозможно. Мне кажется, что важнее всего понять именно это, потому что мы сегодня слышим новый голос Ахматовой».

По мнению Эйхенбаума, в новых стихах Ахматовой «голос стал торжественнее, история вошла в поэзию» *.

В марте 1948 г. Ахматову пригласили выступить в Доме ученых в Лесном. На этот раз она попросила сделать вступительное слово к ее выступлению Г.П.

Макогоненко. Ахматова говорила ему: «Не очень я люблю подобные представления. Это как на гражданской панихиде – говорят о заслугах усопшего. Присутствовать на собственной панихиде – кощунство. Но люди хотят узнать обо мне, а прочесть негде. Нельзя не уважить их просьбы» **.

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
«Я стремился взглянуть на творчество Ахматовой с нового, послевоенного рубежа, – вспоминал Мако-

* День поэзии. С. 170–171. * Об Анне Ахматовой. С. 269.

гоненко. – Многое тогда проверялось историей. ... Двухлетняя женщина, вступая в самостоятельную жизнь, была далека от нарастающей общественной борьбы, от людей, которые ее вели. Отсюда ее поэтическая позиция. Но грянула первая мировая война, которая потрясла Россию, и юная Ахматова не могла не почувствовать народной беды, не откликнуться на горе крестьянок-солдаток: «Над ребятами стонут солдатки, вдовый плач по деревне звенит» *.

Отсюда, утверждал Макогоненко, уменье Ахматовой запечатлеть время, трагизм и неустроенность человеческой жизни в кризисные для России годы. Военные стихи Ахматовой Макогоненко включил в свою статью «Ленинградская тема», заказанную ему журналом «Знамя» (1945. № 1. С. 210–211)

Весной 1946 г. Ахматова выступала по ленинградскому радио с чтением своих стихов. На адрес радиокомитета пришло много писем, в которых люди благодарили поэта за стихи о войне и за ее талант, «исключающий излишний пафос» **.

1 апреля 1946 г. группа ленинградских поэтов выехала для выступлений в Москву. Включение в группу Ахматовой было знаком официального признания.

Первое выступление ленинградцев состоялось 2 апреля 1946 г. в клубе писателей. Зал был переполнен. «Литературная газета» писала 6 апреля в статье

«Ленинградские поэты в Москве»: «Бурными аплодисментами встретили собравшиеся своих гостей: Анну Ахматову, А. Прокофьева, О. Берггольц, Н. Брауна,

* Об Анне Ахматовой. С. 269. "Там же. С. 270.

В. Рождественского, М. Дудина. От имени московских писателей ленинградцев приветствует П. Антокольский.

Первым выступает самый молодой из приехавших поэтов – М. Дудин. В. Рождественский прочел стихотворения «Белая ночь», «Когда мы сойдемся за круглым столом», «Портрет»; Н. Браун – стихи из цикла «Письма с войны» и из книги «Мой светлый путь»; Ольга Берггольц – главу из поэмы «Твой путь» и стихи из нового цикла. Большой успех имели стихи А. Прокофьева из цикла «Сад» и превосходное стихотворение «Закат».

Тепло приветствовал зал Анну Ахматову, прочитавшую пять лирических стихотворений. Дружные аплодисменты вызвали заключительные слова ее стихотворения о ленинградцах:

... Да что там имена! Захлопываю святцы, И на колени все! багровый хлынул свет. Ядами стройными выходят ленинградцы, Живые с мертвыми: для славы мертвых нет»

*

Именно так – не «Для Бога мертвых нет», а «Для славы мертвых нет» – прочитала Ахматова последнюю строку стихотворения «А вы, мои друзья последнего призыва...», уже напечатанного к тому времени в журнале «Знамя».

Вернувшись в Ленинград, Ахматова рассказывала А.В. Любимовой, что, «когда вошла ленинградская группа поэтов в зал Дома писателей, все встали. Ахматова шла первая, а когда она стала читать, тоже все встали и так и слушали ее стоя. Когда рассказывала, на глазах были слезы» **.

*Лит. газета. 1946. 6 апреля (статья без подписи). "Любимова А.В. Записи о встречах. / Об Анне Ахматовой.

С. 245.

3 апреля 1946 г. ленинградские поэты выступали в Колонном зале Дома Союзов. Вечер открыл Николай Тихонов. В информации «Литературной газеты» от 6 апреля 1946 г. сообщалось: «В Колонном зале вместе с поэтами-ленинградцами, горячо встреченными аудиторией, читали свои стихи московские поэты П. Антокольский, В. Инбер, С. Михалков, Б. Пастернак, И. Сельвинский и А. Сурков».

И.Г. Эренбург в третьем томе воспоминаний «Люди, годы, жизнь» пересказал свою беседу с Ахматовой после этого вечера: «В начале апреля в Колонном зале был большой вечер поэтов-ленинградцев. Среди других читала свои стихи Анна Ахматова. Ее встретили восторженно. Два дня спустя Анна Андреевна была у меня и, когда я упомянул о вечере, покачала головой: «Я этого не люблю... А главное, у нас этого не любят».

Я стал ее успокаивать – теперь не тридцать седьмой... Хотя мне незадолго до того исполнилось пятьдесят пять лет, я все еще не мог отделаться от наивной логики» *.

О «взрыве любви и восхищения», которым ода-рили Ахматову москвичи на вечере в Колонном зале, рассказывала присутствовавшая там Наталья Роскина: «Я, конечно, была в числе тех, кто неистово аплодировал ей, требуя продолжать чтение. Я даже послала ей записочку, она легко нашла меня глазами и, улыбнувшись, отрицательно покачала головой. Ахматова была в черном платье, на плечах – белая с кистями шаль. Держалась она на эстраде великолепно, однако замет-

"Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь. Т. 3, М., 1990. С. 32.

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
на была скованность и какая-то тревога. Наконец, ей пришлось встать: «Наизусть я
своих стихов не знаю, а с собой у меня больше нет». Залу было ясно, что это
вынужденные слова. Овации продолжали греметь; про-ницательная, отнюдь не наивная
политически Ахмато-ва сразу же почувствовала, что они не сулят ей добра. Этот
вечер вскоре оказался для нее роковым» *.

4 апреля 1946 г. ленинградские поэты выступали перед студентами Московского
университета, 6 апреля встречались с театральной общественностью Москвы в Доме
актера. Второе выступление в тот же день со-стоялось в Офицерском клубе ВМФ.
Следующая встреча прошла 7 апреля в Центральном доме летчи-ков. Всего у
Ахматовой в Москве было восемь выступ-лений; кроме названных выше – ее
персональный ве-чер в Московском клубе писателей (см. «Литератур-ная газета», 13
апреля 1946 г.) и знаменитый вечер ленинградских поэтов в Политехническом музее,
кото-рый, по мнению многих присутствовавших на нем, по-служил одним из поводов
репрессий августа 1946 г. Н.Я. Мандельштам во «Второй книге» писала об этом со
слов М.М. Зощенко: «Зощенко рассказывал, будто постановление появилось в
результате доклада Ждано-ва самому хозяину. Упор делался на вечер в
Политех-ническом, где весь зал встал, когда на эстраду вышла Ахматова. Хозяин
будто бы спросил: «Кто организо-вал вставание?» По-моему, это «цитатно», как
говари-вал Пастернак, то есть фраза из лексикона человека, которому ее
приписывают. Разве хозяин мог предста-вить себе, что кто-то завоевал
популярность без помо-

"Росхина Н. Четыре главы. УМСА-Press. 1980. С. 10.

щи аппарата, специализировавшегося на «продвижении в массы» очередных идиологов?

...

Ахматова рассказывала, как она похолодела от страшного предчувствия, когда
началась овация... Зал утих, она долго искала очки, напялила их на нос и ста-ла
читать по бумажке глухо и небрежно, не глядя на аудиторию, чтобы не вызвать
нового взрыва. Она не хотела заигрывать с толпой, которая забыла, в каком мире
мы живем» *.

Сама Надежда Яковлевна на этом вечере не при-сутствовала, но там был ее брат.
«По его словам, Ах-матова выглядела совершенно спокойной, на овацию не обратила
внимания и, торопливо прочтя стихи, ушла, не оглядываясь». Вскоре по возвращении
из Москвы в Ленинград Ахматова обнаружила, что для входа в ее квартиру во
флигеле фонтанного дома – дома Сев-морпути – надо предъявлять пропуск с
фотографией, на котором определена ее «принадлежность» к фон-танному Дому:
«Жилец». Разовые пропуска в проход-ной главного здания теперь выписывали всем
приходя-щим гостям, а хозяева, в том числе Ахматова, должны были «отмечать» эти
пропуска, указывая время ухода посетителя. В потолке ее комнаты появились
просвер-ленные отверстия, в которых она с помощью спицы пы-талась нащупать
подслушивающие устройства. У во-рот дома постоянно дежурили специальные агенты,
ко-торые сопровождали Ахматову и ее спутников в их прогулках по городу. «В
период перед постановлением (курсив мой – Н.К.) Ахматова научилась не
разгова-ривать в своей комнате» **.

Мандельштам Н.Я. Вторая книга. М., 1990. С. 307–308. "Там ж е. С. 305.

Э.Г. Герштейн в своих «Мемуарах» назвала ап-рельские выступления и встречи
Ахматовой в Москве «пиршествами тщеславия» *. Думается, что она не
пра-ва. Тревоги было значительно больше, и значительно лучше поняла состояние
души Ахматовой тех дней Н.Я. Мандельштам: «Она притворилась не игумень-ей, а
рядовой монахиней, строго выполняющей устав монастыря. А на самом деле она была
игуменьей, кру-той и самовластной, в чересчур строгом монастыре, где каются во
всех грехах, а иногда, вспомнив прошлое, пре-даются необузданному веселью» **. В
июле 1946 г. Надежда Яковлевна гостила у Ахматовой в Ленингра-де. Они вместе
разглядывали следовавших за ними «топтунов», не пытаясь избавиться от слежки, –
по теории Ахматовой, «надо было делать вид, будто не замечаешь спутника, иначе
высокое учреждение оби-дится и уничтожит нас – мы не смели проникать в его
тайны, то есть в явный и грубый надзор...» ***.

Тем не менее в двух издательствах готовились книги Ахматовой: «Стихотворения.
1909–1945» (М.;Л.: Гослитиздат, 1946), свыше 300 страниц, и «Избран-ные стихи»
(М.: «Правда», 1946. Б-ка «Огонек», 48 страниц). Первую из них готовил В.Н.
Орлов. 11 марта 1946 г. сборник был подписан к печати.

В.Н. Орлов составлял его вместе с автором, стихи были расположены по хронологии,
разделы названы по заглавиям сборников, хотя им не соответствовали. От-крывал
книгу раздел «Вечер» с эпиграфом из Андре Терье по-французски:

* Г е р ш т е й н Э.Г. Мемуары. СПб., 1998. С. 501. "Мандельштам Н.Я. Вторая
книга. М., 1990. С. 308. ""Там же. С. 303.

La fleur des vignes pousse Et j'ai vingt ans ce soir.

Angre Theuriet

Этот эпиграф – «Распускается цветок виногра-да, // А мне сегодня вечером

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat двадцать лет» – уже был поставлен в этом разделе в сборнике «Из шести книг», но состав раздела там был другой. На этот раз в него вошли стихотворения 1909–1911 гг., открывался он стихами, в книгу «Вечер» не входившими: «По-душке уже горяча...», «Тот же голос, тот же взгляд...», «Читая Гамлета» и т.д. Раздел «Четки» включал стихи 1912–1913 гг., «Белая стая» – 1914–1916 гг., «По-дорожник» – 1917–1919 гг., «Аппо Domini» – 1921–1922 гг. Все они имели эпитафии, все композиционно не соответствовали пяти ранним ахматовским книгам. Дальше шли разделы: «Ива» – стихи 1924–1940 гг., эпитафия: И было темно. И это был пруд и волны. Пастернак

Этот же эпитафия был в сборнике «Из шести книг», только там раздел «Ива» открывал книгу. Последний раздел «Нечет» (1941–1945), с эпитафией из Шота Руставели: «Что отдал – то твое». В этом разделе были стихи о войне, «Ленинградский цикл», «Новоселье», стихи о Ташкенте, «Вступление в Ташкентскую поэму» и отрывки из «Поэмы без героя».

В конце весны 1946 г. Ахматова выбирала для книги обложку (она бы хотела «серый холст»), давала интервью, в которых говорила об этой книге. В газете «Вечерний Ленинград» 8 марта 1946 г. появилась фотография: «Ахматова читает стихи своей внучке» – в рубрике «Знатные женщины нашего города» *.

Книга была издана. К июлю 1946 г. Ахматова имела сигнальный экземпляр, к августу в помещении издательства лежали стопки отпечатанного тиража. После постановления ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград» тираж был уничтожен. В издательство «Советский писатель» была сдана еще одна ахматовская книга – «Нечет». 13 июля 1946 г. критик А.К. Тарасенков написал «внутреннюю рецензию» на нее: «Анна Ахматова. Седьмой сборник стихотворений. 1940–1946». Рецензия была не просто положительной, – она была восторженной: «Я высказываюсь за немедленное издание этой книги Ахматовой. Первоклассный русский лирик, Ахматова стала СОВЕТСКИМ ПОЭТОМ. Это для всех нас большая радость». А.К. Тарасенков пишет о том, что Ахматова молчала двадцать лет перед войной, потому что ей не просто было принять в свое сердце новых людей, новый мир. Но теперь это свершилось. В новой книге «все овеяно образами величавого военного времени», начиная от стихотворения «Лондонцам». «Певец любви становится певцом мужества». Как бы мимоходом критик отмечает, что все военные стихи Ахматовой «прошли через периодическую прессу в годы войны», то есть, проще говоря, были уже опубликованы в «Правде», «Известиях», журналах «Знамя», «Звезда» и «Ленинград». Именно эти издания, как особо авторитетные, перечисляет Тарасенков. «Это исключение у нас И.Н. Сорок шестой год / Воспоминания об Анне Ахматовой. С. 466. Читательно сильные стихи, напряженные, волевые, гневные по отношению к врагу и одновременно озаренные высокими идеями гуманизма, человечности, когда речь идет о наших людях».

Вторую часть книги составляет «лирика в ее обычном смысле слова. Это редкостные по своему изяществу и внутренней силе стихи». В них есть «какая-то мудрая усмешка старости над молодой человеческой душой с ее вечной неутоленностью и неспособностью устать».

Третью группу стихов составляют «пейзажи Средней Азии, выполненные с ахматовским мастерством». Наконец, четвертая группа – стихи о прошлом, связанные с концом XIX – началом XX века, в которых много тонкого философского раздумья. В этих стихах поэт «как бы сжигает корабли воспоминаний», «ее строчки о светских дамах начала века звучат иронично, в иных случаях переходя в сарказм».

А.К. Тарасенков предложил издательству исключить лишь два стихотворения, имеющих «какой-то религиозный подтекст» – «Третий Зачатьевский» и «Распятие». «Все остальное в новой книге Ахматовой не вызывает никаких идеологических и уж конечно никаких художественных сомнений» (РГАЛИ, ф. 1234, «Советский писатель», оп. 11, е.х. 99).

До рокового постановления ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград» оставался ровно месяц. После этого постановления газетные и журнальные страницы заполнят статьи о тех же самых стихах под заголовками «Безыдейная поэзия А. Ахматовой», «Поэзия вредная и чуждая народу», «Пустая, чуждая поэзия»... Таким образом, уточняем: не две, а три книги

Ахматовой были уничтожены этим постановлением: две изданы и их тиражи пошли под нож, рукопись третьей в 1953 г. была возвращена Ахматовой «за истечением срока хранения».

Последний горький и торжественный праздник в жизни Анны Ахматовой перед «анафемой» – участие в церемонии открытия гранитного памятника на месте перезахоронения Александра Блока на Литера-торских мостках Волкова кладбища 7 августа 1946 г. и выступление вечером того же дня в Большом Драматическом театре им. Горького, создание которого было связано с именем Блока.

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
«На кладбище с утра началось возложение венков. В полдень состоялось открытие
памятника. С речами выступили В.Н. Орлов, В.Я. Софронов (артист Большого
Драматического театра имени М. Горького; Блок был одним из основателей этого
театра), Д.Е. Максимов, Л.А. Плоткин. Анна Андреевна все время стояла у самой
могилы, не сводя глаз с бронзового барельефа поэта.

К этому дню она написала стихотворение «Памяти Александра Блока» (впоследствии
оно печаталось без заглавия):

Он прав – опять фонарь, аптека ...

Это стихотворение Ахматова прочла в тот же день на юбилейном вечере в Большом
Драматическом театре» *

Д.Е. Максимов написал об этом вечере: «Я был свидетелем ее триумфа на вечере
памяти Блока в Боль-

*Эвентов И.О. От Фонтанки до Сицилии / Об Анне Ахматовой. С. 369.

шом Драматическом театре (август 1946 г.), когда при ее появлении на сцене все
присутствующие в зале стоя приветствовали ее полными жара и восторга,
несмолкающими аплодисментами. Нечто подобное, говорят, произошло тогда и в
Москве. Это была встреча с полузабытым и вновь обретенным поэтом» *.

«Ленинградская правда» 8 августа 1946 года кратко сообщала, что на вечере
памяти Блока читали стихи Анна Ахматова и Михаил Дудин. Ни партийных
руководителей Ленинграда, ни членов секретариата ленинградской писательской
организации, ни редакторов журналов «Звезда» и «Ленинград» на этом
торжественном вечере не было, – накануне их срочно вызвали в Москву. По этому
срочному вызову выехали два секретаря горкома партии – Попков и Широков – и
шесть руководителей писательской организации: А. Прокофьев, В. Саянов, П.
Капица, Б. Лихарев, Д. Левоневский и Н. Никитин. Наутро их принял начальник
Управления пропаганды ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александров. Вечером того же дня всех
шестерых писателей вызвали на Оргбюро ЦК. В здание ЦК их пропустили по особому
списку. Вспоминает П.И. Капица: «Нас удивило, что внутри здания на контроле
стояли не старшины, а подполковники. ... Вскоре ... подошли Николай Тихонов,
Александр Фадеев, Всеволод Вишневский. Они тоже были приглашены на заседание»
**.

Максимов Д.Е. Об Анне Ахматовой, какой помню / Воспоминания об Анне Ахматовой.
С. 119.

** Нева. 1988. № 5. С. 137. О том же заседании Оргбюро см. также: Девонский Дм.
История «Большого блокнота». Звезда. 1988. № 7.

В небольшом зале за столиками, расставленными в шахматном порядке, кроме
писателей, разместились несколько членов Политбюро, секретари Ленинградского
горкома партии и работники Управления пропаганды ЦК. За невысоким барьером
перед столиками – полированный стол и три кресла. Через некоторое время их
заняли трое: место председателя – А.А. Жданов, по бокам от него – «двое
усачей», одним из которых оказался И.В. Сталин. Капица не узнал его: «На
красочных портретах, которые висели тогда повсюду, чуть серебристые на висках
волосы Сталина росли густо, лицо изображалось без морщин, и усы не
топорщились. А у этого старика сквозь редкие седые волосы просвечивала лысина,
лицо было рябоватым и бледным. За соседним столиком, слева от меня, сидел
сотрудник аппарата ЦК. Я пригнулся к нему и шепотом спросил: «А кто тот седой
справа?» Сосед посмотрел на меня с недоумением и отстранился» *.

Доклад Г.Ф. Александрова о беспорядках в журналах «Звезда» и «Ленинград» длился
ровно десять минут. За это время он успел назвать немало произведений,
напечатанных в этих журналах, которые были несовершенно и малохудожественными
(«Дорога времени» Г. Ягдфельда, «Лебединое озеро» А. Штейна), слабыми и
ошибочными («Случай под Берлином» С. Варшавского и Ю. Реста и «На заставе» М.
Слонимского), пошлыми («Возвращение Онегина» А. Хазина, который в этих стихах
оклеветал современный Ленинград), упадочническими (стихи М. Комиссаровой и И.
Садофьева). Но главной ошибкой обоих журналов была публикация стихов Анны
Ахматовой, а ошибкой «Звезды», кроме того, публикация рассказа М. Зощенко
«Приключения обезьяны». Закончил Александров выводом, что редакции этих журналов
не справляются с возложенной на них работой, а Ленинградский горком партии
плохо ими руководит.

Б. Лихарев, В. Саянов и А. Прокофьев выступили с оправданиями и самокритикой,
выглядевшими довольно жалко. Но тем интересней бегло записанные тогда же П.
Капицей реплики Сталина по ходу их оправданий. Они как бы не вытекают из
произносимого провинившимися, но являются неким внутренним монологом «вождя
народов». Б. Лихарев попытался оправдать публикацию «Возвращения Онегина»
Хазина тем, что на этих стихах было разрешение реперткома. Сталин: «Разве
репертком дает разрешение для печати? Это не оправдание. И перед всем
иностранным не надо благоговеть и ходить на цыпочках, если хотите, чтобы на ваш
журнал смотрел весь мир» *. А. Прокофьев попытался защитить ленинградских

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
писателей, не-давно вернувшихся с фронта и несущих в журналы часто не готовые произведения, а отрывки, вывести из-под огня критики Марию Комиссарову:

– «Творчество ее светлое, жизнерадостное. Она наша поэтесса. И Илья Садофьев никогда упадочно-чеством не грешил, он человек бодрый, неунывающий. А Анна Ахматова не сама стихи принесла, их у нее выпросили сотрудники редакции.
– Зачем вытащили старуху? – неодобрительно спросил Сталин. – Она, что ли, будет воспитывать молодежь?» (Вспомним ахматовские строки: «...Как дочь вождя мои читала книги / / И как отец был горь-ко поражен...»)

Прокофьев не защищал Ахматову, он ограничил-ся репликой:

– Ее не переделаешь.

– Тогда пусть печатается в другом месте» *. Сталин говорил не менее десяти минут. П. Капица

успел записать не все, кое-что восстанавливал по памя-ти. Смысл выступления Сталина – наши журналы не могут быть аполитичными: мы требуем, чтобы наши писатели воспитывали молодежь идейную; нельзя, что-бы в редакциях существовали не политические, а при-ятельские отношения и принципы отбора рукописей: во главе журнала должен стоять главный редактор, отве-чающий перед государством и партией за направление журнала. И далее – цитирую записи П. Капицы: «Наши журналы не частные предприятия. Есть в Ан-глии лорды, которые содержат журналы. Вы же рабо-таете в государственных, народных журналах. Не надо считаться со вкусами людей, которые не хотят нас при-знавать» **.

О чем это? Почему возникла тема Англии и ан-глийских лордов? Из-за Фултонской речи Черчилля? Или из-за долгих бесед Анны Ахматовой с И. Бер-лином, который, по доносу осведомительницы, даже объяснялся ей в любви?

Была создана комиссия по составлению и редакту-ре постановления ЦК, в которую вошли и ленинградцы.

* Нева. С. 139.

"Там же. С. 139–140.

Вторым вопросом на Оргбюро ЦК разбирались дела кинематографистов – о второй серии кино-фильма «Большая жизнь» по сценарию Павла Ни-лина (режиссер Л. Луков), об «искажающем исто-рию» двухсерийном фильме Сергея Эйзенштейна «Иван Грозный». Через день в гостиницу «Моск-ва», где остановились ленинградские писатели и партийные руководители, приехал Жданов с гото-вым текстом постановления «О журналах «Звез-да» и «Ленинград». Оно поразило ленинградцев резкостью формулировок и несправедливостью по отношению к Ахматовой и Зощенко. Но попытки смягчить формулировки (все же писатели были чле-нами комиссии по составлению и редакции поста-новления!) не имели успеха, – Жданов поправок не принял.
«– Скажите, а товарищ Сталин видел этот про-ект? – упавшим голосом спросил Прокофьев. – Видел и согласен» *.

Существует твердое убеждение, что текст поста-новления писал сам Сталин – настолько резки и бе-запелляционны его формулировки. В них явственно ощущается «единство стиля», синтаксиса и лексики со стилем статей и речей вождя. Приведем из него несколько фраз – именно из постановления, а не из докладов о нем Жданова или Фадеева, гораздо бо-лее многословных и исполненных популяризаторского пафоса.

«ЦК ВКП(б) отмечает, что издающиеся в Ленин-граде литературно-художественные журналы «Звезда»

*Нева. С. 142.

и «Ленинград» ведутся совершенно неудовлетворитель-но. В журнале «Звезда» за последнее время, наряду со значительными и удачными произведениями советских писателей, появилось много безыдейных, идеологичес-ки вредных произведений. Грубой ошибкой «Звезды» является предоставление литературной трибуны писа-телю Зощенко, произведения которого чужды советс-кой литературе. ...

Журнал «Звезда» всячески популяризирует так-же произведения писательницы Ахматовой, литера-турная и общественно-политическая физиономия которой давным-давно известна советской общест-венности. Ахматова является типичной представи-тельницей чуждой нашему народу пустой безыдей-ной поэзии. Ее стихотворения, пропитанные духом пессимизма и упадочничества, выражающие вкусы старой салонной поэзии, застывшей на позициях бур-жуазно-аристократического эстетства и декадент-ства, – «искусства для искусства», не желающей идти в ногу со своим народом, наносят вред делу вос-питания нашей молодежи и не могут быть терпимы в советской литературе.

Предоставление Зощенко и Ахматовой активной роли в журнале, несомненно, внесло элементы идейно-го разброда и дезорганизации в среду ленинградских писателей. В журнале стали появляться произведения, культивирующие несвойственный советским людям дух низкопоклонства перед современной буржуазной куль-турой Запада. Стали публиковаться произведения, проникнутые тоской, пессимизмом и разочарованием в жизни (стихи Садофьева и Комиссаровой в № 1 за 1946 г. и т.д.). Помещая эти

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat произведения, редакция усугубила свои ошибки и еще более принизила идейный уровень журнала ...

ЦК отмечает, что особенно плохо ведется журнал «Ленинград», который постоянно предоставлял свои страницы для пошлых и клеветнических высказываний Зощенко, для пустых и аполитичных стихотворений Ахматовой. Как и редакция «Звезды», редакция журнала «Ленинград» допустила крупные ошибки, опубликовав ряд произведений, проникнутых духом низкопоклонства по отношению ко всему иностранному». В постановлении задается риторический вопрос: «Как могло случиться, что журналы «Звезда» и «Ленинград», издающиеся в Ленинграде, городе-герое, известном своими передовыми революционными традициями, городе, всегда являвшемся рассадником передовых идей и передовой культуры, допустили пропуск в журналы чуждой советской литературе безыдейности и аполитичности?

В чем смысл ошибок редакций «Звезды» и «Ленинграда»? »

Далее следует жесткая критика в адрес Саянова и Лихарева, которые «забыли то положение ленинизма, что наши журналы ... не могут быть аполитичными», «они забыли, что наши журналы являются могучим средством Советского государства в деле воспитания советских людей и в особенности молодежи, и поэтому должны руководствоваться тем, что составляет жизненную основу советского строя – его политикой. Советский строй не может терпеть воспитания молодежи в духе безразличия к советской политике, в духе Наплевизма и безыдейности».

* Культура и жизнь. 1946. 20 августа.

Последние страницы постановления содержат гневные обвинения в адрес Ленинградского горкома, и в частности, товарищей Якова Федоровича Капустина и Широкова, проглядевших ошибки журналов, предоставивших возможность «чуждым советской литературе людям, вроде Зощенко и Ахматовой, занять руководящее положение в журналах» *.

И еще особо отмеченная вина Ленинградского горкома: «Более того, зная отношение партии к Зощенко и его «творчеству», Ленинградский горком (тт. Капустин и Широков), не имея на то права, утвердил решением горкома от 26.VI с.г. новый состав редколлегии журнала «Звезда», в которую был введен и Зощенко. Тем самым Ленинградский горком допустил грубую политическую ошибку».

Итак, превышение полномочий Ленинградского горкома, вина П.С. Попкова, вина Я.Ф. Капустина и других – первый шаг к развернувшемуся через три года «ленинградскому делу», по которому будет расстреляно более двухсот человек – за превышение полномочий, за стремление сделать Ленинград столицей России, за проведение в Ленинграде Всероссийской, а не Всесоюзной оптовой ярмарки, за «вынашивание идеи создания компартии России». В докладе Жданова есть фраза об этом же: «Теперь ... должно быть ясно, какой грубый промах был допущен Ленинградским городским комитетом партии ... Старый Петербург, Медный всадник как образ этого старого Петербурга, – вот что маячит перед их глазами. А мы любим Ленинград советский, Ленинград как передовой центр советской культуры». Удар наносился не просто по журналам «Звезда» и «Ленинград», – удар наносился по ленинградскому особому патриотизму, особому статусу, особой роли в войне и особой заслуге в победе. Вспомним, кстати, почти невероятное по самому факту своего появления решение Ленинградского исполкома от 13 января 1944 г. за подписью П.С. Попкова – о возвращении исторических наименований «некоторым улицам, проспектам, набережным и площадям города Ленинграда»:

Проспект 25 Октября – Невский проспект. Улица 3 июля – Садовая улица.

Проспект Красных командиров – Измайловский проспект. Площадь Красных Командиров – Измайловская площадь. Площадь Памяти жертв революции – Марсово поле. Площадь имени Боровского – Исаакиевская площадь. Площадь имени Плеханова – Казанская площадь. Проспект имени Володарского – Литейный проспект. Набережная имени Рошалея – Адмиралтейская набережная. Улица имени Слуцкого – Таврическая улица. Советский проспект – Суворовский проспект. Площадь Урицкого – Дворцовая площадь. Набережная 9 января – Дворцовая набережная.

Ахматовская «ленинградская тема», ахматовский Петербург с его Исаакием и Медным всадником, ахматовский пушкинизм – все это лежало в подтексте обвинений в ее адрес в постановлении от 14 августа 1946 г. Сама Ахматова это осознавала и высказала остроты в споре с очередным западным критиком, сводящим ее творчество к одному десятилетию – 1912–

1922 гг.: «Он не догадывается, что и Постановления 1946 года не могло быть, если бы мои стихи не были связаны с текущей поэзией, если бы меня не так приняла Москва в апреле 1946 года. С какими-то неопределенными призраками прошлого никто у нас так не борется» *.

В Ленинграде доклад Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград» был произнесен им дважды – 15 августа на партактиве в актовом зале Смольного, где писателей почти не было – А. Прокофьев и П. Капица в президиуме вместе с секретарями горкома и обкома, в зале – работники райкомов, директора заводов, пропагандисты,

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
препо-даватели вузов. Прений не открывали. После доклада люди расходились в
полном молчании. На следующий день 16 августа – в том же зале были собраны
писатели, композиторы, художники, арти-сты и работники издательств. Зощенко и
Ахматова не были приглашены ни на первое, ни на второе со-брания.
Нет смысла сейчас вспоминать всех обличающих, кающихся, бьющих себя в грудь за
проявленное снис-хождение к новообъявленным врагам народа. Отме-тим лишь
проявления мужества. Ю.П. Герман, к ко-торому Жданов обратился лично, предложив
ему вы-ступить, сказал: «Зощенко мой друг. Выслушав все, я ничего не могу
сказать. Я должен подумать... Воз-можно, что-то понять»**. Б.М. Эйхенбаум,
кото-ро-му предложили выступить с обличением Анны Ах-* Записные книжки» Анны
Ахматовой (1958–1966). М.; Torino: Einaudi. С. 147.

"Нева. С. 145.

матовой, ответил: «Я старый человек, и никто мне не поверит, если я начну
бранить Ахматову, которую всегда любил». Л.В. Яковлева-Шапорина, которая
записала слова Эйхенбаума в своем дневнике, добав-ляет: «Его отовсюду сняли.
Жена его очень волно-валась за него, боялась и умерла». М.М. Зощенко написал
письмо Сталину, копия которого сохрани-лась в его архиве: «Я никогда не был
антисоветским человеком. В 1916 году я добровольцем пошел в ряды Красной армии и
полгода пробыл на фронте, сража-ясь против белогвардейских войск. Я происхожу из
дворянской семьи, но никогда у меня не было двух мнений, с кем мне идти – с
народом или с помещи-ками. Я всегда шел с народом. И этого никто у меня не
отнимет. ... Я ничего не жду и не прошу ни-каких улучшений в моей судьбе. А если
пишу вам, то с единственной целью облегчить свою боль. Мне весьма тяжело быть в
ваших глазах литературным пройдохой, низким человеком или человеком, кото-рый
отдавал свой труд на благо помещиков и банки-ров. Это ошибка. Уверяю вас» *.

На собрании писателей Ахматову и Зощенко ис-ключили из Союза писателей.
27 августа 1946 г. был подписан «Приказ № 42/1629 суполномоченного Совета
министров СССР по охра-не военных и государственных тайн в печати». В этом
секретном приказе было два пункта: первый – об изъя-тии из книготорговой сети и
библиотек общественного пользования трех книг М.М. Зощенко 1946 г., второй
приводим полностью:

"Нева. С. 146.

«Приостановить производство и распространение следующих книг: Ахматова А.А.
«Стихотворения 1909–1945 гг. Гослитиздат,
Ленинград, 1946. 340 стр., тир. 10 000 экз.

Его же (так! – Н.К.) «Избранные стихи. 1910–1946. Издат.

«Правды». Москва, 1946 г. 48 стр., тир. 100 000 экз.» *.

Исключенным из Союза писателей Ахматовой и Зощенко не дали на сентябрь рабочих
карточек на продукты, отобрали выдававшиеся Ахматовой рань-ше «лимит на 500
рублей, пропуск в закрытый рас-пределитель на Михайловской улице, книжку для
про-езда в такси на 200 рублей в месяц» **. Единственное, чего не смогли отнять
– это права на дополнитель-ную комнату, полагававшуюся писателю в качестве
ка-бинета, – в этой комнате уже жил вернувшийся с фронта сын Лев.

29 сентября рабочие карточки Ахматовой и Зо-щенко все же выдали, их пришлось
«отоваривать» в последний день месяца в дежурном магазине теми не-многими
продуктами, что имелись. С этих пор карточ-ки Ахматовой и Зощенко все же
выдавали.

Ахматова тяжело переживала «анафему», трав-лю в прессе, доходящие до нее
рассказы о бурных собраниях в Союзе писателей с обличениями в ее адрес.
За период с августа 1946-го по конец 1949 г. ею написано не более десяти
коротких стихотворений. Они безрадостны:

* История советской политической цензуры. Документы и ком-ментарии. М., 1997. С.
508.

"Лунина И.Н. Сорок шестой год / Воспоминания об Анне Ахматовой. С. 468/.

Любовь всех раньше станет смертным прахом, Смирится гордость и умолкнет лесть.
Отчаянье, приправленное страхом. Почти что невозможно перенести.

Из доноса: «Объект, Ахматова, перенесла Поста-новление тяжело. Она долго болела:
невроз, сердце, аритмия, фурункулез. Но внешне держалась бодро. Рассказывает,
что неизвестные присылают ей цветы и фрукты. Никто от нее не отвернулся. Никто
ее не предал».

«Прибавилось только славы, – заметила она. – Славы мученика».

«К забвению и снижению интереса общества к человеку ведут не боль его, не
унижения и не стра-дания, а наоборот, его материальное процветание, – считает
Ахматова. – Мне надо было подарить дачу, собственную машину, сделать паек, но
тайно запре-тить меня печатать, и я ручаюсь, что правительство уже через год
имело бы желаемые результаты. Все бы говорили: «Вот видите: зажралась, задрала
нос. Куда ей теперь писать? Какой она поэт? Просто обласкан-ная бабенка. Тогда
бы и стихи мои перестали читать, и окатили бы меня до смерти и после нее –

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat презрением и забвением» *.

В.Е. Ардов запомнил подобное же высказывание Ахматовой: «Они с ума сошли! Разве со мной можно так бороться, ведь теперь на моей могиле будут чудеса делаться. Меня надо замалчивать, они же это умеют, так зачем же эта глупость?»

'Калугин О. Дело КГБ на Анну Ахматову. С. 77.1 ** Анна Ахматова глазами Виктора Ардова. – Публ. Ольги Фигурновой / Домашнее чтение. М, 1998. № 6 (140). Март. С. 7.

Горечь, недоумение, сознание нелогичности про-исходящего, обида – все это было. Одной из первых после известия о постановлении к Ахматовой приеха-ла Ф.Г. Раневская. «– Скажите, зачем великой моей стране, изгнавшей Гитлера со всей его техникой, по-надобилось пройти всеми танками по грудной клетке одной больной старухи? – я запомнила эти точные ее слова» *.

И еще один разговор Ахматовой и Раневской: «В один из этих страшных ее дней спросила: «Скажи-те, Вам жаль меня?» – «Нет», – ответила я, боясь заплакать. «Умница, меня нельзя жалеть» **.

Самыми верными друзьями, опорой в несчастье были в это время для Ахматовой семья Пуниных, О.Ф. Берггольц и Г.П. Макогоненко, а также их друзья Ю.П. Герман и Е.Л. Шварц, Н.А. Ольшев-ская, специально приехавшая из Москвы, и вся семья Ардовых, Томашевские, В.Г. Адмони и Т.И. Силь-ман, Н. Роскина, Т. Вечеслова, А. Любимова. И в Москве – Б. Пастернак, Э. Герштейн. Из днев-ника Л.В. Яковлевой-Шапориной: «17 февраля 1948 года. Вчера была Сретенская Анна. Днем я зашла к Анне Андреевне Ахматовой, снесла цве-тов: вновь появившихся желтых нарциссов. Она ле-жит, аритмия сердца, предполагают грудную жабу; в общем, замучили. Сократили сына, ее работу о Пушкине не приняли. Никаких средств к существо-ванию. Все это я знаю со стороны. Сама А.А., ко-

'О Раневской. М.: «Искусство». 1988; ВРХД. 1989. Т. 156. С. 151.

"Раневская Ф. Разговор с собой. Дневник на клочках / лит. газета. 1996. 21 августа. С. 6.

нечна, ни на что не жалуется. Кажется, она была рада моему приходу. Я было начала что-то рассказывать – она приложила палец к губам и показала глазами вверх. В стене над ее тахтой какой-то закрытый не то отдушник, не то вентилятор. «Неужели?» – «Да, и проверено», звукоулавливатель. О, Господи. Я смотрела на нее и любовалась строгой красотой и благородством ее лица с зачесанными назад седь-ми густыми волосами» *.

В феврале 1948 г. Московский Литфонд пред-ложил Ахматовой путевку в санаторий и безвозврат-ную ссуду – 3000 рублей. Г.П. Макогоненко уго-ворил Ахматову заняться переводами – в августе 1949 г. исполнилось двести лет со дня рождения А.П. Радищева, он готовил однотомник писателя и хотел включить в него письма Радищева из сибирс-кой ссылки к графу Воронцову. В марте 1949 г. Ах-матова принесла рукопись своего перевода, объяс-нив Г.П. Макогоненко принцип своего подхода к поиску нужного стиля: «Я избегала модернизации и пыталась сохранить стиль Радищева. Прочла «Пу-тешествие». Там, рассуждая о стиле своей оды «Воль-ность», он признавал, что трудность и негладкость стиха порождались стремлением передать таким об-разом трудность самого действия, рождения мысли. То же и в письмах» **. Перевод одобрили, приняли к изданию. Ахматова получила гонорар, что было очень важно. В сентябре 1949 г. однотомник с переводами Ахматовой вышел

* Ахматовский сборник. Париж. 1989. С. 208–209. *Об Анне Ахматовой. С. 278.

в свет. Но имя переводчика названо не было. Г.П. Ма-когоненко рассказывает о том, что привлекло Ахмато-ву в письмах Радищева – его невероятное умение ощущать себя счастливым в самых невыносимых ус-ловиях. Вот как передавала это Ахматова в своем пе-реводе, сохраняя длиннейшие периоды и затруднен-ный синтаксис французского оригинала: «Уже несколь-ко дней, как сердце мое, если можно так выразиться, истерзанное мукой, расширилось и открылось для ра-дости; мой бездейственный разум, кажется, снова мо-жет вернуть себе немного силы. Мой добрый друг, моя сестра 2-го сего месяца прибыла сюда с двумя моими малолетними детьми и в сопровождении моего брата. Значит, было суждено, что стечением обстоя-тельств, почти неизъяснимых для меня самого, дове-денный до края пропасти, – что говорю я, до края, – поглощенный пучиной, тем более ужасной, что она грозила мне угасанием чувства, я оказался внезапно выплывшим из бездны и способным еще приблизить-ся к кумиру рода человеческого, – к счастью, коему всякий придает свою форму, воображением своим либо украшая его цветами, либо окружая его кинжалами или ядом. Способен ли я к счастью? Да, милостивый го-сударь мой, я способен» *.

Только в 1952 г., при втором издании этого одно-томника Радищева, Макогоненко сумел добиться, что-бы имя переводчика – Анны Ахматовой – было на-звано. Но до этого ей пришлось пройти через тяжелей-шие испытания – арест сына, приговор, попытку смягчить стихами обрушившуюся на нее, а за нее – на сына –

сочинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
государственную систему и лично вершителя ее судьбы, вождя, с непонятной личной
злостью и мстительностью добивающегося ее унижения и стремящегося вычеркнуть ее
имя из советской литературы. После постановления о журналах «Звезда» и
«Ленинград» было много репрессий: против кинематографистов, ком-позиторов,
критиков-космополитов, еврейского анти-фашистского комитета, врачей-вредителей.
Но ни разу раз-гром и травля не сопровождалась таким личным стремле-нием унижить
и оскорбить не просто поэта, но женщину.

В 1952 г., пролистав новый однотомник Радищева И остановившись на приведенной
нами выше фразе, Ах-матова произнесла: «Неужели после всего случившего-ся и я
когда-нибудь вслед за Радищевым скажу, что могу быть счастлива?..» *

Стихи, написанные в 1949–1950 гг. и опублико-ванные в журнале «Огонек», Ахматова
называла «мои державинские подражания», имея в виду оду Держа-вина «К Фелице»,
где он воспел Екатерину II, будучи отдан под суд. Существенная разница в том,
что ода Державина была гениальна. Ахматовские стихотворе-ния, написанные по
внутреннему «заказу», «само-за-казу», приказу себе, были слабыми. Не спасали
даже темы, в которых поэт Ахматова была чрезвычайно силь-на: судьбы детей перед
лицом войны, земля, напоенная водой рукотворных каналов, патриотическая гордость
своей страной. Эти стихи не помогли смягчить участь сына, – Сталин не освободил
Льва Гумилева. Но – издательство начало работу над новой книгой Ахмато-вой
«Слава миру!»; Ахматовой предложили переводы.

Она занялась этой работой от безысходности, – надо было на что-то жить. Но
постепенно работа увлекла ее. Через несколько лет в ее речи стали появляться
слова:

в 1940–50-е годы входили лучшие – самые обра-зованные, самые независимые, самые
думающие. За-пись в дневнике Л.В. Яковлевой-Шапориной 13 мая 1951 г.: «Была
вчера у меня А.А. Как силен дух у русской женщины. Тебе отмщение, Господи, но Ты
«

Мы, переводчики...»

В когорту переводчиков
воздай»

Н. Королева

* Ахматовский сборник. Париж. 1989. С. 211.

КОММЕНТАРИИ

Во второй том (книги 1 и 2) Собрания сочинений Анны Ахматовой вошли
стихотворения 1941–1966 годов – за-вершенные, известные в нескольких редакциях,
незавер-шенные, а также наброски, фрагменты. Произведения рас-положены в
хронологическом порядке. Датировка стихот-ворений уточнена по всем доступным в
настоящее время источникам: изданиям, публикациям в периодике, рукопи-сям и
спискам, записям в рабочих тетрадях, пометам на экземплярах книг, подаренных
Ахматовой друзьям, воспо-минаниям и дневниковым записям близких к Ахматовой лиц.
Впервые выстроенный хронологический ряд творче-ства поэта позволяет проследить и
понять диалектику раз-вития ахматовской поэтики, сложившейся в эпоху
Сереб-ряного века и сохранившей себя в условиях не терпящего инакомыслия
государственного строя, давления политичес-кой и партийной системы.

В хронологической последовательности представлены все написанные Ахматовой
произведения, – в том числе и те, которые она ни разу не переиздавала сама при
жизни: стихотворения 1949 г., прославляющие Сталина, и стихот-ворения 1950– 1952
гг., воспевающие советскую страну, великие стройки, обличающие империализм.

Ахматова на-писала их с целью смягчить участь арестованного сына, для чего было
необходимо восстановить перед лицом советской власти и партии свою реггутацию
советского гражданского поэта, которую она обрела во время Великой

Отечествен-ной войны и которая была разрушена постановлением ЦК ВКП(б) «О
журналах «Звезда» и «Ленинград» от 14 августа 1946 г. Без восстановления этой
реггутации лю-бые попытки спасти сына были обречены на провал. И она пошла на
такой смертельный для поэта шаг, жертвуя ради спасения сына своей «посмертной
славой». Только зная и эти стихи, мы можем представить себе глубину трагизма
существования Анны Ахматовой в эпоху сталинского про-извола и репрессий и понять
страстный гнев обличения ею «защитников Сталина» в начале 1960-х годов.

Рукопись сборника «Слава миру!», из которого взяты для настоящей публикации эти
стихи, имеет три редакции. Изучение их заставляет расстаться с мифом о том, что
сти-хи были написаны наспех и чуть ли не с помощью помогав-ших Ахматовой и
перепечатававших их друзей. Почти каж-дое стихотворение книги имеет две или три
редакции, со-став книги менялся, разделы пополнялись. «Внутренние» издательские
рецензии – а их было более десяти – со-держали многочисленные замечания и
пожелания, которые относились не только к стихам собственно раздела «Слава
миру!», но прежде всего, как это ни странно, к стихам во-енных лет, даже таким,
как прославленное ахматовское «Мужество». В 1953 г., уже после смерти Сталина,
руко-пись книги была переработана Ахматовой еще раз, – и на ее основе сборник

сочинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
наконец был издан в 1958 г. Сохранилась запись Л.К. Чуковской об этом событии:
«Встретила меня у Анны Андреевны радость: ее книга ...
– Шесть лет не могла выйти и вышла-то в какой день? Пятого, – сказала Анна Андреевна.

– Что ж, счастливое число, – сказала я ... Мы обе имели в виду 5 марта – день смерти Сталина

(Чуковская, 2. с. 332–333).

Шесть лет жизни поэта, горькая история насилия над духом и талантом, не могут быть вычеркнуты или скрыты от сегодняшнего читателя.

Еще одной отличительной особенностью структуры второго тома является большое число незавершенных набросков, недописанных стихотворений и отдельных стихотворных строк, печатаемых в общем хронологическом ряду с завершенными произведениями. Значительно больше, чем в первом томе, их количество объясняется прежде всего тем, что за последние два десятилетия творческой жизни гораздо лучше сохранился ахматовский архив: рабочие тетради, листы черновиков, списки. Возможно также, что, с годами меньше надеясь на свою уникальную память, Ахматова записывала «явившиеся ей» строки чаще, – в молодые годы ее творческий процесс был иным: она «сочиняла» в уме, не прибегая к бумаге, – «гудела», «жужжала», проборматовала текст почти до уровня безлового, когда после занесения на бумагу требовались только мелкие поправки и уточнения. Во многих случаях незавершенность набросков очевидна. Однако пристрастие Ахматовой к форме фрагмента проявилось, в частности, в том, что в ее поэтической системе одна строка, две или несколько строк в форме грамматически незавершенного предложения могли оказаться и оказывались произведениями законченными. Пример тому – моностих «Как жизнь забывчива, как памятлива смерть», произносимый и записанный Ахматовой неоднократно в разные годы, при известии или при размышлении о чьей-либо смерти или о смерти вообще. Или дистих:

Завещать какой-то дикой скрипке Ужас и отчаянье свое.

Речь идет о состоянии души человека. Лишние слова отброшены, осталась суть.

Включение незавершенных набросков и завершенных фрагментов в общий хронологический ряд творчества Ахматовой позволяет понять процесс становления ахматовского образа, развитие поэтической мысли.

В комментариях приведены сведения о первых публикациях стихотворений, вариантах текста при их перепечатках и в рукописях. Большое место отведено проблеме адресатов важнейших произведений Ахматовой 1940–1960-х годов. Это могли быть реальные современники – возлюбленные, друзья, дорогие поэту люди, могли быть и мифологизированные персонажи, когда реальный факт или цепь событий, отраженных в стихотворении или вызвавших его, наполнялись содержанием, к этому человеку, факту или цепи событий не относящимся.

Наконец, в комментариях содержатся сведения о том, по какому источнику печатается стихотворение. В каждом отдельном случае выбирается текст, представляющий последнюю авторскую волю, свободную от давления цензуры, редакторского насилия или конъюнктурных соображений.

Подобно тому как в первый том были включены стихотворения, составившие позже поэму «Реквием», во второй том вошли стихотворения, написанные или долгое время существовавшие как самостоятельные, а затем включенные в «Поэму без героя» или в пьесу «Пролог, или Сон

во сне». В томе третьем – «Поэмы. Pro domo mea. Театр» – они напечатаны вновь уже как части соответствующих произведений большой формы.

После основного текста во второй книге печатаются некоторые «Дополнения» к текстам и комментариям Первого тома, а также раздел "Dubia" – произведения, принадлежность которых Ахматовой нуждается в дополнительном подтверждении. Как правило, это списки, выполненные не рукой Ахматовой, либо автографы, в которых почерк Ахматовой не подтвержден научной экспертизой.

Составитель выражает благодарность научным сотрудникам и руководству РГАЛИ, Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом), Российской государственной библиотеки и Российской национальной библиотеки, Музея Анны Ахматовой «Фонтанный Дом», а также отделу Новейшей русской литературы ИМЛИ РАН, без активной помощи которых не могли быть составлены 1–2 тома настоящего издания.

Особую благодарность за ценные советы и консультации составитель выражает Галине Петровне Андреевой, Наталье Евгеньевне Горбаневской, Ирине Геннадиевне Ивановой, Наталии Георгиевне Князевой, Наталии Ивановне Крайневой, Михаилу Михайловичу Кралину, Аркадию Михайловичу Луценке, \ Андрею Яковлевичу Сергееву Евгению Михайловичу Солоновичу, Роману Давидовичу Тименчику, Вадиму Алексеевичу Черных.

Статья Н.В. Королевой «Анна Ахматова. Жизнь поэта» написана при финансовой

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat под поддержке фонда Дж. Со-роса «Открытое общество». Пражский проект, 1996–1997 (RSS № 274/1996).

Сокращения и условные обозначения, принятые в «Комментариях»
КНИГИ, НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЕ СБОРНИКИ, РУКОПИСИ АННЫ АХМАТОВОЙ

«Б
ег времени»

БО 1, БО 2

БП

«Из шести книг»

«Избранное», 1943 «Избранное», 1952

«Избранное», 1974

– «Бег времени». Стихотворения. 1909–1965. М.; Л.: Сов. писатель, 1965.

– Сочинения: в 2 т. / Сост. и подгот. текста М.М. Кралина. М.: «Прав-да». 1990.

Б-ка «Огонек».

– Стихотворения и поэмы / Сост., подгот. текста и примеч. В.М. Жир-мунского. Изд. 2-е. Л.: Сов. писа-тель, 1976. Б-ка поэта. Большая сер.

– «Из шести книг». Стихотворения Анны Ахматовой. Л.: Сов. писа-тель, 1940.

– «Избранное». Стихи [Ташкент], 1943.

– «Избранные стихотворения». Нью-Йорк: Изд-во им. А.П. Чехова, 1952.

– Анна Ахматова. Избранное / Сост. и послеслов. Н. Банникова. М.: Худож. литература. 1974.

«Нечет» (РГАЛИ, РБН)

РТ (с указанием единиц хранения)

«Слава миру!»

«Стихотворения», 1946

«Стихотворения», 1958

«Стихотворения», 1961

«Стихотворения Анны Ахматовой»

Соч. (с указанием тома)

Машинописные копии сборника сти-хотворений «Нечет. Седьмой сбор-ник стихотворений. 1936–1946». Рабочие тетради А. Ахматовой, хра-нящиеся в РГАЛИ, РО ИРЛИ ИРНБ.

Рукописи сборника «Слава миру!», 1951–1953 (РГАЛИ). Стихотворения. 1909–1945. М.; Л.: Гослитиздат, 1946 (единичные экземпляры уничтоженного тира-жа).

Стихотворения. М.: Гослитиздат, 1958.

Стихотворения. 1909–1960. М.: Гослитиздат, 1961. Стихотворения Анны Ахматовой.

Душанбе: Адиб, 1990 / Сост. и ком-мент. М.Б. Мейлаха. Предисл. А.Г. Наймана.

Сочинения: в 3 т. Т. 1. / Общая ред., вступ. ст., примеч. и библи. Г.П. Струве и

Б.А. Филиппова; Изд. 2-е. Мюнхен: Международное литературное содружество, 1967;

Т. 2. / Общая ред., вступ. ст., при-меч. и библи. Г.А. Струве и Б.А. Фи-липпова;

Мюнхен: Международное литературное содружество, 1968; Т. 3. / Общая ред. Г.П.

Струве, Н.А. Струве, Б.А. Филиппова. Па-риж: «Ymca-Press», 1983.

Соч., 1986

Соч., 1990

«Узнают голос мой...»

«Я – голос ваш»

Сочинения: в 2 т. Т. 1 / Сост., под-гот. текста и коммент. В.А. Черных М.:

Худож. литература, 1986. Изд. 1-е.

Сочинения: в 2 т. Т. 1. / Сост., под-гот. текста и коммент. В.А. Черных. М.:

Худож. литература, 1990. Изд. 2-е.

Анна Ахматова. «Узнают голос мой...» Стихотворения. Поэмы. Проза. Образ поэта / Сост. Н.Н. Глен, Л.А. Озеров. М.: Пе-дагогика, 1989.

Анна Ахматова. «Я – голос ваш...» / Сост. В.А. Черных. Вступ. ст. Д. Самойлова. М.: Книж-ная палата, 1989.

КНИГИ ДРУГИХ АВТОРОВ И СБОРНИКИ, СОСТАВЛЕННЫЕ ДРУГИМИ АВТОРАМИ

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

НАЗВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИЙ

«Воспоминания»

«З,

аписные книжки»

ИРЛИ

«Книги и рукописи в со-брании М.С. Л е с м а н а»

Мандельштам Н.

Н а й м а н

«Об Анне Ахматовой»

Воспоминания об Анне Ахматорой. М: Сов. писатель, 1991 /Сост. В.Я. Виленкин н

В.А. Черных, ком-мент. А.В. Курт и К.М. Поливанова. Записные книжки Анны

Ахматовой (1958–1966) / Сост. и подгот. тек-ста К.Н. Суворовой. Вступ. ст. Э.Г.

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941-1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
Герштейн, вводи, заметки, ука-затели В.А. Черных. М.; Torino: Einaudi. 1996
(РГАЛИ). Институт русской литературы (Пуш-кинский дом) РАН. Книги и рукописи в
собрании М.С. Лесмана: Аннотированный каталог. Публикации. М.: книга, 1989.
Мандельштам Н.Я. Вторая книга. М.: Моск. рабочий, 1990. Н а й м а н А. Г.
Рассказы о Анне Ахматовой. М.: Худож. литерату-ра, 1989.
Об Анне Ахматовой. Стихи, эссе, воспоминания, письма / Сост. М.М. Кралин. Л.:
Лениздат, 1990.
«Памяти Анны Ахматовой» –
РГАЛИ –
РГБ –
РНБ –
ВРСХД –
ВРХД –
Eng-Liedmeier, Verheul –
«Свою меж вас еще – оставив тень...»
Чуковская (с ука- – занием тома)
Памяти Анны Ахматовой. Стихи. Письма. Воспоминания. Париж: YMCA-Press, 1974.
Российский государственный архив литературы и искусства. Российская
государственная библио-тека (бывш. ГБЛ – Государствен-ная библиотека СССР им.
В.И. Ле-нина), М.
Российская национальная библиоте-ка (бывш. Государственная публич-ная библиотека
им. М.Е. Салтыко-ва-Щедрина), СПб. журнал «Вестник русского студен-ческого
христианского движения». Париж; Нью-Йорк, журнал «Вестник русского
христи-анского движения». Париж; Нью-Йорк; Москва.
Jeanne van der Eng-Liedmeier, Kees Verheul. Tale without a Hero and Twenty-Two
Poems by Anna Akhmatova. Paris: «Mouton. The Hague». 1973.
«Свою меж вас еще оставив тень...» / Ахматовские чтения. Вып. 3. М.: Наследие.
1992 / Сост. Н.В. Ко-ролева, С.А. Коваленко. Чуковская Л. К. Записки об Анне
Ахматовой: В 3 т. М.: Согла-сие, 1997.
7 «Вражьезная...» Впервые – газ. «Ленинградс-кая правда». 1941. 19 июля;
перепечатано в кн. «Родина зовет». Сборник ленинградских писателей. Вып. 2. Л.,
1941. С. 3; журн. «Ленинград». 1941. № 16. С. 12, в со-ставе подборки из трех
четверостиший: 2. «А та, что се-годня прощается с милым...»; 3. «Копай, моя
лопата...» В качестве эпиграфа к циклу «Ленинградские четверости-шия» – впервые
в рукописи кн. «Слава миру!» (РГАЛИ). Опубликовано М.М. Кралиным как первое
четверостишие цикла в БО 2. С. 49, дата – 1941, под номерами: 2. «Ко-пай, моя
лопата...», 3. «Пускай огонь сигнальный не го-рит...» В рукописи сб. «Слава
миру!» четверостишие «Вра-жье знамя...» было также (в измененном виде)
поставлено эпиграфом к циклу «Победа»:
Вражье знамя
Мы в прахе влачим, –
Правда с нами,
И мы победим!
8 БО 2. С. 331 – другое прочтение:
Вражье знамя
Мы в прахе влачили, –
Правда с нами,
И мы победили!
В кн. «Бегвремени» цикл «Победа» опубликован без этого эпиграфа и в другом
составе. Печ. по газ. «Ленинградская прав-да». Датируется – не позже 19 июля –
по времени первой публикации.
8 Клятва. Впервые – журн. «Ленинград». 1941. № 16. С. 11, без загл., первая
строка: «А та, что сегодня прощается с милым...»; то же в кн. «Родина зовет».
Сбор-ник ленинградских писателей. Вып. 2. Л., 1941. С. 3. Журн. «Красная новь».
1942. №3/4. С. 56; кн. «Мы победим!». Литературно-художественный альманах.
Ташкент. 1942. С. 14–15. Было включено в книгу Ахматовой «Избран-ное», 1943. С.
5. В кн. «Стихотворения», 1946. С. 273. впервые получило название «Клятва». Под
этим названием и с измененной первой строкой: «И та...» – включалось во все
последующие сборники Ахматовой. Открывало цикл «Ветер войны» («Стихотворения»,
1961. С. 201; «Бег времени». С. 336). Печ. по кн. «Бег времени», где имеет дату
– Ленинград. Июль 1941. В списке Н.Л. Дилак-торской дата – август 1941, в
последней строке слово «нич-то» исправлено чернилами на «никто».
9 «Копай, моя лопата...» Впервые – журн. «Ленин-град». 1941. № 16. С. 12; то же
в кн. «Родина зовет». Сборник ленинградских писателей. Вып. 2. Л., 1941. С. 3. В
рукописи сб. «Слава миру!» включено в цикл «Ленинг-радские четверостишия»,
опубликованный М.М. Кралиным в БО 2. С. 50, дата – 1941. Печ. по журн.
«Ленинг-рад», уточнение даты – по содержанию и времени первой публикации.
Стихотворение отражает реалии жизни осажденного го-рода: во дворах домов и

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
парках Ленинграда жители рыли
«щели» для укрытия от бомбежек и обстрелов; в конце июня 1941 г. была введена
трудова повинность – все население города (мужчины в возрасте до 50 лет,
женщины – до 45) должно было участвовать в строительстве оборонительных рубежей
вокруг Ленинграда. В конце июля – начале августа в строительстве укреплений
были заняты свыше 475 тысяч человек. Всего с июля по декабрь 1941 г. жителями
города вырыто более 27 тысяч километров окопов, сооружено 626 километров
противотанковых рвов (см. в кн.: «Петер-бург. Петроград. Ленинград».
Энциклопедический справоч-
«Мы победим!». Литературно-художественный альманах. Таш-кент. 1942. С. 14; журн.
«Красная новь». 1942. № 3–4. С. 56; «Ташкентский альманах». Ташкент. 1942. С. 5;
журн. «Ленинград». 1943. № 8. С. 6. Было включено в кн. «Из-бранное», 1943. С.
7, с датой – 1941, с разделением на три строфы: строки 1–4, 5–10 и 11–16. В
строке 13 грамматические исправления – «по тому» написано раздельно; тире в
середине и запятой в конце строки нет; то же – в кн. «Сти-хотворения», 1958. С.
63, но без разделения на строфы, стро-ки 2 и 4 оканчиваются запятыми. В кн.
«Стихотворения», 1961. С. 202–203 – в составе цикла «Ветер войны», дата – 1941;
то же в кн. «Бег времени». С. 338. В списке Н.Л. Ди-лакторской дата – сентябрь
1941. Печ. по кн. «Стихотворе-
Уточнение даты – по времени между 4 сентября 1941 г., когда Ахматова была
свидетельницей первого обстрела Ленин-града, и днем чтения этого стихотворения
Л.К. Чуковской. Первый вариант стихотворения был прочитан 19 октября 1941 г. в
Чистополе (Ч у к о в с к а я, 1. С. 234). 22 января
ник, 1992. С. 439).

в Ленинграде. Впервые–
ния», 1961. С. 202–203.

1942 г. в Ташкенте Ахматова вновь читает Чуковской стихот-ворение: «.. .уже
гораздо больше, чем было, вместо «освобожд-денные» – о ливнях, конец есть,
«ребенку моему» – только двух строк в промежутке нехватает» (там ж е. С. 382). В
феврале 1942 г. Ахматова отдает текст завершеного сти-хотворения Л.А.
Конторовичу и П. Герману для альманаха «Мы победим!». К осени 1942 г. (октябрь)
стихотворение было включено Ахматовой в «Ленинградский цикл» – вместе со
стихотворениями «Птицы смерти в зените стоят...», «Нох» и «Памяти ленинградского
мальчика».

11 Дорожная, или Голос из темноты Из цикла «Пе-сенки» . Впервые – альм. «День
поэзии», л., 1964. С. 22, под загл. «Голос из темноты, или Дорожная» в составе
цикла из трех стихотворений «Из цикла «Песенки» (2. «Лишняя»; 3. «Прощальная»),
без даты; после цикла следует статья А.И. Павловского «Высокий вечер. К
семидесятипятиле-тию Анны Ахматовой» (С. 23–26). Последняя строка: «Стой,
прохожий!», варианты пунктуации: точки в конце строк 2 и 7. В кн. «Бег времени».
С. 417 – в цикле из четырех стихотворений «Песенки» под № 1, загл. «Дорож-ная,
или Голос из темноты» – окончательный вариант, дата – 1943. В плане кн. «Бег
времени» (РНБ) цикл «Песен-ки» состоит из шести стихотворений: 2. «Застольная»,
3. «Любовная», 4. «Лишняя», 5. «Прощальная», 6. «После-дняя». Цикл опубликован
полностью впервые – БО 1. С. 286–270. Дата «Дорожной» – 1943, Ташкент. Печ. по
кн. «Бег времени».

Дата – 1943 г. – по-видимому, неверна. В записи от 1961 г. (РГАЛИ, л. 22 об.)
Ахматова включила это стихот-ворение в список произведений 1930-х годов, без
обозначения, что это «песенка» (РТ 96):

«Из стихов 30-х годов И упало каменное слово... Уже безумие крылом... Нет, это
не я...»

Голос из темноты (« кто чего боится...»). (Запись 1961 года).

В списке Н.Л. Дилакторской «кто чего боится...» записано между стихотворениями
1941 г. «Первый дально-бойный в Ленинграде...» и «Птицы смерти в зените
сто-ят...», т.е. датируется сентябрем 1941 г. В собрании сти-хотворений,
продиктованных Ахматовой Н.Л. Дилакторс-кой в 1945 г., «кто чего боится...»
расположено между теми же стихами, имеет дату – сентябрь. Последняя строка – как
в окончательном тексте: «Боже!» Можно предположить, что вариант «Стой,
прохожий!», переключенный со строкой М. Цветаевой «Прохожий, остано-вись!» из
стихотворения «Идешь, на меня похожий...» (1913), возник как подцензурная замена
в «Дне поэзии» 1964 г. М.М. Кралин, готовящий в настоящее время к пуб-ликации
записи Н.Л. Дилакторской, считает, что стихот-ворение написано в блокадном
Ленинграде. Это подтверж-дается и содержанием стихотворения, что позволяет
уточ-нить дату – не позже 28 сентября, т.е. до эвакуации из Ленинграда.
Загл. «Дорожная, или Голос из темноты», по-видимо-му, возникло в 1960-е годы, о
чем свидетельствует рассказ Л. К. Чуковской о работе над последним вариантом
книги «Бег времени» в феврале 1964 г. (запись от 3 февраля 1964 г.): «Очень

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
задерживает перепечатку отсутствие эпиграфов к циклу «Библейские стихи» и
названий к «Пе-сенкам». Я о них снова и снова. Но нет. «Еще не решила». Позднее
сноска: «Что касается «Песенок», то заглавия к ним – «Дорожная», «Лишняя» и др.
– она дала мне не позднее середины февраля» (Ч у к о в с к а я, 3. С. 168).
12 «Птицы смерти в зените стоят...» Впервые – «Стихотворения», 1961. С. 204, с
датой – 1941, сен-тябрь и «Бег времени». С. 339, с датой – 1941, в составе цикла
«Ветер войны». Печ. по кн. «Бег времени», где уточ-нена пунктуация: в последней
строке – тире перед словом «смерть». Дата окончания стихотворения – первые
меся-цы пребывания в Ташкенте – устанавливается по воспоми-наниям Л.К.
Чуковской, утверждавшей, что это стихотво-рение было окончено в Ташкенте на ее
глазах («ушах») (Ч у к о в с к а я, 2. С. 22).

Первоначальный вариант последних двух строк –
Отворите райскую дверь, Помогите ему теперь.
В 1945 г., диктуя стихи Н.Л. Дилакторской, Ахматова про-чла 7–10 строки в
редакции, близкой к первоначальной:

И из недр его воплн: хлеба! До седьмого восходят неба.

Пусть отворят райскую дверь, Пусть помогут ему теперь.

28 сентября

М.М. Кралин в БО 1. С. 208, приводит еще один вариант окончания стихотворения,
которое в рукописи кн. «Нечет» (РНБ) состояло из 12 строк:

Но безжалостна эта твердь.

И глядит из всех окон – смерть.

И стоит везде на часах И уйти не пускает страх.

Вариант Л. К. Чуковской был опубликован дважды – М.Б. Мейлахом в кн.

«Стихотворения Анны Ахматовой». С. 277 и Л.К. Чуковской (Ч у к о в с к а я, 2.
С. 604). Стихотворение должно было войти в состав книги «Избран-ное», 1943 – оно
было отобрано составителями сборника К. Зелинским и А. Тихоновым, переписано
Л.К. Чуковс-кой, перепечатано машинисткой газеты Среднеазиатского округа
«Фрунзевец» и передано составителям. Однако в книге оно не появилось, –
возможно, из-за «непроходи-мости» последних строк.

В декабре 1960 г., работая с Л.К. Чуковской над кор-ректурой сборника
«Стихотворения», 1961, Ахматова об-суждала с нею вновь вопрос о «непроходимости»
концовки «Отворите райскую дверь...»: «Затем я сказала Анне Ан-дреевне, что
стихотворение «Птицы смерти в зените сто-ят. // Кто идет выручать Ленинград?»
немыслимо без пос-леднего двустишия («Отворите райскую дверь, // Помо-гите ему
теперь»). Она с раздражением ответила:

– У меня давно готова замена, – и продиктовала мне:

Но безжалостна эта твердь.

И глядит из всех окон – смерть.

(А я с такой ясностью помню день – ташкентский – когда я жила еще на улице
Гоголя; она зашла ко мне; мы сиде-ли на лавочке по дворе, и она прочла мне эти
стихи, сказав, что писать их начала в самолете. Тогда поразили меня эти строки:
Не шумите вокруг – он дышит, Он живой еще, он все слышит...

С такой нежностью произнесено это «не шумите», как о любимом человеке, не о
городе. «Не шумите вокруг – он – дышит»)» (Ч у к о в с к а я, 2. С. 445).

Вместе с тем вариант, найденный Ахматовой для за-мены «непроходного» двустишия,
по художественной силе и точности не уступает раннему, и стихотворение
приобре-тает новую законченность и трагическую силу: на вопрос «Кто идет
выручать Ленинград?» – нет ответа, нет «рай-ской двери» и надежды на помощь, –
твердь безжалост-на, «...и глядит из всех окон – смерть». Этот вариант
стихотворения включен Ахматовой в рукопись кн. «Бег вре-мени», он опубликован в
кн. «Бег времени». Поэтому пред-лагаем считать его не подцензурной правкой, а
окончател-ной творческой волей.

Как на влажном балтийском дне... – В первые ме-сяцы войны немцы потопили
несколько военных кораблей, в частности тот, на котором из Ленинграда
эвакуировали кур-сантов военных училищ. Как из недр его вопли: «Хле-ба!» – После
окружения Ленинграда (8 сентября) и пожа-ра на продовольственных складах имени
Бадаева в Ленинг-раде была резко уменьшена норма хлеба, выдаваемого по
карточкам. В сентябре 1941 г. в Ленинграде начался голод, от которого к декабрю
1941 г. умерло 53 тысячи человек.

13 «Пускай огонь сигнальный не горит...» Впер-вые – журн. «Звезда». 1979. № 3.
С. 190, в подборке под загл. «Два четверостишия» из цикла «Ветер войны»,
публикация М.М. Кралина по автографу РЫБ. В БО 2. С. 50 – в подборке
«Ленинградские четверостишия» (1. «Вражье знамя...», 2. «Копай, моя лопата...»,
3. «Пус-кай огонь сигнальный не горит...»). Печ. по автографу РНБ.

Готов к труду и обороне! – лозунг, широко рас-пространенный в 1930-е годы в деле
физического воспита-ния молодежи («Значок ГТО»).

14 «и осталось из всего земного...» Впервые – журн. «Юность». 1969. № 6. С. 67,

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat публикация В.М. Жирмунского по записям Н.Л. Дилакторской, с не-верным прочтением строки: «Чистый голос полевой», дата – 1941; то же БП. С. 291 и все издания после 1974 г. По свидетельству М.М. Кралина, в записи Н.Л. Дилакторской, находящейся в его собрании, строка 4 ясно прочитывается: «Чистый колос полевой», дата – Ва-гон. Эвакуация. 1941. Печ. по этой рукописи с согласия М.М. Кралина. Уточнение даты – на основании указания «Вагон»: Ахматова ехала в эвакуацию поездом 15–17 октября из Мос-квы в Чистополь и с 28 октября по 9 ноября – из Казани в Ташкент в общем вагоне вместе с семьей Л.К. Чуковс-кой, затем в международном вагоне с семьями С.Я. Мар-шака и Л.М. Квитко (до Алма-Аты), затем снова в общем вагоне с семьей Л.К. Чуковской. Из дорожных дневнико-вых записей Л.К. Чуковской: «2 ноября 41. Новосибирск. Синенькие вагоны московского метро, заваленные снегом. На них указала мне зоркая Анна Андреевна. ... 5 ноября 41. Эшелон с немцами Поволожья. Ему негде пристать. Теплушки; двери раздвинуты; видны дети, женщины, белье на веревках. Говорят, они уже больше ме-сяца в пути и их никакой город не принимает. На станциях, на перронах вповалку женщины, дети, узлы. Глаза, глаза... Когда Анна Андреевна глядит на этих детей и женщин, ее лицо становится чем-то похожим на их лица. Крес-тьянка, беженка... Глядя на них, она замолкает... 8 ноября 41. Пустыня. Мы стоим очень долго между двумя станциями. ... Анна Андреевна оживлена, заинтере-сована, видит гораздо больше, чем я. Каждую минуту пока-зывает мне что-нибудь. ... Перестала читать, разговаривать – смотрит, смотрит...» (Ч у к о в с к а я, 1. С. 239–240). Только хлеб насущный твой... – Слова молитвы «Отче наш...»: «Хлеб наш на-сущный даждь нам днесь...»

15 Наступление. Впервые – журн. «Красная новь». 1942. № 3–4. С. 56; в кн. «Мы победим!». Литературно-художественный альманах. Ташкент. 1942. С. 15; «Избран-ное», 1943. С. 6; «Стихотворения», 1946; С. 275. «Слава миру!»; «Стихотворения», 1958. С. 66, с вариантом строки 3: «Где томится священное тело». При последующих публика-циях загл. «Наступление» было снято, стихотворение без загл. включалось под № 1 в цикл «Победа» из трех стихотворений (№ 2. «Вспыхнул над молом первый маяк...», № 3. «Победа у наших стоит дверей...») – вкн. «Стихотворения», 1961. С. 211; «Бег времени». С. 345. Дата после третьего стихотво-рения – 1942–1945. В перечне и списках Н.Л. Дилактор-ской имеет дату – январь 1942. Та же дата рукой Ахмато-вой – на тексте стихотворения в собрании В.Н. Орлова (РГАЛИ). Печ. по кн. «Стихотворения», 1958; дата – по списку Н.Л. Дилакторской.

Речь идет о контрнаступлении советских войск, начав-шемся в декабре 1941 г. под Москвой, Калинином и Ельцом, и разгроме группы немецких войск в битве под Москвой в ян-варе 1942 г.

Стихотворение, ныне считающееся образцом ахматовс-кой гражданской лирики военных лет, в послевоенные годы подвергалось критике. Особенно резкими были высказыва-ния внутренних рецензентов о ее невышедшей книге «Слава миру!». В рецензии от 3 февраля 1952 г. Н.М. Грибачев, например, предлагал изгнать из стихов Ахматовой все «чуж-дое, полубиблейское, архаическое». Так, в стихотворении «Наступление» это строка – «Где томится пречистое тело» (речь идет о земле)» (РГАЛИ, фонд изд-ва «Сов. писа-тель»).

8 января 1952 г. о том же стихотворении писала Вера Смирнова: «В стихотворении «Наступление» вызывает возра-жение образ: «пречистое тело» земли, а также заключитель-ные строки – И могучие деды-морозы С нами сомкнутым строем идут. Невольно, быть может, автор повторяет здесь то, что утверждали наши враги – о «генерале-морозе», который будто бы дал советским воинам победу» (там же). А. Софронов в рецензии от 15 августа 1951 г. вообще предложил снять из готовящейся книги все военные стихи: «Тема обороны Ленинг-рада, военная тема, в них выглядит слишком мягко, с религиоз-ными мотивами, страдальчески» (т а м ж е).

А. Паллади в рецензии от 13 февраля 1951 г. писал: «В прекрасном стихотворении «Наступление» вызывают не-доумение строки: И могучие деды-морозы С нами сомкнутым строем идут. Этот кукольный образ, по-моему, снижает все стихотво-рение и привносит в его героическое содержание какой-то от-тенок детской песенки, чего, конечно, не хотел автор. Как-то неуважительно звучат эти «деды-морозы» рядом с героичес-кой темой наступления» (там же).

Поэтический язык Ахматовой оказался в 1950-е годы неприемлемым для советской критики, оценивающей ее граж-данскую лирику через призму постановления ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград» 1946 г. Между тем образ «могучих

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
дедов-морозов» у Ахматовой, очевидно, вое-ходит к русской классике – поэме Н.А.
Некрасова «Мо-роз, Красный нос», любимой Ахматовой с детства: ахматовс-кие
«деды-морозы» близки некрасовскому всесильному вое-воде Морозу с его
хрестоматийно известной речью о своей могучей силе:

Задумаю – реки большие Надолго упрячу под гнет, Построю мосты ледяные, Каких не
построит народ ...

Люблю я в глубоких могилах Покойников в иней рядить, И кровь вымораживать в
жилах, И мозг в голове леденить.

На горе недоброму вору, На страх седоку и коню...

(гл. XXXI)

16 Мужество. Впервые – газ. «Правда». 1942.8 мар-та, с вариантом строк 7 и 9:
«Но мы сохраним тебя, русская речь...», «Свободной и чистой тебя донесем...»; то
же в кн. «В огне Отечественной войны», Нальчик, 1942. С. 157; «Ташкентский
альманах». Ташкент. 1942. С. 5; «Избранное», 1943. С. 5, с датой –1942. В
дальнейшем включалось во все издания Ахматовой, в том числе «Стихотворения»,
1946. С. 274; «Стихотворения», 1958. С. 61, с датой – 1942, 23 февраля, с
разделением на три строфы, строка 7: «И мы сохраним тебя, русская речь», строка
9: «пронесем», в конце строки 11 – точка; в кн.: «Стихотворения», 1961. С. 205 –
окончательный текст: ударения на слове «что» в строках 1 и 2, строка 9:
«пронесем», знак восклицания в конце строки 11, дата – 1941, февраль; «Бег
времени». С. 340, с той же да-той. Печ. по кн. «Стихотворения», 1961. Дата – по
списку

Н.Л. Дилакторской, изданию 1958 г. и автографам Ахмато-вой.

24 февраля Л.К. Чуковская записала в дневнике, что в этот день Ахматова
прочитала ей «набросок стихотворе-ния о русском слове (Мужество)» (Ч у к о в с к а
я, 1. С. 401). 6 марта 1942 г. Ахматова читала стихи в доме Е.П. Пешковой, в
том числе «Наступление» и «Муже-ство». 8 марта стихотворение появилось в
центральной партийной газете «Правда», но еще 3 марта, если верить записям Л.К.
Чуковской, Ахматова не считала его текст законченным: « – Ну что, приготовили
для «Правды» то, о чем Вас просили? («Мужество») – Нет. Еще не уда-лось. Писала
другое – то, чего так не хотела, так боялась написать». (Она недавно мне сказала:
«Не дай мне бог напи-сать то, что я сейчас задумала».) Писала всю ночь, и утром
был сердечный припадок» (Ч у к о в с к а я, 1. С. 408). Ташкентская знакомая
Ахматовой, поэтесса С.А. Сомова в воспоминаниях привела раннюю редакцию
стихотворения, где строки 9 и далее:

Свободным и чистым тебя пронесем, От плена избавим, от смерти спасем И внукам
дадим

Навеки!

(Москва. 1984. № 3. С. 184–185).

В дневнике Л.К. Чуковской – запись от 26 апреля 1942 г.: «Перечитывая «Мужество»
– «я хотела: и от сра-ма спасем» (Чуковская, 1. С. 435). По свидетельству
петербургского коллекционера А.М. Луценко, в его собра-нии имеется «ташкентская
тетрадь» Ахматовой, в которой записаны две редакции стихотворения, одна из них –
с по-священием Осипу Мандельштаму и обращением к погибшим в лагерях.

Стихотворение «Мужество» в годы войны было оценено советской общественностью как
высочайший образец граждан-ской лирики Ахматовой. Однако после постановления о
жур-налах «Звезда» и «Ленинград» и оно подверглось критике. В 1952 г. в
рецензиях на невышедшую книгу стихов Ахмато-вой «Слава миру!» о нем писали
«внутренние» рецензенты из-дательства «Советский писатель»: В. Смирнова (8
января 1952 г.) нашла во второй строфе стихотворения «Мужество» «явное
противоречие основной мысли о мужестве:

Не страшно... Не горько...

Не так: «страшно лечь под пулями и горько остаться без крова». «Гордое
утверждение», что мы «сохраним великое русское слово» – «не вытекает из первых
двух «непротив-ленческих» строк. Не правильное ли было бы «Хоть страш-но и
горько?»» (РГАЛИ, фонд изд-ва «Сов. писатель»). А. Чаковский (рецензия от 10
апреля 1952 г.): «Мужество». «Не», «Не» и «И» во второй строфе не сочетаются ни
по смыс-лу, ни лексически» (т а м ж е).

Знавшая эти рецензии, Ахматова не изменила текст и включала стихотворение
«Мужество» во все свои книги вплоть до последней – «Бег времени».

17 «Сгрозных ли площадей Ленинграда...» Впер-вые – «Избранное», 1943. С. 14 и
журн. «Ленинград». 1944. № 10–11. С. 8, под загл. «Из «Ленинградского цикла», с
на-писанием слов «Летейских» и «Азийских» с прописной буквы, строка 6:

«Разостлал над печалью моей?»»; в кн. «Стихотворе-ния», 1946. С. 284;

«Стихотворения», 1958. С. 49; в кн. «Стихотворения», 1961. С. 125 и «Бег
времени». С. 349–350 – окончательный текст, под № 2 в цикле «Луна в зените».

Печ. по кн. «Стихотворения», 1961.

Уточнение даты – по материалам собрания Н.Л. Ди-лакторской: в перечне и в списке

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat стихотворений, записанных под диктовку Ахматовой, дата – март 1942. Место написания – Ташкент – обозначено в «Стихотворениях», 1958. В собрании Дилакторской имеет посвящение В.Г., т.е. Владимиру Гаршину, и объединено в цикл со стихотворением «Глаз не свожу с горизонта...», посвященным ему же.

18 «Так вот он – тот осенний пейзаж...» Впервые – журн. «Звезда». 1946. № 1. С. 71, год загл. «Вроде монолога». Варианты строк:

1: Так вот он – тот осенний пейзаж
7: Года боролась, – получило я дань 21: И не с одною мной – с другими тоже, –
25: «Пятнадцать лет назад ты песней 27: И хоры звезд и хоры вод звала.
То же загл. в собрании Н. Л. Дилакторской, рукописи кн. «Нечет» (РНБ) и в кн. «Стихотворения», 1946. С. 303. В кн. «Стихотворения», 1961. С. 259 строка 1: «Так вот же он – осенний тот пейзаж»; в кн. «Бег времени». С. 444–445, под загл. «Вторая» в цикле «Северные элегии» из четырех произведений с общим эпиграфом ко всему циклу: «Всё в жертву памяти твоей... Пушкин». Строка 1 – как при первой публикации. В полном цикле из семи произведений (БО 1. С. 259–265) – загл. «Четвертая». Печ. по кн. «Бег времени», с исправлением написания в строке 1 слова «пейзаж» (именно так, как трехсложное, произношение это слово Ахматова). В рукописях Ахматовой стихотворение включалось ею в перечни и «содержания» цикла «Ленинградские элегии» – либо по его первой строке, либо под названием «Вроде монолога». Дата – по материалам собрания Н.Л. Дилакторской.

В стихотворении идет речь о годах (пятнадцать лет), прожитых с Н.Н. Луниным (1923–1938). Поводом к созданию элегии в марте 1942 г. в Ташкенте послужило известие о том, что с эвакуирующейся из Ленинграда в Самарканд Академией художеств через Ташкент должна проехать семья Николая Николаевича Лунина. 24 марта 1942 г. Л.К. Чуковская записала в дневнике: «... дважды сопровождала ее на вокзал. Проехала Ленинградская Академия Художеств. Лунин; Анна Евгеньевна, Ирочка с Малайкой. Вокзал; эвакуопункт, где достаю для отставших от эшелона Луниных-женщин хлеб. Страшные лица ленинградцев. Совершенно спокойное лицо NN (NN – так в дневнике Л.К.Чуковская называла Ахматову. – Н.К.). Не спала две ночи, глаза опухли. Меня и ее бьют на вокзале дежурные – не пускают на перрон. Костыли. Запасные пути. Трамваи.

О Гаршине ничего не знают. NN уверена, что он умер. Умер Женя Смирнов. Таня, Вовочка и Валя при смерти. Умерла Вера Аникиева. ... Лунин очень плох. – «Он попросил у меня прощения за всё, за всё...» ...

– Вы писали эти ночи?
«Нет, что Вы. Теперь, наверное, годы не смогу писать» (Чуковская, 1. С. 417–418).

29 марта Л.К. Чуковская записывает в дневнике, что от Луниных из Самарканда нет вестей и что Анна Андреевна беспокоится о Николае Николаевиче. 22 апреля 1942 г. – запись Чуковской о пришедшем от Лунина письме: «... закрыв дверь на крючок, NN вынула письмо от Лунина и прочла мне вслух. Из больницы. Читала она, опустив руки, своим трогательным тихим нежным и глубоким голосом. Он благодарит ее за доброту (она посылала в Самарканд с оказией посылочку и поручила одному человеку справиться там о здоровье Н.Н.), просит прощения, пишет о смерти и о том, как он, умирая, вспоминал NN и понял всю ее великую жизнь» (там же. С. 432). Пунин писал о том, как он был тяжело болен в Ленинграде, ждал смерти и много думал о жизни с Ахматовой: «Думал, потому что в том напряжении души, которое я тогда испытывал, было нечто – как я уже писал Вам в записочке – похожее на чувство, жившее во мне в 20-х годах, когда я был с Вами. Мне кажется, я в первый раз так всеобъемлюще и широко понял Вас – именно потому, что это было совершенно бескорыстно, так как увидеть Вас когда-нибудь я, конечно, не рассчитывал, это было действительно предсмертное с Вами свидание». (Полный текст письма см.: Ахматова А. Стихи, переписка, воспоминания, иконография / Сост. Э. Проф-фер. – Анн Арбор: Ардис, 1977. С. 78 и журн. «Наше наследие». 1988. № 4. С. 108.)

В апреле 1942 г. Ахматова прочла Чуковской текст стихотворения «Так вот он – тот осенний пейзаж» – см. запись от 28 апреля 1942 г.: «Как-то на днях она прочла мне «Пятнадцать лет пятнадцатью веками» и т.д. Она и раньше читала мне эту горькую вещь, но тогда – конца не было» (Чуковская, 1. С. 437). Теперь моли, терзайся, называй Морской царевной... – Ахматова рассказывала Л.К. Чуковской, что при расставании Н.Н. Пунин произнес фразу: «Будет он помнить про царскую дочь», являющуюся цитатой из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Морская царевна». См. об этом также в т. 3.

20 «Многое еще, наверно, хочет...» Впервые – журн. «Ленинград». 1944. № 10–11. С. 8, с иной 1-й строкой-загл.: «Я в долгу у многого, что хочет...» – и вариантами строк:

3: Но что бессловесное грохочет (возможно, опечатка: «но» вместо «то»);

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
10: И ведут за черною звездой.
Первая строка была изменена Ахматовой в 1945 г., при диктовке стихотворения Н.Л. Дилакторской. Тогда же изменена строка 3: ее начало – «Но что бессловесное грохочет» заменено на «То, что, бессловесное, грохочет»; «Антология русской советской поэзии». Т. 1. М., 1957. С. 322, с заменой эпитета в последней строке: «И ведут за утренней звездой»; так же – «Стихотворения», 1958. С. 55, с датой – 1942; «Стихотворения», 1961. С. 219; «Бег времени». С. 299, в цикле «Тайны ремесла» под № 10. Печ. по кн. «Стихотворения», 1958. Уточнение даты – по перечню Н.Л. Дилакторской.
21 1. «Щели в саду вырыты...» 2. «Постучи кулачком – я открою...» Впервые – сб. «Родной Ленинград», Ташкент, 1942. С. 49, без загл., с посвящением «Памяти мальчика, погибшего во время бомбардировки Ленинграда»; то же – «Ташкентский альманах». Ташкент. 1942. С. 55; журн. «Ленинград». 1943. № 5. С. 11; «Избранное», 1943. С. 8–9, с посвящением «Памяти моего соседа, ленинградского мальчика» и датой после второго стихотворения – 23 апреля 1942 г. В конце строки 4 первого стихотворения – точка; во втором стихотворении после строки 5 – строка точек; «Антология русской советской поэзии». Т.1.М..1957.С.321, с посвящением «Памяти моего соседа, ленинградского мальчика Вали Смирнова». В кн. «Стихотворения», 1958. С. 64 и «Стихотворения», 1961. С. 206 – только № 1 «Щели в саду вырыты», с датой – 1942, без загл. В кн. «Бег времени». С. 341–342 – как цикл из двух стихотворений без посвящения и загл., в разделе «Ветер войны». Загл. «Памяти Вали» – в перечне Н.Л. Дилакторской и в рукописи кн. «Нечет» (РНБ). В рукописи кн. «Нечет» начало строки 1 второго стихотворения – «Постучись...». Так же напечатано в БП. С. 213 и последующих изданиях. Печ. по кн. «Бег времени». Дата – по кн. «Избранное», 1943 и записям Л.К. Чуковской. 18 апреля 1942 г. Чуковская записала в дневнике, что Ахматова прочла ей «две строфы, посвященные Вовочке Смирнову» (Ч у к о в с к а я, 1. С. 430) – «Щели в саду вырыты...». После известия, полученного от Луниных, о том, что соседи АХМАТОВОЙ по квартире № 44 в Фонтанном Доме – Татьяна Смирнова и два ее сына – при смерти, она решила, что первым умер самый младший – Вовочка. Ему первоначально и посвящался цикл. «С тех пор, как умерли мои мальчики, я совсем не хочу видеть детей», – сказала Ахматова Чуковской 18 апреля 1942 г. 23–24 апреля 1942 г. Ахматова прочла Чуковской «второе стихотворение» Вовочке и заплакала» (там же. С. 433). Строка 5 этого стихотворения первоначально читалась: «И домой не вернусь никогда». 28 апреля Чуковская записывает: «NN заменила строку «И домой не вернусь никогда» – строкой: «Но тебя не предаю никогда» (С. 437). 14 июня 1942 г. оба стихотворения взял для альманаха «Родной Ленинград» его составитель В.А. Липко. В это время они еще были посвящены памяти Вовочки. Лишь в начале сентября 1942 г. из писем ленинградцев, В.Г. Гаршина и И.Н. Томашевской, Ахматова узнала, что «Вовочка Смирнов, памяти которого она посвятила стихи – жив. А Валя умер. И Женя Смирнов, их отец» (С. 477). В стихотворении Ахматовой описана смерть ленинградского мальчика во время бомбежки, на самом деле Валя Смирнов умер от голода. Пронзительные по своей трагической силе стихи Ахматова читала во время своих выступлений в годы войны, читала и в домах ташкентских друзей по их просьбе. Они никого не оставляли равнодушным. Тем кощунственнее звучат слова из внутренней рецензии А. Чаковского от 10 апреля 1952 г. на сб. «Слава миру!»: «Щели в саду вырыты. Старушечье причитание. По-моему, снять».
22 «Заснуть огорченной...» Впервые – журн. «Ленинград». 1944. № 10–11. С. 8, и «Огонек». 1945. № 36, С. 6, под загл. «В Ташкенте», без посвящения. Строки 3, 6 и 8 – с отступом вправо от вертикали; «Стихотворения», 1946. С.290, под загл. «Луна в зените» (Ташкентские наброски). Эпиграф «Этой розы завой... Фет». Посвящение Г.Г. «Стихотворения», 1958. С. 52 – без загл. и посвящения, с датой – 1942. Ташкент. В конце строк 3 – двоеточие, 11 – запятая, 12 – точка; «Стихотворения», 1961. С. 214 – под № 1 в цикле «Луна в зените» из девяти стихотворений, без загл., без посвящения, дата ко всему циклу – 1942–1944. Состав цикла: 1. «Заснуть огорченной...», 2. «С грозных ли площадей Ленинграда...»; 3. «Все опять возвратится ко мне...»; 4. «И в памяти, словно в узорной укладке...»; 5. «Не оттого, что зеркало разбилось...»; 6. «Третью весну встречаю вдаль...»; 7. «Все те же хоры звезд и вод...»; 8. Явление луны; 9. «Как втрапезной – скамейки, стол, окно...». Вкн. «Бег времени». С. 349 – под № 1 в цикле «Луна в зените» из восьми стихотворений (не включено «Не оттого, что зеркало разбилось...»), без посвящения, дата – 1942–1944. Ташкент – после всего цикла. Печ. по кн. «Стихотворения», 1961. Уточнение даты – по материалам Н.Л. Дилакторской.
Посвящение – Галине Герус – на автографе, подаренном Ахматовой адресату в Ташкенте. Судя по записям в дневнике Л.К. Чуковской, в апреле стихотворение не

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat было закончено. 16 мая Ахматова читала ей только первые строки:
Заснуть огорченной, Проснуться влюбленной, Увидеть красный мак.
Какая-то сила сегодня входила в твое святилище, мрак.
«Я не знаю, что будет дальше и не знаю еще, про что это. Тут какой-то сон» (Ч у к о в с к а я, 1. С. 450). По воспоминаниям Галины Лонгиновны Герус (девичья фамилия, иногда подписывалась фамилией своей матери – Апостолова), ташкентской приятельницы Ахматовой, жены композитора А.Ф. Козловского, в стихотворении отразились ташкентские впечатления Ахматовой, во многом навеянные прогулками по старому городу с его «мангалочными двориками» в сопровождении А.Ф. Козловского: «Привел он ее однажды в тот «рай», где мы прожили три года до войны. Два дома, два сада с черешнями и персиками, которые то цвели, то плодоносили. У стены серебристая джида, у которой одно из самых благоуханных цветений на земле. Урючина и огромный тополь укрывали по-ловину сада и мангал в углу, где почти всегда тлел огонек. Там было все – и виноградная лоза, и розовый куст, и арык, бегущий вдоль дорожек, где притаилась душистая мята всех оттенков и ароматов. ... В тот же день Алексей Федорович показал ей свои фотографии, сделанные там в те годы. Среди них была и одна моя, которая ей очень понравилась. Она попросила ей ее подарить, но Алексей Федорович из-за суматохи военных лет не сдержал слова.
Зато через три дня она принесла мне листочек со стихами, которые я бережно храню. Подарила и поцеловала. На листочке написано – Галине Герус:
Заснуть огорченной ...
(«Воспоминания об Анне Ахматовой». С. 383.)
Шехерезадой – по имени восточной красавицы, героини сказок «Тысяча и одна ночь» – Ахматова называла Г.Л. Герус-Козловскую. Мангалочный дворик... – Мангал – железная печка-жаровня для приготовления пищи на открытом воздухе.
23 Нох. Статуя «Ночь» в Летнем саду. Впервые – сб. «Родной Ленинград», Ташкент, 1942. С. 50, с эпиграфом: «В Ленинграде многие статуи для сохранности зарыты в землю возле своих пьедесталов»; «Ташкентский альманах». Ташкент. 1942. С. 55 – под загл. «Статуя «Ночь» в Летнем саду»; то же – в кн. «Избранное», 1943. С. 22, с датой – 1942, варианты пунктуации: в конце строк 3 и 8 – точки, в строке 7: «Дионисовы чаши» со строчной буквы. В кн. «Избранные стихи». М., «Правда», 1946. Б-ка «Огонек», № 23; «Стихотворения», 1946. С. 281; в кн. «Стихотворения», 1958. С. 51 – загл. Нох (Статуя «Ночь» в Летнем саду), дата – 1942, многоточие в конце строк 3 и 8; то же загл. в кн. «Стихотворения», 1961. С. 207; «Бег времени». С. 343 – окончательная форма загл. Включено в цикл «Ветер войны». Печ. по кн. «Бег времени», уточнение даты – по материалам Н.Л. Дилакторской.
Датировку – 30 мая 1942 – подтверждает запись Л.К. Чуковской, которой Ахматова прочла это стихотворение 31 мая (Ч у к о в с к а я, 1. С. 458). По свидетельству Чуковской, строка 5 первоначально читалась: «Как мы тебя покрывали» (с полной рифмой к слову «покрывале»), но Ахматову смутила близкая ассоциация с «ругательством»: «покрыли», «крыли». Замена произведена по предложению Л.К. Чуковской, принятому Ахматовой. 14 июня 1942 г. стихотворение было передано Ахматовой составителю альманаха «Родной Ленинград» В.А. Липко.
В звездном покрывале, // в траурных маках, с бессонной совой... – статуя «Ночь» начала XVIII в. из серии аллегорий «Круговорот суток» работы скульптора Д. Боннацца изображена в виде женщины, окутанной звездным покрывалом, с венком из цветов и плодов мака на голове. Летучая мышь на поясе и сова у ног женщины – атрибуты, символизирующие ночь. Ахматова очень точно описала в своем стихотворении статую Летнего сада.
24 «Глаз не свожу с горизонта...» Впервые – журн. «Новый мир». 1969. № 5. С. 55 (1-я строфа как отдельное стихотворение, публикация В. М. Жирмунского); то же – БП. С. 293. Строки 1–2:
Глаза не свожу с горизонта, Где метели пляшут чардаш.
Возможно, это неверное прочтение; в записи Дилакторской – «Глаз не свожу с горизонта», «мятели».
Полный текст по записи Н. Л. Дилакторской впервые – БО 2. С. 43. Входило в состав цикла из двух стихотворений (1. «С грозных ли площадей Ленинграда...»), посвященного В.Г. Гаршину. Печ. по списку Н.Л. Дилакторской и БО 2. Уточнение даты – не позже 3 июня 1942 г. – на основании записи Л.К. Чуковской от 4 июня: «Вчера NN прочла мне два новых стихотворения, предупредив, что они недоделаны и еще не нравятся ей. «Между нами теперь три фронта» – и еще одно, о тени. Она говорит, что будет цикл, вместе с «С грозных ли площадей» (Ч у к о в с к а я, 1. С. 459). Сомнения Ахматовой и Чуковской вызвала строка 2 из-за слова «чардаш» – «уводит от Ленинграда». Ахматова предложила вариант строки с неточной рифмой «весна» – «наш», но тут же отвергла его. При жизни Ахматовой стихотворение не печаталось; Чуковская считала, что работа над ним (над его второй строкой) не была завершена (там же. С. 460). Вместе с тем она подтверждает, что

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat стихотворе-ние обращено к В.Г. Гаршину и что оно оканчивалось строка-ми: «Я молилась, чтоб смертной муки // Удостоились вмес-те мы» (т а м ж е).

25 «Какая есть. Желая вам другую...» Впервые – две последние строфы от слов «Седой венец достался мне не-даром...» – «Литературная Грузия». 1967. № 5. С. 64, публикация Л.К. Чуковской, под загл. «Стихи разных лет. Первая публикация». Во введении Л.К. Чуковская указыва-ет, что отрывок 1942 г. «Седой венец достался мне недаром...» предназначался для первоначального варианта кн. «Бег време-ни». В рукописи кн. «Нечет» (РНБ) входило в цикл «Луна в зените», дата – 23–24 июня 1942 г. Полный текст – в кн. Eng-Liedmeier, Verheul. P. 52; БП. С. 291 – публика-ция В.М. Жирмунского по записи В.Н. Орлова со слов Ахма-товой. Текст из пяти строф (без незаконченной 2-й строфы) – «Избранное», 1974. С. 459, публикация Н. Банникова; БП. С. 291 – по записи В.Н. Орлова со слов Ахматовой; варианты строк:

17: Природы и с невинностью святою, 26: И щеки, опаленные загаром, 28: Но близится конец моей гордыни: 36: И кто прислал ночного пришлеца?

Текст из шести строф – в сб. «Узнают голос мой...». С. 268–269, по автографу из собрания Н.Н. Глен. Стро-ка 17: «Природы с неповинностью святою». В Соч., 1986. С. 324–325 – без строфы 2, строка 20: «И почему-то я всегда вторгалась». В Б01. С. 216–217 – текст из шес-ти строф, но 2-я строфа нарушена тем, что отсутствие строк 10–12 обозначено лишь одной строкой точек. Стро-ка 17: «Что делать с неподкупностью простою?» Л.К. Чуков-ская предлагает свой вариант текста (Ч у к о в с к а я, 2. С. 584–585), с датой – Ташкент, 21 июня 1942, – из шести строф (во 2-й строфе строки 10–12, утерянные или не дописанные Ахматовой, обозначены тремя строками точек). Строки:

17: Природы? С неповинностью святою? 24: И многих неутешная вдова... 26: И щеки, опаленные загаром, Печ. по кн. Ахматова А. «Узнают голос мой...» Дата – по авторскому перечню стихотворений РНБ.

Автографы двух строф – 1-й и 3-й – в рукописи кн. «Нечет» (РНБ), двух последних строф – в рукописи кн. «Бег времени» (РГАЛИ). Автографы полного текста из шести строф (вторая не полностью) – в собраниях Л.К. Чу-ковской, Н.Н. Глен, В.Г. Адмони. Стихотворение было на-писано Ахматовой к своему дню рождения, – в 1942 г. ей исполнялось 53 года. Л.К. Чуковская записала 3 июля 1942 г., что Ахматова читала ей «новые строфы» этого стихотворения как еще не законченного: «... .ах, какие! Отповедь вязальщи-цам всех мастей и оттенков. Какая есть!» (Ч у к о в с к а я, 1. С. 471).

Как шарлатаны и оптовики. – По предположению некоторых исследователей (Э.Г. Герштейн, Л.А. Шилова и др.), строка 3 могла быть первоначально: «Как шарлатаны и большевики...» Текст стихотворения с этой строкой имеет-ся в собрании петербургского коллекционера А.М. Луценко. И щеки, опаленные пожаром... – намек на сопоставление себя и своей трагической судьбы с Данте и его «Божественной комедией» (схождение героя в ад, лицо, опаленное адским пла-менем). Страдалице Марине – М.И. Цветаевой, покон-чившей с собой в Елабуге 31 августа 1941 г. И ты придешь под черной епанчою и далее. – Возможно, образ навеян «ма-ленькой трагедией» А.С. Пушкина «Моцарт и Сальери» – эпизодом явления Моцарту «черного человека», заказавшего «Реквием». Известно, что Ахматова хорошо знала и любила «Реквием» Моцарта и часто просила композитора А.Ф. Коз-ловского, обладавшего блестящей музыкальной памятью и та-лантом пианиста, играть ей «Реквием» и «Масонскую траур-ную музыку» (см.: «Воспоминания». С. 392). Епанча – зд.: широкий плащ, накидка.

27 «Любо вам под половицей...» Впервые – БП. С. 292, публикация В.М. Жирмунского по записи Н.Л. Ди-лакторской. Дата – в перечне и списках Дилакторской. Печ. по БП.

У Л.К. Чуковской есть запись от 7 сентября 1942 г. о чте-нии ей Ахматовой этого стихотворения – вместе с новым ва-риантом эпилога «Поэмы без героя» и «А я уже стою на под-ступах к чему-то...» из цикла «Смерть» (Чуковская, С. 477)

28 Смерть (I–II). I. «Ябыла на краю чего-то...» II. «А я уже стою на подступах к чему-то...» Впервые как цикл из двух стихотворений под загл. «Смерть» – «Бег вре-мени». С. 353. В собрании Н.Л. Дилакторской имеет эпитаф

My native Land, good bye! Вугол («Мой край родной, про-щай! Байрон») – несколько видоизмененная строка из «Па-ломничества Чайльд-Гарольда» Байрона (у Байрона: «... .good night!» (доброй ночи). Строка 1 второго стихотворения – «И вот уже стою...». Печ. по кн. «Бег времени», дата – по перечню Н.Л. Дилакторской. В рукописи кн. «Нечет» (РНБ) цикл был дополнен третьим стихотворением – «И комната, в которой я болею...», написанным в январе 1944 г. 7 сентября 1942 г. Ахматова читала второе стихотворе-ние Л.К. Чуковской: «Прочла новое, очень страшное, о ко-рабле. (Написанное в Дурмени)» (Ч у к о в с к а я,

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
1. С. 477). Первое было прочитано ей же лишь в 1959 г. вместе со
стихотворениями «Наследница» и «Из цикла «Ташкентские стра-ницы»: «И третье
прочла отличное, об ускользании» (Чуковская, З.С. 366). Лидия Корнеевна
запомнила его и в тот же день, 23 декабря 1959 г., записала в дневник.
Рас-становка знаков препинания Л.К. Чуковской такая же, как в кн. «Бег
времени». Запись Н.Л. Дилакторской под диктовку Ахматовой предлагает иной
вариант пунктуации, меняющий смысл четверостишия:
Я была на краю чего-то, Чему верного нет названья, – Зазывающая дремота от себя
самой ускользая.

(Текст в собрании М.М. Кралина.)

Стихотворения написаны во время тяжелой болезни Ах-матовой – 1 августа у нее
поднялась температура до 39,7°, она была отправлена в больницу, а по
выздоровлении – в санато-рий в Дурмени (с 20 августа), где пробыла до 6–7
сентября.

29 На Смоленском кладбище. Впервые – «Ленинг-радский альманах». 1945. С. 210, в
подборке под редакцион-ным названием «Шаг времени», с загл. «На Смоленском». В
строке 2 иная пунктуация: «Вы – века прошлого дряхлею-щий посев». В конце
последней строки точка; в кн. «Стихотво-рения», 1946. С. 302, под загл. «На
Смоленском (Отрывок из поэмы)»; в кн. «Стихотворения», 1961. С. 220 – загл. «На
Смоленском кладбище», дата – 1942, без строк 1–2 и строки точек, начало: «Вот
здесь кончалось все: обеды у До-нона...»; в собрании Н.Л. Дилакторской – без
загл., стро-ка 1: «И все, кого я на земле застала...», дата – август 1942.
Дюрмень. В рукописи кн. «Нечет» (РНБ) вместе со стихот-ворением «А вы, мои
друзья последнего призыва!..» под назва-нием «Два отрывка из поэмы без
названия», в другом варианте рукописи кн. «Нечет» – в цикле «Трещотка
прокаженного»; в кн. «Бег времени». С. 367 – окончательный текст, дата –
Дюрмень. 1942. Печ. по кн. «Бег времени». С. 367, уточне-ние даты – по списку
Н.Л. Дилакторской.

Донон – фешенебельный ресторан в Петербурге. Ржа-вый ангелок – остаток
старинного надгробья на Смоленском кладбище, недалеко от могилы А.А. Блока.
Восток. ../И гро-мыхал вдали... – возможно, речь идет о надвигающейся в на-чале
века русско-японской войне (1904–1905).1 с Запада несло викторианский чванством.
– Ахматова говорит о взаи-моотношениях России и Англии в начале XX в.;
викторианс-кое чванство – надменность английской аристократии при ко-ролеве
Виктории (1837–1901). Канкан – танец, был моден в конце XIX – начале XX в. в
Париже, а затем и в России.

30 ь memoriam – журн. «Знамя». 1945. № 4. С. 50, без загл., строка 5:
«Да что там имена! – Захло-пываем святцы...», строка 8: «для славы мертвых нет».
Под загл. «In memoriam» – в кн. «Избранные стихи», М.: «Прав-да», 1946. Б-ка
«Огонек», № 23. Подтем же названием – в списке Н.Л. Дилакторской и в собрании
стихотворений, про-диктованных ей Ахматовой (1945). Без загл. печаталось в
изда-ниях «Стихотворения», 1946. С. 285, 1958. С. 71; 1961. С. 208 и
«Бегвремени». С. 344. Ранняя, неподцензурная, ре-дакция стихотворения (кроме
непроходимой последней строки) предлагалась Ахматовой издательствам до 1952–1953
г. При подготовке сб. «Слава миру!», первого после постановления 1946 г. о
журналах «Звезда» и «Ленинград», Ахматова была вынуждена подчиниться жесткому
контролю редакторов и цен-зоров. В 1952 г. А.Б. Чаковский писал об этом
стихотворении во внутренней рецензии на первый вариант сб. «Слава миру!»:
«Насчет святцев и багрового света – чепуха. Надо убрать» (РГАЛИ., фонд изд-ва
«Сов. писатель»). 4 февраля 1953 г. А. Сурков посылает в издательство «Советский
писатель» но-вую редакцию сб. «Слава миру!» с рецензией А. Фадеева и с
на-стоятельной просьбой срочно заключить с автором договор и книгу издать. В
этой рукописи на л. 66 стихотворение «А вы, мои друзья последнего призыва!..»
носит следы правки чернилами, рукой Ахматовой. В строке 5 вместо «Захлопываем
святцы» по-является: «Ведь все равно вы с нами...», в строке 7 вместо: «Ря-дами
стройными выходят ленинградцы» – стало: «И ленинг-радцы вновь идут рядами»,
затем исправлено: «... идут сквозь дым рядами».

В марте 1958 г. Л.К. Чуковская, работавшая вместе с Ах-матовой над корректурой
новой ее книги, записывает: «Стихот-ворение «А вы, мои друзья последнего
призыва!» совсем переде-лано из-за святцев и Бога. На самом деле второе
четверостишие читается так:

Да что там имена! Захлопываю святцы. И на колени все. Багряный хлынул свет...
Рядами стройными проходят ленинградцы живые с мертвыми. Для Бога мертвых нет.
Сделано же так:

Да что там имена! Ведь все равно – вы с нами!.. Все на колени, все! Багровый
хлынул свет!.. И ленинградцы вновь идут сквозь дым рядами, – живые с мертвыми:
для славы мертвых нет!»

(Ч у к о в с к а я, 2. С. 287.)

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
Этот вариант – «Стихотворения», 1958. С. 71, дата – 1944. В кн. «Стихотворения»,
1961. С. 208, дата – 1942.

Строка 6:

Все на колени, все! Багряный хлынул свет!

Тот же текст – «Бег времени». С. 344. Автографы неподцензурной редакции – в рукописи кн. «Нечет» (РНБ), в фондах Ахматовой и В.Н. Орлова (РГАЛИ). Различия в строках 6 – «багровый свет», «багряный свет», и 7– «выходят ленинградцы», «проходят ленинградцы». Последнюю строку как истинную авторскую волю – «Для Бога мертвых нет» – Ахматова диктует В.Н. Орлову при работе с ним над изданием 1946 г., дополняя новыми стихами невышедшую книгу (РГАЛИ). Та же строка – в рукописи кн. «Нечет», сохраненной Г.П. Макогоненко (РНБ). Печ. по собранию Н.Л.

Дилакторской; пунктуация – по кн. «Бег времени». С. 344.

Святцы – месяцеслов «с полным означением на всяк день памяти святым» (Даль Вл. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. Т. 4. С. 162).

31 ВТНфу. Впервые – журн. «Звезда Востока». Ташкент. 1966. № 6. С. 41, публикация Л.К. Чуковской в подборке «Неопубликованные стихи», загл. «В тифу»; «День поэзии». М., 1968. С. 165 – без загл., без даты, варианты строк:

8: Что зачем, ответчица, – 11: Меня под землю не надо. 12: Я одна рассказчица.

БП. С. 293, публикация В.М. Жирмунского.

В перечне Н.Л. Дилакторской – без загл., дата – ноябрь 1942. ТАШМИ. В списках стихотворений, продиктованных Ахматовой и записанных Дилакторской под диктовку, – без загл., строка 2: «Русская морозная». Строка 1: «Где ты, ночка молодая» – возможно, слуховая ошибка при записи под диктовку; в перечне: «Где-то ночка молодая». Автографы – в РГАЛИ и в рукописи кн. «Нечет» (РНБ). Печ. по автографу РГАЛИ.

ТАГИ МИ – Ташкентский медицинский институт, в клинике которого Ахматова лечилась в ноябре 1942 г. от брюшного тифа (с 5 ноября, в «правительственной палате». – См.: Чуковская, 1.С. 499).

«Если ты смерть – отчего же ты плачешь сама...»

Впервые – журн. «Звезда». 1969. № 8. С. 164, публикация В.М. Жирмунского по записям Н.Л. Дилакторской, которые являются единственным источником текста. В БП. С. 292, место написания обозначено: Ташкент; в записях Н.Л. Дилакторской – ТАШМИ. Опубликовано М.М. Кралиным (БО 2. С. 43). Печ. по списку Н.Л. Дилакторской.

33 «Л умирать поедем в Самарканд...» Впервые – журн. «Вопросы литературы». 1983. № 6. С. 174, публикация В.Я. Виленкина по рукописи кн. «Нечет» (РНБ). В этой рукописи двустихие расположено после стихотворения «В тифу», имеющего дату – 1942 г. Ташкент. ТАШМИ (в тифозном бреду). После двустихия вместо даты – слова «то же», т.е. та же дата и то же место написания, что в предыдущем стихотворении. Печ. по рукописи кн. «Нечет» (РНБ).

Некоторые публикаторы оспаривают дату, указанную Ахматовой, на том основании, что она сама сообщала, что стихотворение написано ею на смерть Анны Евгеньевны Арене, жены Н.Н. Пунина, умершей в Самарканде 29 августа 1943 г. (см. БО 2. С. 340).

Смерть А.Е. Арене, пережившей блокаду и умершей в благодатном южном городе, по свидетельству окружающих, действительно потрясла Ахматову. Однако связь мыслей о смерти с Самаркандом возникла раньше – в марте 1942 г., когда Ахматова встречала эшелон, везший в Самарканд истощенных ленинградцев, среди которых была и семья Пуниных. «Пунин очень плох», – записано в дневнике Л.К. Чуковской, сопровождавшей Ахматову на вокзал (Ч у к о в с к а я, 1. С. 417). 29 марта 1942 г. – новая запись: «От Пуниных из Самарканда нет вестей. Она беспокоится о Николае Николаевиче» (там же. С. 421).

Возможно, что в двустихии отразилось и впечатление от письма Н.Н. Пунина из Самарканда от 14 апреля 1942 г. В нем он рассказывал о своих мыслях о сущности поэтического дара Ахматовой и о ее судьбе, которые сформулировал для себя в блокадном Ленинграде, будучи уверен, что умирает. Письмо написано в больнице Самарканда, где Пунин выздоравливал: «Я еще не вполне окреп, но все же чувствую себя живым и так радуюсь солнечным дням и тихо развивающейся весне. Смотрю и думаю: я живой. Сознание, что я остался живым, приводит меня в восторженное состояние, и я называю это – чувством счастья. Впрочем, когда я умирал, то есть знал, что я непременно умру ... я тоже чувствовал восторг и счастье. Тогда я думал о Вас много» (Ахматова А. После всего. М, 1989. С. 141).

34 «И кружку пенили отцы...» Впервые – БП. С. 407, в качестве черного варианта стихотворения «Первый дальноточный в Ленинграде». Как самостоятельный набросок – БО 2. С. 88, в более полной редакции – по рукописи кн. «Нечет» (РНБ). Печ. по этой рукописи.

И нет Ленор, и нет баллад. – «Ленора» (1773) – баллада немецкого поэта Готфрида Августа Бюргера (1747 – 1794), широко известная в трех переложениях

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
В.А. Жуковского («Людмила», «Светлана» и «Ленора»). На литературном вечере у
А.Н. и Л.И. Толстых переводчик В.В. Левик читал свой перевод «Леноры» Бюргера 27
февраля 1942 г. Присутствовавшая на этом вечере Ахматова читала «Поэму без
героя» (дважды по просьбе хозяина дома).

35 «и я все расскажу тебе...» впервые – журн. «Звезда». 1969. № 8. С. 163,
публикация В.М. Жирмунского; БП. С. 410, в качестве фрагмента к стихотворному
циклу «Ташкент зацветает»; БО 2. С. 48, в составе незавершенного произведения
«Блаженный мир – зеленый мир...». В рукописи кн. «Нечет» строка 2: «Как пронесся
«афганец» дикий». Печ. по списку в собрании Н.Л. Дилакторской, где имеет так же
другой вариант строк 3–5:

Что увижу на светлом лице Молодой азийской луны,
Что нашепчут еще арыки, что
подслушаю в чайханы.

Афганец – южный ветер.

«Лежала тень на месяце двурогом...» впервые – БП. С. 410, как черновой набросок
к циклу из двух стихотворений «Ташкент зацветает» («Словно по чьему-то
повелению...») и «Я буду помнить звездный кров...»), публикация В.М.

Жирмунского; в качестве самостоятельного незаконченного стихотворения – БО 2.
С. 88, по рукописи кн. «Нечет» (РНБ). Печ. по этой рукописи.

«Не сраженная бледным страхом...» впервые – как отрывок из «Поэмы без героя» под
загл. «Отрывок» – «Стихотворения», 1958. С. 90–92; дата – 1942. Ташкент. В
начале 1950-х гг. как самостоятельное стихотворение было включено Ахматовой в
разд. «Великая Отечественная война» сб. «Слава миру!» – во все три
последовательно перерабатываемые автором варианта книги. В этот раздел вошли
стихотворения «Мужество», «Ленинградские четверостишия», «Не сраженная бледным
страхом...», цикл «Победа» из шести стихотворений и др. Строка 11 в первом и
втором вариантах сборника – «На призыв Вождя, молодая». В третьем варианте
книги, получившей в 1953 г. название «Избранное. Сборник стихотворений», эта
строка была изменена: «Долгу верная молодая». Печ. по рукописи сб. «Слава
миру!».

Состав разд. «Великая Отечественная война» в рукописи кн. «Избранное», 1953:
«Мужество», «Ленинградские четверостишия», «Первый дальноточный в Ленинграде»,
«Щели в саду вырыты...», «Не сраженная бледным страхом...», «Городу Пушкина»,
«Наступление», «Победа» (цикл из пяти стихотворений), «С самолета», «А вы, мои
друзья последнего призыва...», «Памяти друга», «Послесловие» («Прошло пять
лет...»). Очевидно, что недостатка в стихотворениях на военную тему автор и
составитель не испытывали, стихотворение «Не сраженная бледным страхом...»
вполне можно было бы вынуть из рукописи. Однако этого не произошло, оно занимало
свое место в композиции раздела и привлекло к себе большое внимание авторов
«внутренних» рецензий на рукопись книги. В рецензии 13 февраля 1951 г. А.
Палладин писал: «Вызывают недоумение строчки:

И сжимая уста, Россия,
От того, что сделалось прахом,
В это время шла на Восток.

Непонятно, что автор имеет в виду. Что стало прахом? И дальше:

И себе же самой навстречу, Непреклонно в грозную сечу,
Как из зеркала наяву, Ураганом с Урала, с Алтая, На призыв Вождя,
молодая Шла Россия спасать Москву.

Если автор дает образ России в виде женщины, идущей, «сжимая уста» и «опустивши
глаза сухие», образ прекрасный, то непонятно, что же идет навстречу? Она себя
видит в зеркале? Но где же реальная Россия, которая идет «с Урала, с Алтая» –
«спасать Москву»? Мне кажется, что этот двойной образ с зеркалом несколько
надуманный и непонятный».

26 июля 1951 г. внутреннюю рецензию на тот же сборник пишет Вера Инбер: «... Не
сразу расшифровывается стихотворение «Не сраженная бледным страхом», написанное
невнятно. Здесь слишком импрессионистски, слишком усложненно дан образ Рос-
сии. Автор сделал его двойным, вернее – двоящимся. Россия, «опустивши глаза сухие»,
идущая на Восток, – это образ эвакуации. Позади себя она оставляет то, что
«сделалось прахом», т.е. развалины, раны, нанесенные вражескими снарядами и
бомбами. Навстречу же этой России, «ураганом с Урала, с Алтая», идут советские
войска, наши военные силы, мобилизованные гением Сталина.
Так лично я поняла это стихотворение. Но хотелось бы все это пояснить: в такой
вещи не может быть неясностей» (РГАЛИ).

Вера Смирнова в рецензии 8 января 1952 г. также протестует против деления
образа России «на какую-то старую, жертвенно ощущаемую Россию и на Россию
молодую». Не устраивает рецензента и ахматовская лексика – «сраженная»,
«отмщения срок», «прах», «сеча».

В дальнейшем стихотворение «Не сраженная бледным страхом...» было включено в
«Поэму без героя» как один из вариантов окончания эпилога, затем снято вообще

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat (см. об этом в т. 3. С. 451–452, 617).

38 «Ленинградские голубые...» впервые – «Литературная Грузия». 1979. № 7. С. 88, публикация М.М. Кралина по записи Н. Л. Дилакторской; то же – БО 2. С. 43. Печ. по списку Н.Л. Дилакторской, с разрешения М.М. Кралина.

По предположению М.М. Кралина, речь идет о голу-бых глазах ленинградских детей, погибших во время блокады; возможно, стихотворение навеяно известием о смерти одного из мальчиков Смирновых, соседей Ахматовой по квартире № 44 в Фонтанном Доме.

39 «Икомната, в которой я болею...» впервые – «Новый мир». 1969. № 5. С. 55 – 56, под загл. «Смерть»; то же – БП. С. 294 – 295, публикация В.М. Жирмунского, дата – январь 1944. Ташкент.

Печатаемая стихотворение по автографу РНБ, В.М. Жирмунский комментирует: «...Третье стихотворение из цикла «Смерть». Не было опубликовано вместе с другими. Первые два см. в сб. «Бег времени», с. 353. Ахматова во время пребывания в Ташкенте тяжело болела тифом» (Новый мир. С. 55). Однако тифом Ахматова болела в ноябре 1942 – январе 1943 гг. В БП. С. 498 Жирмунский высказывает сомнение в авторской датировке – январь 1944 г.: «Более вероятно – январь 1943». Печ. по автографу РНБ. Датируется условно – январь ?. В рукописи кн. «Нечет» включено в цикл из трех стихотворений «Смерть».

40 Пушкин. Первые – журн. «Ленинград». 1944. № 10–11. С. 8, под загл. «Надпись на книге». В дальнейшем, шем печаталось под загл. «Пушкин» в кн.: «Избранные стихи». М.: «Правда», 1946. Б-ка «Огонек», № 23 (тираж уничтожен); «Стихотворения», 1958. С. 54, с датой – 1943; то же – «Стихотворения», 1961. С. 224; «Бег времени».

С. 302. Печ. по кн. «Стихотворения», 1958. Уточнение даты – по материалам Н.Л. Дилакторской и рукописи кн. «Нечет» (РНБ).

Продолжение пушкинской темы в творчестве Ахматовой в Ташкенте не случайно. Она перечитывала произведения поэта, брала из них эпитафии, тесно общалась с живущими в Ташкенте пушкинистами, прежде всего с Т.Г. и М.А. Цявловскими; по-видимому, принимала участие в пушкинских вечерах, устраиваемых местным Союзом писателей и эвакуированным в Ташкент Институтом мировой литературы Академии наук. Вот одно из объявлений о таком вечере, появившееся в газете «Правда Востока», 15 марта 1942 г.:

15 марта Союз писателей УзССР и Институт мировой литературы им. Горького в помещении Драмтеатра им. Горького устраивает большой литературный вечер, посвященный А.С. Пушкину.

Вступительное слово – Д. Д. Благой. Доклад «Пушкин и Россия» – М.А. Цявловский. Стихи, посвященные Пушкину, – Э. Аббасов Анна Ахматова Иосиф Уткин Сергей Городецкий

В. Луговской М. Шейх-заде и др. Музыка и романсы на слова Пушкина. Исполняют С.С. Апродов и А.Б. Мерович.

Пушкин в сознании и в беседах Ахматовой с друзьями был живым, «очеловеченным»; с его творениями и поступками она как бы сопоставляла свои. Вот запись Л.К. Чуковской «монолог» Ахматовой о Пушкине после ее большого вечера в «Доме Академиков» 16 мая 1942 г., где она с большим успехом прочла всю свою неизданную книгу «Тростник» (стихи последних предвоенных лет): «Ненавижу выступать, – сказала она. – Мне до сих пор со вчера тошно. Совершенно ненужное занятие. Трудно представить себе Пушкина или Баратынского выступающими, не правда ли? Пушкин читал стихи друзьям – Вяземскому, Дельвигу... Даже в свете не читал. Один раз его упростила Зинаида Волконская – тогда он прочел «Чернь»...» (Ч у к о в с к а я, 1. С. 449).

41 «Л в зеркале двойни к бурбонский профиль прячет...» впервые – журн. «Юность». 1969. № 6. С. 66, публикация В. М. Жирмунского; в БП. С. 294, с датой – 1943. Ташкент, по автографу РГАЛИ; в БО 2. С. 43 – с двойной датой – 2 мая 1943. Ташкент и 1960. В перечне Н.Л. Дилакторской дата – 2 мая, но стихотворение названо среди стихов 1944 г. (ошибочно?). Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 96, л. 31 об.). Дата – 1943. Ташкент – имеется в этом автографе, уточнение даты – 2 мая – по перечню Н.Л. Дилакторской. Подтверждением даты 2 мая может служить тот факт, что стихотворение в его ранней редакции запомнила Ася Петровна Сухомлинова, знакомя с Ахматовой по Ташкенту в 1941–1943 гг. 31 мая 1943 г. она уехала из Ташкента в Москву вместе с Т.Г. и М.А. Цявловскими. Ту же раннюю редакцию стихотворения сохранил в памяти Э.Г. Бабаев:

А в зеркале двойник бурбонский профиль прячет.

Он очень знаменит, он в тягость сам себе;

Он думает, что все переиначит,

что Пастернака перепастерначит,

Но что мне делать с ним в моей судьбе?

(Опубликовано – БО 2. С. 324).

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
42 «Как в трапезной – скамейки, стол, окно...»
Впервые – журн. «Звезда». 1946. № 1. С. 71; в кн. «Стихотворения», 1946. С. 295
– как второе стихотворение в цикле «Явление луны», посвященном А.Козловскому;
«Стихотворения», 1961. С. 217–218; «Бег времени». С. 352 – под № 8 в цикле «Луна
в зените», без посвящения; дата всего цикла – Ташкент. 1942–1944 гг. Строка 6:
«И в этом сладость острая была». Строка исправлена в рукописи кн. «Нечет»; как
вариант опубликована в БП. С. 409: «В изгнании сладость острая была». В этой
редакции впервые опубликовано в БО 1. С. 215. Печ. по рукописи «Нечет» (РНБ).
Посвящено Алексею Федоровичу Козловскому (1905– 1977) – композитору и дирижеру,
с 1936 г. жившему в Ташкенте в ссылке. С А.Ф. Козловским и его женой, Г.Л.
Герус-Апостоловой, Ахматова познакомилась осенью 1941 г., вскоре по приезде в
Ташкент. Козловский был одним из ведущих оперных композиторов Ташкента, на сцене
с успехом шла его опера «Улугбек» (либретто Г.Л. Герус). Он написал музыку к
«Поэме без героя» и к ряду стихотворений Ахматовой. В воспоминаниях об Ахматовой
«Мангалочий дворик...» Г.Л. Козловская писала: «Должна сказать несколько слов об
Алексее Федоровиче как о музыканте и о его многогранной человеческой личности.
Он был обладателем легендарного слуха и не менее уникальной музыкальной памяти.
Он помнил все, что когда-нибудь слышал, и дирижировал всегда наизусть. Он мог
напомнить о себе другу юности, который его не узнал, написав ему страницу
партитуры его симфонии, которую тот ему сыграл один раз более тридцати лет
назад.
Память его не ограничивалась музыкой. Он всегда мог читать наизусть целые главы
любимой прозы и великое множество стихов... Ахматова, художник и человек
трагической судьбы, очень скоро разгадала всю глубину скрываемой печали и
гордыни у своего молодого друга. Она, как никто, поняла художника, вырванного
насильно с корнями из родной почвы... Понимая, через что должен пройти та
большой художник, пересаженный на иную национальную почву, она втайне
преклонялась перед творческой силой его личности, перед той распахнутостью,
влюбленностью в музыкальные и духовные родники открывшегося ему Востока...
Друзьям она говорила: «Наш козлик – существо божественного происхождения»
(«Воспоминания». С. 387–388).
«А мы?...» Впервые – в статье Э.Г. Бабаева «Надпись на книге» / «Ахматовские
чтения». Вып. 3. М., 1992. С. 14. Печ. по этой публикации.
Надпись Ахматовой на книге М.-В. Марциала «Избранные эпиграммы» (М., 1937)
сделана в Ташкенте (книга ныне находится в собрании Анатолия Федоровича
Маркова). По предположению Э.Г. Бабаева, книга была подарена Ахматовой в
Ташкенте профессором Николаем Дмитриевичем Леоновым, биологом и филологом,
знатоком античности, близким знакомым (по Воронежу) О.Э. Мандельштама.
44 Хозяйка. Впервые – журн. «Звезда». 1946. № 1. С. 70, с подзагол. «Из цикла
«Новоселье», строка 1 – «В этой комнате...», без посвящения; «Стихотворения»,
1946. С. 288 – под № 1 в цикле из четырех стихотворений «Новоселье», посвящение
Е.С.Б.; то же – «Бег времени». С. 359, дата – 1943, с полным посвящением. Печ.
по кн. «Бег времени». Уточнение даты – по рукописи кн. «Нечет» (РНБ) и перечню
Н.Л. Дилакторской, где к месту написания – Ташкент – добавлено: «Балахана».
Цикл из четырех стихотворений, написанных с августа 1943 по февраль 1944 г.,
сформировался, по-видимому, в 1944–1945 гг. – он уже присутствует в материалах
1945 г. Н.Л. Дилакторской (назван в № 1 журн. «Звезда» за
1946 г.), и вплоть до кн. «Бег времени» его состав не менялся: 1. «Хозяйка». 2.
«Гости». 3. «Измена». 4. «Встреча». В материалах Н.Л. Дилакторской отражен
процесс работы Ахматовой над строкой 1: «В этой комнате хозяйка», «В этой
горнице хозяйка», «В этой горнице колдунья».
Посвящено Елене Сергеевне Булгаковой (1893–1970), вдове М.А. Булгакова,
приятельнице Ахматовой. С конца мая 1943 г. Ахматова жила в комнате уехавшей
Е.С. Булгаковой в Ташкенте – улица Жуковская, дом 54, – под этим номером
значилось несколько строений, в том числе главный особняк («белый дом на улице
Жуковской») и строение в глубине двора, с наружной лестницей, которая вела на
верхний этаж – «балахану». В последние месяцы пребывания в Ташкенте Ахматова
жила на первом этаже кирпичного дома в квартире уехавшего Луговского. Эдуард
Бабаев, в те годы – школьник, юный ташкентский поэт, часто бывавший у Ахматовой,
вспоминал: «Когда Ахматова переселилась с балаханы в комнату кирпичного дома на
первом этаже, она сказала, указывая на свой стол: «Беспорядок переселился вместе
со мной...» Но беспорядка на столе не было и на балахане» («Воспоминания об Анне
Ахматовой». С. 410). Ахматова называет Е.С. Булгакову колдуньей, намекая на
образ Маргариты из романа Булгакова «Мастер и Маргарита», который Ахматова и ее
друзья увлеченно читали в Ташкенте по рукописи.
45 Под Колодной. Впервые – журн. «Ленинград». 1944. № 10–и. С. 8, под загл.
«Подмосковной», без посвящения, без отточия в строке 1. Варианты строк:
4: И смеются маки в красных шляпах, 5: И течет Московская река. – И–12:

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
Недреманная глядит из тучи Словно много сотен лет назад.
В вырезке из журнала (РГАЛИ) строка 11 исправлена рукой Ахматовой:
«недреманное»; журн. «Наш современник». 1960. № 3. С. 178, с тем же вариантом
строк 11–12, без загл. Под загл. «Подмосковное» – «Избранные стихи», М.:
«Правда», 1946. Б-ка «Огонек», № 23. Окончательный текст – «Стихотворения»,
1961. С. 223, без загл., без посвящения, дата – 1943; «Бегвремени». С. 368,
загл. «Под Коломной», посвящение Шервинским, дата – 1943; в строке 4,
по-види-мому, опечатка: «И гуляют маки в красных шапках». В рукопи-си кн.
«Нечет» (РНБ) – посвящение Е.В. и СВ. Шервин-ским, загл. «Под Коломной», дата –
1943. Ташкент. В РТ 99, л. 8 об. – среди записей конца 1960 г.:
Вариант (Где на четырех) Солнца древнего из сизой тучи Пристален и нежен долгий
взгляд.
Печ. по кн. «Стихотворения», 1961. Загл., посвящение – по рукописям кн. «Нечет»
(РНБ) и «Бег времени» (РГАЛИ). Дата – в перечне Н.Л. Дилакторской.
Посвящено Сергею Васильевичу Шервинскому (1892– 1991), поэту, переводчику,
преподавателю художественного чтения, и его жене Елене Владимировне Шервинской,
на даче которых в Старках под Коломной Ахматова гостила летом 1936 г. (и затем в
1952 и 1956 гг.). Ахматова была знакома с СВ. Шервинским с 1927 г.
...Где на четырех высоких лапах... – речь идет о «шатровой колокольне» в
Коломне, на фоне которой Ахма-това была сфотографирована Л. Горнунгом в 1936 г.
Все бре-венчато, дощато, гнуто... – Это описание вызвало недо-умение хозяев дачи
– каменного дома-усадыбы, принадле-жавшего до революции семье Шервинских и в
1934 г. «подаренного» заслуженному врачу, директору Института экспериментальной
эндокринологии В.Д. Шервинскому со-ветской властью. Деревянными были лишь сени,
вводящие в каменный дом, вторая «крытая» веранда и второй домик «о двух
комнатах» во дворе. «... Меня удивляет, – писал СВ. Шервинский, – что Ахматова
прошла мимо той ка-менной стихии, которой отмечены многие, если не все строе-ния
Коломенского района, обильного белым песчаником. Не менее удивительно, но и
показательно, насколько Ахматова не принимала во внимание окружающую обстановку»
(«Вос-поминания». С. 283).
46 Встреча. Впервые – «Стихотворения», 1946. С. 288–289, под загл. «Встреча» в
цикле «Новоселье» из четырех стихотворений, под № 4, с датой – 1943, октябрь,
Ташкент; то же – «Бег времени». С. 361. В перечне Н.Л. Дилакторской – под загл.
«Гибель», № 4 в цикле «Но-воселье», дата – 16 октября 1943 г. То же загл. и дата
– в списке Н.Л. Дилакторской под диктовку Ахматовой (с иным графическим
расположением строк и иной пунктуацией):
ГИБЕЛЬ как будто страшной песенки Веселенький припев Идет по шаткой лесенке
Разлуку одолев. Не я к нему, а он ко мне – И голуби в окне... И двор в плюще и
ты в плаще По слову моему. Не он ко мне, а я к нему – Во тьму,
во тьму,
во тьму! 16 октября 1943 (Собрание М.М. Кралина.)
Название «Гибель» сохранялось в рукописи кн. «Нечет» (РНБ). Под этим названием –
БО 1. С. 223. Печ. по кн. «Бег времени». Дата – по материалам Н.Л. Дилакторской.
Возможно, ключ к разгадке этого стихотворения лежит в переписке Ахматовой и Н.Н.
Лунина 1942–1943 гг., пред-шествующей его приезду к ней в Ташкент (август 1943
г.), где он пробыл восемь дней. Из письма Н.Н. Лунина от 14 ап-реля 1942 г.:
«Мне очень хочется приехать к Вам, это не ско-ро; еще неделю я пролежу здесь, а
потом надо будет искать комнату и устраиваться. Если к тому времени мы еще не
полу-чим эвакуационных денег, я попрошу Вас прислать мне на до-рогу. Но я слышал
также, что Вы собираетесь в Самарканд. Это было бы прекрасно. Мне хотелось,
правда, лучше при-ехать к Вам, но одно другому не мешает» (3 ы к о в Л. Нико-лай
Лунин – адресат и герой лирики Анны Ахматовой). – Приложение: «Из переписки А.А.
Ахматовой и Н.Н. Лу-нина. Письмо № 23. – «Звезда». 1995. № 1. С. 114; то же –
«Об Анне Ахматовой». С. 533.
Вернувшись из Ташкента в Самарканд, Н.Н. Пунин застал свою первую жену А.Е.
Арене больной; она «сгорела» менее чем за месяц и умерла 29 августа 1943 г. 24
февраля 1944 г. Пунин описывал в дневнике свою августовскую встре-чу с
Ахматовой: «По-прежнему (как летом) говорила о Гар-шине – «мой муж». Я не очень
понимаю, что это зна-чит ... Помню ее как «Звезду». И все. Точка, – говорил
Нагель». Нагель – герой романа К. Гамсуна «Мистери», который любит безнадежно,
и чтобы забыть возлюбленную, женится на Марте Гудэ (Этим именем в семье Луниных
назы-вали его последнюю любовь – Марту Голубеву).
47 Три осени. Впервые – журн. «Ленинград». 1946. № 1. С.13 – от строки «И я
наблюдала почти без ошиб-ки...», загл. «Три осени (Отрывок)», с купюрами (нет
строк 1 – 2 и 22 –26). Варианты строк: 6 и 8 – раздел-но написаны «назло»,
«ладанно сладок».
9: Все влажно, легко и светло... 14: Но это бывает, чуть начата повесть 15:
Минута, секунда, и вот 16: Приходит вторая –

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
Бесстрашна, как совесть, 19: Разграблен летний приют. 21: В молочном тумане
плывут...

В кн. «Стихотворения», 1961. С. 221 – 222 – пол-ный текст, дата – 1943, загл.
«Три осени». Вариант стро-ки 14: «Но это бывает – чуть начата повесть...»; то же
«Бег времени», С. 365 – 366, с уточнением строки 14: «Но эта бывает – чуть
начата повесть», т.е. «эта» – первая осень, о которой шла речь выше. Дата –
1943. Печ. по кн. «Бег времени». Уточнение даты – по списку Н.Л. Дилакторской.
И труб золотых отдаленные марши... – возможно, отклик на любопытное мероприятие,
происходившее в Таш-кенте 5 марта 1942 г., – прослушивание десяти военных
мар-шей композиторов М. Ашрафи, С. Василенко, Л. Шварца и др. – для Союза
композиторов и общественности Ташкен-та (Правда Востока. 1942. 5 марта. Статья
В. Музалевского «Новые военные марши»).

4 9 Памяти Вали («И все, кого сердце мое не забу-дет...»). Впервые – журн.
«Юность». 1969. № 6. С. 67, публикация В.М. Жирмунского, без загл.; то же – БП.
С. 290, с неверной датой – 1940, со ссылкой на автограф в собрании Н.Л.
Дилакторской. В БО 2. С. 44, с датой – 6 ноября 1943, по черновой записи,
сделанной Н.Л. Дилак-торской под диктовку Ахматовой. По сообщению М.М. Кра-лина
(БО 2. С. 324), в этой записи стихотворение имеет загл. «Памяти Вали Смирнова
(Из «Ленинградских элегий)». В спи-ске Н.Л. Дилакторской – загл. «Памяти Вали».
Печ. по ма-териалам Н.Л. Дилакторской, с разрешения М.М. Кралина.

Валя – Валентин Евгеньевич Смирнов (1932? –1942), сын соседей Ахматовой по
квартире 44 в Фонтанном Доме, Та-тьяны и Евгения Смирновых. Умер в блокадном
Ленинграде от голода. См. также стихотворения «Щели в саду вырыты...» и «Постучи
кулачком – я открою» и коммент. к ним.

50 «Когда я называю по привычке...» Впервые – журн. «Новый мир». 1969. № 6. С.
243, публикация В.М. Жирмунского; то же БП. С. 293, по автографу в собра-нии
Н.Л. Дилакторской. По сообщению М.М. Кралина, в од-ном из списков в собрании
Н.Л. Дилакторской стихотворение имело дату – 1944. В записях под диктовку
Ахматовой и в перечне Дилакторской дата – 8 ноября 1943. Печ. по со-бранию Н.Л.
Дилакторской.

51 Еще одно лирическое отступление. Впервые под загл. «Вступление» – журн.
«Звезда». 1945. № 2. С. 71, без даты; нет строк 2, и–15 (вместо них – строка
точек). После строки 21 – строка точек. Варианты строк:

5: Моя ташкентская поэма. 22: До поворота мне видна 23: Моя поэма, – в ней
прохладно, 26: Где нет ни одного героя, 27: Но крышу кровью залил мак.
В кн. «Стихотворения», 1946. С. 296, под загл. «Вступ-ление в Ташкентскую
поэму»; в рукописи кн. «Нечет» (РНБ) – загл. «Вступление к Ташкентской поэме»; в
руко-писи кн. «Бег времени» – загл. «Еще одно лирическое от-ступление»;
опубликовано в БП. С. 219–220 в.М. Жир-мунским по рукописи кн. «Бег времени»; в
собрании Н.Л. Ди-лакторской – под загл. «Вступление», дата – 8 ноября 1943 г.;
подзагл. или помета Ахматовой: «Строфы поэмы, ко-торая никогда не будет
написана». После строки 21 – пять строк точек, что обозначает пропуск строфы,
которую Ахма-това не смогла вспомнить при диктовке в 1945 г. В РТ 96 среди
записей лета 1961 г. – по-видимому, попытка вспом-нить 1-ю и 2-ю строфы.

Варианты строк:

3: Как почки, набухает тема 4: ...Мне не уехать без тебя, 6: Там я припомню на
лету.

Вместо строки 9 – строка точек.

Наброски и варианты этого отрывка имеются также в От-деле рукописей
Государственного литературного музея (Москва). Печ. по рукописи кн. «Бег
времени».

«Ташкентская поэма», к которой было написано это «Вступление», скорее всего, не
«Поэма без героя», а задуман-ное, но не осуществленное Ахматовой произведение. В
первой публикации и в рукописи кн. «Нечет» «Вступление» предше-ствовало
«Ташкентским наброскам»: «Все опять возвратится ко мне...» и «И в памяти, словно
в узорной укладке...».

Когда опять мамзель фифи и далее. – Речь идет о зверствах фашистов, в годы
Великой Отечественной войны. Ахматова сравнивает фашистов с героем одноименного
рассказа Ги де Мопассана, немецким офицером, отличавшимся жесто-костью по
отношению к поработенным французам во время франко-прусской войны 1870 г. Можно
предположить, что Ахматовой была известна и опера Ц.А. Кюи «Мадемуазель фифи» по
Мопассану (1903). А мне переводить Аютфи. – Лутфи (1366–1465) – узбекский
классический поэт-ли-рик. Писал на узбекском языке и фарси. Ахматова получила
предложение участвовать в переводе его стихов для издания на русском языке.

Работа над переводами Лутфи началась по-чти сразу после приезда Ахматовой в
Ташкент, однако окончи-лась неудачей. У Л.К. Чуковской есть запись от 19 декабря
1941 г.: «Она была задумчива и не в духе. Скоро я поняла, в чем дело: переводы
Лютфи никак не даются ей. Она надея-лась на помощь Кочеткова, Городецкого – но и

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat это не вышло.

– «Я не могу переводить. Я никогда не могла. Теперь узбеки обидятся. Ведь все, кто берется – переводят. Я одна верну стихи, ничего не сделав, и они решат, что это от гордо-сти ... А я никогда не могла перевести ни строки» (Ч у к о в с к а я, 1. С. 356). Летом 1942 г. в санатории в Дурмени, где Ахматова поправлялась после тяжелой болезни, она «училась узбекскому» и «разбирала Лютфи». По словам Л.К. Чуковской, в стихах Лютфи Ахматова нашла эпиграф для своего стихотворения «Последний тост» – «что-то о чаше» (там же. С. 481). Под огнедышащим закатом. – В рукописи кн. «Нечет» имелся вариант: «Мне письма ждать перед закатом». А я дописываю «Нечет»... – Один из вариантов кн. «Нечет» должен был содержать стихи военных лет и стать седьмой книгой Ахматовой. И где пока что нет героя... – Строка, первоначально звучавшая, как «Где нет ни одного героя» («Звезда», записи Н.Л. Дилакторской), воспринималась как отсылка к «Поэме без героя», однако эта поэма никогда не имела названия «Ташкентской» – «1913 год», «Триптих», «Поэма без героя». Предполагаем, что и в этой строке, и в предыдущих – «До середины мне видна / / Моя поэма...», «До поворота мне видна / / Моя поэма» – речь идет о нереализованном замысле.

53 Гости. Впервые – «Стихотворения», 1946. Г. 288–289, под № 2 в цикле «Новоселье», дата – 1943, ноябрь; то же – «Бег времени». С. 360, дата – 1943. В записи Н.Л. Дилакторской под диктовку Ахматовой в строках 9–12 – иное грамматическое построение фразы (возможно, слуховая ошибка?): Зеленой магией лучей как ядом залиты и все же На двух знакомых мне людей До отращения похожи.

Печ. по кн. «Бег времени». Уточнение даты – по материалам Н.Л. Дилакторской. 54 «А в книгах я последнюю страницу...» Впервые – журн. «Знамя». 1964. № 10. С. 91, под загл. «Баллада», дата – 1943. Ташкент; «Бег времени». С. 300–301, без загл., с той же датой. В списке Н.Л. Дилакторской дата – 25 ноября 1943 г.; в записи под диктовку Ахматовой – вариант строки 23: «Зеленой, жесткой, среднеазиатской». В рукописи кн. «Нечет»: «Зеленой – жесткой, среднеазиатской». Печ. по кн. «Бег времени». Уточнение даты – по материалам Н.Л. Дилакторской. И даже «вечность поседела»... – В воспоминаниях Г.Л. Козловской рассказывается: «Сколько мы ни гадали, никак не могли вспомнить, в какой книге «вечность поседела». Наконец Ахматова сказала, что это из «Тома Сойера». ... И тут же прибавила: «Коля Гумилев называл книги «Том Сойер» и «Гекльберри Финн» «Илиадой» и «Одиссеей» детства» («Воспоминания». С. 394). По мнению М.М. Кралина, у этой цитаты может быть двойной источник, второй – роман Теофиля Готье «Капитан Фракасс», гл. 3: «Что за чудо-вишня, зловещая и мерзостная старуха! ... Время успело поседеть с тех пор, как она родилась...» (БЗ 1. С. 408). Остался профиль (кем-то обведенный...) – в Ташкентской квартире Козловских, на Хорошинской улице, профиль Ахматовой по ее тени обвел на белой стене композитор А.Ф. Козловский – см. об этом в воспоминаниях Г.Л. Козловской: «Однажды Алексей Федорович обвел, сначала карандашом, а затем углем, ее великолепный профиль. Мы с ней шутили, что когда она уходит, то профиль ее живет своей странной ночной жизнью. И вот однажды она принесла довольно большое стихотворение, начинавшееся словами: «А в книгах я последнюю страницу / / Всегда любила больше всех других...» В жизни двух домов не было. Был только наш. Потом, после ее отъезда, когда профиль начал исчезать, я завесила это место куском старой парчи» («Воспоминания». С. 393–394).

«Все опять возвратится ко мне...» Впервые – журн. «Звезда». 1945. № 2. С. 39, под № 1 в цикле «Ташкентские наброски» (2. «И в памяти, словно в узорной укладке...»), с неверной датой – 1942. Вариант строки 3 – без скобок, 5: «И атласных тюльпанов цветенье»; «Стихотворения», 1946. С. 291, в том же цикле, дата – 1943 декабрь; «Стихотворения», 1958. С. 53, с датой – 1943, Ташкент. Вариант строки 5: «Белоснежных нарциссов цветенье», 7: «Ветерком шелестит по стране»; «Стихотворения», 1961. С. 215 – под № 3 в цикле из девяти стихотворений «Луна в зените». Строка 5: «И библейских нарциссов цветенье», 7: «Ветерком шелестит по стране»; «Бег времени». С. 350 – под № 3 в цикле из восьми стихотворений «Луна в зените». Строки 5: «И библейских нарциссов цветенье», 7: «Ветерком шелестит по стране». В списке Н.Л. Дилакторской: «И атласных тюльпанов цветенье», «Ветерком шелестит по стране»; дата – 10 декабря 1943 г., Ташкент. В рукописи кн. «Нечет» (РНБ) строка 5: «И кровавых тюльпанов цветенье».

Печ. по кн. «Бег времени». Дата – по материалам Н.Л. Дилакторской. Холимы соловьиное пенье... – Узбекская певица Халима Насырова (р. 1913), с 1939 г. – ведущая певица Узбекского государственного театра оперы и балета имени Навои, в ее репертуаре – лирические, героические и острохарактерные образы в операх «Лейли и Меджнун» Глиэра и Садыкова (Лейли), «Улугбек» А.Ф. Козловского (Син Дун-фан) и др. Ахматова слушала ее пение не только в театре, но и в частных домах других знакомых (А.Ф. Козловского, возможно – Пешковых, Толстых).

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat и библейских нарциссов цветенье... – В Библии о нарциссах упоминается в «Книге Песни Песней Соломона», 2,1–2: «Я нарцисс Саронский, лилия долин! Что лилия между тернами, то возлюбленная моя между девицами...», и в «Книге пророка Исайи», 35,1 – 2: «Возвеселится пустыня и сухая земля, возрадуется страна необитаемая и расцветет как нарцисс: великолепно будет цвести и радоваться, будет торжествовать и ликовать; слава Ливана дастся ей, великолепие Кармила и Сарона; они увидят славу Господа, величие Бога нашего».

57 «Важно с девочками простились...» Впервые – «Бег времени». С. 337, в цикле «Ветер войны», дата – 1943; в составе этого же цикла – в рукописи кн. «Нечет». В записи Н.Л. Дилакторской 1945 г. иная, более ранняя редакция стихотворения – строки 6: «Все давно по своим местам», 8: «Все они отдыхают там»; дата – 1944. Ташкент. Май (сообщено М.М. Кралиным). Печ. по кн. «Бег времени».

«...Ина атом сквозняке...» Впервые – «Бег времени». С. 363, без даты, в цикле «Вереница четверостиший», состоящем из девяти стихотворений (в рукописи кн. «Бег времени», 1962–1963 – из двенадцати). В РТ 96, л. 31 об. (РГАЛИ) записано после ташкентского стихотворения «А в зеркале двойник бурбонский профиль прячет...», имеющего дату – Ташкент, 1943. Строка 1: «А на этом сквозняке...», даты нет, место написания – Ташкент. Печ. по кн. «Бег времени». Датируется условно по местоположению в автографе РГАЛИ (РТ 96).

59 «Иты ко мне вернулась знаменитой...» Впервые – журн. «Литературная Грузия». 1967. № 5. С. 64, без загл., с предисловием Л.К. Чуковской ко всей подборке («Стихи разных лет. Первая публикация»): «И ты ко мне вернулась знаменитой... – это стихотворение написано Анной Ахматовой 6 января 1944 года в Ташкенте, – в тот день, когда она увидела свою «Поэму без героя» в нарядной, украшенной цветком папке. Это единственное в своем роде обращение поэта к своему созданию». При жизни Ахматовой не печаталось. До 1955 г. текст его был потерян и забыт Ахматовой. В июне 1955 г. в Москве Ахматова встречалась с Милицей Васильевной Нечкиной, историком, знакомой по Ташкенту, которая показала ей свой список «Поэмы без героя». Список содержал большое количество ошибок. «Но зато там я нашла надпись, сделанную мною в Ташкенте в 1944 году. Я о ней наглухо забыла... Я вам ее прочту, только помяните, и дайте мне слово, что она никогда не прилипнет к «Поэме»... И зачем это я, дура, сходной строфой ее написала? Другой не нашла?» Она произнесла короткое стихотворение, горестное, открытое, будто дала мне потрогать рукою свою беззащитность и боль». Во время этого чтения Ахматова сказала Л.К. Чуковской, что стихотворение было написано в 1944 г., в Сочельник (Ч у к о в с к а я, 2. С. 141, 142). В посмертных публикациях 1970–1990-х гг. печаталось под загл. «Надпись на поэме», «Надпись на поэме «Триптих», «Надпись на «Поэме без героя». Печ. по публикации Л.К. Чуковской (там же, 2. С. 142).

Автограф – в Рукописном отделе Государственного литературного музея. Существует также автограф без трех последних строк, с датой – 6 января Сочельник 1943 года. Ташкент, – подаренный Ахматовой Лидии Яковлевне Рыбаковой 22 марта 1946 г. (РГАЛИ). По-видимому, в дате описки Ахматовой. Загл. – «Надпись на поэме, или Через два года».

И ты ко мне вернулась знаменитой... – Ахматова многократно читала «Поэму без героя» друзьям, жившим в Ташкенте литераторам; запоминала и записывала их отзывы о поэме. 14 апреля 1943 г. она послала текст поэмы в Москву и Ленинград для В.Г. Гаршина.

Прочитав «Поэму без героя», Б.Л. Пастернак в июле 1943 г. написал письмо Ахматовой в Ташкент, содержащее восторженный отзыв о поэме. Это письмо в настоящее время не найдено. Ахматова сразу же ответила ему 20 июля 1943 г.: Дорогой Борис Леонидович, письмо Ваше было для меня неожиданной радостью. Как странно, что мы не переписывались все время – правда? Поздравляю Вас с успехом Вашей книги – вот бы мне на нее посмотреть. Наталия Александровна Вишневская расскажет Вам обо мне.

Она прекрасно читает Ваши стихи и какой голос! До свидания.
Ваша Ахматова.

Книга Пастернака, о которой пишет Ахматова, – «На ранних поездках» (1943). Г.Л. Козловская вспоминала: «Не забуду ее лица, когда она получила от него письмо, где он писал ей о том, что только что прочитал «Поэму без героя» и как она его взволновала. Это было удивительное пастернаковское письмо, полное хвалы и восхищения, и она читала его, растроганная, гордая и счастливая» («Воспоминания». С. 391). Темно-зеленой веточкой по-витой... – На обложке одного из ташкентских списков «Поэмы без героя» кем-то из друзей Ахматовой (возможно, художником А. Тышлером) был нарисован цветок. См. также т. 3, С. 57 и 88 – рисунок – растительный орнамент – на форзаце обложки автографа «Поэмы без героя» из собрания Е.М. Браганцевой (ГЛМ). И я не для того тебя спасала... – по сообщению М.М. Кралина, в списке Н.Л. Дилакторской существует вариант строки:

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
 «И я не для него тебя спасала...» М.М. Кралин высказал предположение о первоначальном посвящении стихотворения (как и второй части «Реш-ки» в ранней редакции поэмы) В.Г. Гаршину.

60 Послесловие («...Последнюю и высшую отраду...»). Впервые – журн. «Юность». 1969. № 6. С. 67, публикация В.М. Жирмунского, под загл. «Послесловие к «Ленинградскому циклу»; строка 1: «Последнюю и высшую награду...» В списке Н.Л. Дилакторской – загл. «Послесловие Ленинградского цикла» и дата – 16 января 1944 – могут относиться как к этому, так и к следующему стихотворению («Разве не я тогда у креста...»). В списках Н.Л. Дилакторской, выполненных под диктовку Ахматовой, – без загл. и без даты. В машинописной записи Н.Л. Дилакторской – загл. «Послесловие», строка 1: «... Последнюю и высшую отраду», дата – 16 января 1944 года (сообщено М.М. Кралиным). Печ. по записи Н.Л. Дилакторской.

61 Послесловие «Ленинградского цикла». Впервые – журн. «Новый мир». 1969. № 5. С. 55, публикация В.М. Жирмунского, под загл. «Другое послесловие к «Ленинградскому циклу»; Б П. С. 294 – под загл.: «Послесловие к «Ленинградскому циклу», строка 2: «Разве не я тонула в море», дата – 16 января 1944. В комментарии (с. 498) В.М. Жирмунский указывает, что стихотворение печатается по автографу в собрании Н.Л. Дилакторской и что у Ахматовой было еще два других «Послесловия» к «Ленинградскому циклу». В БО 2. С. 44, с датой – 3 января 1944. Ташкент, – по записи Н.Л. Дилакторской. Печ. по записи Н.Л. Дилакторской (собрание М.М. Кралина).

Стихотворение являлось послесловием к циклу трагических стихов 1941–1944 гг. о судьбе осажденного Ленинграда. После окончательного снятия блокады в январе 1944 г. и праздничного салюта 27 января 1944 г. в цикл были включены стихотворения «Победителям», «Справа раскинулись пустыри...», «Победа у наших стоит две-рей...», «27 января 1944 года», «Освобожденная», «Памяти друга» и он получил название «Ветер войны». Изменения сделаны в одном из вариантов рукописи кн. «Нечет» (вписаны от руки в числе помет после 1953 г., РНБ). Характер цикла изменился, прежние трагические «послесловия» были сняты. «Послесловие «Ленинградского цикла» в состав цикла «Ветер войны» не вошло.

«Разве я стала совсем не та...» Впервые – альм. «Литературная Москва». 1956. С. 538, в цикле «Азия» из трех стихотворений (1. «Третью весну встречаю вдали...», 3. «Ты Азия – родина родин!»). Цикл в том же составе – сб. «Стихи 1956 года». М., 1957. С. 16–17. Первоначально было включено в кн. «Стихотворения», 1958 г., в верстке заменено по просьбе Ахматовой стихотворением «Пусть кто-то еще отдыхает на юге...». В рукописи кн. «Нечет» входило в цикл «Пальмира» (1. «Как ни стремилась к Пальмире я...»). Печ. по рукописи кн. «Нечет» (РНБ). По мнению Л.К. Чуковской, первоначальным вариантом стихотворения было четверостишие «Разве не я тогда у креста...». В комментариях к записям марта 1958 г. она сообщает: «А.А. не любила свое стихотворение об Азии, помещенное в «Литературной Москве»: «Разве я стала совсем не та, // Что там, у моря...», потому что дальнейшие четверостишия были ею, хотя и искусно, однако искусственно приписаны к первому» (Ч у к о в с к а я, 2. С. 283). Частичным подтверждением этой мысли может служить тот факт, что в рукописи кн. «Бег времени» это стихотворение сокращено до восьми строк. Дата – 1944. Ташкент.

Кашмир – в древности княжество между Индией, Пакистаном, Афганистаном и Китаем.

63 «Ив памяти, словно в узорной укладке...» Впервые – журн. «Звезда». 1945. № 2. С. 39, под № 2 в цикле «Ташкентские наброски», дата – 1944; «Стихотворения», 1946. С. 291, № 2 в цикле без загл.; «Стихотворения», 1961. С. 215, под № 4 в цикле из девяти стихотворений «Луна в зените»; «Бег времени». С. 350, под № 4 в цикле из восьми стихотворений «Луна в зените». Печ. по кн. «Стихотворения», 1961. Уточнение даты – по списку Н.Л. Дилакторской.

И в памяти... – Ахматова имеет в виду «историческую» память – свои «татарские» корни «чингизидки». См. также коммент. к стихотворению «Я не была здесь лет семьсот...». Узорная укладка – см. «Поэму без героя» («Бес попутал в укладке рыться...») и коммент. к ней (т. 3. С. 53, 559). Могильной чалмы благородные складки. – На узбекских кладбищах – «мазарах» – старинные надмогильные памятники имели форму чалмы или купола и делались из сероватой местной глины. И царственный карлик – гранатовый куст. – Р.Д. Тименчик в статье «Ахматова и Ветхий Завет (Десятые годы)» (Jews and Slaves. Vbl. 4. Jerusalem. 1995. P. 226–252) пишет по поводу последних строк этого стихотворения: «... Царственный куст, возможно, отсылает к притче Иофама из книги Судей (9, 8–15) о деревьях, выбравших себе царя; предшествующий ахматовский стих, описывающий мусульманскую гробницу – «могильной чадры благородные складки» – может быть навеян строками из «Палестины» П.А. Вяземского: «У гробницы с чалмою // Кто-то вырыл родник» (С. 248).

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
64 Измена. Впервые – журн. «Звезда». 1944. № 7–9. С. 92, без загл., дата – 1944.
В РГАЛИ – вырезка из журнала, где дата уточнена рукой Ахматовой – февраль. В кн.
«Стихотворения», 1946. С. 288, включено под № 3 в цикл «Новоселье»; так же –
«Бег времени». С. 360–361 (1. «Хозяйка». 2. «Гости». 4. «Встреча»); в кн.
«Стихотворения», 1961. С. 216, под № 5 в цикле «Луна в зените», без загл., без
даты. Печ. по кн. «Бег времени». Уточнение даты – по списку Н.Л. Дилакторской.
По сведениям, полученным от М.М. Кралина, в собрании Н.Л. Дилакторской имеется
список с другой датировкой – 27 февраля 1944. Прощеное воскресенье.
65 Победителям. Впервые – журн. «Красноармеец». 1946. № 10. С. 2; «Избранные
стихи», 1946. Б-ка «Огонек»; № 23; «Стихотворения», 1946. С. 286. В списке Н.Л.
Дилакторской название: «Победители». Под таким же названием было включено в
первый и второй варианты сб. «Слава миру!», но получило резко отрицательную
оценку «внутренних» рецензентов. В. Смирнова писала: «Стихотворение
«Победители», при всей его искренности, обнаруживает, что автор не только не
знает «победителей», но и вообще современной войны: желтые «берты» – это из
войны 1914 года. «Незатейливые парнишки Ваньки, Васьки, Алешки, Гришки» – это
звучит не ласково, как, очевидно, хотел автор, а недопустимо пренебрежительно,
– были ведь вовсе не такие «незатейливые» парнишки, да и что значит
«незатейливые?» (РГАЛИ). Вывод рецензента – «Победители не нуждаются в
снихождительности Анны Ахматовой» (РГАЛИ). А. Паллади отечал в рецензии: «В
стихотворении «Победители» мне кажутся сомнительными строчки:
Так советская шла пехота Прямо в желтые жерла «берт».
Уж так ли прямо в жерла «берт» шла советская пехота? В этом есть какая-то
обреченность, что, конечно, нельзя допустить, тем более что стихотворение
называется «Победители». И если можно еще согласиться, что автор называет
победителей «незатейливыми парнишками», то уж совершенно недопустимо называть
их «Ваньки, Васьки, Алешки, Гришки» (РГАЛИ). В дальнейшем при жизни Ахматовой
не перепечатывалось. Печ. по изданию «Стихотворения», 1946 (экземпляр РГАЛИ,
фонд В.Н. Орлова). Дата – по материалам Н.Л. Дилакторской.
К концу февраля 1944 г., когда написано стихотворение, завершилась
Красносельско-Ропшинская операция, в результате которой была снята блокада
Ленинграда. Сзади Нарвские были ворота... – С сентября 1941 г. линия обороны на
юго-западе Ленинграда проходила в районе Дачного, в непосредственной близости
от Нарвских ворот и Кировского завода. Нарвские триумфальные ворота были
построены в 1827 – 1834 гг. в память о победе в Отечественной войне 1812 г.
(архитектор В.П. Стасов) и украшены шестеркой коней (скульптор П.К. Клодт) и
фигурой Славы (скульптор С.С. Пименов). В контексте стихотворения Ахматовой
Нарвские ворота символизируют Россию и ее историческую боевую славу. «Берты» –
немецкие тяжелые дальнобойные орудия. «Жизнь свою за други своя»... – см.
Евангелие от Иоанна, 15,13: «Нет больше той любви, как если кто положит душу
свою за друзей своих».
66 27 января 1944 года. Впервые – журн. «Ленинград». 1944. № 10 – 11. С. 8, с
иной строкой 1: «Так в ночи январской беззвездной...», загл. «27 января 1944»,
дата – 1944; «Стихотворения», 1958. С. 67, открывало цикл «Победа» из четырех
стихотворений (2. «Освобожденная», 3. «У моря», 4. «Великий день»). В списке
Н.Л. Дилакторской имело загл. «Салют», дата – 2 марта 1944. В записях под
диктовку Ахматовой – загл. «Салют 27 января 1944», дата – 2 марта 1944. В
рукописи сб. «Слава миру!» – под № 1 в цикле из пяти стихотворений «Победа» (2.
«Освобожденная», 3. «У моря», 4. «Великий день», 5. «В мае»). Было включено в
цикл «Победа» также в рукописях кн. «Нечет» и «Бег времени». Печ. по кн.
«Стихотворения», 1958. Дата – по материалам Н.Л. Дилакторской.
Речь идет о праздничном салюте 27 января 1944 г. в честь полного освобождения
Ленинграда от блокады.
67 «Deprofundus! – Мое поколение...» Впервые – журн. «Русская литература». 1970.
№ 3. С. 71 и альм. «День поэзии», М., 1971. С. 155, публикация В.М.
Жирмунского, с ошибкой в строке 8: «До вершины великой горы», то же – БП. С.
295. По-видимому, ошибка – следствие неверного прочтения чернового автографа
(РНБ). В рукописи кн. «Бег времени» (РГАЛИ) – «До вершины великой весны». На
таком прочтении настаивала Л.К. Чуковская, готовившая в 1964 г. вместе с
Ахматовой к печати рукопись кн. «Бег времени» (Чуковская, 3. С. 163).
Так печаталось во всех изданиях, использовавших рукописи кн. «Нечет» и «Бег
времени». Печ. по рукописи кн. «Бег времени» (РГАЛИ). Дата – в автографе РГАЛИ
(рукопись кн. «Бег времени». С. 69).
Написано в Ташкенте и первоначально было посвящено Надежде Яковлевне Мандельштам
(урожд. Хазиной; 1899–1990), затем текст был потерян и забыт автором;
восстановлен лишь в начале 1960-х годов с помощью Э.Г. Бабаева. При работе над
рукописью кн. «Бег времени» Ахматова включила стихотворение под № 2 в цикл
«Книга «Венок мертвым», из 12 стихотворений. В рукописи, представленной в

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
издательство, цикл назывался «Венок». Однако этот цикл вызвал наибольшие
возражения рецензентов и в сборник не вошел. Е. Книпович писала о нем: «Я очень
горячо посоветовала бы автору пересмотреть разделы «Венок» и «Из стихотворений
30-х годов», – лучшие из них – внести в раздел «Стихи разных лет», а большую
часть вообще оста-вить за пределами книги» (РГАЛИ). И. Гринберг отмечал: «Цикл
«Венок» имеет скорее «дневниковый» характер» (там же). В рабочих тетрадях РГАЛИ
цикл «Венок мертвым» упоминается многократно, но стихотворение «De profundis»
названо только однажды – среди записей лета 1963 г. в РТ 110, л. 39 об.
De profundis – из бездны (лат.) – начало латинско-го текста Псалма Давида (De
profundis clamavi...). Русский текст псалма 129: «1. Из глубины взываю к Тебе,
Господи! 2. Господи! услышь голос мой. Да будут уши Твои внима-тельны к голосу
молений моих. 3. Если Ты, Господи, будешь замечать беззакония, – Господи! кто
устоит? 4. Но у Тебя прощение, да благоговеют перед Тобой» (книга «Псалтирь»).

Мережковским – как название цикла сти-хов и одного из стихотворений в цикле:
DEPROFUNDIS (Из дневника)
Из преисподней вопию
я, жалом смерти уязвленный.

Росу небесную твою

Пошли в мой дух ожесточенный.

(М ережковский Д.С. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1990. С. 528).

«De profundis» – название одного из произведений О. Уайльда («письма» к другу о
власти желаний и наслаждений).

Мое поколение... – На обращенность этого стихотворе-ния Ахматовой в прошлое
своего поколения, к истокам его «не-истового цветенья» до Первой мировой войны,
указывала и Л.К. Чуковская: «Следует помнить, что «наше дело», о ко-тором пишет
Ахматова, это великое дело культуры, в частно-сти, поэзия акмеистов,
производивших имя своей группы от греческого «акме», что означает «расцвет» (ч у
к о в с к а я, 3. С. 163). Две войны, мое поколенье... – Образ перекликает-ся с
мыслью Б.Л. Пастернака, высказанной им в двух вариан-тах рецензии на книгу
Ахматовой 1943 г. «Избранное»: «Две кровопролитные войны, их следы чуть ли не на
каждой стра-нице, и между ними известный силуэт с гордо занесенной го-ловой –
жизнь и деятельность несгибаемой, преданной, пря-молинейной дочери народа и
века, закаленной, привыкшей к ут-ратам, мужественно готовой к испытаниям
бессмертия. Что еще прибавить к этому беглому перечню?» (Пастернак Б.Л. Собр.
соч.: В 5 т. Т. 4. С. 389–390). Две рецензии Пас-терняка написаны в августе 1943
г. для журн. «Огонек» и газ.

«Литература и искусство», но напечатаны не были. В это же время Пастернак, как
уже говорилось, отправил Ахма-товой в Ташкент большое письмо с отзывом о «Поэме
без героя», возможно, содержавшим сходную мысль. По сви-детельству Е.Б.
Пастернака, сына поэта и крупнейшего зна-тока его творчества, рецензии 1943 г.
не были известны Ах-матовой, их тексты ей показал Е.Б. Пастернак уже после
смерти поэта.

68 Interieur. Впервые – «Ленинград». 1946. № 1–2. С. 13, под загл. «Вечерняя
комната», строки 7–9:

Как для обряда все. И лишь не уставая Грохочет тишина... Из страшной черноты
Рембрандтовских углов.

После строки 11 – строка точек. В экземпляре, пода-ренном Ф.Г. Раневской, с
надписью: «файне в Ленинграде. Анна Ахматова 23 мая 1946» – загл. «Вечерняя
комната» зачеркнуто и исправлено рукой Ахматовой на «Interieur», дата – 28
февраля 1944. Под этим названием печаталось: «Избранные стихи. М.: «Правда».
Б-ка «Огонек», № 23; «Стихотворения», 1946. С. 292. Строки:

7–8: Как для обряда все. И лишь не уставая Грохочет тишина... 9: Из странной
черноты рембрандтовских углов.

После строк 11 и 14 – отступы. Дата – 1944, март.

В кн. «Бег времени». С. 354, без загл., дата – 1944, Ташкент. Строки 7–9
переделаны, отчасти под давлением цензурно-редакторским (снят образ «обряд» как
церковный), отчасти – для придания синтаксической правильности фразе в строке 8:
«Грохочет тишина...» Однако при этой передел-ке в строке 9 был утрачен эпитет:
«Из страшной черноты...», «Из странной черноты»:

... и свечка восковая Горит, как в детстве, мотыльков сзывая, Грохочет тишина,
моих не слыша слов, – Тогда из черноты рембрандтовских углов
Нет строки точек после строки 11, нет отступов после строк 11 и 14.

В большинстве посмертных изданий печаталось по тек-сту кн. «Бег времени».
Восстановление строки 7 – «Как для обряда все» – в кн. «Стихотворения Анны
Ахматовой». С. 288, публикация М.Б. Мейлаха. Печ. по кн. «Бег време-ни» с
восстановлением строки 7 и отступов после строк 11 и 14. Дата – по материалам
Н.Л. Дилакторской.

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
В перечне и списке Н.Л. Дилакторской и в рукописи кн. «Нечет» под. загл.
«Interieur» (фр. – интерьер).
Чарджуйская дыня – по названию города Чард-жуй, областного города Туркмении
(Чарджоу). ...И заколдован дом 11 ...черный кот глядит ... – В доме, который
описывает Ахматова – улица Жуковская, дом 54, «балахана», ранее жила Е.С.
Булгакова, «колдунья» и хо-зьяка черного кота. Тогда из черноты рембрандтовских
углов... – Рембрандт Харменсван Рейн (1606–1669) – один из любимых художников
Ахматовой, картины кото-рого, как правило, отличаются мрачным и трагическим
ко-лоритом, новаторством светотеневого решения и глубиной психологизма.
69 «Какни стремилась к Пальмире я...» Впервые – журн. «Знамя». 1945. № 4. С. 50,
под загл. «Из Ташкентс-кой тетради», с разночтением в строке 5:«... а фиалок
дым...»; «Стихотворения», 1946. С. 293, с датой – 1944, апрель.
В списке Н.Л. Дилакторской дата – 18 апреля 1944. В од-ном из планов книги
«Нечет» – под № 1 в цикле из двух стихотворений «Пальмира» (2. «Разве я стала
совсем не та...») – см. БО 1. С. 220. В рукописи кн. «Бег време-ни» (РГАЛИ) под
№ 1 в цикле без названия (2. «Разве я стала совсем не та...» из восьми строк) в
разд. «Ташкентские стра-ницы». Печ. по кн. «Стихотворения», 1946. Дата – по
ма-териалам Н.Л. Дилакторской.
Пальмира – древний город в Сирии, столица Сирии и Египта до III в. н.э. Зд.:
Ленинград, часто называемый Се-верной Пальмирой. Персик зацвел, и фиалок дым...
– Строки 5–8 были почти дословно использованы Ахматовой в стихотворении «Третью
весну встречаю вдали...»:
Персик зацвел, а фиалок дым
Все благовонней. Кто мне посмеет сказать, что здесь я на чужбине?
«Третью весну встречаю вдали...» Впервые – альм. «Литературная Москва». 1956.
Сб. 1. С. 537, под № 1 в составе цикла из трех стихотворений «Азия». Эпиграф:
Он прочен, мой азийский дом, И беспокоиться не надо... Еще приду. Цвети, ограда,
Будь полон, чистый водоем.
(3-я строфа из стихотворения «я не была здесь лет семьсот...».)
Тот же цикл – в кн. «Стихи 1956 года». М., 1957. С. 16–17. Вне цикла –
«Стихотворения», 1958. С. 88, с тем же эпиграфом, дата –1944–1956;
«Стихотворения», 1961. С. 216, без эпиграфа; «Бег времени». С. 350–351 – под № 5
в цикле «Луна в зените», без даты; даты всего цикла
1942–1944. Ташкент. В тот же цикл входило в рукописях книг «Нечет», «Бег
времени». Печ. по кн. «Стихотворения», 1961. Вторая дата –1955 – на основании
записей Л.К. Чу-ковской (Ч у к о в с к а я, 2. С. 166).
По мнению Л.К. Чуковской, первый вариант этого сти-хотворения – «Как ни
стремилась к Пальмире я золотогла-вой...» (там ж е. С. 168). Однако у этих
стихотворений совпадает (с некоторыми разночтениями) только одна строфа: «Персик
зацвел...» и далее.
71 «Справараскинулись пустыри...» Впервые – журн. «Знамя». 1945. № 4. С. 50, с
вариантами строк 8: «Это – из песни не той и не той...»; 10–11: «Это – когда –
встречусь с тобой, // Это – когда окончится бой...»; окончательный ва-риант –
«Бег времени». С. 348, в цикле «Ветер войны», дата – Ташкент, 1944. Строка 3:
«Слева, как виселица, фона-ри». В собрании Н.Л. Дилакторской – дата – 29 апреля
1944 г. Варианты строк:
3: Слева, как виселицы, фонари...: 8–11: Это – из песни не той и не той, Это –
когда будет век золотой. Это – когда я встречусь с тобой, Это – когда окончится
бой...
Печ. по кн. «Бег времени» с уточнением по списку Н.Л. Ди-лакторской даты, строки
3 и графической формы расположе-ния строк в строфах: 4 – 3 – 4.
Р. Д. Тименчик отмечает родство образов этого стихотворе-ния с некоторыми
строками трагедии Шекспира «Макбет» (тро-екратное повторение формулы «Это
когда...», «галочий крик...» и пр.). На близость к литературному источнику, по
мнению Ти-менчика, указывает и вариант строки 8 при публикации в журн. «Знамя».
1945. № 4: «Это – из песни не той и не той...»
Это – когда я встречусь с тобой. – С В.Г. Гарши-ным, от которого она ждала
«вызов» для возвращения из эва-куации в Ленинград.
72 «Там по бelyмдурманым мака...» Впервые – в статье Р.Д. Тименчика «Анна
Ахматова. Отрывок из пере-вода «Макбета». – журн. «Литературное обозрение».
1989. № 5. С. 19, по автографу в собрании М.С. Лесмана. Печ. по этой публикации.
По-видимому, является вариантом стихотворения «Справа раскинулись пустыри...».
Ср. строки: «Когда будет окончен бой» и «Это – когда окончится бой» и др. Р.Д.
Тименчик связывает этот «ташкентский набросок со стихотворениями 1914 г. о
Первой мировой войне (см. т. 1. С. 199 и 200).
73 «Яне была здесь лет семьсот...» Впервые без 1-й строфы – «Стихотворения»,
1961, от строки: «Все те же хоры звезд и вод...», без разделения на строфы; дата
–1944, Ташкент; под № 7 в цикле из девяти стихотворений «Луна в зените»; впервые

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
полностью – «Бег времени». С. 351 (под № 6 в том же цикле из восьми стихотворений «Луна в зени-те»). В собрании Н.Л. Дилакторской дата – 5 мая 1944. Печ. по кн. «Бег времени». Дата – по материалам Н.Л. Ди-лакторской. Лет семьсот – т. е. со времени своих предков-чингизи-дов. Чингисхан Темурчин жил в XII–XIII вв. (ок. 1155– 1227). Ко времени Золотой Орды относит Ахматова и время жизни своего предка по материнской линии, хана Ахмата. Однако исследователь родословной поэта В.А. Черных оспа-ривает и уточняет эту семейную легенду: «В действительнос-ти Прасковья Федосеевна Ахматова (прабабка Ахматовой. – Н.К.) была, конечно, не татарской княжной, а русской дворян-кой. Ахматовы – старинный дворянский род, происходящий, наверное, от служилых татар, но давным-давно обрусевший. Еще в Казанском походе Ивана Грозного участвовал Кирилл Васильевич Ахматов; двое Ахматовых были стольниками при Петре I. Прямые предки Прасковьи Федосеевны были вне-сены в VI (самую древнюю) часть родословной книги дворян Симбирской губернии и вели свой род от Степана Даниловича Ахматова, верстанного в конце XVII в. по городу Аладьюрю. Никаких данных о происхождении рода Ахматовых от хана Ахмата или вообще от ханского рода Чингизидов не имеется. Княжеского титула Ахматовы никогда не носили». Вместе с тем В.А. Черных высказывает предположение о возможном род-стве Чегодаевых (девичья фамилия матери Прасковьи Фе-досеевны, Анны Яковлевны) с татарскими князьями Чегода-евых и даже от сына Чингисхана Чегатая (Черных В.А. Родословная Анны Андреевны Ахматовой / Памятники куль-туры. Новые открытия. Ежегодник 1992. М., 1993. С. 73–74).

74 «Ты, Азия, родина родин!..» Впервые – альм. «Литературная Москва». 1956. № 1. С. 539, с датой –1944. Ташкент. Третье в цикле из трех стихотворений «Азия» (1. «Третью весну встречаю вдали...», 2. «Разве я стала со-всем не та...»); тоже – в кн. «Стихи 1956 года». М., 1957. С. 17. Печ. по альм. «Литературная Москва». Вторая дата – 1955 – устанавливается на основании записи Л.К. Чуковской от 30 декабря 1955 г. о предполагаемой публикации стихов Ахматовой в «Литературной Москве»: «Сама же она пишет какие-то новые – про Азию» (Ч у к о в с к а я, 2. С. 172). В 1950–е годы, готовя очередной вариант книги Ахматовой «Слава миру!», вышедшей в 1958 г. под загл. «Стихотворе-ния», А. Сурков включил это стихотворение в сборник. Од-нако при чтении верстки Ахматова попросила Суркова это сти-хотворение снять. Л.К. Чуковская пишет в позднейшей сноске: «...Она не только своей волей изъяла его из сборника 1958 года, но и не ввела ни в один из последующих» (там ж е. С. 283).

По-видимому, дата – 1944, Ташкент – либо означает начало работы над стихотворением, либо поставлена автором условно, для обозначения биографической привязанности «азий-скойтемы».

И стаи голубок над Бирмой... – Образ, по-видимому, навеян событиями конца 1940 – начала 1950-х гг.: в 1948 г. Бирма была провозглашена независимой республикой и вышла из состава Британской империи; к власти пришли представи-тели буржуазно-помещичьих партий; в стране началась граж-данская война, закончившаяся победой национальных демокра-тов социалистической ориентации лишь в 1962 г.

Летят в не-рушимый Китай. – Образ «нерушимого Китая» мог возникнуть только после окончания национально-освободитель-ной войны Китая против Японии в 1945 г. и победы китайской революции. Республика была провозглашена в Китае 10 нояб-ря 1949 г., договор о дружбе, союзе и взаимной помощи меж-ду Китаем и СССР подписан 14 февраля 1950 г. Возможно, задуманное и начатое в 1944 г. стихотворение дописывалось в период работы Ахматовой над сб. «Слава миру!», составлен-ным из стихов подчеркнуто патриотического содержания с це-лью добиться освобождения арестованного в 1949 г. сына, Л.Н. Гумилева, либо, как и предполагала Л.К. Чуковская, в де-кабре 1955 г., когда Ахматова добивалась пересмотра «дела» сына, его освобождения и реабилитации. Гесер – «древний на-родный герой эпических поэм Китая, Монголии и Тибета» (примеч. в книге Ахматовой «Стихотворения», 1946. С. 334; сигнальный экземпляр с наклейками и пометками В.Н. Орлова (РГАЛИ)).

Ташкент зацветает. Впервые – журн. «Новый мир». 1965. № 1. С. 89–90, в подборке «Лирические стихотво-рения», опубликованной после вручения Ахматовой в декаб-ре 1964 г. премии «Этна Таормина». Под названием «Из цикла «Ташкентские страницы» здесь было опубликовано три стихотворения: «Это рысьи глаза твои, Азия...», «Ташкент зацветает» («Словно по чьему-то повелению...») и «Я буду помнить звездный кров...» (последние два с датами – 1944); «Бег времени». С. 356, под загл. «Ташкент зацве-тает» как одно стихотворение из двух частей: «Словно по чьему-то повелению...» и «Я буду помнить звездный кров...». Дата – 1944 – после второй части. Печ. по кн. «Бег времени». Уточнение даты – до 14 мая, т.е. до отъезда из Ташкента, – по содержанию второго отрывка, который в других автографах имеет обозначение места напи-сания – Ташкент.

И маленьких баранчиков... – Баранчук – малыш, в узбекской и киргизской речи – ласкательное название маль-чика. Слово «баранчук», кроме Ахматовой, использовала

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941-1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat в рус-ской поэзии Ксения Некрасова, стихи которой Ахматова уз-нала в Ташкенте и в судьбе которой приняла деятельное уча-стие. См. у Ксении Некрасовой в стихотворении «Мальчик»: «... Но чудесней всего на свете //В глинобитной кибитке киргиза // Баранчук – годовалый мальчик...».

76 Из «Ташкентской тетради». Впервые – журн. «Звезда». 1969. № 8. С. 163, публикация В.М. Жирмун-ского, под загл. «Из неизданного Анны Ахматовой»; БП. С. 409 – 410 – как наброски и «другие редакции» сти-хотворения «Ташкент зацветает» – по рукописям кн. «Не-чет», черновому наброску РГАЛИ и спискам в собрании Н.Л. Дилакторской. В БО 2. С. 48 – без загл., по руко-писи кн. «Нечет» (РНБ). Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 99, л. 21 об.). Автограф черновой, правка в строках: первоначально было:

3: Что там – Багдад или Каир? 4: лечу, как пчелка к сотам. 5: Что там Каир или Багдад?

Каир ли там или Багдад? 6: Нет, там обыкновенный сад 13: Шел мимо древний караван.

Далее – строка точек и отрывок 1942 г.: «И я все расскажу тебе...» (пять строк), далее – «Как луч, как ветер, как ту-ман. ..». Дата – 1940-е годы, Ташкент.

В сб. «Нечет» (РНБ) карандашный набросок строк 8-11:

Над белоснежной стеной Слегка качались ветки эти С изяществом и простотой, которым равных нет на свете.

Варианты строк:

13: И как проходит караван. 14:[как на картине]

«...Исо всех колоколен снова...» Впервые – «За-писные книжки». С. 141, с пометкой Ахматовой: «Из «Другой». 40-ые годы. Ташкент». Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 106, л. 19 об.).

Записано в 1961 г., когда Ахматова, по-видимому, пыталась восстановить текст забытого и не законченного ташкентского про-изведения. «Другая» – возможно, имеется в виду поэма, кото-рую Ахматова задумала в Ташкенте и начинала писать параллель-но с « Поэмой без героя» и которая, по-видимому, частично вошла в «Поэму без героя» темой репрессий и лагерей (см. т. 3).

78 С самолета (1-3). 1. «На сотни верст, на сотни миль...» Впервые – журн.

«Ленинград». 1944. № 10– и. С. 8, под загл. «Возвращение», вне цикла. Вари-анты строк:

4 : И шли пирушки кедров. 5: Как с того света на нее, 6: На родину глядела, 7: Я знала – это все мое –

Тот же текст – в записках Н.Л. Дилакторской. Дата в спис-ке Дилакторской – 14 мая 1944. Ташкент – Москва. По сообщению М.М. Кралина, в тетради Дилакторской – загл. «На самолете», дата – 1944. Самолет. Ташкент – Москва. Впервые в составе цикла из трех стихотворений – журн. «Огонек». 1950. № 36. С. 23. Начиная с издания «Стихот-ворения», 1958, печаталось в окончательной редакции, дата – 1944, Ташкент-Москва ко всему циклу.

78 2. «Белым камнем тот день отмечу...» Впервые; журн. «Огонек». 1950. № 36. С. 23 – под № 2 в цикле из трех стихотворений «С самолета». Строка 1: «Как мой лучший день, я отмечу», 2: «День, когда о победе пела»; то же – «Стихотворения», 1958. С. 69-70. Окончатель-ный текст – «Стихотворения», 1961. С. 227. По свиде-тельству Л.К. Чуковской, замена первых строк произведена в июне 1960 г. (ч у к о в с к а я, 2. С. 415) и внесена в корректуру в декабре 1960 г. (т а м же. С. 445). В ком-ментариях к «Запискам об Анне Ахматовой» Л.К. Чуковс-кая сопоставляет строку «Белым камнем тот день отмечу!..» со строкой М. Кузмина «Я белым камнем этот день отме-чу!» из стихотворения «В цирке» (1904), оговариваясь при этом: «Однако у Анны Ахматовой «белый камень» в стихах

44-го года не впервые. Стихотворение, написанное в 16-м году, начинается строками: «Как белый камень в глубине ко-лодца...» (там ж е. С. 750). В записи от 28 декабря 1958 г. Л.К. Чуковская приводит другой текст четверости-шия, считая его более ранним:

Я бы лучше по самые плечи Вбила в землю проклятое тело, Если б знала, чему навстречу, Обгоняя солнце, летела.

«Значит, никакого отношения к победе эти стихи, при своем зарождении, не имели! По-видимому, они относятся к разрыву с Гаршиным, к известию о его женитьбе – вот чему навстречу, обгоняя солнце, летела она из Ташкента! Когда она перелицевала их, переадресовала победе – слог сразу отозвал-ся на ложь – этим инородным, бюрократическим «отмечу» (ч у к о в с к а я, 2. С. 346-347). См. иную версию создания этого четверостишия в коммент. к стихотворению «Луч-ше б я по самые плечи...».

79 3. «Ивесеннего аэродрома...» Впервые – журн. «Огонек». 1950. № 36. С. 23, под № 3 в цикле из трех стихотворений «С самолета»; то же – в кн. «Стихотворе-ния», 1958. С. 69-70; «Стихотворения», 1961. С. 227- 28; «Бег времени». С. 357-358, с датой – май 1944. Печ. по кн. «Стихотворения», 1961. Дата – по материалам Н.Л.

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
Дилакторской.

14 мая 1944 г. Ахматова прилетела из Ташкента в Москву.

80 «Отстояли нас наши мальчишки...» Впервые – сб. «Ленинградская панорама». Л., 1988. С. 432, в воспоминаниях В.Г. Адмони «Знакомство и дружба». Печ. по публикации В.Г. Адмони.

Владимир Григорьевич Адмони (1909–1993) – поэт и переводчик, близкий знакомый Ахматовой. 31 мая 1944 г. выехали вместе с Ахматовой Адмони и его жена Т.И. Сильман из Москвы в Ленинград, куда Ахматова возвращалась после эвакуации. Адмони вспоминает: «Побеседовав о разных новостях, мы стали читать стихи. Все, что нам прочитала в поезде Ахматова, потом было напечатано. Все, за исключением одного четверостишия, которого я не нашел ни в одной публикации. Может быть, Ахматова вообще не записала его или потеряла свою запись и забыла о нем. Не знаю, но я хочу привести здесь это четверостишие, потому что оно, несмотря на свою простоту, кажется мне очень ахматовским и очень важным. Лимитные книжки, лимиты – так назывались в ту пору повышенные пайки, которые во время войны стали выдаваться ученым с высокими степенями и видным деятелям искусства. Получила «лимитную книжку» и Ахматова» («Воспоминания». С. 342).

81 Городу Пушкина. Впервые – журн. «Звезда». 1946. № 1. С. 72, в другой редакции:

Мой городок игрушечный сожгли,
И в прошлое мне больше нет лазейки.
Там был фонтан, зеленые скамейки,
Громада парка царского вдали.
На масляной – блины, ухабы, вейки,
В апреле запах прели и земли,
И первый поцелуй...

Тот же текст – журн. «Красноармеец». 1946. № 10. С. 2; «Избранные стихи». М.: «Правда». 1946. Б-ка «Огонек». № 23. В кн. «Бег времени». С. 415 – строка 1: «О, горе мне! Они тебя сожгли...» Веб. «Стихотворения», 1958. С. 65 и 1961. С. 264 – «Что делать мне? Они тебя сожгли...».

Входило в цикл «Городу Пушкина» из двух стихотворений (2. «Этой ивы листья в девятнадцатом веке увяли...», 1957 г.); в рукописи кн. «Нечет» – в составе цикла «Царскосельские строки» из трех стихотворений (2 и 3. «Пятым действием драмы...» и «Все души милых на высоких звездах...»). Печ. по кн. «Бег времени». Дата – 1944 – указана в большинстве публикаций; уточнение – июнь – по времени первого возвращения в Ленинград, посещение города Пушкин; другая дата – 8 ноября 1945. Фонтанный Дом – в автографе РГА-ЛИ, по-видимому, означает время окончания работы над первой редакцией.

Стихотворение было задумано после посещения Ахматовой 11 июня 1944 г. освобожденного от немцев, разрушенного города Пушкин. Об этом рассказывает О.И. Рыбакова, в доме матери которой Лидии Яковлевны Рыбаковой (Набережная Кутузова, бывш. Французская, д. 12, кв. 5), Ахматова жила по возвращении в Ленинград в июне – августе 1944 г.: «Однажды, придя из Дома писателей, Анна Андреевна рассказала нам, что ее просят завтра выехать с бригадой писателей в недавно освобожденное Детское Село (город Пушкин) на празднование пушкинской годовщины. Попозже вечером должны были прийти к ней за ответом. Анна Андреевна не сразу решила ехать и выступить. – Что я скажу? Каким должно быть мое выступление? Как я увижу разрушения города моей юности? – говорила она моей матери. Мы все стали уговаривать ее ехать: «Это страшно, но... Увидеть родное Царское! Наконец возвращенное нам, освобожденное...» – «Я бы поехала, – сказала я, – нет, побежала бы пешком, не задумываясь, но ведь туда нужен пропуск, а Вы поедете с писателями, с военными, на машине, и это не будет так уж страшно и тяжело. Вы ведь будете не одна!» – Анна Андреевна сравнительно легко дала себя уговорить.

Стали составлять примерный текст будущего выступления. Само собой получилось, что Анна Андреевна как бы пригласила нас, своих друзей, исполнять секретарские обязанности, поскольку в это время все мы сидели вокруг круглого стола-сороконожки у нас в столовой».

Набросок выступления, составленный в доме Рыбаковых:

Товарищи!

Сегодня мы празднуем светлую годовщину дня рождения великого поэта. Празднуем мы ее в том месте, про которое сам Пушкин сказал: «Отечество нам Царское Село», и в том году, который принес долгожданное освобождение городу поэта. Пушкин всегда считал Царскосельские парки достойным памятником русской военной славы и в целом ряде стихотворений говорит об этом. Для него навсегда остались священными «Царско-сельские хранительные сени». Такими же они были, есть и будут для нас. После этого выступления Ахматова прочитала «Смуглый отрок бродил по аллеям...». О впечатлении, которое произвели на Ахматову развалины дорогого ей города, О.И.

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
Рыбакова пишет: «... Разрушения города и парков тяжело подействовали на Анну
Андреевну. Она вернулась в Ленинград сама не своя». По свидетельству
Рыбаковой, сначала Ахматова написала об этой поездке очерк «Три сирени» (текст
его в настоящее время не найден), потом – стихи «Мой городок игрушечный
сожгли...». «Особенно жалела она взорванную Белую Башню – старый ориентир
Царского Села» (ОР ИРЛИ РАН).

О том, что именно вариант «О, горе мне! Они тебя сожгли...» является последней
авторской волей поэта, свидетельствует Л. К. Чуковская, работавшая вместе с
Ахматовой над рукописью кн. «Бег времени» в феврале 1964 г.: «– «Что делать мне?
Они тебя сожгли!» Какая глупость! Какая глупая строка! «Что делать?» Когда город
сожгли, тогда уже нечего делать. И вообще я не пожарный!

Я ей предъявляю сборник 61 года, где напечатано «Что делать мне? Они тебя
сожгли...». Это нисколько не умеряет гнев. Спрашиваю: не вернуться ли к первому
варианту: «Мой городок игрушечный сожгли».

– Нет. «О, горе мне! Они тебя сожгли». Только так» (Чуковская, 3. С.
166).

Тогда же Ахматова высказала Л.К. Чуковской свое «текстологическое кредо»:
«Брать надо не последний вариант, а лучший. Мало ли какую глупость в каком году
напечатали. В сборнике 61 года я просто не досмотрела» (там же).

В рукописи сб. «Слава миру!» (РГАЛИ) был еще один, промежуточный вариант
стихотворения:

О горе мне! Они тебя сожгли и надругались над тобой злодеи... Здесь был фонтан,
высокие аллеи. Громада парка древнего вдаль, Заря была самой себя алее, В апреле
запах прели и земли и первый поцелуй...

Стихотворение, отличавшееся от его окончательной редакции всего одной строкой –
второй, вызвало яростный гнев «внутренних рецензентов» сборника. В. Смирнова,
например, писала: «Стихотворение «Городу Пушкина» хочется просто выбросить из
сборника – оно возмутительно по тому беспредельному эгоизму и равнодушию к
людям, к сожженному городу, к Пушкину, какие выражены в этих семи строках...
Не хочется даже комментировать эти, поистине кошунственные, стихи» (РГАЛИ).
Несмотря на подобные отзывы, отражающие полное непонимание рецензентами
сущности ахматовского творчества, стихотворение было оставлено Ахматовой в
третьей редакции рукописи сборника 1953 г. и затем входило во все последующие
прижизненные издания, являясь одним из высочайших образцов ее гражданской
лирики.

Эпиграф из стихотворения А.С. Пушкина «Чаадаеву» (1821). Вейки – финские
извозчики в Царском Селе.

82 «Вспыхнул над молом первый маяк...» Впервые – «Стихотворения», 1958. С. 67,
под загл. «У моря» (№ 3 в цикле из четырех стихотворений, под загл. «Победа» (1.
«Победа у наших стоит дверей...», 2. «27 января 1944 года», 4. «Освобожденная»);
«Стихотворения», 1961. С. 211–212, № 2 в цикле из трех стихотворений «Победа»;
то же – «Бег времени». С. 345. Печ. по кн. «Стихотворения», 1961.

Содержание стихотворения позволяет датировать его 1944 г., возможно, июнем: к
этому времени относятся первые ленинградские впечатления Ахматовой, вернувшейся
из эвакуации. Стихотворение было включено ею в рукопись сб. «Слава миру!» под
загл. «Победа», вызвало замечания внутренних рецензентов и было переработано
Ахматовой. Вера Инбер, например, писала о нем: «В стихотворении «Победа» (с.
15) сомнительной мне кажется строка о «набитых смертью морях». Понятно, что
речь идет о минах, но эпитет «набитый» плохо сочетается со строгим ладом всего
стихотворения». Строки 4–5 в сб. «Слава миру!»:

Что плавал в набитых смертью морях Бесстрашно, смерти навстречу.

После рецензий произведена замена в третьем варианте рукописи:

Что плавал в северных грозных морях.

В дальнейшем Ахматова вернулась к первоначальному варианту строки 4, но изменила
5-ю: «Вдоль смерти и смерти навстречу». В рукописи кн. «Избранное», 1953 (третья
редакция сб. «Слава миру!», РГАЛИ) в цикле «Победа» из пяти стихотворений имело
загл. «У моря», строка 1: «Загорелся над молом первый маяк».

83 «Лучше бы я по самые плечи...» Впервые – Чуковская Л.К. Записки об Анне
Ахматовой. Paris: YMCA-Press. 1980, с иной строкой 1: «Я бы лучше по самые
плечи...» (запись от 28 декабря 1958 г.); Соч., 1986. С. 328 – по рукописи кн.
«Бег времени», 1963 (№ 2 в цикле «Последнее возвращение»; № 1. «День шел за днем
– и то и се...»). В рукописи кн. «Нечет» входило в цикл «Трещотка прокаженного»
под № 4. По мнению Л.К. Чуковской, четверостишие было первоначальным вариантом
стихотворения «Как мой лучший день я отмечу...» (Чуковская, 2. С. 346–347),
однако это противоречит ахматовскому уточнению места написания этого
стихотворения – «В самолете»; четверостишие о разрыве с В.Г. Гаршиным могло
быть написано только после приезда Ахматовой в Ленинград и разрыва, т.е. не
раньше середины июня 1944 г. Печ. по рукописи кн. «Бег времени».

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
84 Причитание. Впервые – журн. «Новый мир». 1969. № 5. С. 55, публикация В.М.
Жирмунского, под загл. «Причитание. Послесловие к «Ленинградскому циклу», дата –
1944. Ленинград; то же – БП. С. 296, загл. «Причитание», по автографу в
рукописи кн. «Нечет». В БО № 1. С. 211 – другой вариант по второй рукописи кн.
«Нечет» (РНБ), под загл. «Причитание» (в рукописи – «Послесло-вие»). В этом
варианте нет строк 5–6, далее:

Я не словом, не упреком Я не взглядом, не намеком,
Я не песенкой наемной, Я не [шуткою] похвальбой нескромной

А земным поклоном В поле зеленом Помяну...

Дата – 1944. Ленинград. Печ. по первой рукописи кн. «Не-чет» (РНБ) и публикации
В.М. Жирмунского. Указание ме-ста написания – Ленинград – означает, что
стихотворение написано после 1 июня 1944 г., когда Ахматова приехала в
Ле-нинград из Ташкента через Москву.

85 Последнее возвращение. Впервые – «Стихотво-рения», 1946. С. 294, под загл.
«Отрывок», дата – 1944, без эпиграфа. Перепечатано как цитата из стихотворения в
ста-тье И. Сергиевского «Об антинародной поэзии Ахматовой» – журн. «Звезда».
1946. № 9. С. 144. В рукописи кн. «Бег времени», 1963 (РГАЛИ) – под загл.
«Последнее возвра-щение», № 1 в цикле из двух стихотворений (№ 2. «Луч-ше б я по
самые плечи...»). В рукописи кн. «Нечет» под загл. «Последнее возвращение»
входило под № 2 в цикл «Тре-щотка прокаженного»; «Бег времени». С. 372; подпись
под эпиграфом – «Песня». Дата – 1944. В перечне Н.Л. ди-лакторской дата – 25
июля 1944. Ленинград; без эпиграфа, загл. – «Отрывок», строка5 первоначально:
«Крепчало, пах-ло табаком». Печ. по кн. «Бег времени». Дата – по списку Н.Л.
Дилакторской.

Отражает состояние души Ахматовой после разрыва с В.Г. Гаршиным летом 1944 г.
Эпиграф из «лагерной песни» появился в 1950-е гг. По свидетельству профессора
Ю.К. Ге-расимова, лагерная песня принадлежит поэту Самуилу Залма-новичу Галкину
(1897–1960) и была создана в лагере Абезь под Воркутой, где находились в
заключении Н.Н. Пунин, С.З. Галкин, Ю.К. Герасимов, Л.П. Карсавин и многие
дру-гие представители интеллигенции. После возвращения из ссыл-ки Галкин часто
встречался с Ахматовой в Москве в 1956–1960 гг. Название «Последнее
возвращение», возможно, дано по аналогии с названием «Первое возвращение» («На
землю саван тягостный возложен...», 1910). См. т. 1. С. 39.

86 «Маше священное ремесло...» Впервые – журн. «Знамя». 1945. № 4. С. 50;
«Избранные стихи». М.: «Прав-да», 1946. Б-ка «Огонек», № 23; «Стихотворения»,
1961. С. 229, с датой – 1944; то же – «Бег времени». С. 303. В списке Н.Л.
Дилакторской и записях под диктовку Ахма-товой дата – 25 июля 1944. В рукописи
кн. «Нечет» завер-шалось цикл «Трещотка прокаженного» под № 10. В БП. С. 207, дата
– 25 июня 1944, – по-видимому, ошибочная (неверное прочтение даты в материалах
Н.Л. Дилакторской?). Печ. по кн. «Стихотворения», 1961. Дата – по материалам
Н.Л. Дилакторской.

87 «Опять подошли «незабвенные даты»...» Впер-вые – журн. «Знамя». 1963. № 1. С.
143, в сокращенной редакции:

Опять подошли «незабвенные даты», И нет среди них ни одной не заклятой, Но вот и
последней восходит заря, Я знаю, колотится сердце не зря – От звонкой минуты
пред бурей морскою Оно наполняется мутной тоскою. На прошлом я черной поставила
крест... Чего же ты хочешь, товарищ Зюйд-вест, Что ломаются в комнату липы и
клены, Гудит и бесчинствует табор зеленый

И к брюху мостов подкатила вода, И все как тогда, и все как тогда?..

1944

Фонтанный Дом

В кн. «Бег времени». С. 430 – также текст из 12 строк (шесть двустиший), строки
2: «И нет среди них ни одной не проклятой»; 3: «Но самой проклятой восходит
заря...» В осталь-ных – разночтения в пунктуации. Дата – Ленинград. 1944.
Вариант текста из 12 строк – РТ 103, л. 13–13 об. (РГАЛИ). Загл. «Лето 1944
(Фонтанный Дом)». Дата – 1945–1961. Варианты строк:

3: Но самой проклятой – подходит заря,

5: От [тяжкой] звонкой минуты пред бурей морскою

6: Оно наливается [жгучей] мутной тоскою.

9: Что [ломаются в комнату]

Что рвутся в окно мое липы и клены,

В машинописи (РНБ) имело загл. «Из ленинградского цикла «Белые ночи»; вместо
последних двух строк – зачерк-нутый вариант другой редакции:

Мы заняты странным с тобой разговором, Уже без проклятий, уже без укоров. Там я
попрощаюсь с тобою навек, Мудрец и безумец – дурной человек.

Опубликовано – БП. С. 417. По рукописи кн. «Не-чет» впервые – БО 1. С. 285– 286.
Печ. по рукописи кн. «Нечет» (РНБ). Даты – по этой рукописи и по публикаци-ям в
журн. «Знамя» и кн. «Бег времени».

сочинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
«Незабвенные даты» – разрывы с любимыми (В.К. Шилейко, Н.Н. Луниным, В.Г. Гаршиным)./! в Мраморном крайнее пусто окно... – В Мраморном дворце Ах-матова жила с В.К. Шилейко.

89 «и, как всегда бывает в дни разрыва...» Впер-вые – журн. «Звезда». 1944. № 7–8. С. 92, без разделе-ния на строфы, дата –1944; «Избранные стихи». М.: «Прав-да», 1946. Б-ка «Огонек», № 23; «Стихотворения», 1958. С. 56 – вне цикла, без названия, с датой –1944; «Стихотво-рения», 1961. С. 226 – под № 2 в цикле из двух стихотворе-ний «Разрыв», из двух строф. Дата ко всему циклу: 1940– 1944. В экземпляре этого издания с дарственной надписью Н.А. Ольшевской («Моей светлой Нине ее Ахматова. Дана на Ордынке 13 июля 1961»), после текста стихотворения – помета карандашом рукой Ахматовой: «Последний тост», что, воз-можно, указывает, что уже в 1961 г. цикл должен был состоять из трех стихотворений; «Бег времени». С. 277–278 – под № 2 в цикле «Разрыв» из трех стихотворений (1. «Не недели, не месяцы – годы...», 3. «Последний тост»). Даты после вто-рого –1940–1944, после третьего –1934. Печ. по кн. «Сти-хотворения», 1961. Дата – по записям Н.Л. Дилакторской.

Предполагалось, что стихотворение обращено к В.Г. Гар-шину (см., напр., БО 1. С. 402), разрыв с которым произошел по возвращении Ахматовой из эвакуации в Ленинград в июне 1944 г. Однако включение в цикл «Разрыв» двух других сти-хотворений, посвященных Н.Н. Пунину, возможно, свидетель-ствует об адресации Пунину и данного стихотворения. Пунин под-держал Ахматову в этот нелегкий период ее жизни; в квартире и в семье Пунина она жила после разрыва с Гаршиным, переехав в Фонтанный Дом своих друзей Рыбаковых, к которым В.Г. Гар-шин привез ее с вокзала (см. также т. 3. С. 552–554).

90 явление луны. Впервые – журн. «Звезда». 1944. № 7–8. С. 92, вне цикла, без посвящения, дата – 1944. Варианты строк: 3: «Неожиданно покато», 5: «Как будто лун-ная соната»; «Избранные стихи». М.: «Правда», 1946. Б-ка «Огонек», № 23; «Стихотворения», 1946. С. 295, с посвя-щением «А.К.» и строкой 5: «Как будто Лунная Соната», дата – 1944, под № 1 в цикле без названия из двух стихот-ворений (№ 2. « как в трапезной скамейки, стол, окно...»); «Стихотворения», 1958. С. 50 – без посвящения, дата – 1944, Ташкент; «Стихотворения», 1961. С. 217, под № 8 в цикле из девяти стихотворений «Луна в зените». Дата после № 9 ко всему циклу – 1942– 1944; «Бег времени». С. 352 – с посвящением «А.К.» под № 7 в цикле из восьми стихотворений «Луна в зените». Дата ко всему циклу – 1942–1944. Ташкент. Печ. по кн. «Стихотворения», 1961. Датируется по материалам собрания Н.Л. Дилакторской – 25 сентября 1944.

Ленинград. Эта дата приводится и в спис-ке, и в записях под диктовку Ахматовой. Указание при публикации – «Ташкент», – по-видимо-му, связано с ташкентской темой и адресацией ташкентскому другу – композитору А.Ф. Козловскому, исполнявшему в Ташкенте для Ахматовой «Лунную сонату» Бетховена.

91 «От странной лирики, где каждый шаг – сек-рет...» Впервые – журн. «Юность». 1969. № 6. С. 67, пуб-ликация В.М.Жирмунского, по материалам собрания Н.Л. Ди-лакторской, с датой – осень 1944; то же – БП. С. 295. В тетради Н.Л.

Дилакторской и ее записях под диктовку Ах-матовой стихотворение не имеет даты и записано последним сре-ди стихов 1944 г. Печ. по собранию Н.Л. Дилакторской.

92 Стекланный звонок. Впервые – сб. «Памяти Анны Ахматовой». С. 17; газ. «Коммунист». Лиепая. 1979. 8 сен-тября, публикация С. В. Дедюлина в его заметке «От Либавы до Владивостока»; то же – Соч., 1986. С. 328; БО 2. С. 45–46. Печ. по автографу РНБ.

В последние дни жизни, оценивая первый том своих «Сочинений», вышедший под ред. Г.П. Струве и Б.А. Фи-липпова в 1965 г., Анна Ахматова написала заметки «для Лиды» – т.е. для Л.К. Чуковской, в которых опровергала мнение Струве о ее «молчании»; «...как может не прийти в голову г-ну Струве, что в то время я писала нечто, что не только печатать было нельзя, но даже читать т.н. «друзьям» (таков был «Реквием»). Вот несколько таких стихотворе-ний». Далее следовал список, в котором под № 15 значился «Стекланный звонок» (Чуковская, 3.С. 466). В.Н. Топоров в кн. «Ахматова и Блок». Беркли, 1981. С. 199 указывает на родство образа «стеклянного звонка» у Ахматовой со «стеклянной гармоникой, издававшей волшеб-ные звуки в «Крошке Цахесе», хрустальными колокольчи-ками в «Золотом горшке» и многими другими примерами та-кого рода у Гофмана».

93 «Пора забыть верблужий этот гам...» Впер-вые – «Стихотворения», 1958. С. 59, под загл. «Отрывок из дружеского послания», с посвящением Н.И. Игнатовой. Дата – 1944 – 1950; в кн. «Стихотворения», 1961. С. 230; «Бег времени». С. 426, под № 1 вошло в цикл «Три стихотворения», посвященный А. Блоку (2. «И в па-мяти черной, пошарив, найдешь...», 3. «Он прав – опять фонарь, аптека...»). Дата после № 3 – 1944 – 1960. Печ. по кн. «Стихотворения», 1961. Дата – по кн. «Сти-хотворения», 1958.

На улице Жуковской. – В доме № 54 на этой таш-кентской улице Ахматова жила до

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
мая 1944 г. Рогачевское шоссе. – Шоссе в Московской области, проходит вблизи
имений Бекетовых – Блока – Шахматово и Менделеевых – Боблово (бывш. Клинский
уезд). Юный Блок, по свидетельству его современников и соседей по имению, лю-бил
спорт, собак, увлекался верховой ездой, участвовал в лю-бительских спектаклях.
Многие читатели не соглашались с оп-ределением Ахматовой «разбойный посвист
молодого Бло-ка», однако оно соответствовало настроениям ранней блоковской
поэзии. Ср., например:
Веселье буйное в природе, И я, причастный ей во всем, Вдвойне ликую на свободе,
Неразлученный с бытием.
(Лето и осень 1901 г.).

Игнатова Наталья Ильинична (1900–1957) – фи-лолог, редактор издательства
Академии наук, в молодости – ученица философа и лингвиста Г. Г. Шпета. Ахматова
под-ружилась с нею и ее сестрой Татьяной Ильиничной в 1952 г. в Болшеве; причина
посвящения Н.И. Игнатовой стихот-ворения о молодом Блоке и Рогачевском шоссе,
возможно, в том, что именно с сестрами Игнатовыми в 1950-е годы Ахматова
несколько раз ездила на машине по этим местам Подмосковья. В дальнейшем
посвящение было снято. По-видимому, сестры Игнатовы в 1952 г. сопровождали
Ахма-тову также при ее первой поездке в Коломенское (см. сти-хотворение «Как
древние в Коломенском ворота...» и ком-мент. к нему).

94 «А человек, который для меня...» Впервые – «Бег времени». С. 394. В автографе
кн. «Нечет» имело загл. «Без даты» и дату – 13 января 1945 г.; та же дата в
списке Н.Л. Дилакторской. Печ. по кн. «Бег времени». Дата – по материалам Н.Л.
Дилакторской.

Речь идет о В.Г. Гаршине; написано при известии о его безумии.

95 Отрывок («Не знала б, как цветет айва...»). Впер-вые – журн. «Вопросы
литературы». 1981. № 6. С. 312, публикация Е.Б. Рейна в его статье «... С
радостью вписываю в альбом Иннокентия Мемноновича...». Печ. по альбому И.М.
Басалаева, где дата – 28 сентября 1945. Ленинград. В РГАЛИ – машинописная копия
записи «Отрывок»: «От-рывок (черн.)». Ин. Басалаеву на память о нашем Ташкенте». После
текста – та же дата, которая означает не время созда-ния отрывков, а время
их записи в альбом. Отдельные строки, являющиеся вариантами этих набросков,
посвященных Ташкен-ту, встречаются в рукописи Ахматовой несколько раз.

Напри-мер, в РТ 97, л. 7 об. (РГАЛИ):

И так проходит караван,

Как смерч, как ветер, как туман

И маленьких баранчуков У чернокосых матерей На молодых руках.

/945–/946

Басалаев Иннокентий Мемнонович (1896–1964) – литератор, редакционный работник,
второй муж поэтессы И.М. Наппельбаум. До переезда в Ленинград жил в Таш-кенте, в
Ленинграде работал в журн. «Звезда». Бешагач – площадь в Ташкенте. Рахматп и
хайер говорю... – Рах-мат – спасибо (у з б.), хайер – до свидания (у з б.).
Ай-бек (наст, имя – Муса Ташмухаммедов, 1905–1968) – узбекский поэт, с которым
Ахматова была дружна в Ташкен-те. Чусты – узбекский поэт. Ташкент – узбекское
про-изношение города. И маленьким баранчукам и далее. – Образ использован
Ахматовой в стихотворении «Ташкент за-цветает». ...Я восемьсот волшебных дней...
–Ахматова жила в Ташкенте с 9 ноября 1941-го по 14 мая 1944 г.

97 «Что-то неладно со мною опять...» Впервые – БО 2. С. 49, публикация М.М.
Кралина по черновой записи Н.Л. Дилакторской, сделанной под диктовку Ахматовой в
1945 г. Печ. по БО 2.

98 Учитель. Впервые – журн. «Звезда». 1946. № 1. С. 72, под загл. «Памяти
Иннокентия Анненского», без стро-ки б; так же в перечне Н.Л. Дилакторской и в
списке под диктовку Ахматовой; дата – 16 января 1945 г.; тот же текст из семи
строк – «Бег времени». С. 304, дата – 1945. Было включено в один из вариантов
сб. «Нечет», в цикл «Венок мертвым», с подзагол.: «Отрывок из одной из сожженных
поэм» (т. е. из «Поэмы о начале века» – «Гаагский голубь реял над вселенной...»).
См. т. 3. С. 37). В «Списке утрачен-ных произведений» (РНБ) Ахматова уточняет,
что из этой поэмы «уцелела лишь строфа об Анненском «Учитель». Писа-ла в 1944 г.
в Ленинграде». В рукописи кн. «Бег времени» – полный текст из восьми строк;
опубликован М.М. Крали-ным – БО 1. С. 249, под № 1 в цикле «Венок мертвым». Печ.
по рукописи кн. «Бег времени». Дата – по перечню Н.Л. Дилакторской.

И славы ждал, и славы не дождался... – Иннокентий Федорович Анненский
(1855–1909) умер внезапно 30 но-ября 1909 г., не дождавшись публикации большого
цикла сво-их стихов в журн. «Аполлон», где их заменили стихами Черу-бины де
Габриак, и выхода в свет сб. «Кипарисовый ларец», корректуру которого Ахматова
прочла весной 1910 г. После этого, открыв для себя «новую гармонию», она стала
считать себя ученицей И. Анненского.

99 «Есть три эпохи у воспоминаний...» Впервые – альм. «День поэзии». М., 1956.
С. 9; без загл., дата – 1945;

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
строка 19: «С усталых век, и тяжело вздыхают...» (запятая вместо тире);
«Стихотворения», 1961. С. 261–262, под загл. «Вторая» в цикле «Северные элегии»
(1. «Так вот же он – осенний тот пейзаж...»), без даты; «Бег времени». С. 446–
448, под загл. «Четвертая» в цикле «Северные элегии» из четырех произведений.
Загл., под которыми печаталась элегия, – «Вторая», «Четвертая», «Шестая» (в
рукописных списках она была также «Третьей» и № 1 (РТ 96, РГАЛИ), – являются,
очевидно, лишь обозначениями порядкового номера при включении ее в цикл
«Северные элегии», или «Ленинградские элегии». Печ. по кн. «Стихотворения», 1961
(без загл.). Дата – по автографу РНБ, опубликованному М.М. Кралиным – БО 1. С.
264 – 265, под загл. «Шестая»; та же дата – в кн.: Ч у к о в с к а я, 2. С.
586.

Замысел цикла родился в 1945 г.: «Вскоре после окончания войны я написала два
длинные стихотворения белыми стихами и окрестила их «Ленинградскими элегиями»
(«Предисловие» Ахматовой к оставшейся незаконченной «Седьмой элегии», РГАЛИ).
Однако, возможно, что окончательная редакция элегии появилась лишь в 1950-е гг.,
– во всяком случае, лишь в декабре 1955 г. Ахматова впервые предложила ее в
альманах «Литературная Москва», затем в «День поэзии». Л.К. Чуковская, прочтя
заново текст элегии, была, по ее словам, ею «наново изранена»: «... вещь
беспощадная – быть может, самое обезнадеживающее стихотворение во всей русской
поэзии. Не грусть, не печаль, не трагедия: мужественная жестокость. Этими
стихами поэт отнимает у человека последнее достояние: уже не любовь, а самую
память о любви, уже не людей любимых, а самую память о них» (Ч у к о в с к а я,
2. С. 168). Элегия Ахматовой, в числе других лучших стихотворений альманаха
«День поэзии» – «Свеча горела на столе...» Б.Пастернака, «Назначь мне свиданье
на этом свете...»

М. Петровых, – подверглась резкой критике. В. Огнев в статье «День нашей поэзии»
(«Октябрь». 1957. № 2) обрушился на излишний трагизм произведения: «... сколько
здесь слабодушного, холодного, оггусгошительного неверия в жизнь». По словам
Л.К. Чуковской, Ахматову в этом отзыве больше всего оскорбило слово
«слабодушие», сказанное о ней (Ч у к о в с к а я, 2. С. 250).

Эпиграф из стихотворения А.С. Пушкина «Три ключа». ...и даже // Все к лучшему...
– заключительные строки элегии, по-видимому, восходят к философской повести
Вольтера «Кандид, или Оптимизм» (1759), где эту фразу – «Все к лучшему в этом
лучшем из миров» – произносит философ Панглос, неизлечимо больной сифилисом. Это
выражение, со-держашее иронический подтекст, стало широко употребительным, а
имя Панглоса – нарицательным.

Освобожденная. Впервые – журн. «Ленинград». 1945. № 3. С. 1; сб. «Победа». Л.,
1945. С. 7; «Стихотворения», 1946. С. 276; «Стихотворения», 1958. С. 67, в
цикле из четырех стихотворений под загл. «Победа». Печ. по кн. «Стихотворения»,
1958. Дата – в записи Н.Л. Дилакторской.

В рукописи сб. «Слава миру!» (первая и вторая редакции) входило в цикл «Победа»
из шести стихотворений: 1. В мае; 2. «За наши пламенные зори...»; 3. 27 января
1944 года; 4. Освобожденная. 5. «Нам есть чем гордиться и есть что беречь...»;
6. «Навстречу знаменам, навстречу полкам...» Цикл впервые был опубликован М.М.
Кралиным (БО 2. С. 50–51). В третьей редакции рукописи сб. «Слава миру!» –
«Избранное», 1953 (РГАЛИ) – под № 2 в цикле «Победа» из пяти стихотворений: I.
27 января 1944 года, II. Освобожденная, III. У моря, IV. Великий день, V. В мае.
Дата ко всему циклу – 1944–1945.

В кн. «Стихотворения», 1961 и «Бег времени» (С. 345–346) – цикл «Победа» состоял
из трех стихотворений («Славно начато славно дело...», «Вспыхнул над мо-лом
первый маяк...» и «Победа у наших стоит дверей...»). Стихотворение
«Освобожденная» в него не входило.

В конце 1944 г. территория СССР была полностью освобождена от
немецко-фашистских войск.

102 «Победа у наших стоит дверей...» Впервые – газ. «Правда». 1945. 20 мая, под
загл. «Победа»; дата – 1945. Май, – в ранней редакции:

... Но что нам сказать долгожданной ей,
что мы ей сейчас ответим...

Пусть женщины выше поднимут детей,
Спасенных от тысячи смертей,
Так гостью высокую встретим...

То же – в кн. «Победа». Л., 1945. С. 44; «Стихотворения», 1946. С. 277. В кн.
«Стихотворения», 1958. С. 68 – под загл. «Великий день» в цикле из четырех
стихотворений «Победа»; окончательная редакция – «Стихотворения», 1961. С. 212,
без загл., под № 3 в цикле «Победа»; тот же текст – «Бег времени». С. 346. В
РГАЛИ – машинописный вариант с иной первой строкой: «... что нам сказать
долгожданной ей...» – май 1945. Печ. по кн. «Стихотворения», 1961.
Уточнение даты – не позже 20 мая – по времени первой публикации.

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
Переход от первой редакции ко второй произошел, по-видимому, при первой доработке рукописи сб. «Слава миру!» в начале 1950-х гг. – в РГАЛИ в первом варианте рукописи стихотворение имеет загл. «Победа» и текст его полностью совпадает с первыми публикациями. Во втором варианте возникает загл. «Великий день», первая строка «Победа у наших стоит дверей...»; редакция отличается от окончательной лишь строкой 4: «Спасенных от тысячи смертей – ».

103 в мае. Впервые – БО 2. С. 50, публикация М.М. Кралина по рукописи сб. «Слава миру!». Печ. по третьему варианту рукописи сб. «Слава миру!» (РГАЛИ), где под № 5 заключает цикл «Победа» из пяти стихотворений. Даты – 1944–1945 – после текста относятся ко всему циклу. Уточненные даты – май – по содержанию и заглавию стихотворения.

Сталинградской страды. – Сталинградской битвы 1942–1943 гг., в результате которой была окружена и разгромлена 330-тысячная группировка немецко-фашистских войск. Включалась Ахматовой в рукопись кн. «Стихотворения», 1958 г. (РНБ), но в окончательный текст сборника не вошло.

104 «Навстречу знаменам, навстречу полкам...»

Впервые – журн. «Звезда». 1979. № 3. С. 190, публикация М.М. Кралина; БО 2. С. 51. Печ. по автографу РНБ.
«Нам есть чем гордиться и есть что беречь...»
Впервые – БО 2. С. 51, публикация М.М. Кралина по рукописи сб. «Слава миру!», где под № 5 входило в цикл «Победа» из шести стихотворений с общей датой к циклу – 1944–1945. Печ. по автографу в сб. «Слава миру!» (РГАЛИ). Уточнение месяца – май ? – связано с содержанием стихотворения, по-видимому, написанного вскоре после Дня Победы 9 мая 1945 г.

Хартия прав – «сталинская» конституция 1936 г.

106 «Пусть грубой музыки обрушится волна...»

Впервые – журн. «Вопросы литературы». 1983. № 6.

С. 175, публикация В.Я. Виленкина. Печ. по автографу РНБ. Дата в автографе РНБ – 1945; уточнение месяца – май ? – по содержанию стихотворения, по-видимому, связанного с празднованием Дня Победы 9 мая 1945 г. В автографе строка 4 не дописана, хотя в строке оставлено место для слова-рифмы.

Предлагаемое составителем настоящего тома возможное окончание строки 4 – слово «война» – диктуется рифмой «волна». Если принять это предположение, то отрывок «Пусть грубой музыки обрушится волна...» следует признать одним из трагичнейших незавершенных замыслов Ахматовой.

107 «Иочертанья «фауста» вдали...» Впервые – журн. «Новый мир». 1969. № 5. С. 56, публикация В.М. Жирмунского; то же – БП. С. 296, по автографу из собрания Н.Л. Дилакторской, дата – 1945. В списке Н.Л. Дилакторской дата – 8 августа 1945. По материалам собрания Дилакторской опубликовано М.М. Кралиным в БО. 2. С. 46. Печ. по материалам Н.Л. Дилакторской.

Об этом стихотворении см. в воспоминаниях В. Берестова, который связывает его с содержанием беседы Ахматовой с Пастернаком, о которой она рассказала Берестову в Москве 21 мая 1944 г.: Ахматова говорила о «газетных стихах» Пастернака того времени, в которых он искал «новую простоту» и «новый реализм», подобный ритмам Суркова и Симонова. Ахматова рассказала юному собеседнику о своем разговоре с Пастернаком, происшедшем незадолго до этого (между 15 и 21 мая) 1944 г.: «... Ахматова предложила Пастернаку отвлечься от «нового реализма» и написать «фауста» XX века, нового «фауста». Пастернак с интересом выслушал ее доводы и сказал:

– Хорошо, Анна Андреевна, непременно переведу!

– Вы меня не так поняли, – возразила Ахматова. – Не перевести, а написать заново!

– Я вас прекрасно понял, – настаивал Пастернак. – Непременно переведу!

Кто знает, не будь этого разговора, не было бы и пастернаковского перевода «фауста». Исследователи находят в нем такие слова, как «барак», «зона»

В 1945-м ... Ахматова написала загадочный отрывок «И очертанья «фауста» вдали». Город «очертаний «фауста» похож на Марбург, где Пастернак учился философии перед Первой мировой войной со всеми ее бедами, злодействами и смертоубийством» (Берестов В. Мне иногда не верилось в свое счастье: захочу и приду к Ахматовой // «Вечерний клуб». М. 1996. 5 марта). И были трубы, зазывая смерть... – По-видимому, в основе образа лежит восприятие Ахматовой музыки Ш. Гуно к опере «фауст» (1858).

108 «Меня, как реку...» Впервые – газ. «Литературная Россия». 1964. 24 января. С. 15, под загл. «Из Ленинградских элегий», без посвящения, без строк 14–20 и 27–36, дата – 1944, варианты пунктуации; «Бег времени». С. 445–446, под загл. «Третья» с датой – Ленинград, 1944, в цикле «Северные элегии», без строк 28–38 (от «Но иногда весенний шалый ветер...» до «Морщинкой...»), вместо которых – строка точек). Эти строки впервые опубликованы в разд. «Другие редакции и

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat варианты» по рукописи «Нечет» (РНБ) в БП. С. 425. В «Беге времени» строки 2: «Суrowая эпоха повернула»; 11: «И сколько очертаний городов», 15: «И сколько я стихов не написала», 40: «Но если бы откуда-то взглянула», 42: «Узнала бы я зависть наконец». В рукописи кн. «Нечет» – без строк 19–21, которые есть в кн. «Бег времени». Варианты строк:

18: Меня замучит... 26: Я сделала, что можно...

В БП. С. 331, под загл. «Третья», с датой – 2 сентября 1945. Ленинград, по тексту «Бега времени». Печ. по машинописному автографу из собрания Натана Львовича Готхарта (США). Эпиграф – по рукописи кн. «Нечет» (РНБ). Не сохраняем загл. «Третья», «Четвертая», «Пятая», под которыми печаталась элегия в 1965–1990-е гг., поскольку они обозначают лишь порядковое место элегии в цикле «Ленинградские элегии», «Северные элегии». В РТ 108, л. 9 об. (РГАЛИ) записан вариант пропущенных в «Беге времени» строк 28–38 и 40–42:

Но иногда весенний шалый ветер Иль сочетанье слов в случайной книге Или улыбка чья-то – вдруг потянут Меня в несостоявшуюся жизнь. И предо мной неумолимо ясно События другие восстают.

Но если бы оттуда поглядела Я на свою теперешнюю жизнь, Я б умерла от зависти... Эпиграф – строки стихотворения Ф.И. Тютчева «Цице-рон». Посвящено Нине Антоновне Ольшевской (1908–1991), другу Ахматовой, актрисе Театра Красной Армии, жене писателя и драматурга Виктора Ефимовича Ардова (1900–1976). В их доме в Москве часто и подолгу жила Ахматова. Мое законнейшее имя носит... – Очевидно, вторая жена Н.С. Гумилева, Анна Николаевна Гумилева (урожд. Энгельгардт, 1895–1942): только брак Ахматовой с Гумилевым был освящен венчанием в церкви, т.е. был «законнейшим». Оставивши мне кличку... – Имеется в виду псевдоним «Ахматова». 110 Памяти друга. Впервые – журн. «Ленинград». 1946. № 1–2. С. 13, из двух строк, дата – 1945, разночтения в пунктуации; «Избранные стихи». М.: «Правда», 1946. Б-ка «Огонек», № 23; «Стихотворения», 1958. С. 72; «Стихотворения», 1961. С. 213; «Бег времени». С. 347. Включалось в рукописи сб. «Слава миру!», «Нечет». В списке Н.Л. Дилакторской дата – 8 ноября 1945 г., в записях под диктовку Ахматовой – 8 ноября 1945 г. (ночь). Печ. по кн. «Стихотворения», 1958. Дата – по материалам НЛ. Ди-лакторской.

В одном из автографов этого стихотворения проставлено посвящение СБ.Р. – т.е. памяти Сергея Борисовича Рудакова (1909–1944), литературоведа и поэта, младшего друга О.Э. Мандельштама в годы пребывания того в ссылке в Во-ронеже. Узнав в мае 1944 г. от Э.Г. Герштейн о гибели СБ. Рудакова на фронте, Ахматова и Н.Я. Мандельштам послали из Ташкента в Свердловск телеграмму соболезнования его вдове Л.С. Финкельштейн: «Лина Самойловна, никогда не забудем дорогого Сергея Борисовича. – Надежда Мандельштам, Анна Ахматова». СБ. Рудаков в предвоенные годы был «хранителем» рукописей О.Э. Мандельштама, по предложению Ахматовой начал заниматься творчеством Н. Гумилева. Он писал работы о поэтике, стихосложении, творчестве Пушкина. В начале войны был призван в армию, воевал, получил ранение, затем за должностное преступление арестован в 1943 г., по его просьбе отправлен в штрафной батальон и по-гиб в первом же бою. Автограф стихотворения Ахматовой с посвящением СБ.Р. подарен ею вдове в 1945-м или 1946 г., – см. об этом в кн: Герштейн Э.Г. «Мемуары» (СПб., 1998. С. 76). Однако текст печатался всегда без этого посвящения – либо потому, что в последующие годы отношения с Л.С. Финкельштейн-Рудаковой сильно осложнились из-за ее неблагоприятного поведения в отношении архивов Мандельштама и Гумилева (продажа рукописей, невозвращения их и пр.), либо потому, что посвящение «Памяти друга» для Ахматовой было значительно шире, чем адресация памяти одного человека: в блокадном Ленинграде и на фронте погибло немало друзей Ахматовой.

И в День Победы – 9 мая 1945 г.

111 «Как у облака на краю...» Впервые – журн. «Ленинград». 1946. № 3–4. С. 10, в цикле «Пять стихотворений из цикла «Любовь», с эпиграфом: «Пять роз, обрубленных стеблем. Инн. Анненский»; «Избранные стихи». М.: «Правда», 1946. Б-ка «Огонек», № 23, под № 1 в цикле из пяти стихотворений «Cinq»; то же – «Стихотворения», 1958. С. 85, где дан подстрочный перевод загл. цикла: «Cinq» – пять (и т а л.), без эпиграфа, дата – 1945–1946 – ко всему циклу; «Стихотворения», 1961. С. 245–246, с эпиграфом, относящимся ко всему циклу и данным по-русски: «Как ты ему верна, тебе он будет верен // И не изменит до конца». Бодлер (стихотворный перевод Ахматовой); «Бег времени». С. 378–379 – под № 1 в цикле «Cinq», дата после текста – 26 ноября 1945 г. (точную датировку имеют все пять стихотворений цикла). Эпиграф ко всему циклу по-французски: «Autant qui toi sans doute, il te sera fidele, / / Et constant jusques a la mort. Baudelaire» – из стихотворения Ш. Бодлера «Мученица» («Une Martyre»). В некоторых планах неосуществленных сборников цикл имел название «Пятерница». Эпиграф в журн. «Ленинград» из стихотворения И.Ф. Анненского «Дальние руки». В списке Н.Л. Дилакторской под диктовку Ахматовой строка 11: «Только дверь что ты

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
приоткрыл». В рукописи кн. «Нечет» (РНБ) имеются еще две строки, по-видимому,
вместо 11–12:

Как зову и не дозовусь.

А со мной только мрак и Русь.

И эпиграф из стихотворения О.Э. Мандельштама «Мастерица виноватых взоров...»: «За тебя косою воды напьюсь. Ом.» (неточная цитата). Печ. по кн. «Бег времени».

В цикл «Cinq» входили стихотворения: 1. «Как у облака на краю...»; 2. «Истлевают звуки в эфире...»; 3. «Яне любила с давних пор...»; 4. «Знаешь сам, что не стану славить...»; 5. «Не дышали мы сонными маками...».

Цикл обращен к сэру Исайе Берлину (1909–1997), английскому литературоведу и дипломату, в будущем – профессору Оксфордского университета и лорду, находившемуся в 1945 г. в СССР с дипломатической миссией, целью которой было изучение настроений российской интеллигенции, в частности писателей.

Результатом его общения с писателями и деятелями искусства в Москве был подробный доклад Мини-стерству иностранных дел Великобритании (Форин Оффис), в котором самым благожелательным образом он отозвался о писателях старшего поколения, в частности о Пастернаке и Ахматовой (см. публикацию части этого доклада «Литература и искусство в РСФСР». – «Независимая газета», прилож. «Ку-лиса» № 2. Декабрь 1997. С. 4–5, публикация Н.В. Королевой, пер. Г.П. Андреевой). О своем знакомстве с Ахматовой в декабре 1945 – январе 1946 г. И. Берлин написал в воспоминаниях «Встречи с русскими писателями в 1945 и 1956 гг.» («Meetings with Russian Writers in 1945 and 1956» в кн.: Berlin. Personal impressions. Oxford, 1982. Рус. пер. см. в кн.: Н а й м а н А. Г. «Рассказы о Анне Ахматовой». С. 267–292).

112 «Истлевают звуки в эфире...» Впервые – журн. «Ленинград». 1946. № 3–4. С. 10, под № 2 в цикле под названием: «Пять стихотворений из цикла «Любовь». В дальнейшем название цикла «Cinq» (см. коммент. к предыдущему стихотворению). Печ. по кн. «Бег времени», С. 378–379.

Из «я не любила с давних дней...» Впервые – журн. «Ленинград». 1946. № 3–4. С. 10, под № 3 в цикле «Пять стихотворений из цикла «Любовь»; строка 4: «Иду как с песней в теле». В дальнейшем название цикла «Cinq» (см. коммент. к стихотворению «Как у облака на краю...»). Печ. по кн. «Бег времени», С. 379–380.

114 «Кого когда – то называли люди...» Впервые строки 5–11 в кн. V e g h e u 1 K. The Theme of Time in the Poetry of Anna Akhmatova. The Hague – Paris: Mouton 1971. P. 159. Полный текст – Eng-Liedmeier, Verheul. P. 53. Обе публикации с неточностями; поправки в статье М.Б. Мейлаха – журн. «Russian Literature». № 7–8. 1974. С. 211; Чуковская Л.К. «Записки об Анне Ахматовой». Т. 2. Париж, 1980. С. 498–499; БП. С. 411, в разд. «Другие редакции и варианты» как «другая редакция» к четверостишию «Ржавеет золото и истлевет сталь...» (БП. С. 226). Вариант строки 11: «И с запахом бессмертных роз». После-днее четверостишие впервые – журн. «Новый мир». 1963. № 1. С. 65, в подборке «два четверостишия» (2. «О своем я уже не заплачу...»), с датой – 1945; «Бег времени». С. 362, с датой – 1945.

По свидетельству Л.К. Чуковской, стихотворение было забыто Ахматовой и восстановлено в 1956 г.; 28 января 1956 г. Ахматова читала его Л.К. Чуковской без первой строфы (Ч у к о в с к а я, 2. С. 182–183). Автографы полной редакции – РГАЛИ, РНБ. Варианты строки 11: «священных роз» (РНБ, рукопись кн. «Нечет», опубликовано БО 1. С. 303), «бессмертных роз» (РГАЛИ, БП. С. 411).

В РТ 104, л. 31 (РГАЛИ) под загл. «Отрывок» – последнее четверостишие («Ржавеет золото и истлевет сталь...»), с датой – 40-е годы. Фонтанный Дом. В перечне РНБ – помета: «После всего», что, возможно, означает желание Ахматовой завершить книгу этим стихотворением. Печ. по списку в со-брании Л.К. Чуковской. Л.К. Чуковская настаивала на том, что именно эпитет «блаженных роз» следует считать истин-ной творческой волей автора: «... я настаиваю, что эпитет к ро-зам – «блаженные», а не «бессмертные»: стихотворение утверждает бренность, смертность, тленность всего на свете, кроме печали и слова. Розы блаженны, но не бессмертны» (там же. С. 184). Оба эти эпитета, по мнению Л.К. Чуковской, восходят к стихотворению О. Мандельштама «В Петербурге мы сойдемся снова...» – «И бессмертных роз огромный во-рох...», «И блаженных жен родные руки...».

Евангельский сюжет о распятии Иисуса Христа в тексте Ахматовой близок к трактовке его М.А. Булгаковым в романе «Мастер и Маргарита».

Ржавеет золото и истлевет сталь... – Ср. строки Псалма 11 царя Давида в книге «Псалтирь»: «Слова Господ-ни – слова чистые, серебро, очищенное от земли в горниле, семь раз переплавленное...» Всею прочнее на земле печаль... – Ср. со строками Ахматовой из стихотворения «Майский снег» (1916): «Во мне печаль, которой царь Давид // По-царски одарил тысячелетья» (см. коммент. в т. 1. С. 820), а также в книге «Псалтирь», псалом 6. 8: «Иссохло от печали око мое,

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
ответшало от всех врагов моих...»; псалом 30.11: «Истощи-лась в печали жизнь моя
и лета мои в стенаниях ...» И дол-говечней – царственное Слово. – Ср. у Н.
Гумилева: «И в Евангелии от Иоанна / / Сказано, что Слово – это Бог». Глава I
Евангелия от Иоанна начинается словами: «В начале было Слово, и Слово было у
Бога, и Слово было Бог.». См. так-же кн. «Псалтирь» псалом 32.6: «Словом Господе
сотворены небеса, и духом уст Его – все воинство их».

115 «На стеклах нарастает лед...» Впервые – БП. С. 313, публикация В.М.
Жирмунского по автографу РГАЛИ, без даты. В РТ 104, л. 12 об. (РГАЛИ) – автограф
с да-той – фонтанный дом, 1945. Варианты строк:
6: «Не пропускай беду?!» 8: кто прячется в саду?
В РТ 113, л. 28 (РГАЛИ) – автограф окончательной редакции, без даты. Печ. по
автографу РТ ИЗ, дата – по автографу РТ 104.

116 «Это рысьи глаза твои, Азия...» Впервые – журн. «Новый мир». 1965. № 1. С.
89, как первое из трех стихотворений под общим загл. «Из цикла «Ташкентские
стра-ницы»; «Бег времени». С. 355, дата – 1945. В рукописи кн. «Нечет» (РНБ)
имеет другое начало: дописаны первые две строки, и строфа приобрела «законченный
вид», утратив характер фрагмента:
Не блистательная фантазия – лепесток, утонувший в вине... Это рысьи глаза твои,
Азия, Что-то высмотрели во мне.
Вариант в кн. «Нечет», по-видимому, не может считаться последней авторской
волей, потому что во всех планах стихот-ворных книг Ахматова называла это
стихотворение только стро-кой: «Это рысьи глаза твои, Азия...», возможно, из-за
ее нео-быкновенной поэтической выразительности. Печ. по кн. «Бег времени».

117 «Знаешь сам, что не стану славить...» Впер-вые – журн. «Ленинград». 1946. №
3–4. С. 10, в цикле «Пять стихотворений из цикла «Любовь». В дальнейшем
на-звание цикла «Cinque» (см. коммент. к стихотворению «Как у облака на
краю...»). Печ. по кн. «Бег времени». С. 380. Обращено к И. Берлину.
Посвященье сожженной драмы... – В рукописи кн. «Не-чет» строка читалась:
«Посвященье ташкентской драмы». Речь, по-видимому, идет о написанной в Ташкенте
драме «Энума элиш» (1942–1943), текст которой Ахматова, по ее собствен-ному
свидетельству, сожгла 11 июня 1944 г. в фонтанном доме. М.М. Кралин оспаривает
эту дату, так как именно в этот день Ахматова выступала в г. Пушкине на
праздновании пушкинской годовщины; кроме того, в это время Ахматова жила не в
фон-танном доме, а на Кутузовской набережной у Рыбаковых. Из-вестно также, что
позже этой даты она читала пьесу несколько раз ленинградским друзьям – С.К.
Островской, с которой по-знакомилась 21 сентября 1944 г., В.Г. Адмони и Т.И.
Сильман (БО 2. С. 385). По мнению М.М. Кралина, стихотворение «Знаешь сам, что
не стану славить...» и ранняя редакция пьесы «Энума элиш» связаны не с И.
Берлином, а с В.Г. Гарши-ньгм. Существует и другая точка зрения – Л.А. Зыков
связы-вает стихи Ахматовой «Cinque» и «Из сожженной тетради» с Н.Н. Луниным
(см.: «Звезда». 1995. № 1).

Однако дата – 6 января 1946 г. –указывает на вто-рую прощальную встречу именно с
И. Берлином перед его отъездом в Англию в январе 1946 г. Восстанавливая текст
унич-тоженной драмы в 1960-е годы, Ахматова также ввела в него сюжет встречи с
И. Берлином. Посвящение Берлину было написано – это «Третье и последнее
посвящение «Поэмы без героя» с датой 5 января 1956 г., т.е. в десятилетнюю
годовщи-ну их второго свидания.

118 «Не дышали мы сонными маками...» Впер-вые – журн. «Ленинград». 1946. № 3–4.
С. 10, в цикле «Пять стихотворений из цикла «Любовь». Вариант строки 5: «И какое
зловещее зарево». В дальнейшем названии цикла «Cinque» (см. коммент. к
стихотворению «Как у облака на краю...»). Печ. по кн. «Бег времени». С. 380–381.
В авто-графе кн. «Нечет» (РНБ) была последняя строфа, зачеркнутая автором:
И над этой недоброй забавою Веял ветер пречистых полей И всходило налитое славою
Солнце Родины грозной моей.
Так же, как стихотворения «Как у облака на краю...», эта строфа, по-видимому,
должна была вывести лирическую тему встречи с героем на уровень гражданской,
государствен-ной ситуации, как это реально и было: несанкционированные встречи с
иностранцами, тем более близкие с ними отношения, карались в то время как
государственный проступок антипатри-отического характера. Любопытно, что
собеседник Ахматовой дипломат И. Берлин понимал это: в докладе в Форин Оф-фис,
написанном в 1945 г., он сообщал: «Считается, что писа-тели должны находиться
под особым наблюдением, так как имеют дело с опасной областью идей, и поэтому их
надо огра-дить от индивидуальных контактов с иностранцами более тща-тельно, чем
других, менее интеллектуальных профессионалов, таких, как актеры, танцоры и
музыканты, которых считают менее восприимчивыми к идеям и более защищенными от
раз-лагающего влияния заграницы. Это разделение, намеченное службами
безопасности, кажется правильным, так как только в разговорах с писателями и их
друзьями иностранные гости (например, автор этой записки) могли встретить

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
настоящее понимание, отличающееся от поверхностного впечатления, работы советской системы в сфере частной и художественной жизни, – другие представители творческой среды избегали касаться этой темы, одно обсуждение которой было опасным. Ставшие известными контакты с иностранцами не всегда влекли за собой немилость и преследования (хотя обычно это приводило на изолированные допросы в НКВД), но наиболее боязливые из писателей и, в особенности, те, которые не имели хорошо защищенной своей позиции и стали выразителями партийной линии, уклонялись от открытых индивидуальных встреч с иностранцами, даже с коммунистами и сочувствующими, вполне лояльными, приезжающими на официально устроенные Советами встречи». (Б е р л и н И. Записка о литературе и искусстве в РСФСР для Британского Министерства иностранных дел. 1945. Оригинал хранится в Британском государственном архиве, ф. РО 371/56725 № 1811/24/38. Копия предоставлена Н.В. Королевой для публикации сэром И. Берлином и инспектором Ее Величества канцелярского отдела Британского государственного архива госпожой Энн Кроуфорд; пер. Г. Андреевой). По-видимому, любовь к стихам Ахматовой, интерес к живому классику русской литературы и неожиданность предложения ленинградского литературоведа В.Н. Орлова посетить Ахматову заставили дипломата забыть об осторожности. К тому же он был убежден в «защитности» Ахматовой перед лицом советского государства ее великим талантом. Постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград» (а именно в журнале «Ленинград» были напечатаны стихотворения «Сinque») обрушилось на Ахматову непосредственно вслед за этим «недозволенным» контактом.

В записях Н.Л. Дилакторской стихотворение имеет дату – январь 1944. По мнению М.М. Кралина, из этого следует, что оно написано в Ташкенте и, возможно, первоначально относилось к В.Г. Гаршину, а затем, после разрыва с ним, было «перепосвящено» И. Берлину. Полагаем, что дата 1944 г. – ошибка Дилакторской. Если принять дату январь 1944 г. как достоверную, то можно предположить первоначальную адресацию и кому-либо из ташкентских знакомых Ахматовой – А.Ф. Козловскому, например. Однако последняя авторская воля, безусловно, выражена в составлении цикла «Сinque», а точные даты под каждым из пяти стихотворений ясно указывают на время общения именно с И. Берлином.

119 «Иувидел месяц лукавый...» Впервые – журн. «Литературная Грузия». 1967. № 5. С. 65, с датой – 1946, публикация Л.К. Чуковской; в БП. С. 296–297 по рукописи кн. «Нечет» (РНБ), публикация В.М. Жирмунского. Печ. по рукописи кн. «Нечет». В БО 1. С. 270, включено М.М. Кралиным в цикл «Шиповник цветет. Из сожженной тетради» в соответствии с некоторыми авторскими планами кн. «Бег времени» (РГАЛИ, РНБ), где цикл назывался «Стихи из сожженной тетради». В автографе РГАЛИ дата – 1946. лето. Фонтанный Дом. Посвящено встрече с И. Берлином, по содержанию и времени написания примыкает к циклу «Сinque».

Л.А. Зыков в статье «Николай Пунин – адресат и героиня лирики Ахматовой» (журн. «Звезда». 1995. № 1) связывает это стихотворение с именем Н.Н. Лунина, полагая, что строки «Как свою смертную славу / Я меняла на вечер тот» относятся к встрече с Луниным в 1922 г., к первым годам их любви, когда Ахматова почти полностью перестала писать стихи, – «она говорит, что это от меня...», – записывает Пунин в дневнике (С. 89). По мнению Л.А. Зыкова, тщательно изучившего дневники Н.Н. Лунина и его переписку с Ахматовой, «пунинский след» в поэзии Ахматовой чрезвычайно значителен и до сих пор не выявлен и недооценен исследователями. Точные даты, представленные Ахматовой под стихами цикла «Сinque» и примыкающими к нему, представляются Л. А. Зыкову авторской мистификацией, нужной Ахматовой, «чтобы скрыть истинного адресата или адресатов своей поэзии». «Какое впечатление должен был произвести Берлин за несколько часов разговора на немолодую и повидавшую немало блистательных людей Ахматову, чтобы остаток жизни после встречи с ним она думала и писала только о нем?» – задает исследователь риторический вопрос и отвечает на него: для поэта это была сложная игра, при которой собирательный образ героя-возлюбленного-англичанина вбирал в себя черты многих возлюбленных, разнообразный жизненный опыт, который не мог быть проверен или опровергнут современниками из-за «закрытости» внешнего мира для России, из-за «железного занавеса».

«Путеводные» даты, намеки, наложение одних событий жизни на другие, некоторые прямые указания Ахматовой – все это носит у нее характер тонкой и упрямой игры, в которой она не без азарта переигрывает множество находящихся возле нее друзей – ее биографов и литературоведов» (С. 101). «Нужно признать, что мистификация Ахматовой удалась блестяще, репутация Берлина как основного героя поэзии последних десятилетий ее жизни получила всеобщее признание. Кажется, Берлину пришлось даже ставить этому некоторые границы: если молва права, то он отказался узнавать себя в героическом «Прологе» ...» (там же).

120 Во сне. Впервые – «Стихотворения», 1958. С. 57, без загл., под № 2 в цикле

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
из трех стихотворений (1. «И время прочь, и пространство прочь...», 3. «И сердце
то уже не отзовется...»). Дата после третьего стихотворения, относящаяся ко
всему циклу, – 1946. Вариант строки 7: «Толь-ко б ты весеннею порою».
Окончательный текст – «Стихот-ворения», 1961. С. 267; «Бегвремени». С. 383–384,
дата – 1946, под № 3 в цикле «Шиповник цветет. Из сожженной тетради». Печ. по
кн. «Стихотворения», 1961. Дата – 1946. 15 февраля – в рукописи кн. «Нечет»
(РНБ), где сти-хотворение не имеет заглавия и начинается зачеркнутой позже
строфой:

Мы с тобою, друг мой, ие разделим То, что разделить велел нам Бог. Мы с тобою
скатерть не расстелем, Не поставим на нее пирог.

По мнению современных исследователей, «в основу цик-ла «Шиповник цветет» легли
две темы: разлуки – в 1946 г. и «невстречи» через 10 лет – в 1956 г. – с Исайей
Бер-лином» (БО 1. С. 419). Однако публикация этого стихот-ворения в книге 1958
г. в цикле из трех стихотворений, из которых последнее совершенно определенно
посвящено Н.Н. Лунину и написано в 1953-м, а не в 1946 г., при изве-стии о его
смерти в лагере Абезь, – позволяет связать и ос-тальные два стихотворения этого
цикла с образом Лунина – или, по крайней мере, отказаться от адресации
стихотворения «Во сне» только И. Берлину. Загл. «Во сне» стихотворение получило
при организации цикла «Сожженная тетрадь» (2. «Наяву»).

121 Вторая годовщина. Впервые – газ. «Вечерний Ленинград». 1946.4 июля, в статье
А. Максимова «Разговор с поэтом», под загл. «Возвращение на родину»;
«Стихотворе-ния», 1958. С. 73, загл. «Вторая годовщина» с датой – 1 июня 1946,
Ленинград. Отделена первая строфа, далее разбивки на строфы нет; окончательный
текст – «Стихотворения», 1961. С. 249–250; то же – «Бег времени». С. 371, дата –
Ле-нинград, 1946. В рукописи кн. «Нечет» (РНБ) под первона-
чальным загл. «Вторая годовщина» вписано готическим шриф-том от руки: «Heimkehr»
(«Возвращение на родину» – нем.). «Hamkehr» – название одного из циклов «Книги
песен» Г. Гей-не. В другом варианте рукописи «Нечет» – подзагол. «Про-стые
рифмы» и ряд точек после 1-й строфы, дата – 31 мая 1946. Фонтанный Дом (см. БО
1. С. 229, где впервые вос-произведен этот вариант). В одном из автографов имело
назва-ние «Последние слезы». Печ. по кн. «Стихотворения», 1961. Дата – по кн.
«Стихотворения», 1958.

Вторая годовщина – по-видимому, встречи с В.Г.Гар-шиным на Московском вокзале в
Ленинграде 1 июня 1944 г., положившей начало их разрыву (см. строку «Обиды и
разлу-ки боль...»). Об этом вспоминает свидетель их встречи В.Г. Адмони: «В
поезде мы проговорили до глубокой ночи. Ведь мы не виделись больше полугода.
Первое, что нам сказа-ла Ахматова, было: «Я еду к мужу!» ... В Ленинград по-езд
приходил часов в одиннадцать утра. Мы знали, что Ахма-тову будет встречать
Гаршин. И действительно, когда мы выш-ли из вагона, на перроне стоял человек,
типично профессорского вида (я редко видел людей, о которых с такой
определеннос-тью можно было сказать, что это профессор в старом, как бы
петербургском смысле этого слова). Он подошел к Ахматовой, поцеловал ей руку и
сказал: «Аня, нам надо поговорить». Они стали, разговаривая, ходить по перрону.
Мы поняли, что уйти нам нельзя. Ходили они не очень долго, минут пять или
во-семь. Потом остановились, Гаршин опять поцеловал Ахмато-вой руку, повернулся
и ушел. Мы почувствовали, что он ухо-дит, окончательно вычеркивая себя из жизни
Ахматовой.

Ахматова подошла к нам. Она сказала совершенно спо-койно, ровным голосом: «Все
изменилось. Я еду к Рыбако-вым». ... Я побежал искать случайную машину. Вскоре
нашел левака (тогда, впрочем, этого слова, кажется, еще не было). Я привел его
на перрон, чтобы он помог нести вещи. Когда мы подошли к Ахматовой и Тамаре
(Т.И. Сильман, жене Адмони. – Н.К.), они оживленно о чем-то говорили и
продол-жили разговор, идя к машине. Разговор был об английской по-эзии, если я
верно помню, о поэтах ирландского Возрождения. Шофер уложил вещи, мы уселись,
поехали. По дороге говорили о тех улицах, по которым проезжали, отмечали
изменения в об-лике Ленинграда. Ахматова пристально смотрела на город, была, как
всегда, необычайно точна и метка в своих словах.

Все время, когда мы ехали, меня мучила мысль: знают ли Рыбаковы, что к ним едет
Ахматова. Потому что сами мы были в Ленинграде тогда бездомны, должны были
искать при-станище у друзей, – не знали бы, где приютить Ахматову»
(«Воспоминания». С. 342–343). Твоя страдальческая тень... – Цитата из главы 6
«Евгения Онегина» А.С. Пуш-кина (строфа XXXVII), где эти слова обращены к
убитому на дуэли ленскому: «Его страдальческая тень, / / Быть мо-жет, унесла с
собой // Святую тайну...»).

122 Памяти Александра Блока. Впервые – «Сти-хотворения», 1958. С. 60, под загл.
«Памяти Александра Блока». В кн. «Стихотворения», 1961. С. 230–231 – без загл.,
включено под № 3 в цикл «Три стихотворения», посвя-щенный Блоку, но посвящение
Блоку не указано (1. «Пора забыть верблюжий этот гам...», 2 «И в памяти черной

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
поша-рив, найдешь...»); то же – в рукописи кн. «Нечет». В кн. «Бег времени». С.
426–427 – цикл имеет дату – 1944–1960. Дата – 7 июня 1946 – в рукописи кн.
«Не-чет» (РНБ). Печ. по кн. «Стихотворения», 1958. Дата – по рукописи кн.
«Нечет».

Он прав – опять фонарь, аптека... – Цитата из стихотворения Блока «Ночь, улица,
фонарь, аптека...». Когда он Пушкинскому Дому... – «Пушкинскому Дому»-
последнее стихотворение Блока (1921). И принял смертную истому... – Вместе с
ближайшими друзьями поэта Ахматова была в квартире Блока в день его смерти,
присутствовала на отпевании в церкви и на похоронах на Смоленском кладбище. В
1946 г. исполнилось 25 лет со дня смерти Блока. 7 августа 1946 г. Ахматова
читала стихотворение на торжественном ве-чере в Большом Драматическом театре им.
Горького (БДТ), посвященном этой годовщине.

123 Наяву. Впервые – «Стихотворения», 1958. С. 57, под № 1 в цикле из трех
стихотворений, без загл., с датой – 1946 (2. «Черную и прочную разлуку...», 3.
«И сердце то уже не отзовется...»). Графически разделено натри части: строки
1–2, 3–6, 7–8; «Стихотворения», 1961. С. 266–267 – под № 1, загл. «Наяву», в
цикле из восьми стихотворений «Шиповникцветет». Эпиграф ко всему циклу:
Несказанные речи я больше не твержу, Но в память той не встречи шиповник посажу.
Даты после восьмого стихотворения ко всему циклу – 1946–1956. В составе цикла:
2. Во сне, 3. Сон («Был ве-щим этот сон или не вещим...»), 4. « По той дороге,
где Дон-ской...», 5. Без названия («Таинственной не встречи...»), 6. Лирическое
отступление («Я его приняла случайно...») с эпи-графом «Раз в крещенский
вечерок...», 7. Воспоминание («Ты выдумал меня...»), 8. Эпилог («Пусть кто-то
еще отдыхает на юге...») с эпиграфом из И. Анненского «Ты опять со мной,
подруга осень!»); «Бег времени». С. 383, под № 2 в цикле «Шиповник цветет. Из
сожженной тетради» (из 13 стихот-ворений + вступление). Дата –1946. Полная дата
–13 июня 1946 – в рукописи кн. «Нечет» (РНБ), где стихотворение без загл.
записано вслед за циклом «Cinq». Печ. по кн. «Сти-хотворения», 1961. Дата – по
рукописи кн. «Нечет».

Обращено к И. Берлину, с которым Ахматова познако-милась в ноябре 1945 г. Вместе
с тем включение этого стихот-ворения в цикл из трех стихотворений (в книге 1958
г.), после-днее из которых посвящено памяти Н.Н. Лунина, позволяет увидеть в
тексте и «пунинскую тему», – в частности, строка «И сигары синий дымок» может
относиться как к Берлину, так и к Лунину.

Надпись на портрете. Впервые – «Стихотво-рения», 1961. С. 251, из двух строф,
посвящение Т. В-ой, дата – 1946; «Бег времени». С. 373, без разделения на
строфы, дата – 1946. Полная дата в автографе, воспроиз-веденном в кн.:
Вечесловат. О том, что дорого. Л., 1984. Печ. по кн. «Бег времени». Дата – по
автографу Т.М. Вечесловой. Восьмистишие Ахматовой было записано на двух
фотокарточках Т.М. Вечесловой – на официальном фотопортрете 1942 г. – открытке,
выпущенной тиражом 3000 экз.; с подписью под изображением: «Т.М. Вечесло-ва,
засл. арт. РСФСР, орденоносец. Гос. ордена Ленина акад. театр оперы и балета им.
Кирова» – и на фотокарточке обна-женной балерины (текст располагался на груди).
В последние годы жизни Т.М. Вечеслова охотно дарила копию последней фотокарточки
с автографом Ахматовой своим друзьям. В авто-графе вариант строки 5: «От такой и
погибали люди».

Вечеслова Татьяна Михайловна (1910–1990) – бале-рина, солистка Ленинградского
государственного академичес-кого театра оперы и балета имени СМ. Кирова (ныне –
Мариинский театр), была знакома с Ахматовой, по-видимому, с 1944 г. В личном
собрании Вечесловой имелся сборник сти-хотворений Ахматовой 1940 г. «Из шести
книг» со вписанными рукой Ахматовой под каждым стихотворением датами и ме-стом
написания; Ахматова подарила ей сигнальный экземпляр издания «Стихотворения»,
1946 г., тираж которого был унич-тожен после постановления о журналах «Звезда» и
«Ленинг-рад». В воспоминаниях Вечесловой «Об Анне Ахматовой» со-держатся
сведения о посещении Ахматовой балетного спектак-ля «Дон Кихот», в котором
Вечеслова танцевала партию Китри. «Таня! Вы жар-птица! – сказала Анна Андреевна.
Я видела, что она была взволнована. Как много своего, ахма-товского, вложила она
в это слово! ... Анна Андреевна си-дела помолодевшая, повеселевшая и говорила о
том, как пре-красен наш голубой театр, какое счастье, наверное, танцевать в нем.
Часто в тот вечер она повторяла: «Вы жар-птица» («Вос-поминания». С. 462–463).
«Жар-птица» И.Ф. Стравинс-кого – дягилевский балет в постановке М.М. Фокина,
кото-рый Ахматова видела в Париже в Театре Елисейских полей («20 июня 1910 года
была поставлена «Жар-птица», – писа-ла Ахматова в очерке «Амадео Модильяни»).
Знакомство с Вечесловой повлияло на образ героини «По-эмы без героя», которая в
первой редакции сохраняла черты О.А. Глебовой-Судейкиной, но в более поздних
переделках поэмы в балетное либретто обрела черты «полу-Ольги, полу-Т.
Вечесловой», по собственному признанию Ахматовой в од-ном из отрывков «Прозы о
поэме».

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
Дымное исчадье полнолуны... – Лунная ночь – время действия многих балетов, в
которых танцевала Вечеслова: «Лебединое озеро», «Жизель» и пр. В ее книге «Я –
балерина» есть поэтические описания красоты лунной ночи: «На Селигере были
сказочные и таинственные места. Были там тихие заводы, где вода стояла
неподвижно, вся скрытая под ковром огромных белых кувшинок. Вечерами они,
волшебнo белея, словно светились под луной (в памяти невольно возникал вто-рой
акт балета «Жизель»)» (Л.; М., 1966. С. 112). За та-кой Чингиз послал посла... –
Возможно, образ навеян ис-полнением Вечесловой роли китаянки Тао Хоа в балете Р.
Гли-эра «Красный мак» (с 1929 г., спектакль возобновлен в конце 1940-х годов). В
исполнении Вечесловой особенно запомни-лись зрителям и запечатлены
фотокорреспондентами танец с веерами и танец «Птицы» – сон Тао Хоа, в котором
она видит сказочных птиц с большими крыльями-рукавами (фото-архив Театра им. СМ.
Кирова, СПб.). Можно предполо-жить, что впечатления от китайских танцев в
исполнении Ве-чесловой и от фотографий соответствующих балетных сцен
со-единились с недавними воспоминаниями Ахматовой из ташкентской жизни – времени
ее общения с писателем В.Г. Яном, закончившим свой роман «Чингисхан» (1939,
Го-сударственная премия СССР 1942), где неоднократно упо-минались китайские
танцовщицы: «На вечерних пирах Чин-гисхан слушал сказочников и певиц, певших
персидские и ки-тайские песни. Новые танцовщицы, только что прибывшие после двух
лет пути из китайской столицы, разодетые в золо-тистые шелковые одежды, бегали
по темно-лиловым афганс-ким коврам. Они показывали искусство танца, размахивая
длин-ными руками, подражая полету ширококрылых птиц, или, сви-ваясь клубками,
как змеи, разворачивались и кружились в хороводах» (Я н В.Г. Чингис-хан. Ч. 4,
гл. 1). В романе Яна имеется и мотив посылки посла: «Он (китайский посол, мудрец
Чан-Чун. – Н.К.) наотрез отказался ехать в караване вместе с прекрасными
дворцовыми певицами и танцовщица-ми, которых одновременно послали из Китая
Чингисхану» (гл. 3). И такая на кровавом блюде... – Имеется в виду библейский
сюжет о пляске падчерицы и племянницы Ирода, красавицы Саломеи, дочери его жены
Иродиады. Саломея, по наущению матери, ненавидевшей Иоанна Крестителя, в
на-граду за пляску потребовала его голову, которая и была препод-несена ей на
блюде (см. Евангелие от Марка, б. 17–28). Этот сюжет будет использован Ахматовой
еще раз в 1962 г. в стихотворении «Последняя роза». Ахматовой была известна и
повесть Поставы Флобера «Иродиада» (1877), и «Саломея» О. Уайльда, и ее
переделки для театра. В советские годы на сцене они были запрещены, Т. Вечеслова
не исполняла партию Саломеи. Однако, как и в случае сравнения ее с
«Жар-пти-цей», Ахматова, по-видимому, вспоминает балетные образы своей юности –
Т.П. Карсавину, например, исполнявшую «Танец семи покрывал» в «Бродячей собаке»,
и Иду Рубинштейн («Ида танцует «Танецсеми покрывал» – запись в РТ («За-писные
книжки». С. 437). Танец семи покрывал был частью балета-трагедии «Саломея» Ф.
Шмитта по мотивам поэмы Д'юмьера, хореография Б. Романова, художник С.
Судей-кин. «Пляске семи покрывал» было посвящено стихотворение М.Л. Лозинского
1909 г., которое, безусловно, было известно Ахматовой:

САЛОМЕЕ

О, пляши для меня, Саломея, О, пляши для меня – я устал, – Все редющим облаком
вея Сумасшедших твоих покрывал!

(Лозинский М. «Горныйключ». Стихи. Изд. 2-е. Пг. 1922. С. 56).

125 «Со шпаной в канавке...» Впервые – Eng-Liedmeier, Verheul. P. 55, с
неточностями. Поправка в статье М.Б. Мейлаха. – журн. «Russian Literature». №
7–8, 1974.

С. 211–213; Соч., 1986. С. 330, по автографу РНБ из трех строф. Строка 5: «Под
густым туманом». В списке кн. «Не-чет» включено в цикл «Трещотка прокаженного»
под № 8 (см. БО 1. С. 228). Несколько раз записано в рабочие тетра-ди РГАЛИ (РТ
110, 111, 114) – с иной строкой 5 и в иной графической форме. Дата – 1946. Август.
Фонтанный Дом. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 111, л. 47 об.).

С пленными на лавке... – Пленные немецкие солдаты и офицеры в 1945–1946 гг.
использовались в Ленинграде и Москве в основном как строители при восстановлении
раз-рушенных зданий. С батькой-атаманом // В петельке тугой... – В августе 1946
г. в Москве был приговорен к по-вешению белогвардейский атаман Григорий
Михайлович Се-менов (1890–1946), один из руководителей контр-революционного
движения в Забайкалье, захваченный советс-кими войсками в Маньчжурии в 1945 г.
Возможно, отражает душевное состояние поэта после постановления о журналах
«Звезда» и «Ленинград».

126 «Дорогою ценой и нежданной...» Впервые – альм. «День поэзии», М., 1973. С.
260, публикация Н.А. Жирмунской, дата – август 1946. Фонтанный Дом; тот же текст
– БП. С. 297, дата – 1946. Фонтанный Дом. Вариант строки 2: «Я узнала, что
помнишь и ждешь». В авторских планах кн. «Бег времени» входило в цикл «Ши-повник
цветет. Из со-щенной тетради» (см. БО 1. С. 270). В кн. «Бег времени» в цикле
отсутствует. В 1960-е годы неоднократно записывалось в рабочие тетради РГАЛИ: РТ

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
106, л. 27 об. – с датой – 1946. Фонтанный Дом, с вариантом строки 2: «Поняла,
что ты помнишь и ждешь». В строке 4 нет тире; РТ 114, л. 238 – с датой – 1946,
строка 2: «Поняла я, что помнишь и ждешь». На той же странице записаны
стихотворения 1946 г. «Со шпаной в ка-навке. . .», «И увидел месяц лукавый...»;
РТ 115, л. 12 об. – под загл. «Два четверостишия из цикла «Шиповник цветет».
Первое с датой – 1946. Фонтанный Дом. Август, строка 2: «Поняла я, что помнишь и
ждешь» (2. «И это будет для людей...»). Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114). Дата –
по РТ 115. Возможно, отражает душевное состояние поэта после постановления о
журналах «Звезда» и «Ленинград».
Примыкает к циклу «Cinq». По сообщению Л.К. Чу-ковской, входило в продолжение
этого цикла под загл. «Еще пять» (Ч у к о в с к а я, 3. С. 82–83) вместе со
стихотворениями «Как сияло там и пело...», «Не пугайся, – я еще похо-жей...»,
«Ты стихи мои требуешь прямо...» и «И увидел месяц лукавый...»). По-видимому,
обращено к И. Берлину.
127 «в каждом древе распятый Господь...» Впер-вые – ВРСХД. 1971. № 101–102. С.
230, с неточнос-тями; публикация НА. Струве; «Памяти Анны Ахматовой». С. 24,
публикация Л.К. Чуковской; БП. С. 226, публикация В.М. Жирмунского, по автографу
РГАЛИ. В некоторых планах и рукописях кн. «Бег времени» входило в цикл
«Вереница четверостиший». Исключено при редактировании руко-писи в 1964 г.
Ленинградским отделением издательства «Со-ветский писатель» (см. материалы Музея
А. Ахматовой «фон-танный Дом» из собрания М.И. Дикман). Печ. по автографу РГАЛИ
(РТ 114, л. 230).
128 «Дострадать до огня надлголиолг...» Впервые – журн. «Вопросы литературы».
1983. № 6. С. 174, публика-ция В.Я. Виленкина; БО 2. С. 90. В перечне стихов
1946 г. (РНБ) против этого названия или, скорее, первой строки ста-хотворения –
помета рукой Ахматовой: «Забыла». Печ. по автографу РНБ.
129 «и снова осень валит Тамерланом...» Впер-вые – «Бег времени». С. 431, из
восьми строк, без названия, без посвящения, дата – 1957; в Соч., 1986. С. 436,
В. А. Черных в комментариях приводит по автографу РГАЛИ иную вторую строфу,
которая следует перед третьей:
Здесь все тебе принадлежит по праву. Стеной стоят дремучие дожди. Отдай другим
игрушку мира – славу, Иди домой и ничего не жди.
В БО 1. С. 252, строфа «Здесь все тебе принадлежит по пра-ву. . .» введена в
основной текст как финальная (строки 9–12).
В рукописи кн. «Бег времени» – из восьми строк в со-ставе цикла из трех
стихотворений с посвящением-загл.: «Бо-рису Пастернаку» (2. «Умолк вчера
неповторимый голос...», № 3. «Словно дочка слепого Эдипа...»). Цикл составлен
пос-ле смерти Пастернака (30 мая 1960 г.), о которой Ахматова узнала, находясь в
Боткинской больнице.
Неоднократно упоминается в рабочих тетрадях РГАЛИ – в составе цикла из трех
стихотворений, под загл. «Памяти друга (Б. Пастернаку)», «Смерть поэта». Почти
всегда записано как восьмистишие. Строфа «Здесь все тебе при-надлежит по
праву...» содержится в РТ 96, л. И, где сти-хотворение из двенадцати строк имеет
посвящение Борису Па-стернаку (Б. П-ку) под № III в составе «Из цикла «Тайны
ремесла» (I. «Это – выжимки бессонниц...» с посвящением Владимиру Нарбуту, II.
«О, как пряно дыханье гвоз-дики...» – Осипу Мандельштаму, IV. Конец Де-мона). В
тексте имеется правка в строках 2: «В московских
переулках тишина» – исправлено на «В Арбатских переул-ках тишина», последняя
строфа (строки 9–12):
Так вот она последняя
и ярость
Стихает... все равно, что мир оглох. [Могучая] и близится Евангельская старость
И тот горчайший Гефсиманский вздох.
1947
Далее в той же тетради среди записей июня 1960 г. (пос-ле смерти Б.Л.
Пастернака) – черновые строки стихов на его смерть, а также начинающий
формироваться цикл: I. «Умолк вчера неповторимый голос...», П. «Словно дочка
слепого Эди-па...», III. «И снова осень валит Тамерланом...». Дата –1947, из
восьми строк, строка 2: «В московских переулках – тиши-на», исправлено: «В
арбатских переулках – тишина», 4: «До-рога непроезжая видна», 7: «Могучая
Евангельская старость». В РТ 103, л. 5 об. – 6 – под № I в цикле «Три
стихотво-рения» из восьми строк, с посвящением Б. Пастернаку. Чистой автограф,
в котором строки 2: «В арбатских переул-ках тишина», 4: «Дорога непроезжая
видна, – », 5: «Так вот она – последняя, и ярость», 7: «Могучая евангельская
ста-рость». Дата – 1947. Фонтанный Дом. Печ. по кн. «Бег времени», с
восстановлением прописных букв в строках 7–8 (Евангельская, Гефсиманский) по
автографам. Дата – по ав-тографам РГАЛИ.
Строфа «Здесь все тебе принадлежит по праву», не вошла в окончательный текст

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat стихотворения. В октябре 1965 г. Ахматова рассказывает Л.К. Чуковской о произволе редакторов в отношении цикла стихов Пастернаку, – цикл разрушен, «без спросу негодяи подменили даты» – поставили 1957 вместо 1947 (Ч у к о в с к а я, 3. С. 298). Однако сам текст стихотворения из восьми строк искажен не был. Таким же – из восьми строк – стихотворение существовало в памяти друзей Ахматовой в 1960-е годы. Финальная строка – «И тот горчайший Гефсиманский вздох» – воспринималась как пророчество Голгофы, на которую предстояло взойти Пастернаку в связи с романом «Доктор Живаго». «... гефсиманский вздох – это вздох перед Голгофой. ... Значит, она понимала его муче-ничество, и более чем понимала – предчувствовала» (Ч у к о в с к а я, 2. С. 406).

В 1960-е годы цикл «Борису Пастернаку» входил под № 7 в обширный цикл «Венок мертвым» (рукопись кн. «Бег времени», РНБ и РГАЛИ).

Тамерлан (Тимур, 1336–1405) – среднеазиатский полководец, с 1370 г. эмир улуса Джагатая (Чагатая); совершил ряд завоевательных походов в Туркестан, Афганистан, Персию, Месопотамию, Индию, Сирию; разбил войска хана Золотой Орды Тохтамыша. Завоевания Тамерлана сопровождалась чрезвычайной жестокостью по отношению к покоренным народам. И тот горчайший Гефсиманский вздох. – Гефсимания – место близ Иерусалима, где находился масличный сад, в который Иисус часто удалялся для молитвы со своими учениками и где был предан Иудой Искариотом. Возможно, Ахматова использует образ из стихотворения Б. Пастернака «Гефсиманский сад», заключающего «Стихотворения Юрия Живаго» из второй книги романа «Доктор Живаго». Текст этого стихотворения был подарен Пастернаком Н.А. Ольшевской; в этом автографе стихотворение имеет посвящение: «Анне Андреевне» (Ахматовой). З.Б. Томашевская в воспоминаниях «Я – как петербургская тумба» предлагает иную датировку стихотворения: «25 октября 1958 года Анна Андреевна потребовала меня на Красную Конницу. «Зоя, что-то случилось. Мне уже несколько раз звонили из Москвы и спрашивали, как я себя чувствую». В это время зазвонил телефон. Я взяла трубку. Тревожный голос спросил: «Как себя чувствует Анна Андреевна?» Я ответила, что Анна Андреевна очень встревожена тем, что все об этом спрашивают. Что случилось? Трубку повесили. Мы долго сидели молча. Я думала о том, кому бы позвонить, а Анна Андреевна неожиданно вычислила: «С Борей что-нибудь. Спуститесь, купите газету». Я вернулась с газетой. Не разворачивая ее, Анна Андреевна подала мне листок старинной бумаги и, как это часто бывало, стала диктовать стихи: И снова осень валит Тамерланом, В московских переулках тишина, За перекрестком или за туманом Дорога непроезжая видна. Так вот она, последняя... Своей рукой она написала: 1949–1958, 25 октября, Ленинград.

Это был первый день газетной травли Пастернака (странным образом это стихотворение во всех сборниках датируется 1947 годом и Фонтанным Домом. Хотя дописывалось оно уже после смерти Пастернака)» («Об Анне Ахматовой». С. 435).

Л.К. Чуковская называет шесть стихотворений Ахматовой, посвященных Пастернаку, в числе которых «И снова осень валит Тамерланом...» с датой –1947, «Я всем прощение дарю...» с той же датой, и как отдельное стихотворение называет строфу «Здесь все тебе принадлежит по праву...» с датой –1958 (?). Она приводит его текст (Ч у к о в с к а я, 2. С. 738), сопровождая оговоркой: «По словам В.Я. Виленкина, Ахматова одно время намеревалась вставить эти четыре строчки в стихотворение «И снова осень валит Тамерланом...» (там же. С. 739).

130 «Я всем прощение дарю...» Впервые – ВРСХД. 1971. № 101– 102. С. 230, публикация. Н.А. Струве; журн. «Звезда». 1978. № 2. Автограф – в РТ 102, л. 33, дата после текста –1948 г. (на Пасху); после даты приписка: «Записано сегодня, 30 мая 1963, в Москве, на Ордынке. Запомнила Э.Я. Бахмутская из Харькова»; тот же текст в РТ 110, л. 46 об.; дата – 1947 ?. В рукописи кн. «Бег времени» было включено в цикл «Вереница четверостиший». В Государственном литературном музее – автограф с датой –1946. Пасха. Москва. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 102). Дата – по автографам РТ 102 и РТ 110.

В записках Л.К. Чуковской приводятся слова Ахматовой: «Написала на Пасху, в 47-м году. Борису Леонидовичу» (Ч у к о в с к а я, 3. С. 56). После выхода книги «Бег времени» Ахматова указала Чуковской место в книге, где должно было бы стоять четверостишие – сразу после стихотворения о Пастернаке 1947 г. («И снова осень валит Тамерланом...»)– (там же. С. 298).

Меня предавших в лоб целую, // А не предавшего – в уста... – В стихотворении использованы реалии предпасхальных и пасхальных обычаев православных христиан: даровать прощение врагам в «Прощеное воскресенье», христосоваться на Пасху. Среди посвященных Ахматовой стихотворений, хранившихся в ее папке «В ста зеркалах», было стихотворение Веры Звягинцевой 1922 г. «... И когда настали дни такие...», где есть строки: Юродивым стало слово «чудо», Гефсимания давно пуста, Но целую каждого Иуду В темные холодные уста.

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat (Сб. «Посвящается Ахматовой». «Эрмитаж». 1991. С. 65.)

131 «Здесь все тебе принадлежит по праву...» Впер-вые – Соч., 1986. С. 436, в комментариях В.А. Черных к стихотворению «И снова осень валит Тамерланом...»; в БО 1. С. 252 опубликовано М.М. Кралиным как третья строфа в стихотворении «И снова осень валит Тамерланом...», с дата-ми – 1947 – 25 октября 1958. В автографе РГАЛИ (РТ 96, л. И) записано как вторая строфа стихотворения «И снова осень валит Тамерланом...» (№ III в цикле из четы-рех стихотворений «Из цикла «Тайны ремесла»: I. «Это вы-жимки бессонниц...», II. «О как пряно дыханье гвоздики...», IV. «Конец Демона»); запись 1958 (?) г. Дата – 1947 – в плане цикла [«Памяти друга» Б. Пастернаку]; остальные два стихотворения здесь да-тированы 1960 г. Четверостишие «Здесь все тебе принадле-жит по праву...» в 1947 г. было подарено Ахматовой Пастер-наку как отдельное произведение. Позже Ахматова попыта-лась вставить его в законченное в 1947 г. восьмистишие, но затем отказалась от этой мысли. Л. К. Чуковская, хорошо знав-шая творчество Ахматовой 1950 – 1960-х гг., и, в частно-сти, стихи, посвященные Б.Л. Пастернаку, считала четве-ростишие отдельным самостоятельным произведением (см.: Ч у к о в с к а я, 2. С. 738). Как отдельное произведе-ние представлено четверостишие и в архиве Б.Л. Пастерна-ка – об этом пишут Е.В. и Е.Б. Пастернак в статье «К ис-тории отношений Пастернака и Ахматовой (1940-е и 1950-е го-ды)» (статья не опубликована, любезно предоставлена для ознакомления Е.Б. Пастернаком. – Н.К.). В феврале – мар-те 1947 г. Пастернак послал в Ленинград «стихи из романа» и написал Ахматовой письмо. Она ответила ему благодарствен-ной записочкой, которую Пастернак всегда носил в кармане в конверте с надписью: «Самое дорогое (автографы отца, Риль-ке, Ахматовой, Тициана)». «Этим годом, – пишут Е.В. и Е.Б. Пастернак, – датированы два стихотворения Ахмато-вой, посвященные Пастернаку: «И снова осень валит Тамерла-ном...» и «Здесь все тебе принадлежит по праву...». Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 96) и кн.: Ч у к о в с к а я, 2. С. 738. Датируется условно – по автографу РГАЛИ (РТ96), а также сведениям, полученным от Л.К. Чуковской и Е.Б. Пастернака.

132 «Удивляйтесь, что была печальной...» Впер-вые – БО 2. С. 90, по автографу РГАЛИ. Печ. по автогра-фу РГАЛИ (РТ 103, л. 46). Дата – после 1948 г. – в этом автографе. Незавершенное произведение; по-видимо-му, речь идет о душевном состоянии поэта после постано-вления о журналах «Звезда» и «Ленинград». Возможно, речь идет и о трагических событиях 1949 г. – арестах сына и Н.Н. Лу-нина. Запись сделана в 1963 г.

Колыбельная. Впервые – альм. «День поэзии». М. 1973. С. 260, публикация Н.А. Жирмунской; БП. С. 297, автограф – РНБ. Печ. по автографу РНБ.

Об обстоятельствах создания этого стихотворения писала И.Н. Лунина в статье: «Николай Николаевич Пунин (1888–1953)»: «В последний раз Николай Николаевич был арестован в августе 1949 г. в своей квартире на фонтанке. Так случилось, что дома в это время была только Анна Андреевна, которая смогла с ним проститься, проводить его. Память об этом дне Анна Андреевна навсегда оставила в стихотворении «Ко-лыбельная» (далее приводится текст стихотворения. – Н.К.). Точная дата и необычная для Ахматовой помета «днем» фик-сируют время ареста Николая Николаевича» («Тайны ремес-ла». Ахматовские чтения. Вып. 2. М.: «Наследие». С. 272). Ахматова обращала внимание также на почти точное совпаде-ние чисел в трагическом для нее месяце – августе: 25 – рас-стрел Н.С. Гумилева, 26 – арест Н.Н. Лунина, умершего в заполярном лагере Абези 21 августа 1953 г.

134 «Падение Берлина» (в кино). Впервые – БО 2. С. 51–52, по автографу из собрания М.С. Лесмана. Включе-но во вторую и третью редакции рукописи сб. «Слава миру!» (РГАЛИ), представленные Ахматовой в издательство «Со-ветский писатель» в 1951 и 1953 гг. Печ. по рукописи третьей редакции сб. «Слава миру!» (РГАЛИ, ф. А.А. Суркова). Даты – по автографу из собрания М.С. Лесмана и по рукопи-си третьей редакции сб. «Слава миру!».

Отражает впечатления Ахматовой от просмотра в октяб-ре 1949 г. в Москве кинофильма «Падение Берлина» режис-сера М. Чаурели по сценарию П.А. Павленко. Писатель Пав-ленко начинал творческий путь как соавтор Б. Пильняка, ав-тор журнала «Красная новь» и участник группы «Перевал»; в своих киносценариях конца 1930-х и 1940-х годов выступал как автор, утверждающий патриотическую тему («Александр Невский», совместно с режиссером СМ. Эйзенштейном) и идеи прославления СССР как государства-победителя, под-вига русского народа и выдающейся роли Сталина-полководца («Клятва», 1946; «Падение Берлина», 1949). В конце 1949 г. цветной двухсерийный фильм о войне «Падение Бер-лина.» воспринимался зрителями как художественное откры-тие, и роль Сталина как полководца не ставилась под сомне-ние. Стихотворение в октябре 1949 г. не было закончено. Ра-бота над ним прервалась, возможно, в связи с арестом сына, Л.Н.

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
Гумилева, 6 ноября 1949 г. В рукописи сб. «Слава миру!» оно появляется во втором
его варианте, эта редакция значительно отличается от окончательной. После 1-й
строфы, кончающейся строкой «Как спасена была твоя свобода», следовало:
Рукой твоих отважнейших сынов И мудростью Вождя непобедимой, – Как сбылся лучший
из заветных снов Моей страны,
моей страны любимой. ... Шли наши танки, как идет судьба, Пересекая чуждые
равнины ...
Во второй части стихотворения после строки «И радость встреч, и нет тебя,
война!» – следовало:
И словно очистительное пламя Над призраком рейхстага занялось, – Победами
прославленное знамя, Играя с майским ветром, поднялось... Мир – миру!
то
В автографе из собрания М.С. Лесмана (Б0 2. С. 51–52) – подзагол.: (Отрывок),
строки после 4-й – как в раннем варианте сб. «Слава миру!», строки 5–7:
... И наши танки мчались, как судьба, Пересекая чуждые равнины, И русской песни
голос лебединый
Во второй части строки 1–6 :
Все, все, что нам мерещилось в тумане, что слушали у рупора в ночи, Все озарили
новые лучи – Все ожило пред нами на экране: Историей пропитанные дни Удушливы,
Уже не дни, а даты.
Нет строки 11. Дата – Октябрь 1949. Москва.
136 21 декабря 1949 года. Впервые – журн. «Огонек». 1950. № 14. С. 20, с
разночтениями и без 4-й строфы. Строки:
8: И доблестью вождя спасенный Ленинград. 17: И мысли всех людей летят к столице
славы,
Тот же текст – Соч., 2. 1968. С. 150; полный текст из пяти строф – Б0 2. С.
52–53. Было включено (текст из пяти строф) в первую редакцию рукописи сб. «Слава
миру!» (РГАЛИ). В издательстве «Советский писатель» строка 3 первой строфы и
строка 3 четвертой строфы вызвали возражения «внутренних» рецензентов рукописи:
А. Паллади писал (рецензия от 13 февраля 1951 г.): «В стихотворении «21 декабря
1949 года» следует подумать над строчкой: «Легенда говорит о мудром человеке».
Почему легенда? А так же хотелось бы, чтобы автор сказал ясней, о каких
тружениках идет речь:
И труженики те, которых душат узы,
Но чья свободна речь и чья душа горда» (РГАЛИ).
Анна Караваева (рецензия от 20 мая 1952 года): «Слаба рифма»: Союза-узы, «уж
слишком трафаретно» – «душат узы».
В третьей редакции рукописи сб. «Слава миру!» – «Избранное», 1953 (РГАЛИ) –
стихотворение отсутствует. Печ. по рукописи сб. «Слава миру!» (РГАЛИ). Уточнение
даты – не позже декабря – по содержанию стихотворения.
21 декабря 1949 года. – В этот день отмечалось 70-летие со дня рождения И.В.
Сталина (1879–1953). Стихотворение к его юбилею было написано Ахматовой с целью
помочь освобождению сына, Л.Н. Гумилева, арестованного в ноябре 1949 г. Стихи о
Сталине на страницах журнала «Огонек» не достигли цели: Л.Н. Гумилев освобожден
не был. Публикация стихотворений в «Огоньке» вызвала разноречивые отклики
читателей и друзей Ахматовой. По свидетельству Татьяны Викторовны Жирмунской, в
разговоре с ней Б.Л. Пастернак радостно убеждал ее, что «это все-таки Ахматова,
в них мелодия есть, это все-таки стихи» (цит. по рукописи статьи
Е.В. и Е.Б. Пастернак «К истории отношений Пастернака и Ахматовой (1940-е и
1950-е годы)» – с разрешения Е.Б. Пастернака). 6 апреля 1950 г. Б.Л. Пастернак
писал НА. Табидзе: «Вы, наверное, уже видели в «Огоньке» стихи Ахматовой или
слышали об их напечатании. Помните, я пока-зывал Вам давно часть их, причем не
лучшую. Те, которых я не знал и которыми она дополнила виденные, – самое
лучшее. Я страшно, как и все, рад этой литературной сенсации и этому случаю в
ее жизни, и только неприятно, что по аналогии все стали выжидающе оглядываться
в мою сторону.
Но все то, что произнесла сейчас она, я сказал уже двадцать лет тому назад и
один из первых, когда такие голоса звучали реже и в более единственном числе.
Таких вещей не повторяют по нескольку раз ...» (Пастернак Б. Собр. соч.: В 5 т.
М., 1992. Т. 5. С. 487–488). Пастернак имеет в виду стихи о Сталине Анны
Ахматовой и свои, опубликованные 1 января 1936 г. в газете «Известия»:
... А в те же дни на расстояньи За древней каменной стеной живет не человек –
деянье: Поступок ростом с шар земной.
Судьба дала ему уделом Предшествующего пробел. Он – то, что снилось самым
смелым, Но до него никто не смел.
За этим баснословным делом Уклад вещей остался цел. Он не взвился небесным
телом, Не исказился, не истлел.
В собраньи сказок и реликвий Кремлем плывущих над Москвой Столетия так к нему

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
привыкли, Как к бою башни часовой.

Но он остался человеком, И если, зайцу вперерез, Пальнет зимой по лесосекам,
Ему, как всем, ответит лес
И этим гением поступка Так поглощен другой, поэт, Что тяжелеет, словно губка,
Любою из его примет.

Как в этой двухголосной фуге Он сам ни бесконечно мал, Он верит в знанье друг о
друге Предельно крайних двух начал.

(Т а м ж е. Т. 2. С. 619–620.)

Одно из документальных свидетельств неприятия читателями сти-хов Ахматовой в
«Огоньке» – рукопись «На страшный суд истории» Марии Белозерской (Ронсеваль),
написанная в 1951 г., после того как 17 июля 1951 г. она не услышала по
Лондонскому радио ни слова о годовщине казни царской семьи. Рукопись была
передана автором Н.А. Тэффи в Париж, ныне хранится в Бахметьевском архиве
Колумбийского университета в Нью-Йорке * (см. об этой рукописи также в статье
Р.Д. Тименчика «К биогра-фии Ахматовой», разд. 3. / Минувшее. Исторический
альманах. 21. М.; СПб., 1997. С. 510–517). Публицистическое произведение М.
Белозерс-кой написано ритмизованной прозой, начинается с обширных цитат из
докла-да Жданова, за которыми следует обращение к Ахматовой: «Когда в журна-ле
«Огонек» я встретила Ваши стихи, я усомнилась, что их писали Вы, – быть может,
соименница? – был первый мой вопрос. Но сколь невероятно, их автор были Вы, Вы –
та, которая пленила и чаровала мою душу, и мне хотелось горько, горько плакать.

...

Прочла и ужаснулась: такую смерть для Вас придумать могли лишь он – лишь враг души
– сам дьявол. Он птице поднебесной отрезал кры-лья легкие и дал ей пресмыкаться.
И поползла убогая певунья белогрудая к ногам ее насильника, стара-ясь петь хвалу
ему, что ей позволил жить. Но с крыльями воздушными заоблачную песенницу
покинула навеки и ее душа...» Автор этого пуб-лицистического произведения
ненавидит Сталина-Калибана. За год до смерти М. Горького М. Белозерская послала
ему письмо с обвинением, что он не написал о лагерях смерти на Севере, которые
посетил. Горе Ахматовой-матери, стремящейся спасти сына, – для нее очевидно: «У
Анны Ахматовой также есть сын, или, быть может, был? Един-ственный сын, которого
Калибан у нее отнял и сослал в лагерь смертни-ков (так ходят слухи), и она,
несчастливая русская мать, в надежде спа-сти сына принуждена была ползти к ногам
Калибана и воспевать ему хвалу! Несчастливая сестра моя, русская поэтесса Анна
Ахматова, милая супруга убитого Калибаном русского поэта, воспела перед всеми
день семидесятилетия убийцы ее мужа, нежного ее друга и отца ее ребенка! Вы,
читатель мой, если у вас бьется человеческое сердце, и если у вас еще сохранился
хотя бы остаток совести, задумайтесь над этим неслы-ханным явлением, которого
мировая история никогда не знала: свобод-ная ласточка поет хвалу коршуну,
растерзавшему самое дорогое ей суще-ство, отнявшему у нее её крылья и
растоптавшему ее душу! ... И она пропела славу дьяволу – «борцу за вечный
свет!», его «очам орли-ным», «мудрости его», «доблести его», «его духу».
Но она вставила в свои стихи одно слово – «легенда». «Леген-да» – это вымысел о
том, чего не было, иль было, но не так, как говорит легенда» (Бахметьевский
архив Колумбийского университета, box 1.
р. 140–141).

Калибан – персонаж трагедии В. Шекспира «Буря», жестокое и беспощадное существо.
журн. «Огонек». 1950. № 14. С. 20, с разночтениями, без
тот же текст – Соч., 2.1968. С. 150–151. Полностью –

орлиными очами...» Впервые –

1: И он орлиными очами 9: Его трудов, его деяний 10: Пред ним несметные плоды,
БО 2. С. 53.

Входило в первую редакцию рукописи сб. «Слава миру!» (РГАЛИ) – полный текст из
пяти строф. В третью редак-цию – «Избранное» 1953 – не включено.

Печ. по рукописи сб. «Слава миру!» (РГАЛИ). Уточ-нение даты – декабрь – по
содержанию стихотворения, по-видимому, написанного в связи с семидесятилетием
И.В. Сталина.

138 1950. Впервые – журн. «Огонек». 1950. № 36. С. 23, с разночтениями и без 3-й
строфы. Варианты строк 6–7:

Хранители необозримой шири, И дружеские крепнут голоса,

Тот же текст – Соч., 2. 1968. С. 152. Полный текст – БО 2. С. 57, с датой –
1949. Было включено в первую редакцию рукописи сб. «Слава миру!». В третьей
редакции – «Избранное», 1953 г. – отсутствует. Печ. по рукописи сб. «Слава
миру!» (РГАЛИ). Уточнение даты – декабрь 1949 – по содержанию стихотворения,
являющегося как бы пророчеством великих свершений наступающего 1950 г.

W «Где дремала пустыня – там ныне сады...»

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
Впервые – журн. «Огонек». 1950. № 14. С. 20, из трех строф. Вторая:
Если мы захотим, осядет Памир, Путь изменит любая река, Но для блага и счастья
нам нужен мир. И будут нами гордиться века.
Тот же текст – Соч., 2. 1968. С. 147; БО 2. С. 53–54. Входило в раннюю редакцию
рукописи сб. «Слава миру!». В поздней – третьей – редакции – «Избранное», 1953 –
без 2-й строфы, дата – 1949. Печ. по третьей редакции сб. «Слава миру!»
(«Избранное», 1953).

В публицистическом произведении М. Белозерской (см. предыдущие коммент.) этому
стихотворению Ахматовой, которое названо лживым, противопоставлены стихи не
названного автором современного поэта (Смоленского Владимира Алексеевича,
1901–1961), говорящего правду о людях, пре-вращающих пустыню в сады: «15 лет
назад один из русских поэтов поведал о тех, которые превращают пустыни в сады,
поля и озера:

Они живут – нет, умирают там, Где льды и льды, и мгла плывет над льдами, И
смерть из мглы слетает к их сердцам И крутит, крутит, крутит над сердцами.

Они молчат. Снег заметает след... Но в мире нет ни боли, ни печали, Отчаянья
такого в мире нет, которого б они не замечали.

Дрожа во мгле и стуже, день и ночь, Их сторожит безумие тупое, И нет конца, и
некому помочь, И равнодушно небо ледяное.

И тот же русский поэт напоминал своим братьям и сестрам об их святом долге:

Но для того избрал тебя Господь И научил тебя смотреть и слушать, Чтоб ты жалел
терзаемую плоть, Любил изнемогающие души.

Он для того тебя оставил жить И наградил благословенной лирой, Чтоб мог ты за
молчащих говорить о жалости – безжалостному миру.

Анна Ахматова забыла об этом святом завете ее брата, она надменно вещает:

Если мы захотим, осядет Памир, Путь изменит любая река.

(Бахметьевский архив Колумбийского университета.)

Название стихотворения В. Смоленского – «Стихи о Соловках». Большую часть жизни
поэт жил в Париже, там же печатались его стихи. В России книга В. Смоленского
впервые была издана лишь в 1994 г.: В. С м о л е н с к и й. «Жизнь ушла, а лира
все звучит» (подготовлена В. Лео-нидовым. М., 1994).

Где дремала пустыня – там ныне сады... – Образ преображенной пустыни
неоднократно встречается в поэзии Ахматовой, отражая ее ташкентские
впечатления.

Ташкентская поэтесса Светлана Сомова в воспомина-ниях рассказывала о том, как
Ахматова с группой узбекских поэтов ездила из Ташкента в кишлак на праздник
открытия нового канала. Ее пригласил поэт Гафур Гулям, приглашение было
стихийным, поэт мотивировал его тем, что по-узбекски имя Анна – ана – значит
«мать», и «Как мать, вы должны» поехать туда, где «пускают воду на пу-стынные
поля». При въезде в кишлак Анна Ахматова уви-дела транспарант: «Комсомольцы, с
карты родного края сотрем название «Голодная степь!»» Ее попросили надеть на
голову «белый прозрачный домотканый шелковый пла-ток», и она, босая, прошла по
намокающему песку будуще-го дна канала перед первыми струями воды, прорывающи-ми
разрушаемую кетменями перемычку («Воспоми-ния». С. 373–374; а также устные
рассказы-легенды об Ахматовой в Ташкенте).

14U Клеветникам (I–II). I. «Напрасно кровавою пеленой...»; \. «Когда б вы знали,
как спокойно...» Впер-вые под загл. «Клеветникам» – журн. «Огонек». 1950. № 14.
С. 20. В стихотворении II строки 11–12:

И вы постыдной клеветою Не смеее тревожить нас!

Тот же текст – Соч., 1968. С. 148. БО 2. С. 54–55. В рукописях сб. «Слава миру!»
(РГАЛИ) цикл «Клевет-никам» первоначально состоял из трех стихотворений (III. «И
чем грозите вы? Пожаром...», без загл.). Общая дата цикла – 1949. Стихотворение
II – из четырех строф. Строки 9–16:

И стали долей человека: Свободный труд и мирный дом, И поступь Сталинского века
Увереннее с каждым днем.

Осуществленную мечтою И счастьем полон каждый час, И вы постыдной клеветою Не
смеее тревожить нас!

Так же – во второй редакции рукописи. В третьей редак-ции («Избранное», 1953,
РГАЛИ) цикл состоит из двух стихотворений, второе – без 3-й строфы,
окончательная редакция. Печ. по рукописи третьей редакции сб. «Слава миру!»
(РГАЛИ).

По поводу этого стихотворения в публицистическом про-изведении М. Белозерской
говорится:

«... я должна спросить у нее, как же вы смеее говорить о счастьее, которым полон
каждый час, в залитой кровью стране, где чело-век даже дышит только с позволения
злодеев и где даже сон каждого человека не принадлежит ему, так как этот сон
может быть каж-

дую минуту нарушен стуком в дверь черного ворона!» (Бахметьевский архив

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat (Колумбийского университета).

142 «Так в великой нашей Отчизне...» Впервые из трех строф (1,4 и 5) – журн. «Огонек». 1950. № 14. С. 20. Строка 1: «Ив великой нашей Отчизне...»; тот же текст – Соч., 2. С. 147; БО 2. С. 54. В рукописи сб. «Слава миру!» (РГАЛИ) – под № 3 в цикле «Три стихотворения» (1.«По-корение пустыни», 2.«Севморпуть»). Из пяти строф. Стро-ка 1:«Так в великой нашей Отчизне...», дата – 1949. Печ. по рукописи сб. «Слава миру!» (РГАЛИ).

143 Москве. Впервые – журн. «Огонек». 1950. № 14. С. 20 – из четырех строф: после 1-й – третья, затем вторая. Четвертая:

Везде, где еще на планете Земля Народы в путях томятся, Алые звезды на башнях Кремля Всем жаждущим мира снятся.

Вариант строки 3: «Верность себе нерушимо храня». Тот же текст – Соч., 2. С. 149; БО 2. С. 55–56. В рукописи сб. «Слава миру!» (РГАЛИ) в первой и второй редакци-ях – из четырех строф, во второй редакции строка 14: «На-роды в неволе томятся», дата – 1949, эпиграф. В третьей редакции рукописи сб. «Слава миру!» («Избранное», 1953) – окончательный текст из трех строф. Печ. по тре-тьей редакции рукописи сб. «Слава миру!» (РГАЛИ).

Эпиграф из романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» (гл. VII, строфа xxxvi).

144 Тост. Впервые – журн. «Огонек». 1950. № 14. С. 20 – в ранней редакции из восьми строк:

ТОСТ

За вновь распаханное поле,

За наши юные леса,

За то, чтобы в советской школе

Ребят звенели голоса,

За целость драгоценных всходов

Великих мыслей и трудов,

За то, чтоб воля всех народов

Сковала происки врагов!

Дата – 1949; то же – Соч., 2. С. 149; журн. «Звезда». 1979. С. 190, гпубликация М.М. Кралина (из четырех строк) и БО 2. С. 50 – под № 2 в цикле из шести

стихотворений «Победа»:

2.

За наши пламенные зори И за всемирный Первомай, За тех, кто в воздухе и в море Родимый охраняет край.

Автограф этого варианта – РНБ. Так же – в БО 2. С. 55 – восемь строк «За вновь распаханное поле» – под загл. «Тост» (текст журн. «Огонек»). В рукописях сб. «Сла-ва миру!» (РГАЛИ) – две редакции стихотворения из 12 строк. Отличия в строках 5–8. Ранняя редакция:

За вновь распаханное поле; За наши юные леса; За то, чтобы в советской школе Детей звенели голоса.

Дата – 1949.

В собрании М.С. Лесмана (Фонтанный Дом) – еще одна строфа, не вошедшая в окончательный текст:

За то, чтобы объединился На всей земле рабочий класс,

Природных прав своих добился И дело праведное спас.

Печ. по третьей редакции сб. «Слава миру!» – «Избран-ное», 1953 (РГАЛИ).

Уточнение даты – не позже 1 мая 1950 – по содержанию стихотворения, написанного в фор-ме торжественного официального тоста к Первомайскому празднику.

145 Поджигателям. Впервые – журн. «Огонек». 1950. № 42. С. 20; тот же текст – Соч., 1968. С. 154; БО 2. С. 58 – 59. В ранних редакциях рукописи сб. «Слава миру!» (РГАЛИ) под № 3 входило в цикл «Клеветникам», общая дата цикла – 1949 г. Печ. по рукописи сб. «Слава миру!» (РГАЛИ). Датируется по содержанию: возможно, связано тематически со стихот-ворениями об интервенции войск США в Северную Ко-рею, начавшейся 27 июня 1950 г. В ноябре 1950 г. сти-хотворение было опубликовано.

«Любовь всех раньше станет смертным пра-хом...» Впер-вые – БП. С. 317, по автографу РНБ. Печ. по автографу РНБ.

Условно относим четверостишие к концу 1940-х – началу 1950-х годов, когда для Ахматовой, после ареста в 1949 г. сына и Н.Н. Пунина, обысков в ее квартире, уничтожения ею своего архива и неудачных попыток до-биться освобождения или хотя бы смягчения участи сына, было наиболее характерно состояние «отчаянья, приправ-ленного страхом».

147 «И снова мадам Рекамье хороша...» Впер-вые – «Записные книжки». С. 140. Печ. по автографу

РГАЛИ (РТ 103, л. 18 об.). Дата – «(40-е годы)» – проставлена рукой Ахматовой.

Мадам Рекамье – Рекамье Жюли (1777–1849) – парижская красавица, хозяйка великосветского салона, ко-торый посещали литераторы и общественные деятели

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmatofrantsii, оппозиционные Наполеону I. ...Как Вертер, юн. – Имеется в виду герой романа в письмах И.В. Гёте (1749–1832) «Страдания молодого Вертера» (1774), трагически воспринимавший несовершенство общества чиновников и филистеров, бунтующий против него и по-гибающий в этой борьбе. Возможно, двустороннее имеет отношение к биографическому сюжету – роману «юного» сына Ахматовой, Льва Николаевича Гумилева, с Эммой Григорьевной Герштейн, которая была старше его на девять лет и которая стала на время его опорой в борьбе с несправедливостью к нему государства и чиновников после его первых арестов. В биографической книге Э.Г. Герштейн «Мемуары» (СПб. 1998) подробно изложена история их взаимоотношений, рассказано о недовольстве Ахматовой этим романом и приведена фраза Н.Н. Пунина, сказанная им Э.Г. Герштейн при первом знакомстве: «Я думал, вы мадам Рекамье, а вы тихая». Потом предложил: «Выпьем за Эммину тишину» (С. 241).

148 «Прошло пять лет, – я залечила раны...»

Впервые – журн. «Огонек». 1950. № 36. С. 23, в ранней редакции; строки:

4: Давно полны студеной тишиной 17: Ты стала и могучей, и свободной.

Сб. «Поэты мира в борьбе за мир». М., 1951. С. 39. Варианты строк:

4: сияют обновленной красотой 10: Где выл пожар – благоухает сад.

Окончательный текст – «Стихотворения», 1958. С. 74–75. Дата – 1950, май;

«Стихотворения», 1961. С. 255–256; «Бег времени». С. 374–375. Печ. по кн.

«Стихотворения», 1958.

Было включено в рукопись сб. «Слава миру!», заключало разд. «Великая отечественная война» и имело загл. «Послесловие». Строка 17 ранней редакции вызвала возражения «внутренних рецензентов». А. Паллади: «Следует, однако, заметить, что непонятны строчки: «Ты стала и могучей, и свободной, // Страна моя!» Разве наша страна не была свободной до войны?» (РГАЛИ). Вера Смирнова: «Советский человек сказал бы: «Ты снова и могуча, и свободна», ибо для него это возврат к свободе и счастью» (там же). Анна Караваева: «...поэтесса говорит, что родная страна «стала и могучей, и свободной», – как будто до войны она не была такой» (там же). Эти отзывы показывают, под каким пристальным наблюдением была «советская» позиция Ахматовой. По-видимому, под влиянием этой «критики» была переделана 17 строка: «Ты стала вновь могучей и свободной...»

Посвящено пятой годовщине победы над фашистской Германией.

150 1 июня 1950. Печ. впервые по автографу в собрании М.С. Лесмана (Фонтанный дом).

151 Говорят дети. Впервые – «Ленинградский альманах». 1954. Кн. 9. С. 144, с эпиграфом: «Защитить детей сегодня – значит защищать мир» (из газет). Вариант строки 27: «Вот он, светловолосый, синеглазый»; «Антология русской советской поэзии». Т. 1. М., 1957. С. 327, с подзагл. «В июньские дни»; окончательный текст – «Стихотворения», 1958. С. 77; «Стихотворения», 1961. С. 257. Автограф ранней редакции под загл. «Слово предоставляется детям» – РНБ. В рукописи сб. «Слава миру!» (третья редакция, РГАЛИ) – в цикле из двух стихотворений под загл. «В июньские дни» (1. «Говорят дети», 2. «Стокгольмская хартия»), с эпиграфом, дата – 1 июня 1950. Печ. по кн. «Стихотворения», 1958.

153 Корея в огне (I. «Где ароматом веяли муссоны...»; Λ. «Воды не хватит в Тихом океане...»). Впервые – ранняя редакция из 12 строк без загл. – журн. «Огонек». 1950. № 42. С. 20.

* * *

Ах, закройте, закройте глаза газет!..

В. Маяковский

Где ароматом веяли муссоны, Где тополя, как факелы, чадят, А гор алмазных голубые склоны Едва в дыму пожарища сквозят, И хочется на помощь звать скорее, Не может быть, чтоб длился этот ад! Рыдая, дети на полях Кореи В родное небо с ужасом глядят... А их заокеанские соседи, Погрязшие в непоправимом бреде, Еще вопят о правоте своей – Убийцы и мучители детей.

Тот же текст – Соч., 1968. С. 154; БО 2. С. 58. В ранней редакции рукописи сб. «Слава миру!» (РГАЛИ) – тот же текст с вариантами строк:

2: Там тополя, как факелы, чадят, 3: А гор алмазных голубые склоны И–12: На головы безвинные детей

Отряды шлют чудовищных смертей.

Дата – 1950. Печ. по второй редакции рукописи сб. «Слава миру!» (РГАЛИ).

Датируется – после 27 июня – по содержанию: 25 июня 1950 г. войска Южной Кореи при поддержке США вторглись в Северную Корею. 27 июня в Северную Корею вошли американские войска. Интервенция США вызвала возмущение мировой общественности; стремление США разгромить неудобный им государственный строй Корейской Народно-Демократической Республики в 1950 г. широко обсуждалось в печати, газеты всех стран мира были наполнены сообщениями о зверствах лисынмановских войск и войск США по отношению к мирным жителям. Эпиграф из стихотворения В.

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
Маяковского «Мама и убитый немцами вечер» (1914).
Стокгольмская хартия. Впервые – журн. «Огонек». 1950. № 36. С. 23, под загл.
«30 июня 1959», варианты строк 3–4:

И молвила:

– Я подлому орудью Не дам творить бесчестные дела.

Тот же текст – Соч., 1968. С. 152; БО 2. С. 56; В рукописи сб. «Слава миру!» (РГАЛИ) – в ранних редакциях текст, как в журн. «Огонек», в третьей редакции – загл. «Стокгольмская хартия», новая редакция 3–4 строк, дата – 30 июня 1950.

Ленинград. Печ. по рукописи третьей редакции сб. «Слава миру!» (РГАЛИ).
Стокгольмская хартия – воззвание Стокгольмской сессии Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира (март 1950 г.) ко всем людям доброй воли о безусловном запрещении атомного оружия. Под этим воззванием к ноябрю 1950 г. поставили свои подписи более 500 миллионов человек, в том числе в СССР – 115 мил-лионов человек.

156 в пионерлагере. Впервые – журн. «Огонек». 1950. № 42. С. 20, без эпиграфа; варианты строк:

5: И на лужайке этот резвый танец, 9: Алмазными казались солнца блики.
«Стихотворения», 1958. С. 79, с загл. и посвящением, без эпиграфа. Дата – 1950, июль, Павловск. Варианты строк:

5: И на лужайке этот резвый танец 18: С улыбкою чело склонила к ним;
«Стихотворения», 1961. С. 292–293, с эпиграфом из стихотворения Пушкина «Вновь я посетил...» и загл. «Послесловие» (стихотворение завершало сборник). Дата – 1950, Павловск. В рукописи сб. «Слава миру!» (РГАЛИ) (третья редакция) посвящение: «Пионерке Ане Каминской», строка 18 исправлена, было: «Незримое чело склонила к ним», стало: «С улыбкою чело склонила к ним». Дата – 1950, Павловск, июль. Печ. по кн. «Стихотворения», 1961, загл. и дата – по изданию «Стихотворения», 1958.

Каминская Анна Генриховна (р. 1939) – внучка Н.Н. Лунина, искусствовед. С семьей И.Н. Пуниной и А.Г. Каминской Ахматова жила в Ленинграде (в Фон-танном доме, на улице Красной Конницы и на улице Ле-нина).

157 Песня мира. Впервые – журн. «Огонек». 1950. № 36. С. 23; «Стихотворения», 1958. С. 76, с датой –

1950; «Стихотворения», 1961. С. 254. В рукописи сб. «Слава миру!» (РГАЛИ) ранние варианты строк:

3: Лети, лети, как голубь мира. И: Всех вас у дальнего порога. 12: Ждут очи ласковых друзей. 13: Лети ж в закат багрово-алый.

В третьей редакции – окончательный вариант. Печ. по кн. «Стихотворения», 1958. Уточнение даты – не позже сентября – по времени опубликования.

Возражения «внутренних» рецензентов рукописи сб. «Слава миру!» вызвал образ строки 14: «Удушливый фаб-ричный дым». Вера Инбер писала: «Какая-то это совсем не-современная фабрика, отошедшая в далекое прошлое. Не так надо писать о рабочих кварталах капиталистического мира, которые, очевидно, имела в виду Ахматова» (РГАЛИ).

158 Покорение пустыни. Впервые – журн. «Огонек». 1950. № 36. С. 23. В ранних редакциях рукописи сб. «Слава миру!» (РГАЛИ) входило в цикл «Три стихо-творения» под № 1 (2. «Севморпуть», 3. «Так в великой нашей Отчизне...»), дата – 1950.

Печ. по журн. «Огонек», дата – по рукописи сб. «Слава миру!», уточнение даты – не позже сентября – по времени опубликования.

159 Севморпуть. Впервые – журн. «Огонек». 1950. № 36. С. 23, из трех строф (нет строфы 2), варианты строк:

4–9: Где замерзала ртуть,

Под северным сияньем, Где не видать ни зги, Под злобным завываньем Неистойвой пурги – Вернейшей из всех дорог.

Тот же текст – Соч., 1968. С. 153–154. В ранней редак-ции рукописи сб. «Слава миру!» (РГАЛИ) – тот же текст под № 2 в цикле «Три стихотворения», с датой – 1950; во второй и третьей редакциях рукописи сб. «Слава миру!» – окончательный текст, в третьей – дата – 1951. Печ. по третьей редакции рукописи сб. «Слава миру!» (РГАЛИ), уточнение даты – не позже сентября 1950 – по времени напечатания.

Севморпуть – Северный морской путь, кратчайший морской путь, соединяющий Атлантический и Тихий океа-ны по морям Северного Ледовитого океана. Впервые прой-ден в 1932 г. ледоколом «Сибиряков» под руководством О.Ю. Шмидта за одну навигацию.

160 Приморский парк Победы. Впервые – «Ле-нинградский альманах», 1954, кн. 9. С. 145, без разде-ления на части; «Стихотворения», 1958. С. 80–81, из двух частей:

I – строки 1–9, II – от строки 10 до конца; тот же текст – «Стихотворения», 1961. С. 252–253; «Бег времени». С. 376–377, дата – 1950, иное гра-фическое

построение: три строфы, затем от строки 15 – без разбивки на строфы. Входило в

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
рукопись сб. «Слава миру!» (РГАЛИ) – тот же текст. Печ. по кн. «Стихотворения»,
1958.

Приморский парк Победы – был заложен в Ленинграде в 1945 г. на западной оконечности Крестовского острова, близ строящегося стадиона имени СМ. Кирова, между тремя другими парками, разделенными рукавами Невы: Каменноостровским, Петровским и Центральным парком культуры и отдыха имени Кирова. Авторы планировки – архитекторы А.С. Никольский, В.В. Степанов, В.В. Медведев, П.С. Волков.

В описании преображенного «безлюдного и мертвого болота» Ахматова использовала хрестоматийно известные читателям и редакторам образы произведений Пушкина («Медный всадник», «Сказка о царе Салтане»), Лермонтова («Белеет парус одинокий...» и др.). Восторженные клики с стадиона. – Стадион имени СМ. Кирова, строительство которого началось еще в 1932 г., был открыт в 1950 году. 162 Слава миру! Печ. впервые по рукописи сб. «Слава миру!» (вторая редакция) – РГАЛИ, ф. 1899 А.А. Суркова, е.х. 758, л. 41.

Что начал Стокгольм. – См. стихотворение «Стокгольмская хартия» и коммент. к нему. ... продолжала Варшава. – В 1950 г. в Варшаве проходил Второй всемирный конгресс сторонников мира. Варшаве – символу мирного восстановления – была присуждена Международная премия мира.

163 Р. С. Ф. СР. – Печ. впервые по рукописи сб. «Слава миру!» (РГАЛИ, ф. 1899 А.А. Суркова, е.х. 760, л. 71). Стихотворение, хотя и сохранялось в ранней и поздней редакциях рукописи сб. «Слава миру!», не понравилось «внутренним рецензентам». Вера Инбер писала 26 июля 1951 г.: «Здесь настоящий показ величия созвездия советских республик подменен декламацией:

От края до края Всем нам родная –
Сказочен твой простор! В труде и в покое Дружны с тобою
Пятнадцать твоих сестер» (РГАЛИ).

164 Волга–дон. Печ. впервые по рукописи сб. «Слава миру!» (вторая редакция). – РГАЛИ, ф. 1899 А.А. Суркова, е.х. 758, л. 38.

Речь идет о строительстве Волго–Донского канала, соединившего Белое и Балтийское моря на севере и Каспийское море на юге с Азовским и Черным морями.

Строительство проектировалось перед Великой Отечественной войной, работы возобновились после войны. По решению Совета Министров (декабрь 1950 г.) сроки строительства были сокращены на два года, с тем чтобы в 1952 г. открыть движение судов по водному пути. Длина Волго–Донского канала – 101 км.

165 «Пять строек великих, как пять маяков...» – Печ. впервые по рукописи сб. «Слава миру!» (вторая редакция) – РГАЛИ, ф. 1899 А.А. Суркова, е.х. 758, л. 35–36.

Пять строек великих – так называемые «великие стройки коммунизма», призванные преобразовать природу во имя счастья человека: Волго–Донской судоходный канал, Каракумский канал, Цимлянское водохранилище, крупнейшие в мире гидростанции на Волге в районе Куйбышева и Сталинграда, Каховская ГЭС на Днепре.

167 Так будет! Печ. впервые по рукописи сб. «Слава миру!» (вторая редакция) – РГАЛИ, ф. 1899 А.А. Суркова, е.х. 758, л. 37.

Речь идет о строительстве Каракумского канала для орошения земель пустыни Каракум водами Амударьи.

168 «Особенных претензий не имею...» Впервые – журн. «Новый мир». 1969. № 5. С. 56, публикация В.М. Жирмунского; БП. С. 297, с датой – 1952. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 96, л. 9). Дата – по БП. В РТ 113 – вариант строк 3–4: «Но так случилось, что я прожила // Почти всю жизнь под знаменитой кровлей...»

Сиятельный дом – дворец графов Шереметевых (ср. обращение к графу: ваше сиятельство) на набережной реки Фонтанки, во флигелях которого Ахматова жила с 1919 г. – в левом, в квартире В.К. Шилейко, а с середины 1920-х годов до февраля 1952 г. – в правом, в квартире Н.Н. Лунина. В 1952 г. жильцы флигеля были выселены.

Дворец был построен в 1750–1755 гг. архитекторами СИ. Чевакинским и Ф.С. Аргуновым с использованием стен более раннего дворца (1730-х годов). Чугунная ограда выполнена в 1844 г. (архитектор И.Д. Корсини), одноэтажный флигель с воротами, украшенными гербом графов Шереметевых, построен в 1867 г. по проекту архитектора А.Л. Бенуа. В 1918 г. последний владелец дворца граф СД. Шереметев передал здание со всеми художественными коллекциями властям. В нем помещались Петроградский институт археологии, затем филиал Русского музея – Музей дворянского быта (создатель и первый хранитель В.К. Станюкович). В 1931 г. музей был ликвидирован, в главном корпусе дворца разместились Политпросветбаза Ленинградского областного отдела народного образования, Дом заочной науки и Арктический институт (позже названный Институтом Арктики и Антарктики). Последний занимал здание до конца 1980-х годов. Сад Шереметевского дворца до начала XX в. простирался от реки Фонтанки до Литейного проспекта. В 1914 г. в

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
его части по Литейному проспекту (дом 53) был сооружен так называемый
Шереметевский пас-саж (архитекторы М.В. Красовский и И.В. Эскузович). В 1930–е
годы здание было надстроено. В 1940–е годы вход в жилые квартиры флигелей
находился со стороны Фонтан-ки, через проходную главного здания. С 1946 г. для
жильцов ввели пропускную систему: приходящие в гости должны были отмечать время
прихода и ухода.

169 Стихи из ненаписанного романа. Печ. впервые по автографу в собрании М.С.
Лесмана (Фонтанный Дом). Датируется условно – после 1952 г. – по времени первого
посещения Ахматовой музея-усадьбы Коломенское, о котором Ахматова рассказала
Л.К. Чуковской 13 июня 1952 г.: «в Болшеве я так окрепла после болезни, что,
вернувшись в Москву, от избытка сил сразу поехала посмотреть Коломенское. Ничего
похожего я в жизни не ви-дывала, это прекраснее Notre Dame de Paris. Я целую
неделю просто бредила Коломенским. Это неслыханно. Это должен видеть каждый и
притом каждый день» (Ч у к о в с к а я , 2. С. 44).

Первый инфаркт Ахматова перенесла в мае 1951 г. Реабилитационное лечение
проходило в кардиологическом санатории в Болшеве (середина мая – начало июня
1952 г.). Первая поездка в Коломенское с сестрами Н.И. и Т.И. Иг-натовыми – июнь
1952 г. Частые поездки в Коломенское Ахматова совершала также, начиная с 1959
г., с Н.И. Иль-иной, купившей машину в конце 1958 г. Из воспоминаний Ильиной
известно, что Ахматова «очень любила церковь Вознесения в Коломенском, куда мы
непреренно ездили два-три раза в год. Она садилась там на скамью спиной к
воротам и долго смотрела на церковь» (И л ь и н а Н. Судьбы. Из давних встреч.
М., 1980. С. 220).

По просьбе Ахматовой ей однажды открыли церковь Вознесения, и она могла
осмотреть старинный храм и по-молиться в нем.

Зачеркнутый вариант строки 2: «(Их с севера недав-но привезли.)» На обороте
листа записан, по-видимому, черновой вариант стихотворения «Узнала я, как
оппадают лица...», которое поначалу было самостоятельной частью цикла «Реквием»,
а 29 октября 1962 г. записано для Л.К. Чуковской как первая часть «Эпилога»
поэмы «Рек-вием» (см. т. 3. С. 28–29).

И неизбежно клинопись страданья Появится на розовой щеке.

Как локоны из пельных и черных Серебряными делаются вдруг, Улыбка вянет на
устах покорных

[И в.....глазах дрожит испуг]

[И под ресницы прячется испуг]

И в сухоньком смехе дрожит испуг.

Как самостоятельная часть, не входящая в «Эпилог», стихотворение «Узнала я, как
оппадают лица...» значится в перечнях состава поэмы «Реквием» в РТ 99, л. 9 об.
(РГАЛИ) и РТ 175 л. 8 об. и 9 (ИРЛИ).

Коломенское – село на юго-востоке Москвы (с 1960 г. вошло в городскую черту), на
высоком правом берегу реки Москвы. Известно с XIV в. В XV– XVII вв. – усадьба
русских царей. Представляет собой комплекс дворцовой царской усадьбы (XVI–XVII
вв.) с шатровой церковью Вознесения (1532), церковью Усек-новения главы Иоанна
Предтечи и др. В советские годы в Коломенское привезен с севера ряд памятников
русского деревянного зодчества, в частности, в 1934 г. – Николо-Корельские
Проездные Святые ворота из Николо-Корель-ского монастыря, основанного Марфой
Посадницей на бе-регу Белого моря в память о ее двух утонувших сыновьях. Позже
на территорию Коломенского, ставшего государ-ственным музеем-заповедником,
привезены также Башня Сумского Посада с воротами, Башня Братского Острога
(1954) и пр.

О горячем интересе Ахматовой к Коломенскому, его архитектуре и
сконцентрированной в нем истории России говорится в статье В.В. Зуйкова «...это
прекраснее Notre Dame de Paris». Анна Ахматова и Коломенское» (руко-пись в
научном отделе музея-заповедника «Коломенское»): «Ключевой фигурой, связанной
для нее с Коломенским и церковью Вознесения, был Иван Грозный». Добавим: и Марфа
Посадница, о судьбе которой, как и о судьбе ее погибших сыновей, напоминали
Ахматовой «древние в Ко-ломенском ворота».

170 «И сердце то уже не отзовется...» Впервые – «Стихотворения», 1958. С. 58,
без посвящения, под № 3 в составе цикла из трех стихотворений (1. «И время
прочь, и пространство прочь...», 2. «Черную и прочную разлу-ку...»), с неверной
датой – 1946; «Стихотворения», 1961. С. 263, без посвящения, с датой –
1943–1953, что, воз-можно, делало стихотворение более «проходимым» для цензуры,
как бы присоединяя его к стихам, посвященным памяти погибших в годы Великой
Отечественной войны.

В планах и рукописях кн. «Бег времени» было вклю-чено в цикл «Венок мертвым» как
заключительное под № XI, с посвящением Н.П. и датой – 1953. В кн. «Бег времени».
С. 393, вне цикла, с посвящением Н.П. и не-верной датой – 1956. В БП. С. 244 – в
составе «Седь-мой книги», вне цикла, с посвящением Н.П. и датой – 1953. В БО 1.

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
С. 254, так же, но в составе цикла «Венок мертвым». Печ. по рукописи кн. «Бег
времени», с уточнением даты – после августа.
Посвящено памяти Н.Н. Пунина, умершего 21 августа 1953 г. в лагере Абезь под
Воркутой (Коми АССР). О смерти Пунина Ахматова узнала из письма своего давнего
знакомца, писателя и редакционного работника Григория Эммануиловича Сорокина к
его жене, Н. Сорокиной, из лагеря Абезь. Ахматова была знакома с Сорокиным,
по-видимому, с середины 1920-х годов, когда «Издательство писателей в
Ленинграде», в котором работал Сорокин, готовило к печати двухтомное собрание
ее стихотворений. Сорокин умер в лагере Абезь 27 февраля 1954 г.
171 Отрывок («В прошлое иду я – спят грани-ты...»). Печ. впервые по автографу в
собрании М.С. Лесмана (с разрешения Н.Г. Князевой). Дата – 1954 – в этом
автографе.

В июне 1959 г. строки 3 – 4 были использованы в стихотворении «Не мешай мне жить
– и так не сладко» (в строфе 5). В дальнейшем отрывок переработан в
стихотворение «Эхо» (25 сентября 1960. Комаров).

172 о десятилетиях. Впервые – журн. «Новый мир». 1969. № 5. С. 54; публикация
В.М. Жирмунского; в рукописи кн. «Бег времени» входило в цикл «Северные
элегии» под № 2, под загл. «Вторая. О десятилетиях». В кн. «Бег времени», где в
цикле «Северные элегии» было только четыре произведения, не публиковалось. В
БП. С. 333 – как дополнение к циклу «Северные элегии», без эпиграфа, с
вариантами (БП. С. 425–426). В.М. Жирмунский приводит черновой набросок «и
никакого розового детства...», который в РНБ находился в конверте материалов к
пьесе «Про-лог, или Сон во сне» и имел ремарку перед текстом: «Икс, засыпая,
диктует, орел пишет». Текст имел существенные отличия от окончательной редакции
(см. т. 3. С. 325–326):

И никакого розового детства

...ни мишек, ни кудряшек

Или друзей среди камушков речных ...

И никакого розового детства,

Ни добрых тетей, ни страшных дядей. Ни даже

Товарищей из камушков речных.

Себя чуть помню – я себе казалась

Событием невероятной силы

Иль чьим-то сном, иль чьим-то отраженьем

Или ночным глухим пещерным эхом

Уже в пять лет я двойников своих Искать ходила, и казалось мне, что видела их [и
находила] То мне казалось, что меня к чужим Подбросили – и никого не знаю, и
злодеяние в себе несу. И [что] это вот, вот откроют люди, А в зеркале я за
спиной своей Так часто что-то лишнее видала

Варианты строк в черновых автографах РНБ:

I.

5–7: [как некий дух,], я с самого начала

То чьим-то сном [была, то чьим-то [бредом] [То] отраженьем в зеркале чужом 10:

Которые [я в жизни совершу]. 22: [и радовались мне, и] восхищались 24: и тем

сильней хотелось мне проснуться После 25: [за каждое их ласковое слово],

сотнями повсюду.

II.

7–10: Себя считала неизменно эхом,

Пещерным, довременным и ночным 21: И чем сильней мне радовались люди

После строки 12, на обороте страницы:

[Она меня заманивала разное: То стлалась под ноги звериной шкурой, То

расстилалась вдруг ковром персидским, Ко мне бежала, ласково звеня,]

В автографе РГАЛИ (РТ 96, л. 7 об.) записано отдельное двустишие:

Сама себя считая только эхом Пещерным, непонятным и ночным.

Дата внизу страницы без указания года – 27 мая. Москва. Больница. На той же

странице «Посвяще-но Ф.Ю.». Печ. по автографу РНБ.

Эпиграф из стихотворения Н. Гумилева. Судя по тому, что в автографе имеется

исправление: «Ты – победительница жизни, // И я товарищ [верный] вольный твой»,

– Ахматова вспоминала забытое стихотворение Гумилева. В РТ 103, л. 34 (РГАЛИ)

есть запись Ахматовой о Гумилеве, объясняющая возникновение в его поэзии этих

строк: «Самой страшной я становлюсь в «Чужом небе» (1912), когда я в сущности

рядом (влюбленная в Мефистофеля Маргарита, женщина-вамп в углу, Фанни с адским

зверем у ног, просто отравительница, киевская колдунья с Лысой Горы) (а выйдет

луна – затомит-ся). Там борьба со мной! Не на живот, а на смерть! (И упрек: «Но

как...») А потом:

Ты победительница жизни, И я товарищ вольный твой.

и:

Я ведаю, что обо мне, далеко, Звенит Ахматовой сиренный стих».

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
Где некогда гуляла Прозерпина. – Согласно античному мифу, Прозерпина, дочь богини Цереры (Деметры), была похищена властителем подземного царства Плутоном во время весенних плясок с подругами на цветущем лугу.

174 Застольная Из цикла «Песенки». Впервые – ВРСХД. 1971. № 101–102. С. 231, публикация Н.А. Струве; «Памяти Анны Ахматовой». С. 21, публикация Л.К. Чуковской, под загл. «Застольная», без даты. Дата – в автографе РНБ. В РТ (РГАЛИ) в планах и рукописи кн. «Бег времени» входило в цикл «Песенки» (цикл полностью, из шести стихотворений – БО 1. С. 266–268). В кн. «Бег времени» цикл «Песенки» (С. 417–418) включал четыре стихотворения, «Застольная» и «Любовная» включены не были. (В рукописи кн. «Бег времени» в цикл не включена № 5. «Прощальная», опубл. в кн. «Бег времени». С. 418, под № 3). Печ. по автографу РНБ.

175 Любовная Из цикла «Песенки». Впервые – «Новый мир». 1969. № 6. С. 245, без названия, публикация В.М. Жирмунского; БП. С. 313, под загл. «Песенка», без даты, вне цикла. Дата – в автографе РНБ. В планах и рукописи кн. «Бег времени» входило в цикл «Песенки». Печ. по автографу РНБ.

Возможно, «песенка» обращена к И. Берлину и тематически связана со стихами «Синце» и «Шиповник цветет» («Из сожженной тетради»). В 1955 г. исполнилось десять лет со дня их знакомства.

176 «Не с лирою влюбленного...» Впервые строки 1–4 – журн. «Звезда Востока». Ташкент. 1966. № 6. С. 41; Соч., 2. С. 139, без загл., без даты. Текст:
Не лирою влюбленного Иду прельщать народ,
Трещотка прокаженного В моих руках поет.

Также – «Избранное», 1974. С. 464, публикация Н. Банникова. Полный текст без загл. – ВРСХД 1970. № 95–96. С. 127, публикация Н.А. Струве; Eng-Liedmeier, Verheul. P. 55, без загл. Вариант – в рец. М.Б. Мейлаха – журн. «Russian Literature». Париж; Гаага. 1974. № 7–8. С. 210. Подзагл. «Пролог» – «Памяти Анны Ахматовой», 1974. С. 24, публикация Л.К. Чуковской, строки:

1: Не лирою влюбленного 8: Вас, «смелых», от меня.

Так же – журн. «Даугава». 1987. № 9. С. 125, публикация Р.Д. Тименчика. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110, л. 46 об.), за-пись 1963 г., где включено под № III в цикл из пяти стихотворений (I. «Тринадцатый час» («Вы меня, как убитого зверя...»), II. «Из-под каких развалин говорю...», IV. «Забудут? – Вот чем удивили!..», V. «Я всем прощенье дарую...»). Датируется по записи Л.К.

Чуковской 25 июля 1956 г. о чтении Ахматовой этого стихотворения Ю.Г. Оксману: «Она прочла сначала «трещотку прокаженного», потом «кто чего боится». Читая «трещотку», очень искусно взяла в кавычки слово «смелых»: «Я научу шарахаться ва-ас, «сме-елых», от меня» (Ч у к о в с к а я, 2. С. 216). Строка «трещотка прокаженного» неоднократно ставилась Ахматовой в заглавие циклов, состав которых менялся. При подготовке кн. «Нечет» стихотворение получило название «Пролог» и открывало цикл «Трещотка прокаженного» из десяти стихотворений: 1. «Пролог», 2. «Последнее возвращение», 3. «То, что я делаю, способен делать каждый...», 4. «Лучше б я по самые плечи...», 5. «Три осени», 6. «На Смоленском кладбище», 7. «Под Коломной», 8. «Со шпаной в канавке...», 9. «Пушкин», 10. «Наше священное ремесло...» (РНБ). Впервые цикл полностью опубликован М.М. Кралиным в БО 1. С. 224–228.

Л.К. Чуковская особо настаивает на варианте строки 1: «Не лирою влюбленного...», считая вариант «Не с лирою...» опечаткой (Ч у к о в с к а я, 2. С. 216). Между тем в рукописях Ахматовой первая строка многократно записана как «Не с лирою влюбленного...» – в планах циклов и неосуществленных сб. «Моя Книга», «Другая книга» (РТ 99, л. 9, РГАЛИ и РТ 101, л. 9, ИРЛИ).

О возникновении стихотворения и образа «трещотка прокаженного» сохранились рассказы Н.Я. Мандельштам и Э.Г. Бабаева – о беседе Ахматовой и Н.И. Харджиева, подсказавшего ей этот образ. Н.Я. Мандельштам писала в мемуарах об Ахматовой: «Харджиев сыграл большую роль в жизни Анны Ахматовой... И многие стихи появились в связи с ее разговорами с ним. Она жаловалась ему, что ее считают любовным лириком, не замечая в ней ничего другого. Николай Иванович ответил: «Какая там любовь и лира, скорее трещотка прокаженного» (журн. «Литературная учеба». М. 1989. № 3. С. 147). Э.Г. Бабаев уточняет: «Н.Я. Мандельштам вспоминает об этом не совсем точно. Харджиев сказал Ахматовой, что она должна написать такое стихотворение, чтобы любители интимной лирики шарахнулись: поэзия – трещотка прокаженного! На следующий день Ахматова, очень веселая, прочла ему новое стихотворение: «Не с лирою влюбленного...» Бабаев Э.Г. А.А. Ахматова в письмах к Н.И. Харджиеву (1930–1960-е гг.) // «Ахматовские чтения». Вып. 2. С. 199).

177 Сон. Впервые – журн. «Москва». 1959. № 7. С. 144, без загл. Варианты строк И–12:

О милый сон, как мог ты весть такую Мне на ухо чуть слышно прошептать!

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
В РГАЛИ имеется машинописная копия этого текста (без разделения на строфы) с
исправлением строк 11–12 рукой Ахматовой:

О [милый сон] август мой

Мне [на ухо чуть слышно прошептать]

в годовщину страшную отдать.

Дата – Под Коломной 1956. «Стихотворения», 1961. С. 267–268; «Бег времени». С. 385–386, с эпиграфом и датой – 14 августа 1956, под № 6 в цикле «Шиповник цветет. Из сожженной тетради». В автографе РНБ имелось посвящение «Берлину», зачеркнуто, по-верх крупно рукой Ахматовой написано: «Никому». В рукописи кн. «Бег времени» (РГАЛИ) первоначальное название «27 декабря 1940» зачеркнуто, заменено на «Сон», дата – «1956. Москва – Старки». В другом варианте – «14 августа 1956. Старки – Москва». Зачеркнутое название «27 декабря 1940», по-видимому, означает: «сон» о будущей встрече 27 декабря 1945 г. с И. Берлином, что связано с сюжетом «Поэмы без героя», действие которой начинается 27 декабря 1940 г., переносится в декабрь 1913 г. и в которой появляется «Гость из будущего» – из декабря 1945 г. Печ. по кн. «Бег времени», с уточнением по автографу места написания.

Эпиграф – из стихотворения А. Блока «Шаги командора». Сюжет стихотворения связан с известием о первом приезде в СССР И. Берлина, которое Ахматова получила от Б.Л. Пастернака, в августе 1956 г.

И в баховской Чаконе... – «Чакону» Баха в Огарках исполнял для Ахматовой альтист Федор Серафимович Дружинин (р. 1932), муж Екатерины Сергеевны – дочери хозяина Старков Св. Шервинского. В 1915 г. «Чакону» играл для Ахматовой А.С. Лурье – в Царском Селе, в доме Гумилевых. «Чакона» Баха возникает в «Третьем и последнем» посвящении «Поэмы без героя» И. Берлину: «Полно мне леденеть от страха. // Лучше кликну «Чакону» Баха, // А за ней войдет человек...». О музыке, в частности, о Бахе, возможно, и о «Чаконе», говорили 27 декабря 1945 г. и 5 января 1946 г. Ахматова и И. Берлин в Фонтанном Доме. В воспоминаниях «Встречи с русскими писателями в 1945 и 1956 годах» И. Берлин писал: «... всем своим существом она отзывалась на неистовые изменения чувства внутри движения музыки. Параллель, которую Пастернак проводил между Бахом и Шопеном, казалась ей странной и очаровательной. Ей было легче говорить с ним о музыке, чем о поэзии» (см. в кн.: Н а й м а н. С. 279). Мне в годовщину страшную отдать!.. – Известие о приезде И. Берлина Ахматова получила в августе, месяце, с которым в ее жизни были связаны многие трагические события: арест и расстрел Н.С. Гумилева, смерть А.А. Блока, начало Первой мировой войны, постановление «О журналах «Звезда» и «Ленинград» (14 августа) и доклад А. А. Жданова, арест и смерть Н.Н. Пунина.

178 «Ты выдумал меня. Такой на свете нет...»
Впервые – журн. «Новый мир». 1960. № 1. С. 153, под загл. «Воспоминание», строка 16: «Откуда унеслась стихов сгоревших стая»; «Стихотворения», 1961. С. 268; «Бег времени». С. 387 – № 8 в цикле «Шиповник цветет. Из сожженной тетради»; строка 16: «Откуда унеслась стихов сожженных стая». В рукописях многочисленных автографов и рукописи кн. «Бег времени» в строке 16 восстановлено прилагательное «казненных». В автографе из собрания М.С. Лесмана (Фонтанный Дом) – загл. «Ответ». Эпиграф: «...«И это пройдет...» Надпись на кольце царя Соломона». Первоначальные варианты строк 3–4: «Тебя не исцелит ни врач и не поэт, / / Но Бог тебе меня забыть поможет»; строка 16: «Откуда унеслась стихов казненных стая». Дата – 18 августа 1956. Старки. Строки 9–12 отсутствуют. То же загл. «Ответ» в автографе собрания В.Г. Адмони, там же дата – 18 августа 1956. Старки.

В автографе РГАЛИ – ранняя редакция с исправлениями. Варианты строк:

6: Когда уже [совсем] иссякли силы мира, 8: И были свежими тогда одни могилы.

Строфа 3 (строки 9–12) отсутствует.

14: По [этой] осени трагической ступая.

Печ. по кн'. «Бег времени», с исправлением по автографам строки 16.

Обращено к И. Берлину, написано при известии о его приезде в Москву. Мы встретились с тобой в невероятный год... – в декабре 1945 г., после окончания Второй мировой войны.

179 «По той дороге, где Донской...» Впервые – журн. «Москва». 1959. № 7. С. 144; «Стихотворения», 1961. С. 268–269, под № 4 в цикле «Шиповник цветет»; «Бег времени». С. 386 – без даты, № 7 в цикле «Шиповник цветет. Из сожженной тетради». В рукописи кн. «Бег времени» дата – 1956. Под Коломной. Печ. по кн. «Бег времени», с уточнением даты – не позже 20–23 августа – по содержанию стихотворения, написанного до телефонного разговора с И. Берлином, который состоялся между 20 и 23 августа 1956 г.; в Старках под Коломной Ахматова гостила у Св. Шервинского в августе 1956 г.

По той дороге, где Донской... – По Коломенской дороге в 1380 г. войско Дмитрия Донского двигалось на Куликово поле.

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
180 «Меня влекут дорожн Подмосковья...» Впер-вые – сб. «Анна Ахматова. После
всего». М., 1989. С 14, по автографу в собрании М.С Лесмана, в статье Р.Д.
Ти-менчика «Анна Ахматова. 1922–1966». Печ. по автогра-фу в собрании М.С.
Лесмана (Фонтанный Дом), с уточ-нением даты – до 20–23 августа, т.е. до
телефонного разговора с И. Берлином. Незавершенный отрывок тема-тически связан с
предыдущим стихотворением «По той дороге, где Донской...».
И Пушкин, Герцен. Что за имена!.. – Ахматова называет имена писателей, живших в
подмосковных име-ниях: детство А.С Пушкина прошло в подмосковном име-нии
Захарово, принадлежавшем родственникам матери; с подмосковными усадьбами связаны
детство и юность

А.И. Герцена, одного из любимейших писателей Л.К. Чу-ковской, с которой Ахматова
много говорила о нем именно в 1950–е годы. Выбор этих имен может
свидетельствовать о стремлении Ахматовой сделать стихотворение максималь-но
«проходимым» в печати. Однако стихотворение закон-чено не было, не печаталось и
в планы предполагаемых книг не включалось.

181 «Еще говорящую трубку...» Впервые – альм. «День поэзии». М., 1973. С. 259,
публикация Н.А. Жир-мунской; БП. С. 314, без даты. Автограф – РНБ, не
да-тирован. Печ. по автографу РНБ. в БО 2. С. 70, дата – 1950–е годы.
Не завершенный отрывок по содержанию может быть датирован августом 1956 г.,
точнее – после 20–23 авгу-ста, т.е. после телефонного разговора Ахматовой и И.
Бер-лина, которым в 1956 г. ограничилось их общение. Отказ от личной встречи с
человеком, память о котором она хра-нила более десяти лет и который стал героем
любовного мифа Ахматовой и многих ее произведений, объяснялся прежде всего
тревогой за судьбу сына, Л.Н. Гумилева, только что вернувшегося из лагеря и
ссылки. 23 августа 1956 г. Л.К. Чуковская записала в дневнике содержание
 разгово-ров с Ахматовой: «... выслушала несколько горьких сооб-щений ... Самое
горькое – о Лева. Он в Ленинграде; вернувшись в Москву (из Старков. – Н.К.),
Анна Анд-реевна говорила с ним по телефону. Его не взяли в Эрми-таж. Он, по его
словам, оформился дворником в Этногра-фическом музее. Может ли это быть? Ведь он
кандидат наук, ученый... И после всего!» (Ч у к о в с к а я, 2. С. 223). В этом
же разговоре Ахматова рассказывает Чуковской о своей беседе и «невстрече» с И.
Берлином: «Один гос-подин – вы, конечно, догадываетесь, о ком речь, вы и
двое-трое друзей знают, в чем дело, – позвонил ко мне по теле-фону и был весьма
удивлен, когда я отказалась с ним встре-титься. Хотя, мне кажется, мог бы и сам
догадаться, что после всего я не посмею снова рискнуть. ... Она гово-рила, хотя
и с насмешкой, но глубоким, медленным, исстра-давшимися голосом, и я поняла, что
для этого рассказа о «не-бывшем свидании» она и вызвала меня сегодня, что снова
ею совершен один из труднейших поступков» (там же. С. 226–227).

182 «Не повторяй – (душа твоя богата)...»
Впервые – журн. «Юность». 1969. № 6. С. 67, пуб-ликация В.М. Жирмунского по
автографу РГАЛИ; то же – БП. С. 298 – под загл.: «Из цикла «Тайны ре-месла», с
изменением авторских знаков препинания в строке 1: «Не повторяй – душа твоя
богата», – с не-верно прочитанной датой – 4 сентября 1956. В авто-графе РТ 99
(РГАЛИ) – под загл. «Из цикла «Тайны ремесла», дата – 19 сентября 1956; с иными
автор-скими знаками препинания в строке 1: «Не повторяй – (душа твоя богата)».
Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 99, л. 13 об.).

М.М. Кралин (БО 1. С. 428) сопоставляет мысль ах-матовского четверостишия со
словами американского писа-теля Ральфа Уолдо Эмерсона: «Восхваляя Платона, мы
словно восхваляем цитаты из Солона, Софокла и фило-лая. Пусть так. Ведь каждая
книга – цитата; каждый дом цитата из лесов, копей и каменоломен; каждый человек
ци-тата из своих предков. Так и этот ненасытный изобрета-тель собирает дань со
всех народов» (Избранники челове-чества. М., 1912. С. 70).

183 «Пусть кто-то еще отдыхает на юге...» Впер-вые как восьмистишие (строки 1–4
и 13–16) – «Сти-хотворения», 1958. С. 89, под № 2 в цикле «Два стихо-творения»
(1. «Таинственной невестри...»), с датой – 1957, эпиграфом. Полный текст с
подцензурными исправ-лениями – «Стихотворения», 1961. С. 271–272, под № 8 в
цикле «Шиповник цветет»; загл. «Эпилог»; «Бег време-ни». С. 388–389, под № 10 в
цикле «Шиповник цветет. Из сожженной тетради»; строки 7–8: «Где странное что-то
в вечерней истоме // Хранят для себя зеркала». Строка 12: «Как старый
засубренный нож». Работа над 2-й и 3-й строфами – 1960 г., РТ 101 (РНБ). Впервые
подлинный авторский текст по рукописи кн. «Бег време-ни» – Чуковская Л.К.
Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. Париж. 1980. С. 231 и «Узнаютголос мой...». С.
221, публикация Н.Н. Глен и Л.А. Озерова. В автографе из со-брания М.С. Лесмана
(Фонтанный Дом) – загл. «Эпи-лог» («Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана».
С. 282). В сб.: Ахматова А. После всего (М., 1989. С. 14). Р.Д. Тименчиком
опубликованы по этому автогра-фу две строфы, не вошедшие в основной текст:
Мороз словно викинг проходит, лютуя, Где тронет, там крови поток, Как ссадины,
жгучи его поцелуи

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
Мне чем-то знакомые в чаще ютятся Обломки гранитные скал. Покинув их, медные
всадники мчатся По глади озерных зеркал...
В музее Анны Ахматовой «Фонтанный дом» (е.х. 99, л. 1) – черновой автограф
ранней редакции под загл. «Эпи-лог», с датой – октябрь. Комарове 1956, без
эпиграфа.
Строфа 1 отличается от окончательного текста лишь знака-ми препинания (строка 2
оканчивается многоточием, в стро-ке 3 нет тире). После строфы 1:
Мороз, словно викинг проходит лютуя,
Где тронет, там [кровь запеклась] крови поток
[Там] Как ссадины жгучи его поцелуи.
Строки 4 нет, далее отдельно начало строки:
И клен мой снести.
Далее следует строфа:
Мне чем-то знакомые в чаще ютятся [Обломки меж ними] Обломки гранитные скал Как
будто бы 1
п медные всадники мчатся
1 юкинув их J
За мною по гладн зеркал
По глади озерных зеркал.
Справа от текста:
Иль это все кажется – мне показалось Не то еще в темном лесу.
Продолжение текста:
И здесь я 1 [Уже я] /
не жду наступления срока
кея j j От века [И даже]
Алеет рябина и пляшет сорока Совсем не боится меня
| заветного дня
Далее набросок строфы:
Пусть ждет меня сирое там
О только бы не было этого моря
Уж море-то__зачем.
На обороте листа – полный текст этой строфы:
Глаза не видали [серебряней] моря, Глаза б не видали вот этого моря, С ним в
мире я жить не могу. Я с ним в постоянной неистовой ссоре, Как с тем, кто на том
берегу.
Продолжение текста:
Иду я неспешно пустынной тропинкой, Где вереск на ветер похож. А месяц высокий с
какой-то тускленькой, Как финский [красуется] зазубренный нож.
Справа листа наискосок по тексту:
А с неба глядит неотрывно Суоми В пустые свои зеркала.
На обороте листа:
Блаженное дивное сладкое чувство, Что я никому не нужна.
В РТ 111, л. 25 об. (РГАЛИ) – дата 1956. Осень. Комарове. Печ. по рукописи кн.
«Бег времени», дата – по черновому автографу Фонтанного Дома.
Стихотворение написано после «невстречи» с И. Бер-лином и возвращения Ахматовой
из Москвы в Ленинград в конце сентября 1956 г. В Комарове она жила в октяб-ре –
ноябре; 30 декабря 1956 г. Ахматова вновь приехала в Москву.
Эпиграф – первая строка стихотворения И. Аннен-ского. Упоминание Суоми, эпитет
«финский» нож связаны с тем, что Комарово, где находились Дом творчества
писа-телей и выделенная Литфондом для Ахматовой дача, до войны 1940 г. было
финской территорией, о чем не упоми-налось в печати.
184 Первая песенка. Впервые – «Стихотворения», 1958. С. 89, без загл., под № 1 в
подборке «Два стихотво-рения» (2. «Пусть кто-то еще отдыхает на юге...»), дата –
1956; «Стихотворения», 1961. С. 266, в цикле «Шипов-ник цветет», под загл. «Без
названия»; «Бег времени». С. 384, под № 4 в цикле «Шиповник цветет. Из
со-жженной тетради», под загл. «Первая песенка», без даты. В РТ 111, л. 24 об.
записано начало стихотворения (строфа 1) под № II, с загл. «Первая песенка» и
общим ука-занием на дату – «Две песенки 1956 г.». Печ. по кн. «Бег времени».
Дата – 5 декабря 1956 – в автографе РНБ.
185 Другая песенка. Впервые – журн. «Юность». 1964. № 4. С. 63, в подборке «Два
стихотворения» из цикла «Шиповник цветет», без даты, без эпиграфа, без загл.;
«Бег времени». С. 385, под № 5 в цикле «Шиповник цветет. Из сожженной тетради»,
дата – 1956, с эпиграфом; загл. «Другая песенка» (после № 4 «Первая песенка»),
оче-видно, появилось при формировании цикла. Обращено к И. Берлину.
В РТ 97, л. 21 (РГАЛИ) – записаны четыре строки «Несказанные речи...», ставшие
эпиграфом, с датой – 1957, Комарово. Лето. В РТ 103, л. 35 об. (РГАЛИ) – текст
стихотворения без эпиграфа, без разделения на стро-фы, загл. «Другая песенка»,
перед загл. (Из цикла «Ши-повник цветет»); варианты строк:

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
1: Как светилось там и пело 2: Встречи нашей чудо, 5: Горькой было мне [отрадой]
усладой
9: Пусть [кого-то] страсти душат влюбленных
11: Мы же [– ангельские] души, милый, только
в РТ 111, лл. 24–26 – формирование цикла «Из сожженной тетради» с указанием
многих дат:
«Посвящение» – 24 декабря «Сожженная тетрадь» Два стихотворения 1946 г.
I И время – прочь...
II Черную и прочную разлуку...
Лето. Фонтанный Дом. Две песенки 1956 г.
I Другая песенка
II Первая песенка «Сон» – 1956
«В разбитом зеркале» – 1956 «Воспоминание» – 1956 «Пусть кто-то еще отдыхает на
юге» 1956. Осень. Комарове «Сонет-Эпилог» – 1956. Осень. Комарове
Таким образом, в это время стихотворение входило в цикл из II стихотворений. На
л. 26 об. – запись о намерении предложить в ленинградский «День поэзии» три
стихотворения из цикла «Шиповник цветет»:
1) «Другая песенка» с эпиграфом из 1-ой
2) «В разбитом зеркале»
3) «Сонет-Эпилог» с эпиграфом: «Ромео не было,
Эней, конечно, был».
В той же рабочей тетради на л. 40 еще раз записан текст «Другой песенки» с датой
– 1956 и исправлением в строке 3: [Возвратиться] Я вернуться не хотела». Печ.
по кн. «Бег времени».
Эпиграф – либо строфа, входившая в текст «Первой песенки», однако в дальнейшем
из текста исключенная, либо самостоятельное четверостишие, написанное летом 1957
г. в Комарове.
186 В разбитом зеркале. Впервые – газ. «Литература и жизнь». 1962. 26 октября,
под № 1 в подборке из двух стихотворений «Из цикла «Шиповник цветет» (№2.
«Говорит Дидона. Сонет-эпилог»), без строк 13–16; «Бег времени». С. 387–388, №
9, в цикле «Шиповник цветет. Из сожженной тетради», с подцензурным вариантом
строк 15–16: «И стал он медленной отравой //В моей загадочной судьбе». Текст без
искажений – в рукописи кн. «Бег времени» (РГАЛИ), по которому впервые – БО 1. С.
272–273. в собрании М.С. Лесмана (Фонтанный Дом) – черновой набросок строк 1–8
под загл. «Воспоминание», варианты строк:
1: Такие чистые слова 3: Что закружилась голова 6: И ухал [древний] черный сад,
8: [Был самого себя древней] Был Трои в этот час древней.
в РТ 111, л. 25–25 об. (РГАЛИ) в составе цикла «Из сожженной тетради», дата –
1956, вариант строки 13: «Примнился он пустой забавой»; вместо строк 15 – 16
оставлен пропуск, означающий, что они должны быть заменены для печати. Печ. по
рукописи кн. «Бег времени» (РГАЛИ).
Ты отдал мне не тот подарок... //А был он мировую славой... – Стихотворение, как
и весь цикл «Шиповник цветет. Из сожженной тетради», адресовано И. Берлину.
Однако эти и последующие строки позволили Л.А. Зыкову, автору статьи «Николай
Пунин – адресат и герой лирики Анны Ахматовой», связать его с со-
бытиями 1927 г. в жизни Ахматовой и Пунина, вернувшегося из Японии: «Пунин
привез, конечно, подарки из необычного по тем временам путешествия в
экзотическую восточную страну, но самым значительным из них для Ахматовой
оказалась весть о ее зарубежной славе – Пунин узнал в Японии о переводах ее
стихов на японский язык для антологий и отдельных изданий, а вслед за его
поездкой в конце 1927 г. в Ленинграде Ахматову посетили японские русисты
Наруми и Енекава» («Звезда». 1995).
Версия Зыкова не убедительна, однако сам факт ее появления говорит о возможности
поливалентного толкования реальной основы поздней лирики Ахматовой.
Несостоявшаяся встреча... – СИ. Берлином в августе 1956 г.
187 «Меня и этот голос не обманет...» Впервые – сб.: Ахматова А. После всего.
М., 1989. С. 15, публикация Р.Д. Тименчика по автографу из собрания М.С.
Лесмана.
Печ. по автографу из собрания М.С. Лесмана (Фонтанный Дом). Исправления строк в
этом автографе:
При жизни Ахматовой не печаталось. По-видимому, обращено к И. Берлину.
мой...» Впервые – БП. С. 318, по автографу РГАЛИ – РТ 99 (как четверостишие, без
даты и без последних двух строк); «Записные книжки». С. 77. Печ. по автографу
№ 1. С. 91).
3: Но говорят, убийцу [тоже] часто манит 4: На [чей-то] труп хоть издали
взглянуть 6: [пора, как будто,] отходить ко сну 11: [Я вовсе не влиятельная
дама]
188 «...Как! Только десять

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
лет, ты шутишь, Боже

РГАЛИ (РТ 99, л. 15 об.). Датируется 1956 г. по содержанию отрывка.

...десять лет – срок, разделяющий прощальную встречу Ахматовой и И. Берлина в январе 1946 г. и приезд его в Москву в 1956 г. ...сотни тысяч строк и далее – строки многочисленных статей в советской печати, клеймящих Ахматову и ее поэзию после постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград» от 14 августа 1946 г. В 1950–е гг. это постановление было включено в школьные и вузовские программы и многократно цитировалось. По убеждению Ахматовой, ее имя было названо в постановлении по рас-поряжению Сталина в наказание за самовольную встречу с И. Берлином.

189 Ms цикла «Сожженная тетрадь». Впервые – альм. «Поэзия». М. 1974. № 12. С. 112, публикация Н.А. Жирмунской; БП. С. 298, по автографу РНБ. Печ. по автографу РНБ.

Я говорю с одним... – видимо, обращено к И. Берлину.

«Имне доказательство верности этой...» Впер-вые – «Записные книжки». С. 42. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 96, л. 4 об.). Датируется условно – 1956 – начало 1957 г. – по местоположению в тетради, характеру почерка и содержанию; возможно, примыкает к стихотво-рениям 1956 – 1957 гг., связанным с темой приезда в Москву И. Берлина, героя и адресата стихотворений цикла «Cinque» 1945–1946 гг., за которыми последовали «про-клятья» (Сталина, Жданова).

191 «Пою эту встречу, пою это чудо...» Впервые – «Книги и рукописи в собрании М.С. Лесмана». С. 376,

публикация Р.Д. Тименчика. Печ. по автографу в собра-нии М.С. Лесмана (Фонтанный Дом). Датируется услов-но по содержанию стихотворения, по-видимому связанно-го с темой встречи 1945 г. и «невстречи» 1956 г. с И. Бер-лином (ср. строки 1–2 стихотворения «Другая песенка»: «Как сияло там и пело // Нашей встречи чудо»). На листе перед текстом стихотворения имеется поме-та: «26 августа. Слушаю Вивальди – Адажио. Шо-пен – мазурка.

«Обыкновенным было это утро...» Печ. впер-вые по автографу в собрании М.С. Лесмана (Фонтанный Дом). Записано на одном листе с наброском «Снова ветер знойного июля...». В строке 5 слова «благоуханьем стали» записаны поверх зачеркнутых «преобразились в запах». Датируется условно – 1956? – временем получения известия о скором приезде И. Берлина, с которым Ахма-това рассталась десять лет тому назад, т.е. в 1946 г.

Как будто вдруг светильники зажглись // Как те, что видел Иоанн когда-то. – См. Откровение свя-того Иоанна Богослова, 1, 12: «Я обратился, чтобы уви-деть, чей голос, говоривший со мною; и обратившись, уви-дел семь золотых светильников, и посреди семи светильни-ков подобного Сыну Человеческому, облаченному в подир и по персям опоясанного золотым поясом...» Бог через Иисуса Христа открыл Иоанну тайну прошлого и future-го, сказав, что семь звезд в его деснице – это семь Ангелов, а семь светильников суть семь церквей, что в этом со-стоит тайна семи звезд и семи золотых светильников, а сам Христос – «Держащий семь звезд в деснице Своей, Хо-дящий посреди семи золотых светильников». Взошедший на небо к престолу Божьему Иоанн увидел: «И от престо-ла исходили молнии и громы и гласы, и семь духов Божи-их» (4, 5). По-видимому, торжественный библейский об-раз был призван раскрыть высшую предопределенность, «сверкающую сущность» встречи, открывшуюся поэту де-сять лет назад и вновь повторяющуюся в «обыкновенное» московское утро, когда «вдруг слова благоуханьем стали». И тайный хор, тот, что в листе живет... – Веро-ятно, образ навеян песнью 28 «Чистилища» Данте, где опи-сано ожидание встречи с Беатриче. Данте в волшебном лесу под сенью святой горы слышит пение птиц:

Они, ликуя посреди деревьев,
Встречали песнью веянье востока
В листе, гудевшей их стихам припев.
(Перевод М. Л. Лозинского.)

Таким был голос певший... // Так нам его описывает Дант. – В песни 29 «Чистилища» описаны: пение «див-ной жены», возвещавшей приближение к раю, затем – звучание воздуха:

Каким-то нежным звуком зазвучал лучистый воздух... –
и наконец:

То дар, уму для различенья данный, Светильники признал в седмице с той. А пенье голосов признал «Осанной»... (Стихи 49–51).

Описания приближения встречи с Беатриче у Данте построены на использовании образов «Откровения святого Иоанна Богослова», упомянуто даже его имя (стих 105 – «Я с Иоанном – крылья исчисляя...»). Наконец, в песне 30 описано явление Беатриче – «в венке олив, под белым покрывалом / Предстала женщина, облачена // В зеле-ный плащ и в платье огне-алом», – эту часть «Божествен-ной комедии» Ахматова знала наизусть и любила читать по-итальянски. Встреча Данте с Беатриче

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
напомнила ему былую любовь, – «Всю кровь мою // Пронизывает тре-пет несказанный:
// Следы огня былого узнаю!» в пес-ни 32, строки 1–2: «Мои глаза так алчно
утоляли Деся-тилетней жажды жгучий зной».

Очевидно, в контексте поэтической системы Ахматовой естественным было сопоставление ее встречи через де-сятилетие с И. Берлиным – и встречи Беатриче – могу-щественной, мудрой, протягивающей руку помощи и – грешника Данте.

193 Из Ленинградских элегий. Печ. впервые по ав-тографу собрания М.С. Лесмана (Фонтанный Дом). Без даты. Датируется условно – 1956 ? – по содержанию: можно предположить, что набросок связан с темой приезда в Россию и «невстречи» с И. Берлином в августе 1956 г.

194 «Забудут? – вот чем удивили...» Впервые – журн. «Простор». Алма-Ата. 1969. № 8. С. 91, публи-кация А. Крюкова по автографу РГАЛИ, вариант стро-ки 8: «В тумане восстать голубом»; альм. «День поэзии». М. 1972. С. 246. В плане и рукописи кн. «Нечет» входило под № 3 в цикл «Рго Domo tea» (Про мои дела. – лат.) из четырех стихотворений – см. – БО 1. С. 206–207, пуб-ликация М.М. Кралина (1. «Один идет прямым путем...», 2. «Но я предупреждаю вас...», 4. «Жить – так на воле...»). В РТ НО, л. 46 об. – под № IV в цикле без названия из пяти стихотворений (I. «Тринадцатый час», II. «Из-под каких развалин говорю...», III. «Не с лирою влюбленного...», V. «Я всем прощение дарю...»). Вне циклов – РТ 96, РТ 113 (в последнем иные знаки пре-пинания – в строке 1: «Забудут?! – Вот чем удивили»). В РТ НО и 113 строка 7: «Чтоб после, как феникс из пепла». Печ. по автографу РТ 96, л. 29 об. (РГАЛИ), дата – по экземпляру кн. «Стихотворения Анны Ахма-товой 1909 – 1946» (РГАЛИ), куда вклеено В.Н. Ор-ловым.

Стихотворение было прочитано Л.К. Чуковской в сен-тябре 1957 г., после возвращения Ахматовой в Москву из Комарова, – см. ее запись 14 сентября 1957 г.: «Начала Анна Андреевна прочитала мне несколько стихотворений, твно обращенных к тому, приезжавшему И. Берлину. – Н.К.. Потом еще одно, которое я запомнила сразу, от первой строки до последней: «Забудут? Вот чём удивили!..» (Ч у к о в с к а я, 2. С. 260).

В земле истлевала зерном. – Образ восходит к словам Иисуса Христа, обращенным к ученикам за шесть дней до Пасхи, в Вифании: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падшее в землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода» (Ев. от Иоанна, 12, 24). Образ широко распространен в поэзии, см., например, «Путем зерна» В. Ходасевича (1917):

... Так и душа моя идет путем зерна: Сойдя во мрак, умрет – и оживет она... (Х одасевичВ. Стихотворения. Л., Сов. писатель. 1989. С. 94. Б-ка поэта. Большая сер.)

195 « Ты напрасно мне под ноги мечешь...» Впер-вые – ВРСХД. 1970. С. 144, публикация Н.А. Стру-ве. Eng-Liedmeier, Verheul. P. 56–57; «Памяти Анны Ахматовой». С. 27, публикация Л.К. Чуковской. Стро-ки 1–4 – «Вопросы литературы». 1970. № 1. С. 176, публикация Э.Г. Герштейн. Автографы – в собрании В.Г. Адмони с датой – 1957. Москва, РНБ и РГАЛИ: РТ 96 л. 14 – строки 1–4 с эпиграфом; РТ 114, л. 239 – полный текст; перед текстом: «Из цикла «Ши-повник цветет»; два эпиграфа: «Вижу я, // Лебедь те-шится моя» и зачеркнутый: «humility is endiess. T.S. Eliot» («Смирение бесконечно. Т.С. Элиот»). Без разделения на строфы, варианты строк:

5: Разве этим развеешь обиды 14: Срама, скуки и той пустоты,

Варианты пунктуации, например:

17: Что ж, прощай! – Я живу не в пустыне.

Без даты, место написания – Москва, Ордынка. Печ. по автографу в рукописи кн. «Бег времени» (РГАЛИ), где имело неверную дату – 1958. Уточнение даты – по автографу РНБ.

Л.К. Чуковская записала в дневнике 13 апреля 1957 г., что стихи были ей прочитаны 12 апреля: «Вчера у Анны Андреевны. Она прочитала мне новые стихи, страшнова-тые. «А за нею темнеет дорога, / / По которой ползла я в крови». И последние строки я запомнила:

Так спаси же меня от гордыни! В остальном я сама разберусь».

(Ч у к о в с к а я, 2. С. 252).

В 1963 г., по свидетельству Л.К. Чуковской, ей было продиктовано это стихотворение и одновременно подаре-ны машинописные листы с текстами стихотворений под загл. «Еще пять, или Стихотворения из цикла «Сожженная тет-радь (Шиповник цветет)» (Ч у к о в с к а я, 3. С. 82–83). Шестое – примыкало к этому циклу.

Эпиграф из «Сказки о царе Салтане» А.С. Пушкина.

Ты напрасно мне под ноги мечешь... – По наблю-дениям Э.Г. Герштейн, глагол «мечешь» пришел в ахма-товскую поэзию из Пушкина. В ее экземпляре однотомни-ка против подчеркнутых ею строк:

А перед ним воображенье Свой пестрый мечет фараон –

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat pomечено ee рукой: «Ср. «мечут нам чистый баламут» (письмо к Вяземскому 5 ноября 1830 г.) – Э.Г. Герштейн. При-мечания. В кн.: Ахматова А. О Пушкине. М., 1989. С. 303.

Не притронусь я дулом к виску. – По мнению М.М. Кралина (БО 1. С. 421), перекликается со строками В.И. Нарбута: «Обиду стерла кровь.// И ты, ты дума-ешь, по нем вздыхая, / / Что я приставлю дуло (я!) к вис-ку?» (стихотворение «Самоубийца»).

196 «Янад нмн склонюсь, как над чашей...» Впер-вые строфы 3 и 4 как отдельное стихотворение «О, как пря-но дыханье гвоздики...» – «Стихотворения», 1961. С. 289, № 6 в цикле «Тайны ремесла», без разделения на строфы, без посвящения; то же – «Бег времени». С. 299, с посвя-щением: «Осипу Мандельштаму»; № 9 в цикле «Тайны ре-месла», в разд. «Седьмая книга». Варианты строк:

11: Там, где кружатся Эвридики; 13: Там, где наши проносятся тени; 15: Там, где плещет Нева о ступени, –

Дата под стихотворением отсутствует; общая дата ко всему циклу из десяти стихотворении: 1936–1960. Впер-вые полный текст из пяти строф – журн. «Звезда Восто-ка». 1966. № 6. С. 42, под загл. «Из «Венка мертвым». В БП – оба варианта текста: восьмистишие «О, как пря-но дыханье гвоздики...» в основном тексте. С. 205–206, в цикле «Тайны ремесла», с датой – 1957; полный текст – в разд. «Другие редакции и варианты». С. 405 – 406. Автографы полной редакции – фонтанный Дом и РГАЛИ. Включалась Ахматовой в планы неосуществ-ленных книг и циклов. Впервые в 1950-е годы было вклю-чено в кн. «Тростник», которую составляли стихи 1924– 1940 гг., вслед за стихотворением «И город весь стоит оле-денелый...» («Воронеж»). В рукописи кн. «Бег времени» – под номером IV в цикле «Венок мертвым». Первая и пятая строфы как отдельное стихотворение под загл. «Пожелтелые листья», с посвящением О.М. – в цикле «Милые тени» («Отъгае adoratae») вместе со стихотворе-нием «Поздний ответ» («Невидимка, двойник, пересмеш-ник...»), посвященным М. Цветаевой, и «Прощание» («Умолк вчера неповторимый голос...»), посвященным Б. Пастернаку, – автографы РГАЛИ и Фонтанного Дома. Варианты строк: 4: Это вещая грозная весть; 17: Там и ключики от квартиры; 19–20: Там и зовы таинственной лиры, На посмертном гостящей лугу.

(См. этот вариант текста в БО 1. С. 415, в комментариях М.М. Кралина). В автографах собрания В.Я. Виленкина и М.С. Лесмана (Фонтанный Дом) – две даты – 10 мая 1957. Москва – 5 июля 1957. Комарове В плане «До-бавления к книге 1958 г.» (РНБ) – дата – 5 июля 1957. Комарове Варианты исправления строк в черновом авто-графе собрания М.С. Лесмана (Фонтанный Дом):

2: В них знакомых заметок не счесть 4: [Грозовая и] Это черная нежная весть
Строки 13 – 16 отсутствуют. 19– 20: Это [самой] голос таинственной лиры
На загробном [звучащей] гостящей лугу.

Печ. по автографу РГАЛИ. Дата – по автографам в со-браниях В.Я. Виленкина и М.С. Лесмана (Фонтанный Дома) и дневникам Л.К. Чуковской.

Я над ними склонюсь, как над чашей. – Над руко-писями Мандельштама, которые сохранила и показывала Ахматовой в 1957 г. Н.Я. Мандельштам. И мая 1957 г. Ахматова дала прочесть Л.К. Чуковской восторженные строки Мандельштама, посвященные ее поэзии. «В печа-ти, в 1923 году, Осип дважды меня обругал, – сказала Анна Андреевна. – «Столпник паркета» и еще как-то. Подумайте: если бы эти листочки не нашлись, было бы из-вестно об отношении Мандельштама к поэзии Ахматовой только то, напечатанное. Оно и вошло бы в учебники, только оно. Этот случай навел меня на грустные размышления об истории литературы вообще: какова же степень нашей ос-ведомленности об отношении друг к другу литераторов XIX века? Выходит, все зависит от случая. Не найди Надя случайно эти листочки – и не только другие – я сама не узнала бы никогда, как относился к моей поэзии Осип» (Ч у к о в с к а я, 2. С. 256–257). По-видимому, впечат-ление, которое произвели на Ахматову строки Мандельш-тама о ней, дало толчок к началу работы над стихотворени-ем. Окровенной юности нашей... –Ахматова и Ман-дельштам знакомы с 1911 г.; одновременно в журн. «Аполлон» появились их первые стихи, одновременно они стали посещать «башню» Вяч. Иванова, вошли в первый «Цех поэтов» и стали «акмеистами». Сходным было и их восприятие революции, – см. об этом в стихотворении Мандельштама «Кассандре» (1917), которое Ахматова счи-тала обращенным к ней:

И в декабре семнадцатого года Все потеряли мы, любя: Один ограблен волею народа,
Другой ограбил сам себя ...

Касатка милая, Кассандра, Ты стонешь, ты горишь – зачем сияло солнце Александра,
Сто лет назад, сияло всем?

Когда-нибудь в столице шалой, На скифском празднике, на берегу Невы, При звуках омерзительного бала Сорвут платок с прекрасной головы...

(Мандельштам. О. Собр. соч.: в 4 т. М., 1993. Т. 1. С. 132.)

Мандельштам относился с глубоким уважением к Н.С. Гумилеву, которому он посвятил

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat одно из лучших ран-них стихотворений «Над желтизной правительственных зданий...» (1913). Арест и расстрел Гумилева восприняты Мандельштамом как трагедия. В 1928 г., 25 августа, в го-довщину смерти Гумилева, он послал Ахматовой письмо из Крыма: «Знайте, что я обладаю способностью вести вооб-ражаемую беседу только с двумя людьми: с Николаем Степановичем и с вами. Беседа с Колей не прерывалась и, никогда не прервется» (М андельштам О.Т. 4. С. 101). Письмо приводится Ахматовой в ее воспоминани-ях о Мандельштаме «Листки из дневника».

Н.Я. Мандельштам связывает с высоким понятием дружбы поэтов, в круг которых входила и Ахматова, сти-хотворение Мандельштама «В Петербурге мы сойдемся снова...» (1920):

...В черном бархате советской ночи, В бархате всемирной пустоты Все поют блаженных жен родные очи, Все цветут бессмертные цветы.

(Мандельштам О.Т. 1. С. 149.)

Ахматовой посвящены семь стихотворений Мандель-штама; о нежной дружбе между поэтами в 1917–1918 гг., закончившейся предостережением Ахматовой, что частые их встречи могут быть неправильно поняты окружающи-ми (см. также в воспоминаниях Ахматовой о Мандельш-таме «Листки из дневника», над которыми она начала работать в 1957 г.). В папке с надписью: «Осип Ман-дельштам. 1957. Москва» (РНБ) – имеется лист чер-нового автографа текста ахматовского стихотворения. В 1957 г. была создана комиссия по литературному насле-дию Мандельштама при Союзе писателей, куда в мар-те 1957 г. вошла и Ахматова.

Это кружатся Эвридики... – Здесь и далее Ахма-това использует образы из стихотворения Мандельштама; ср., например: «Ничего, голубка Эвридика» из стихотво-рения «Чуть мерцает призрачная сцена...» (1920). Эври-дика – в греческой мифологии – супруга поэта и певца Орфея, который после ее смерти отправился в подземное царство, своим пением покорил его владык и убедил вер-нуть ему любимую. Однако, возвращаясь с Эвридикой из подземного царства, Орфей, вопреки запрету, взглянул на нее и потерял ее навсегда. В опере Глюка «Орфей», постав-ленной В.Э. Мейерхольдом в 1911 г. на сцене Мариинско-го театра, хоровод Эвридик танцует на загробном лугу. В стихотворении Мандельштама «Чуть мерцает призрач-ная сцена...» (1920), возможно, речь идет об этом спек-такле. Бык Европу везет по волнам... – Сюжет гречес-кого мифа о похищении Зевсом, принявшим образ Быка, дочери финикийского царя Европы использован художни-ком В.А. Серовым в картине «Похищение Европы», кото-рая послужила поводом для стихотворения Мандельштама «С розовой пеной усталости у мягких губ...» (1922), обра-зы которого использовала Ахматова (ср.: «Нежные руки Европы, берите все! // Где ты для выи желанней ярмо най-дешь?») – Мандельштм О.Т. 2. С. 37. Это клю-чки от квартиры... – Образ перекликается со строкой Мандельштама «Полночный ключик от чужой кварти-ры...» из стихотворения «Еще далеко мне до патриарха...» (1931, при жизни поэта не печатавшегося), рукопись кото-рого была опубликована Н.Я. Мандельштам в 1966 г. – журн. «Простор». 1966. № 11. С. 10. Это голос таин-ственной лиры, // На загробном гостящей лугу. – Лыры погибшего Мандельштама, которого Ахматова упо-добляет Орфею. Ср. строки Мандельштама: «О, широкий ветер Орфея...» из стихотворения «Отчего душа так певу-ча...» (1911) и «Я в хоровод теней, топтавших нежный луг, //С певучим именем вмешался...» (1920).

197 «я подымаю трубку. Я называю город...»

Впервые – альм. «День поэзии». М. 1973. С. 259, с да-той – 1956, публикация Н.А. Жирмунской. Автограф – РНБ. По мнению М.М. Кралина (БО 2. С. 335), стихот-ворение является «воспоминанием о телефонном разговоре с И. Берлином».

Печ. по автографу в альбоме Л.Д. Боль-шинцовой (Фонтанный Дом).

Автограф черновой, с датой – 19 июня 1957 года. Варианты строк с правкой:

я подымаю трубку. Я вызываю город [И] Мне отвечает голос – какого на свете нет... [И] Я не так одинока, [И мне почти что не страшно] проходит смертельный холод [И] нежный вокруг струится, едва голубея, свет. [И] я говорю: «О Боже, кто мог бы еще [подумать]

не верю,

что будет такая встреча в эфире двух голосов». И ты отвечаешь [твердо, уверенно и знакомо]:

«Долго ж ты помнишь свою потерю, Я даже в смерти услышу

[Этот волн] твой, ангел мой, [первый] дальний зов». Но, Боже, вместо ответа на то, что [тебе сказала]

тебя спросила

Далее – строки 10–16 без изменений. Варианты строк в автографе РНБ, по которому стихотворение опублико-вано в БП. С. 314:

1: я подымаю трубку – я называю имя

3: я не так одинока, проходит тот смертный холод,

4: Тускло вокруг струится, едва голубея, свет.

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
5: Я говорю: «О Боже, нет, нет, я совсем не верю»
Вместо строк 9–16 – строка точек и заключительная строка: «Похолодев от страха,
свой собственный слышу стон».
198 Август. Впервые – лит. прилож. к газ. «Русская мысль». Париж. 1989. № 3786;
журн. «Октябрь». 1989. № 10. С. 184, публикация Р.Д. Тименчика по автографу из
собрания М.С. Лесмана. Печ. по этому автографу (Фонтанный Дом).
По свидетельству З.Б. Томашевской, написано на смерть ее отца, Б.В.
Томашевского, утонувшего в результате сердечного приступа в Черном море 24
августа 1957 г. О его смерти Ахматова узнала в Комарове 27 августа. Этим числом
помечена телеграмма Ахматовой вдове Б.В. Томашевской, Ирине Николаевне
Медведевой: «Горько оплакиваю великого ученого. Благодарю друга. Ахматова
(сообщено З.Б. Томашевской М.М. Кралину, см. БО 2. С. 333). Томашевский Борис
Викторович (1890–1957) – крупнейший филолог, один из основателей российской
школы текстологии. И всех месяцев он страшней... – Л.К. Чуковская записала 28
августа 1939 г. слова Ахматовой, сказанные ею после получения известия о
предстоящей отправке Л.Н. Гумилева в ссылку на Север: «Август у меня всегда
страшный месяц... всю жизнь...» (Ч у к о в с к а я, 1. С. 42). См. также
коммент. к стихотворению «К музыке» («Сталая, как втегода, бессонной...»).
Столько праздников и смертей. – Речь идет о церковных праздниках Серафима
Саровского, пророка Ильи, Марии Магдалины, целителя Пантелеймона, иконы
Смоленской Божьей Матери «Одигитрии», Преображения Господня и др. Смерти –
А.А. Блока, Н.С. Гумилева, отца Ахматовой – А.А. Горенко. Разрешенье вина и
елей, j j Спас... – В августе две недели (с 14-го по 28-е) продолжается
Успенский пост, установленный в память ус-пения (смерти) Божьей Матери. Рыба,
вино и елей разрешаются во время Второго Спаса («Яблочного»), когда после
литургии производится освящение плодов. З'спение... – 15 (28) августа отмечается
один из двенадцатых православно-церковных праздников, установленный в память
успения Пресвятой Богородицы – Девы Марии, Матери Иисуса Христа.
199 Эпиграмма. Впервые – «Литературная газета». 1960. 29 октября; «День
поэзии», л. 1961. С. 55; «Бег времени». С. 298, под № 7 в цикле «Тайны ремесла»,
без даты. В рукописи кн. «Бег времени» – неверная дата –
1958. Дата – 1957. Комарове лето – в автографе из собрания В.Г. Адмони. В плане
кн. «Нечет» дата – 1957. Лето. Электричка. Печ. по кн. «Бег времени», дата – по
автографу из собрания В.Г. Адмони.
14 сентября 1957 г. было прочитано Ахматовой Л.К. Чуковской в числе других новых
стихов лета 1957 г., написанных в Комарове, из цикла «Шиповник цветет. Из
сожженной тетради»: «Забудут? Вот чем удивили...» и «Эпиграмма», которую Л.К.
Чуковская запомнила наи-зуть и привела в своем дневнике (Ч у к о в с к а я, 2.
С. 260).
Биче (Беатриче) – возлюбленная и героиня поэзии Данте. Лаура – возлюбленная и
героиня любовной лирики Петрарки.
200 Музыка («в ней что-то чудотворное горит...»). Впервые – газ. «Литература и
жизнь». 1959. 5 апреля, в подцензурной редакции:
В ней что-то чудотворное горит, И вся она немисливо лучится. Она сама со мною
говорит И утешать мне душу не боится.
Открыты широко ее глаза,
И грозен за плечами блеск воскрылий...
И это все – как первая гроза
Иль будто все цветы заговорили.
Тот же текст – Стихотворения, 1961. С. 275, с датой – 1958, без посвящения.
Авторская редакция впервые – в статье Л.А. Озерова «Тайны ремесла» в его кн.
«Работа поэта». М., 1963. С. 183; то же – «Бег времени». С. 409, с посвящением:
«Д.Д.Ш.» и датой – 1958. Автограф ранней редакции с датой – 10 сентября 1957,
под загл. «Из цикла «Музыка», без посвящения – РТ 97, л. 4 об. (РГАЛИ). Строки
1–2 :
В ней что-то непрестанное горит И на глазах ее углы гранятся.
Автограф подцензурной печатной редакции – РТ 98, л. 27 об., с датой – 1958.
Автограф с датой – 1958, 31 января, Ленинград и посвящением «Д.Д.Ш.» – в
экземпляре кн. «Стихотворения», 1946, вклейка В.Н. Орлова (РГАЛИ). Печ. по кн.
«Бег времени», дата – по автографу РГАЛИ (РТ 97).
Посвящено Дмитрию Дмитриевичу Шостаковичу (1906–1975), музыку которого Ахматова
высоко ценила. Она была потрясена Седьмой симфонией Шостаковича и запечатлела ее
в строках «Поэмы без героя». Ахматова и Шостакович были знакомы лично. Именно от
Шостаковича она получила первое после многих лет известие из США от своего
брата, Виктора Андреевича Горенко, который оказался одним из охранников
Шостаковича во время его приезда в США. В беседе С. Волкова и И. Бродского
приведено высказывание Ахматовой об Одиннадцатой симфонии Шостаковича «1905
год»: «Волков. Анне Андреевне принадлежит удивительно тонкое замечание о музыке

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
Одиннадцатой симфонии Шостаковича. Об Одиннадцатой симфонии приходится слышать
вещи уничижительные, поскольку автор дал ей название «1905 год». А Ахматова
сказала, что там «песни летят по небу, как черные облака». Я не могу даже
передать, насколько точно это услышано. И в то же время Ахматова не восприняла
прелести «еврейского» вокального цикла Шостаковича. Там она услышала только
ужасные с поэтической точки зрения слова. ... Шостакович ... дал ее высокий
музы-кальный «портрет» в своем вокальном цикле «Шесть сти-хотворений Марины
Цветаевой» (В о л к о в С. Вспоми-ная Анну Ахматову. Разговор с Иосифом
Бродским. Ах-матовские чтения. Вып. 3 – «Свою меж вас еще оставив тень...». С.
82–83).

201 «Все, – кого и не звали, – в Италии...»

Впервые строки 1–4 в статье М. Мейлаха и В. Топорова «Ахматова и Данте» – журн.
«International Journal of Slavic Ling. And Poetics». The Hague. 1972. № XV. P.
62. Впер-вые полностью – ВРСХД. 1976. № 117. С. 161, публи-кация Н.А. Струве в
ранней редакции:

Все, кого и не ждали в Италии, – Шлют с дороги прощальный привет. Я осталась в
моем Зазеркалий, Где ни Рима, ни Падуи нет. Под святыми и вечными фресками Не
пройду я знакомым путем и не буду с леонардесками Переглядываться тайком. Никому
я не буду сопутствовать И охоты мне странствовать нет... Мне к лицу стало всюду
отсутствовать Вот уж скоро четырнадцать лет.

Дата – Москва. Конец 1957 – начало 1958 г. То же – Соч., 3. С. 83. В той же
редакции – журн. «Литератур-ная Грузия». 1979. № 7. С. 87, публикация М.М.
Крали-на по автографу РНБ. Разночтения по сравнению с публи-кацией Струве в
строках:

1: Все, кого и не звали, в Италии, – 5: Под святыми и грешными фресками 6: Не
пойду я знакомым путем

Дата – 26 сентября 1957, 7 февраля. Москва.

Поздняя редакция 1963 г. по автографу РГАЛИ – впервые – БО 1. С. 246, в цикле
«Из заветной тетради». Печ. по автографу РГАЛИ (РТ ПО, л. 7 об.), дата – по
раннему автографу. В РТ 110 дата – 16 апреля 1963 (окончено), поправка в строке
6: «Все [повернуто будет] навек повернулось вверх дном».

Леонардески – женские портреты работы учеников Леонардо да Винчи, в 1910-е годы
термин употреблен в сти-хотворении Н.В. Недоброво «Во взгляде ваших глаз, то
веском...»: «Ах, вас бы подвести к леонардескам / / В му-зее // Польди-Пеццоли в
Милане...» («Северные запис-ки». 1913. № 2).

202 «Этой ивы листы в девятнадцатом веке увя-ли...» Впервые – «Стихотворения»,
1958. С. 65, без загл., в цикле из двух стихотворений (1. «О, горе мне! Они тебя
сожгли...») под общим названием «Городу Пушкина»; то же – «Стихотворения», 1961.
С. 265, дата – 1957; «Бег времени». С. 415–416, дата – 1957. В автографе РГАЛИ –
иная редакция, отличающаяся заглавием, эпиг-графом и последними строками:

ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ ЭЛЕГИЯ

(Памяти друга)

Сады прекрасные! Под сумрак ваш священный Вхожу с поникшею главой

Пушкин

Строки 7–8:

И туда не вернусь, но возьму и за Лету с собою Очертанье земное прекрасных
загробных садов.

Эпиграф из стихотворения «Воспоминания в Царском Селе» А.С. Пушкина; загл. –
«Царскосельская элегия» – переключается с названием «Царскосельская ода»
(«Насто-ящую оду...»). Печ. по кн. «Стихотворения», 1958. Уточне-ние даты – по
автографам РГАЛИ и Фонтанного Дома.

Памяти друга. – Редакция стихотворения, имеющая этот подзаголовок, обращена к
умершим друзьям, с которыми была связана юность поэта («Полстолетья прошло...»).
Уподобление царскосельских парков «прекрасным загробным садам» в 1950–1960 гг.
не могло появиться в печати в том числе и потому, что слишком явно указывало на
круг друзей-царскоселов – расстрелянного Гумилева, умерших Кома-ровского и
Недоброво, погибшего в лагере Лунина. Одича-лые розы пурпурным шиповником
стали... – ср. со стро-ками И. Анненского из стихотворения «Л.И. Микулич» об
одичалых розах Екатерининского парка:

Там воды зыблются светло И гордо царствуют березы. Там были розы, были розы,
Пускай в поток их унесло.

(Анненский И. Стихотворения трагедии. Л.: Сов. писатель, 1990. Б-ка поэта,
Большая сер. С. 198 и 582.)

я в беспмятстве дней забывала течение годов... – ср. надпись Мандельштама на
его кн. «Камень»: «Анне Ахматовой – вспышки сознания в беспмятстве дней.
Почтительно – автор». Текст этой надписи Ахматова при-водит в начале своих
воспоминаний о Мандельштаме «Ли-стки из дневника», над которыми она работала в
1957 г. В октябре–декабре Ахматова читает Л.К. Чуковской «но-вые записки об

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
Осипу Эмильевиче» (2 октября) и «стихотворение о Царском и о Лицее, написанное
5 октября» (20 октября) (Ч у к о в с к а я, 2. С. 268, 270). Царскому
Селу посвящено в кн. «Камень» стихотворение «Поедем в Царское Село!» (1912). В
1910–е гг. Манделштам посещал в Царском Селе семейство Гумилевых. В 1925 г.
Ахматова жила в Царском Селе в пансионе Зайцева «в одном коридоре» с
Манделштамами (и она, и Надежда Яковлевна были больны туберкулезом). В это
время Манделштам «диктовал» ей свои воспоминания о Гумилеве. «Одну зиму
Манделштамы (из-за Надиного здоровья) жили в Царском Селе, в Лицее. Я была у
них несколько раз – приезжала кататься на лыжах. Жить они хотели в полуциркуле
Большого дворца, но там дымили печки или текли крыши. Таким образом возник
Лицей» («Листки из дневника»).

Тема отношения Манделштама к Царскому Селу занимала Ахматову. Она писала: «Для
Осипа Эмильевича нисколько не было интересно, что там когда-то жили и
Жуковский, и Карамзин. ... То же подчеркнутое невнимание в строке – «Там
улыбаются уланы». В Царском сроду улан не было, а были гусары, желтые кирасиры и
конвой». В черновике воспоминаний Ахматова записала: «Вообще же темы
«Манделштам в Царском Селе» – нет и не должно быть. Это был корм не для него».
В автографе собрания М.С. Лесмана (Фонтанный Дом) дата – 3 октября 1957. Москва.

Варианты и исправления строк:

1: Этой ивы листья в девятнадцатом веке завяли 2: [Только в песне его серебристее
стали стократ] [чтобы в строчке стиха серебристее стали стократ] [чтобы в
строчке стиха серебристей струиться стократ] 8: Отраженье земное прекрасных
загробных садов.

В редакции, вошедшей в цикл «Городу Пушкина» в книгах 1958–1965 гг., «тема
друга» приглушена (остались только «Полстолетия прошло...», «лицейские гимны»
и «мои царскосельские сады»), стихотворение обращено к памяти Пушкина и к
городу его имени.

203 «Не мудрено, что похоронным звоном...»

Впервые – «Литературная газета». 1964. 25 июня, в подцензурной редакции 1-я
строфа:

Не мудрено, что не веселым звоном Звучит порой мой непокорный стих И что грущу.
Уже за флегетоном Три четверти читателей моих.

Эта редакция – Б. П. С. 299, основной текст. Дата – 3 марта 1958. Болшево. Другая
редакция – сб. «Памяти Анны Ахматовой». С. 9, публикация Л.К. Чуковской, с
разночтениями в строках:

3: Пустынно здесь! Уже за флегетоном 6: Мне оттого вы каждый день милей.

в РТ 97, л. 1–1 об. (РГАЛИ) – черновой автограф более полной ранней редакции:

Не мудрено, что [колокольным] похоронным звоном Звучит порой непокоренный стих.

Пустынно здесь! Уже за [Ахероном] флегетоном Три четверти читателей моих.

И те, с кем я пила вино в подвале, [Завистницы] Нарядные соперницы, враги, И те,
кто мне стихи свои читали, Умолкли голоса их и шаги.

И те, с кем я, делясь [последней коркой] последним
хлебом

Беседы в годы черные вела,
И те, с кем под Азийским звездным небом

Возврата в город мой родной ждала.

И вы, друзья! – осталось вас немного,

Последние, вы мне [всего] еще милей. [Какой короткой] Короткой сразу сделалась
дорога, которая [длиннее всех была] которая казалась всех длинней.

Болшево, комната № 7 3 марта 1958

в РТ 98, л. 9 об. – чистовой автограф под загл.: «Им». Строка 7: «Короткой сразу
сделалась дорога». Дата – как в РТ 97. Еще один автограф в РТ 101, л. 13 об.

(РГАЛИ) отражает размышления автора, включать ли это стихотворение под № 1 в
цикл «Бег времени» (2. «Что войны? Что чума? – конец им виден скорый...»).

Текст зачеркнут – помета рукой Ахматовой: «Не надо».

Варианты строк:

3: Пустынно здесь – уже за флегетоном 6: Вы оттого мне с каждым днем милей, 8:
Та, что казалась всех дорог длинней.

РТ 108, л. 9 об. – автограф без загл. и без даты. Варианты строк:

1: Не мудрено, что [колокольным] похоронным звоном 3: Пустынно здесь! – уже за
флегетоном 6: Вы оттого мне с каждым днем милей. 7: Такой короткой сделалась
дорога,

В автографе РТ 110, л. 144 об. дата – 1962. Комарово. Строки 3 и 6 в
окончательной редакции:

3: Пустынно здесь! – Уже за флегетоном 6: Мне оттого вы с каждым днем милей...

Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110, 144 об.). Дата – по раннему автографу РТ 97.

Ахерон, флегетон – в античной мифологии реки, окружающие подземный мир (царство
мертвых). В «Боже-ственной комедии» Данте Ахерон (Г р е ч. – река скорби)

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
опоясывает первый круг Ада, Флегетон (г р е ч. – жгу-чий)– кольцеобразная река
кипящей крови вокруг нижнего Ада, спускающаяся вниз кровавым ручьем до озера
Коцит. Замена названия реки в вариантах Ахерон на Флегетон для знающих текст
Данте была значимой и указывала на траги-ческую судьбу. Болшево – санаторий под
Москвой, где Ахматова лечилась несколько раз, в том числе в марте 1958 г.
204 Рисунок на книге стихов. Впервые – журн. «Наш современник». 1960. № 3. С.
178, под загл. «Порт-рет автора в молодости»; «Стихотворения», 1961. С. 276, под
загл. «Рисунок на первой книге стихов», дата – 1958. «Бег времени». С. 424 – под
загл. «Рисунок на книге сти-хов», дата – 1958. В автографе РТ 97, л. 38 об.
(РГАЛИ) загл.: «В старом зеркале, или Надпись на книге «Вечер» 1912», с
разночтениями и исправлениями строк:

1–2: Он не траурный, – он не мрачный, [Его нет, или он дымок] Он совсем как
сквозной дымок; 4: Бело-черный легкий венок.

23 мая 1958

В авторизованной машинописи (РГАЛИ) – загл. «Надпись на первой книге, или
Портрет автора в молодос-ти», дата – 1958. Печ. по кн. «Бег времени», с
уточнени-ем даты по автографу РГАЛИ (РТ 97). Загл. «Портрет автора в молодости»
корреспондирует с названием повести Дж. Джойса «Портрет художника в молодости».
Речь идет о рисунке Е.Е. Лансере на фронтисписе книги «Вечер» (в три краски),
изображающую задумчивую девушку
(Музу?) с книгой, у дерева на берегу, в которой отчетливо угадываются черты
Ахматовой.

205 «Позвони мне хотя бы сегодня...» Впервые – БП.С. 299, по автографу РГАЛИ; то
же – БО 2. С. 64. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 97, л. 15 об.).

Написано в Комарове.

206 Приморский сонет. Впервые – газ. «Лите-ратура и жизнь». 1959. 5 апреля, под
загл. «Летний со-нет»; то же – «Стихотворения», 1961. С. 273– 274, с датой –
1958, Комарово; «Бег времени». С. 408, под загл. «Приморский сонет», первое
стихотворение в разд. «Нечет», дата – Комарово, 1958. Черновой автограф под
загл. «Летний сонет (Приморский)» – РНБ, дата – 16–17 июня 1958 г. Еще один
черновой автограф – РТ 97, л. 22, с датой – 1958. 16–17 июня Комарово.

Первоначальное название – «Сонет», позже исправлен-ное на «Приморский сонет»,
без разделения на строфы. Варианты и правка строк:

2: Всё, даже старые скворешни, 5: И голос вечности [поет] зовет 6: С
неотразимостью нездешней 8: Сиянье свежий месяц льет. 10: [Дорога] в чаще
изумрудной Белея

11: [Где заблудились тополя]

Которая туда ведет

Дорога не скажу куда. 12: Где меж стволов еще светлее 14: [Где в Царском бродит
тень моя]

[Где в Царском тень моя живет]

У царскосельского пруда.

В экземпляре книги «Стихотворения», 1946 (РГАЛИ); вклеено В.Н. Орловым, под
загл. «Последний сонет», строки 9–14:

И кажется такой нетрудной

Дорога в чаще изумрудной,

Которая туда ведет,

Где меж стволов еще светлее,

И все похоже на аллею,

Где в Царском тень моя живет.

Печ. по кн. «Бег времени», уточнение даты – по РТ 97.

В дневнике Л.К. Чуковской от 19 декабря 1958 г. за-пись о том, как Ахматова
вписала сонет в книгу «Стихот-ворения», 1958, которую подарила Л.К. Чуковской в
этот день. Загл. «Последний сонет», окончательная редакция текста, дата – 1958
июнь, Комарове (Ч у к о в с'к а я, 2. С. 344. На с. 343 – воспроизведение
автографа, записан-ного на странице, открывающей разд. «Переводы»).

207 «Кому и когда говорила...» Впервые – сб. «Памяти Анны Ахматовой». С. 16, под
№ IV в цикле «Че-репки», без даты и без эпитафия; журн. «Горизонт». 1988. № 4,
публикация Л.К. Чуковской. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114, л. 242), где
записано под № IV в цикле «Черепки» с эпитафом из стихотворения испанского
по-эта Леона Фелипе (1884–1969) «Дознание» в пер. А. Гё-лескула. Дата в РТ 97,
л. 26 об.: 1958? – над стихотворе-нием, 27 июня – в верхнем правом углу
страницы, напи-сана одновременно с правкой строк 1 и 3. Ранняя редакция, отличия
в строфе 1:

Зачем и кому я сказала, Зачем про себя ие таю,

Что каторга сына сожрала, Что Музу засекали мою.

Цикл «Черепки» был составлен Ахматовой летом 1958 г. 30 октября 1958 г. она
«опять читала» цикл Л.К. Чу-ковской (Ч у к о в с'к а я, 2. С. 328). Цикл состоял

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
из пяти стихотворений (I. «Мне, лишённой огня и воды...», II. «Вот идоспорился,
яростный спорщик...», III. «Семь тысяч три километра...», IV. «Кому и когда
говорила...», V. «Вы меня, как убитого зверя...»). Общий эпиграф ко всему циклу
– «You cannot leave your mother an orphan. Joyce» («Ты не оставишь свою мать
сиротой. Джойс». – англ.) из романа Дж. Джойса «Улисс».

В РТ 111, л. 37 об. существует запись цикла «Череп-ки» из шести стихотворений
(II. «Из-под каких развалин говорю.;»). В цикл «Черепки» стихотворение «Кому и
когда говорила...» включалось без эпиграфа, возникше-го в начале 1965 г., после
чтения Ахматовой стихотворения Леона Фелипе «Дознание» в журн. «Иностранная
литера-тура». 1964. № 12, в переводе А.М. Гелескула. Перевод она нашла
превосходным, о чем писала И.А. Бродскому. Черновик письма – РТ ИЗ, л. 13 и 12
об.: «Я умираю от черной зависти. Прочтите «Ин. лит.» № 12 – «Дозна-ние» Леона
Фелипе... Там я завидую каждому слову, каж-дой интонации. Каков старик. И каков
переводчик. Я еще таких не видывала...»

208 «Одичалая и немая...» Впервые – «Записные книжки», С. 16. Печ. по автографу
РГАЛИ (РТ 97, л. 27). Записано среди произведений и набросков июня 1958 г.;
по-видимому, предшествует началу работы над «Седьмой Север-ной элегией», отрывки
которой записаны на листах 27–29 и имеют дату –1958. Ленинград. 3 июня. Красная
Конница.

Двустроchie в дальнейшем было использовано Ахма-товой в строфе «Поэмы без героя»:
[После всех вступает] «Седьмая» Рядом с ним и моя «Седьмая», Озверелая и немая,
[И ее обугленный рот] – Рот ее сведен и открыт, Словно рот трагической маски, Но
он [самой сухой замазкой]

черной покрашен краской [Как сухую]
и могильной землей набит [От такой верно мало толка]

См. также т. 3. с. 614–615.

209 Из Седьмой Северной элегии («...А я мол-чу – я тридцать лет молчу...»).
Впервые – «Я голос ваш...». 1989. С. 297–298, под загл. «Из Седьмой Се-верной
элегии», публикация В.А. Черных, с датой – 1958–1964. Ленинград; «Узнают голос
мой...». 1989. С. 286–287, публикация Н.Н. Глен и Л.А. Озерова. Печ. по
чистовому автографу РГАЛИ (РТ 114, л. 77–78). Дата в этом автографе после загл.
– (1958–1964) – означает время начала работы, которое можно уточнить по дате в
ран-нем черновом автографе (РТ 97, л. 28) – 1958. Ленин-град. 3 июня. Красная
Конница, – и время чистовой за-писи текста.

О продолжении работы над текстом элегии, возмож-но, свидетельствует запись в
рабочей тетради 1964 г.: «Ут-ром боролась со стихами, которые хотели
существовать, – а я не хотела. Это была которая-то Ленинградская Се-верная
элегия» (запись 15 сентября 1964 г.). Через некото-рое время Ахматова находит
старый автограф «Седьмой элегии», – см. запись 2 ноября 1964 г.: «Ночь на первое
была удивительной. «Пролог» приоткрылся, и мне удалось что-то сделать. Тогда же
я нашла Последнюю Ленинград-скую. Она написана примерно в 1958 г.» Запись 3
ноября 1964 г., ночь: «Пыталась переписать «Седьмую».

Возвращение в 1964 г. к работе над темами суда, при-говора, лагеря, возможно,
связано с судебным процессом над поэтом И.А. Бродским, одним из близких младших
друзей Ахматовой (см. запись 27 ноября 1964 г.: «Годов-щина начала дела
Иосифа»). Поскольку «Седьмая элегия» в творчестве Ахматовой занимает особое
место – по со-держанию, по своему значению – финала в композиции цикла «Северных
элегий» и по длительности работы над нею и ее трудности для автора, –
произведение так и оста-лось незавершенным, – приводим полностью его раннюю
редакцию июня 1958 г.:

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМОЙ (из «Седьмой Элегии»)

А я молчу – я тридцать лет молчу. Молчание арктическими льдами Стоит вокруг
бессчетными ночами, Оно идет гасить мою свечу. Так мертвые молчат, но то понятно
и менее ужасно.....

Мое молчанье слышится повсюду, Оно судебный наполняет зал, И самый гул молвы
перекричать Оно могло бы, – и, подобно чуду, Оно на все кладет свою печать. Оно
во всем участвует, о Боже! Кто мог придумать мне такую роль? Стать на
кого-нибудь чуть-чуть похожей,

О Господи! – мне хоть на миг позволь.

И разве я не выпила цикуту,

Так почему же я не умерла

Как следует – в ту самую минуту?

Пусть мне дадут теперь любую маску,

Пускай меня отпустят...

Та прежняя, что приросла к лицу,

Нет, не тому, кто ищет эти книги, Кто их [украл, кто даже переплел.]

[переплести богато мог] Кто носит их, как тайные вериги, Кто наизусть запомнил
каждый слог [Десятилетия слушает меня, когда молчу]

Нет, не к тому летит мое мечтанье,
И не тому отдам я благодать,
А лишь тому, кто смел мое молчанье
На стяге очевидном – написать,
И кто с ним жил, и кто в него поверил,
Кто бездиу ту кромешную измерил
Мое молчанье в музыке и в песне И в чьей-то омерзительной любви,
В разлуках, [в встречах] в книгах... В том, что неизвестней всего на
свете.....
Я и сама его подчас пугаюсь, Когда оно всей тяжестью своей Теснит меня, дыша и
надвигаясь, Защиты нет, иет ничего – скорей.
Кто знает, как оно окаменело. Как выжгло сердце [иссушило ум] Подумаешь! кому
какое дело,
Оно мою почти сожрало душу, Оно мою уродует судьбу,
Но я его когда-нибудь нарушу,
Чтоб смерть позвать к позорному столбу.
3 июня 1958

Ленинград. Красная Конница

211 Лирические отступления Седьмой элегии.

Впервые – БО 2. С. 90–92, с датой – 1958. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 97, л.
17–20 об.) с уточнением ряда неточностей и порядка строк.

По содержанию близко к Седьмой элегии (см. пре-дыдущий коммент.), к драме
«Пролог», содержащей опи-сание судебного процесса, и к ряду «зашифрованных»
строк «Поэмы без героя» (см. т. 3). Непосредственно после тек-ста «Лирических
отступлений» на л. 20 об. следует черно-вая запись варианта строфы из «Поэмы без
героя»:

Озверелая и немая, После всех вступает «Седьмая», И ее обугленный рот – Словно
рот трагической маски, Но он самой сухой замазкой Как сухою землей набит.

Тут же строфа переделана:

Рядом с ним и моя «Седьмая», Озверелая и немая, Рот ее сведен и открыт,
[До всех, кто был на гибель обречен] Всем так уютно и привычно в нем. Его со
мною делить согласны все вы, Но все-таки оно всегда мое
Словно рот трагической маски, Но он черной закрасен краской И могильной землю
набит. [От такой, верно, мало толка]

в РТ 97 (РГАЛИ) на л. 16 об. – 17 записано «Предис-ловие»: «Вскоре после
окончания войны я написала два длинные стихотворения белым стихом и окрестила их
«Ле-нинградскими элегиями». Затем я присоединила к ним еще два стихотворения
(«Россия Достоевского» 1940– 1942 г. и «В том доме» 1921), дав им новые заглавия
– «Предыстория» и «Первая Ленинградская». Ос-тальные – их было задумано семь –
жили во мне в раз-ной степени готовности, особенно одно («Седьмая, или Последняя
Ленинградская элегия») было додумано до конца, и, как всегда, что-то записано,
что-то потеряно, что-то забыто, что-то вспомнено, когда вдруг оказалось, что...»
– Последняя фраза от слова «когда..» вписана поз-же и не закончена, далее
следует текст: «Лирические от-ступления Седьмой Элегии».

...а в тридцать пять обманами и лестью... – Речь идет о триумфе Ахматовой в 1924
г. на вечерах журн. «Русский современник» в Москве. Дочь вождя – Светлана
Иосифовна Аллилуева (р. 1926). Отец – Иосиф Виссарионович Сталин (1878–1953). А
после выступают стукачи. – О докладах в НКВД, исхо-дящих от людей из ближайшего
окружения Ахматовой, многократно говорили Л.Н. Гумилев, В.Г. Адмони, сама
Ахматова. Существовала домашняя легенда о некой даме с пудреницей, в которую был
вмонтирован магнито-фон, – эту пудреницу дама раскрывала и «забывала» на столе
во время интересных бесед. Отставной генерал КГБ О.Д. Калугин рассказывал:

«Дело» было заведено

на Анну Ахматову в 1939 году с окраской: «Скрытый троцкизм и враждебные
антисоветские настроения», где содержались материалы, собираемые органами
Госбезо-пасности в течение многих предшествующих и последу-ющих лет. «Дело»
содержало немногим меньше 900 стра-ниц и составляло 3 тома.

Как бывшая жена расстрелянного «контрреволюцио-нера» поэта Гумилева, она попала
в поле зрения чекистов еще в 20-х годах. ... Под пристальным наблюдением
находились ее близкие – муж Николай Пунин и сын Лев Гумилев. ...

Заведенное «Дело» на Ахматову продолжалось в Ташкенте, куда она эвакуировалась в
годы Второй ми-ровой войны. В ленинградском «Деле» материалов это-го периода не
имеется – возможно, они еще находятся в Ташкенте. Однако «Дело» возобновляется в
Ленинг-раде в 1945 году (она вернулась в город в 1944-м). Но на этот раз – по
совершенно абсурдному подозрению: Ахматова – английский шпион». Калугин О. Дело
КГБ на Анну Ахматову // «Госбезопасность и литера-тура на опыте России и
Германии (СССР и ГДР)». М. 1994. С. 74–75.

214 «Ты кто-то из прежней жизни...» Впервые – «Книги и рукописи в собрании М.С.

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
Лесмана». С. 376, в статье Р.Д. Тименчика «Страницы черновиков Анны Ахматовой». Черновой автограф – в собрании М.С. Лесмана. Не датирован. Относится, по-видимому, к тому же времени, что и отрывок «Он не друг и не враг и не де-мон...». Последние две строки обоих отрывков (см. сле-дующий коммент.) были использованы Ахматовой не-сколько раз: в частности «Седьмая» – заключительная «Северная элегия», над которой Ахматова начала рабо-тать в июне 1958 г., имела одно время загл. «Последняя речь подсудимой». Печ. по автографу в собрании М.С. Лесмана (Фонтанный Дом).

215 «Он не друг и не враг и не демон...» Впер-вые – «Книги и рукописи в собрании М.С. Лесмана». С.376, в статье Р.Д. Тименчика «Страницы черновиков Анны Ахматовой». Черновой автограф незаконченного сти-хотворения – собрание М.С. Лесмана (Фонтанный Дом). Не датирован. Последние строки отрывка перекликаются с четверостишием, записанным Ахматовой в РТ 103, л. 45 об. (РГАЛИ):
[Мне] страшно [быть ею] хвалимой тобою
Все мои подсчитала грехи
И в последнюю речь подсудимой
Ты мои превратила стихи...
Запись также не датирована, рядом строка: «Ты – самый отнятый», на л. 46 трехстишие:
Удивляйтесь, что была печальной Между молотом и наковальной, Чем когда-то в юности была...
(После 1948 г.)
Тут же размышление: «Проволока в 19 в. соединяла людей (телеграф, телефон), а в 20-ом разделяет (лагеря)». На соседних страницах – записи 1963 г.

216 «Пусть кто-нибудь сюда придет...» Печ. впер-вые по автографу собрания М.С. Лесмана, с разрешения Н.Г. Князевой. Дата в автографе – 2 июля, Комарове, без указания года. По-видимому, написано в 1958 г., ког-да для поэзии Ахматовой были особенно характерны мо-тивы одиночества и таинственного появления призрака прошлого.

217 При музыке. Впервые строки 1–4 – журн. «Простор». Алма-Ата. 1971. № 2. С. 101, публикация Л.А. Мандрыкиной и М.М. Кралина. Строка 1: «Опять приходит полонез Шопена». Дата – 1958. Комарово. Лето. Полный текст – «Литературная газета». 1971. 15 сентября, публикация Н.А. Жирмунской; БП. С. 299–300, без загл., по автографу РГАЛИ, без эпиг-рафа и без кавычек, выделяющих прямую речь, в стро-ках 16–18. Дата – 1958. Комарово. В разд. «Другие редакции и варианты» (БП. С. 421) – по двум автогра-фам РНБ, строки: 15–17: Опять кричит – я здесь, всегда с тобой... Мне ни к чему ни радость, ни свобода, я столько знаю, что молчит природа.
Отдельно записаны две строки:
Как звучен мрамор этих галерей И этих лестниц, в никуда ведущих,
В автографе РНБ, по которому опубликовано в БО 2. С. 64–65 – прямая речь в строках 16–18 выделена ка-вычками. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 96, л. 2). Дата и эпиграф – по раннему автографу РНБ, загл. – «При музыке» – в другом автографе РНБ, где дата – (1958?). В черновом автографе РНБ строка точек следует не перед, а после строки 8, после 11-й – дата – Комарово, 20 июля 1958, далее окончание, по-видимому, дописанное позже начала текста:
И [кто-то] голос из тринадцатого года Опять кричит – я здесь, всегда с тобой.
Мне ни к чему ни радость, ни свобода. Я столько знаю, – что молчит природа И сыростью пахнуло гробовой.
Кавычки отсутствуют, в этом варианте весь текст после слов «Опять кричит» является прямой речью героя. На этом же листе сбоку – по-видимому, вариант загл.: «Крик». Здесь же – черновик перевода стихотворения Ел. Багряны «Бе-зумье».
Эпиграф – слова Н.Н. Лунина; по одной из семей-ных легенд, это были последние слова, сказанные им Ах-матовой 26 августа 1949 г. при его аресте. И голос из три-надцатого года... – 30 октября 1958 г., по приезде из Комарова в Москву, Ахматова читала это стихотворение Л.К. Чуковской, которая запомнила строку иначе: «И го-лосом тринадцатого года...» Позже она считала это ошиб-кой своей памяти. Факт чтения Л.К. Чуковской, скорее всего, свидетельствует о завершенности этого стихотворе-ния; графическая форма «незаконченного отрывка» – стро-ки точек после строк 8 и 11, – возможно, является литера-турным приемом.

218 «Словно дальнему голосу внемлю...» Впер-вые – «Бег времени». С. 413, с посвящением М.З. и да-той – Комарово, 1958, в разд. «Нечет», вне циклов; в БО 1. С. 254 – под № IX в цикле «Венок мертвым» по рукописям кн. «Бег времени» (РГАЛИ и РНБ). Печ. по кн. «Бег времени». Уточнение даты – по времени смерти М.М. Зощенко.
В РНБ имеется черновой автограф этого стихотво-рения под загл. «Памяти М.М.З.», дата – 1958, ко-

сочинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
марово. В одном из перечней стихов, входящих в цикл «Венок мертвым» (РТ 110, л.
5), – «М.М.З. Твоей памяти». В той же рабочей тетради, л. 53 – другой вариант:
ИЗ КНИГИ «ВЕНОК МЕРТВЫМ» М.М. Зощенко

Отрывок.

Словно дальнему голосу внемлю, А вокруг никого, ничего... В эту добрую теплую
землю.

Далее – как в кн. «Бег времени».

Посвящено памяти Михаила Михайловича Зощенко (1895–1958), который скончался 22
июля 1958 г. в Сест-рорецке, в санатории, где он лечился, и похоронен на
Сес-трорецком кладбище. Тяжелая болезнь Зощенко усугубилась в результате
травли, развернутой вокруг его имени после провокационной встречи с английскими
студентами в 1954 г., на которой Ахматовой и Зощенко был задан вопрос об их
отношении к постановлению 1946 г. о журналах «Звезда» и «Ленинград». Ахматова
кратко ответила, что она с постановлением согласна, а Зощенко попытался
объяснить свое несогласие с ним. О состоянии здоровья Зощенко рассказала
Ахматовой летом 1955 г. Л.К. Чуковская, которая 30 июля 1955 г. была у Зощенко в
Ленинграде. В ответ на вопросы Ахматовой: «Какая комната? Как он выглядит? Как и
что говорит?» – Л.К. Чуковская рассказала: «Комната большая, опрятная,
пустоватая, с остатками хорошей красной мебели. Михаил Михайлович неузнаваемо
худ, все на нем висит. Самое разительное – у него нет возраста, он – тень самого
себя, а у теней возраста не бывает. Таким, вероятно, был перед смертью Гоголь.
Старик? На старика не похож: ни седины, ни морщин, ни сутулости. Но померкший,
беззвучный, замороженный, замедленный – предсмертный. В молодости он
разговаривал со всеми очень тихим голосом, но тогда это воспринималось как
крайняя степень деликатности, а теперь в его голосе словно не осталось звука.
Звук из голоса выкачан. При этом на здоровье он не жалуется – напротив,
уверяет, будто с помощью открытой им психотехники сам вылечил свое больное
сердце» (Чуковская, 2. С. 156). В апреле 1958 г. Ахматова рассказала
Л.К. Чуковской о том, что Зощенко посетил ее – «он оставляет впечатление
психически больного» (там же. С. 306). По мнению М.Б. Мейлаха, стихотворение
написано на следующий день после смерти Зощенко, 23 июля 1958 г., – см.
«Стихотворения Анны Ахматовой», Душанбе, 1990. С. 491.

219 Имя (А.А.А.) Впервые – «Бег времени». С. 364, в подборке «Вереница
четверостиший», загл. – «Имя». Строка 2: «Пришло из никуда», тот же текст в БО
1. С. 237, под № 2 в цикле «Вереница четверостиший», открывающем разд. «Бег
времени», с датой – 1958. лето. в РТ 97, л. 24 об. (РГАЛИ) строка 2: «Пришло из
никогда», дата – 1958. лето, Комаров в РТ 96, л. 5 – вариант загл.: «Из книги
«Трещотка прокаженного». Имя»; строка 2: «Пришло из никогда». В РТ 10, л. 56 об.
(РГАЛИ) имеется более поздняя запись этого стихотворения под названием: «Имя
(А.А.А.)», с эпиграфом из поэмы И.А. Бродского «Исаак и Авраам», 1963 г. у
Бродского: «По существу же, – это страшный крик, // младенческий, прискорбный,
вой смертельный». Речь идет о звучании по-русски имени Исаак – ребенка,
которого, согласно библейскому сюжету, отец был готов принести
в жертву. Поэт описывает ассоциативный смысл каждого звука имени, в том числе
долгого «А»:

... А буква «А» – среди этих букв старик, союз, чтоб между слов был звук
раздельный. По существу же, – это страшный крик, младенческий, прискорбный, вой
смертельный. И если сдвоить, строить: ААА, сложить бы воедино эти звуки, которые
должны делить слова, то в сумме будет вопль страшной муки.

(Сочинения Иосифа Бродского: в 4 т. Т. 1. СПб., 1992. С. 280.)

Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110). Даты – по автографу РТ 97 и по времени
появления эпиграфа и подзагол.

220 «Вы меня, как убитого зверя...» Впервые – ВРСХД. 1970. № 95–96. С. 127,
публикация Н.А. Струве; Eng-Liedmeier, Verheul. P. 55; «Памяти Анны
Ахматовой». С. 16, под № V в цикле «Черепки», публикация Л.К. Чуковской; журн.
«Горизонт». 1988. № 4, публикация Л.К. Чуковской. В БО 1. С. 243 – под № 4 в
цикле «Из заветной тетради» в разд. «Бег времени».

В автографах чаще включалось в цикл «Черепки» – см. воспроизведение автографа
цикла «Черепки» в кн.: Чуковская, 3. С. 197, записанного для нее
Ахматовой 1 апреля 1964 г. в РТ 111, л. 36 об.–38 – в цикле «Черепки» под № VI,
загл.: «Тринадцатый час». Под тем же загл. – № I в цикле из пяти стихотворений
без названия (I. «Тринадцатый час», II. «Из-под каких развалин говорю...», III.
«Не с лирою влюбленного...», IV. «Забудут? – вот чем удивили!..», V. «Я всем
прощение даю...») – РТ 110, л. 46–46 об. (РГАЛИ). В РТ 114, л. 245 – вне
цикла (цикл «Черепки» на л. 242 – из четырех стихотворений). Во всех этих
автографах не имеет даты. В РНБ – автограф цикла «Черепки» из четырех
стихотворений, без «Тринадцатый час». Так же – в РТ 97, л. 26–26 об. Печ. по
автографам РГАЛИ (РТ 111 и РТ 110), где текст идентичен. Датируется условно –

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
лето 1958 ?, Комарове – не позже 1 апреля 1964 г.: в ок–тябре 1958 г., по
приезде в Москву, Ахматова читала цикл «Черепки» Л.К. Чуковской, однако не
известно, входило ли в него данное стихотворение; 1 апреля 1964 г. переписа–ла
для нее все пять стихотворений этого цикла.

Чтоб, хихикая и не веря, // Иноземцы бродили вокруг и далее. – Ахматова
чрезвычайно болезненно вос–принимала неточности и сознательные искажения ее
био–графии в воспоминаниях и книгах о ней, Гумилеве и Ман–дельштаме. В
частности, в 1957 г. она многократно беседе–вала с Л.К. Чуковской о книге Л.
Страховского, вышедшей в 1949 г. в Кембридже: Strakhovsky L. Craftsmen of the
Word: three poets of modern Russia. Gumilov, Akhmatova, Mandelstam. Cambridge,
1949. Претензии Ахматовой зак–лючались в том, что ее хотят представить только
поэтом Серебряного века, вычеркивают из жизни Гумилева и пр., они предьявлялись
ей в 1958–1962 гг. и к воспоминани–ям И. В. Одоевцевой, Г. В. Иванова, А.А.
Гумилевой (жены Д.С. Гумилева), статьям Г.П. Струве, В. Харкинса и др. Уточнение
времени особенно яростных возражений Ахма–товой «иноземцам» может помочь в
датировке настоящего стихотворения. В 1957 г. она опровергала книгу Л.
Страховского, в 1958 г. – к Страховскому прибавился Хар–кинс и вообще все
мемуаристы, искажающие ее облик и био–графию. Запись Л.К. Чуковской 28 декабря
1958 г.: «Под–робно и с ненавистью рассказала она мне о Шацком
(Страховском), о его книге (Гумилев, Мандельштам, Ах–матова), о статье в
«Энциклопедии русской поэзии», вы–шедшей за рубежом, – статье, где ее трактуют
дурно и лживо. Уверена, что источники всех заграничных лжей – Одоевцева («хочет
быть вдовствующей императрицей»), Оцуп, Георгий Иванов» (Ч у к о в с к а я, 2.
С. 345). В 1962 г. Ахматова писала А. Ранниту: «.. .я предупреж–даю Вас, что
писаниями Георгия Иванова и Л. Страхов–ского пользоваться нельзя. В них нет ни
одного слова прав–ды» (Соч., 2. С. 304). 13 августа 1961 г. разоблачала
«кле–вету» на себя Г. Иванова и Н.А. Оцуа: «Она стала для всего мира канвой для
моей послереволюционной биогра–фии. Ее перевел и напечатал в своей книге
(«Гумилев, Ахматова, Мандельштам») Страховский (1949), ее я уз–наю в писаньях
Харкинса, Di Sarra, Ripellino...» (РТ 103, л. 25–25 об.).

221 Стихи из ненаписанного романа. Печ. впер–вые по автографу собрания М.С.
Лесмана (Фонатный дом). Дата – в этом автографе. Вариант строки 6:
[.....у кого–то]

222 «Отмени, как от той графини...» Впервые – БП. С. 300, по автографу РГАЛИ.
В.Я. Виленкин в ста–тье «Воспоминания с комментариями» приводит со слов
Ахматовой иной вариант 2–4 строк, автограф – в собра–нии В.Я. Виленкина:
Шел по лестнице винтовой, чтоб увидеть холодный, синий Строгий час над снежной
Невой.

(Вопросы литературы. 1979. № 3. С. 240.)

Четверостишие включено Ахматовой в текст псевдо–комментариев к «Поэме без героя»
под загл. «Из «Dubia» к Поэме». В РНБ на обложке одного из списков «Поэмы без
героя» – еще один вариант строк 3–4: «Чтоб уви–деть рассветный, синий / /
Смертный час над [страшной] зимней Невой». См. т. 3.С. 273 и 710. Печ. по
автографу РГАЛИ (РТ 97, л. 39). Первоначально в этой записи
строка 4 была: «Страшный час.....над Невой». На

место пропущенного слова сверху над строкой вставлено «страшной».

Тема стихотворения, возможно, связана с воспомина–нием о Н.С. Гумилеве и его
посещении квартиры Ахмато–вой на Сергиевской улице в 1921 г., о чем Ахматова
расска–зала П.Н. Лукницкому 26 апреля 1925 г. Квартира была расположена на
втором этаже, но входить в нее надо было через третий этаж. Обратной Ахматова
повела своих гостей, Гумилева и Георгия Иванова, не через третий этаж, а «к
тем–ной (потайной прежде) винтовой лестнице, по которой мож–но было прямо из
квартиры выйти на улицу. Лестница была совсем темная, и когда Николай Степанович
стал спускаться по ней, АА сказала: «По такой лестнице только на казнь
ходить»...» Лукницкий П.Н. Acumiana. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1. 1924–25.
Париж: YMCA-Press, 1991. С. 162).

Как от той графини... – Имеется в виду Графи–ня***, героиня повести «Пиковая
дама» Пушкина. В спек–такле по опере П.И. Чайковского «Пиковая дама»,
по–ставленном В.Э. Мейерхольдом в 1935 г. в Ленинградс–ком Малом оперном театре
(новое прочтение оперы, сценарий и текст по повести Пушкина – Вс. Мейерхольда и
В. Стенича, постановка Мейерхольда, дирижер С.А. Са–мосуд, художник Чупятов), из
спальни графини вела имен–но крутая винтовая лестница, что соответствовало
пуш–кинскому тексту: «В спальне за ширмами увидите две маленькие двери: справа в
кабинет, куда графиня никогда не входит; слева в коридор, и тут же узенькая
витая лест–ница: она ведет в мою комнату» (П у ш к и н А.С. Собр. соч.: В 10 т.
Т. VI. С. 336). (См. об этом спектакле в кн.: «Пиковая дама». Опера в 4 д.
Музыка П.И. Чайковско–го. Сб. статей и материалов к постановке ... Л. 1935.)
По–видимому, об этом спектакле Мейерхольда вспоми–нала Ахматова в набросках

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
одной из строф «Поэмы без героя»:

Ну, и выдалась же минута – Это доктора Дапертутто ни на что не похожий бред, Это
лестницы, по которым кто-то к черным пробрался хорам
(РТ 96, л. 23 об.; РГАЛИ.)

В повести Пушкина Германн уходит из дома умершей по его вине старой графини по
«потаенной лестнице», ведущей из ее кабинета: «По этой самой лестнице, думал
он, может быть, лет шестьдесят назад, в эту самую спальню, в такой же час, в
шитом кафтане, причесанный a l'oi seuu royal, прижимая к сердцу треугольную свою
шляпу, прокрадывался молодой счастливец, давно уже истлевший в могиле, а
сердце престарелой его любовницы сегодня пере-стало биться...» (там же т. VI. С.
346).

Четверостишие Ахматовой как бы продолжает линию воспоминаний о прошлом,
связанных с «винтовой лестни-цей». Упомянут в тексте Пушкина и рассвет: «Утро
насту-пало. Лизвета Ивановна погасила догорающую свечу: блед-ный свет озарил ее
комнату» (С. 345).

По мнению В.Я. Виленкина, толчком к созданию чет-веростишия могла послужить
акварель театрального худож-ника В.В. Дмитриева к «Пиковой даме», которую она
уви-дела «в 58-м, кажется, году». М.М. Кралин (БО 2. С. 334) указывает также,
что в 1958 г. Ахматова познакомилась со статьей С.А. Рейсера «Дворцовая
набережная, 4» (Труды Ленинградского библиотечного института им. Н.К. Круп-ской.
Т. IV, 1958. С. 33–47), в которой идентифициру-ется дом Салтыковых, где жила
приятельница Пушкина, супруга австрийского посланника графиня Д.Ф. Фикель-мон, с
местом действия «Пиковой дамы» Пушкина.

223 «И будешь ты из тех старух...» Впервые – БО 2. С. 92, по автографу РГАЛИ (РТ
98, л. 3 об.). Печ. по этому автографу.

Датируется по времени записи в рабочей тетради. На следующей странице тетради –
еще один незавершенный набросок – двустишие:

Самый черный и душный самый Этот город Пиковой Дамы.

Возможно, оба наброска тематически связаны с чет-веростишием «От меня, как от
той графини...».

224 «Самый черный и душный самый...»

Впервые – «Записные книжки». С. 26. Печ. по авто-графу РГАЛИ (РТ 98, л. 4).
Датируется условно по времени и месту записи в РТ 98. См. также предыду-щий
коммент.

Возможно, этот и предыдущий наброски связаны с ра-ботой Ахматовой над
стихотворными частями драмы «Эну-ма элиш» (см. т. 3. С. 307).

225 «Горячего дня середина...» Впервые – «За-писные книжки». С. 23. Печ. по
автографу РГАЛИ (РТ 97, л. 39). Отрывок записан на одной странице с
чет-веростишием «От меня, как от той графини», с фразой: «...а «Гость из
будущего» мелькал в глубине зеркал» – и двустишием:

Под рукоплесканья клеветы и зависти змеиный свист.

226 «Подрукоплесканья клеветы...» Впервые – БО 2. С. 100. Печ. по автографу
РГАЛИ (РТ 97, л. 39). Датируется по расположению в тетради.

227 «Ябыла тебе весной и песней...» Впервые – «Записные книжки». С. 23. Печ. по
автографу РГАЛИ (РТ 97, л. 38 об.). Строки зачеркнуты. Записан после тек-ста
стихотворения «В старом зеркале», между его датой – 1958. 23 мая – и
продолжением заглавия:

«Или надпись на книге «Вечер» 1912.

См. также коммент. к стихотворению «Не мудрено, что похоронным звоном...».

228 «Завещать какой-то дикой скрипке...» Впер-вые – БО 2. С. 92, по автографу
РГАЛИ. Печ. по авто-графу РГАЛИ (РТ 97, л. 20). Датируется по местополо-жению в
тетради: автограф на одном листе с памятными записями от 27 апреля 1958 г. о
необходимости звонить ряду лиц.

В той же рабочей тетради содержится несколько упоминаний о том, что Ахматова
слушала музыку: 16 июня: Бах: fuga до минор; Вагнер: Вступление к «Лоэнгрину» и
«Смерть Изольды», Чайковский, Бетховен, Равель; «Рихтер 17 ч. 15 исп.

Сен-Сан-са»; 23 июня 1958. Комарове: «Слушаю сейчас: Paul Ducis (Поль Дюсис).
Симфоническая поэма-танец феерии; 17 сентября: 21.30 – Моцарт. 22.35 – Шу-ман,
лист. 22 – Бах, Стоковский; Шуман – лист. Посвящение; 17 сентября 1958.

Комарово: «Соната Ви-вальди для скрипки с оркестром, исполнял Гилельс»; 29
сентября 1958. Комарово: «Слушаю: Моцарт. Кон-церт la major для скрипки с
оркестром».

229 «...Стеклянныйвоздух над костром...» Впер-вые – БО 2. С. 93, по автографу
РГАЛИ. Печ. по авто-графу РГАЛИ (РТ 97, л. 15 об.). Запись сделана на од-ном
листе с четверостишием «Позвони мне хотя бы сегод-ня...», имеющим дату – 9 июня
1958 г. Строки точек – до первой и после третьей строки – возможно, показыва-ют,
что произведение или строфа было задумано как шес-тистишие.

230 «...накануне //Я приду к тебе в том июне...»

сочинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat. Впервые – «Записные книжки». С. 22. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 97, л. 37). Датируется по местоположению в тетради: записано на одной странице с набросками прозы о Мандельштаме: «В 1920 г. Мандельштам увидел Петербург – как полу-Венецию, полутеатр». На л. 36 об. – сцена из театрализованной переработки «Поэмы без героя» в балетное либретто, записанная поверх зачеркнутой строки: «Как тяжкий камень давит мне на грудь». Когда августу не бывать. – В образной системе лирики Ахматовой август – месяц трагедий и потерь. См. стихотворение «Август» («Он и праведный, и лукавый...») и коммент. к нему.

231 «И все пошли за мной, читатели мои...» Впервые – Н а й м а н. С. 229, по автографу в собрании А. Наймана; то же – БО 2. С. 65. Печ. по БО 2.

232 «И возникает мой сонет...» Впервые – БО 2. С. 99. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 97, л. 21 об.). Датируется по расположению в тетради: на том же листе сделаны черновые наброски, а на следующем листе тем же карандашом записан чистовой текст «Приморского сонета» с датой – 16–17 июня 1958 г. Далее, на обороте листа и следующей странице, Ахматова вспоминает «Сонет, сочиненный в Первом Цехе Поэтов в 10-х годах» – «Valere Brussoff не презирал сонеты». Там говорится о сонетах, которые сочиняли «супруг Анеты», т.е. Гумилев, а также М. Волошин, М. Кузмин, В. Пяст, В. Нарбут, М. Зенкевич. Возможно, что двустихие Ахматовой о своем сонете, «последнем, может быть, на свете», как бы включало ее в перечень дорогих или значимых для нее имен.

На том же листе 21 об. записана разметка рифмовки классического сонета: abba/abab/ccd/ccd – и рядом рифмы ахматовского сонета «Совсем не тот таинственный ху-дожник...».

233 «Непогребенных всех...» Впервые – Б П. С. 300, публикация В.М. Жирмунского, с датой – 1958 ? • Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 97, л. 30). Датируется по местоположению в тетради среди записей июня 1958 г. По предположению В.М. Жирмунского, стихотворение содержит «мотив Антигоны, которая в одноименной трагедии Софокла хоронит и оплакивает тела своих братьев, павших под стенами Фив» (БП. С. 500). Возможно, связано с формирующимся циклом «Венок мертвым», посвященным, прежде всего, памяти собратьев-поэтов и друзей, в том числе погибших от сталинских репрессий: Б.А. Пильняка, О.Э. Мандельштама, Н.Н. Пунина и др.

234 «и яростным вином блудодеянья...» Впервые – БП. С. 319, по автографу РГАЛИ, без даты; дата – 1958 – по БО 1 С. 302. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 97, л. 2), где записано среди стихотворений 1910-х годов, воспроизведенных Ахматовой в 1958 г. Здесь же – новые стихи 1958 г. Датируется условно по времени записи в тетради. Первая строка – парафраз текста Апокалипсиса: 14, 8: «И другой Ангел следовал за ним, говоря: пал, пал Вавилон, город великий, потому что он яростным вином блуда своего напоил все народы».

235 Умерь! X\еч. впервые по автографу в РНБ. Датируется условно – 1958 ?. Исправление в строке 4: «[Виднеется] Всегда торчит в конце...» «...звон монет...» Впервые – в кн.: Э. Герштейн. Мемуары. СПб., 1998. С. 340. Печ. по автографу РНБ на полях черновика работы Ахматовой о Пушкине. Датируется условно – 1958 ? по местоположению автографа и содержанию наброска. Э.Г. Герштейн считает «Звон монет» заглавием двустихия, содержание которого она объясняет сложными взаимоотношениями Ахматовой с сыном: «Долгое ожидание возврата сына, завершившееся так убого, – одна из составляющих печального самораскрытия: «...и думы нет...» Ясно, что тут подразумевается не вялость мысли, а нечто подобное жалобам библейского Иова: «Думы мои – достояние сердца моего – разбиты» (С. 341).

По мнению петербургского коллекционера А.М. Луценко, речь может идти о произведении Ахматовой военных лет «Дума», текст которого имеется в его собрании (авторство Ахматовой не подтверждено экспертизой).

237 «Не с тобой мне есть угощенье...» Впервые – журн. «Нева». 1979. № 6. Печ. по автографу РНБ, записанному на листе черновика статьи Ахматовой о Пушкине. Датируется по времени работы Ахматовой над этой статьёй. Э.Г. Герштейн (см. «Мемуары»). СПб., 1998. С. 342–344) считает, что это четверостишие следует соединить с записанными на том же листе строками: Зазвонили в Угличе рано, У царевича в сердце рана. Аргументация Э.Г. Герштейн не представляется убедительной. Возможно, связано с работой над драмой «Энума элиш» («Пролог, или Сон во сне»), где имеется «песенка слепого», близкая по синтаксической конструкции: «Не бери сама себя за руку, / / Не веди сама себя за реку...» (см. т. 3).

230 «Зазвонили в Угличе рано...» Впервые – БО 2. С. 94, публикация М.М. Кралина по автографу, записанному на полях черновика статьи Ахматовой о Пушкине, над

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat которой она работала в 1958–1959 гг. Печ. по этому автографу.

Э.Г. Герштейн, предлагая рассматривать это двустишие как продолжение текста «Не с тобой мне есть угощение...», считает его обращенным к сыну, Льву Николаевичу Гумилеву: «Убиенный, по преданию, в Угличе царевич Дмитрий Иванович был виноват лишь в том, что он родился. Сын (у Э.Г. Герштейн – «внук». – Н.К.) Иоанна Грозного не должен был существовать на земле, он мешал другим претендовать на русский престол. Таким же безвинным страдальцем стал в том же девятилетнем возрасте сын Ахматовой и расстрелянного поэта Н. Гумилева. Он был обречен на несчастье самим фактом своего рождения и оказался центральной фигурой в трагической развязке остросюжетного конфликта» (Мемуары. С. 343–344).

239 Подражание корейскому. Впервые – журн. «Простор». 1971. № 2. С. 101, публикация Л.А. Мандрыкиной и М.М. Кралина по автографу РНБ. В БО 2. С. 82, дата – 1960-е годы. Печ. по автографу РНБ.

В комментариях М.М. Кралин высказал предположение, что Ахматова «подражала» переведенному ею для сб.: «Корейская классическая поэзия», 1958 г. стихотворению корейской поэтессы Пак Хе Гван «Любимый, мне приснившийся в ночи...»:

Любимый, мне приснившийся в ночи. Исчез бесследно, чуть я пробудилась.

Куда ж великая ушла любовь, Любовь, что в сердце у тебя кипела?!

Являйся чаще, о, хотя б во сне!

Нет, нет, не надо, сон – лишь призрак тщетный...

(«Корейская классическая поэзия». Пер. А. Ахматовой. М., 1958. С. 197.)

Датируется условно – по времени работы над переводами корейских поэтов.

240 «В скорбях, в страстях, под нестерпимым гнетом...» Впервые – БО 2. С. 101, публикация М.М. Кралина. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 98, л. 7 об.). Датируется условно по местоположению в тетради. Вариант строки 1: «В скорбях, в страстях [тяжким] гнетом».

На той же странице более поздняя запись (1959?): «В 1927 при массовых арестах снимали со стен мои фотографии. На выставке Делла Воскардовской комиссия потребовала, чтобы мой портрет был снят. Цензура изъяла мою фотографию из альбома Наппельбаума и из 7 номера журнала «Москва» 1959 г.» Датируется по местоположению в тетради.

241 «Скука, скую...» Впервые – «Записные книжки». С. 27. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 98, л. 7).

Возможно, незавершенный набросок связан с известием о предполагаемом приезде в Россию И. Берлина, который в это время был профессором Оксфордского университета (Колледжа Всех Святых) и жил в Оксфорде. Датируется по расположению в тетради.

242 «Это скуки первый слой...» Печ. впервые по автографу в собрании М.С. Лесмана (Фонтанный Дом). Датируется условно концом 1950-х годов – по времени наиболее тесного общения Ахматовой с М.С. Лесманом.

В наброске ощущается «комаровская тема», более полно развернутая в других стихотворениях Ахматовой. Образ «скуки» встречается также в наброске «Скука, скую...», условно датированном 1958–1959 гг., по-видимому, к этому времени может быть отнесен и данный набросок.

243 «Северные элегии» («Их будет семь, – я так решила...»). Впервые – БП. С. 506, публикация В.М. Жирмунского по автографу РНБ в коммент. к циклу «Северные элегии», который здесь состоит из шести произведений; в БО 1. С. 259 – в качестве вступительного стихотворения к циклу «Северные элегии». Печ. по автографу РНБ. Датируется условно. Четверостишие могло быть написано в 1958 г., когда Ахматова активно работала над «Седьмой» «Северной элегией» и писала «Предисловие» к циклу (см. также коммент. к стихотворению «Лирическое отступление «Седьмой элегии»). Ср. последнюю строку четверостишия «Свой путь к позорному столбу» с заключительной строкой «Седьмой элегии», написанной 3 июня 1958 г.: «Чтоб смерть позвать к позорному столбу». Менее вероятно предположение, что четверостишие – введение к циклу – было написано ранее, – хотя, по некоторым сведениям, в частном владении наследников Н.Л. Дилакторской в С.-Петербурге имеется полный (!) текст законченной «Седьмой элегии», датированный серединой 1940-х годов. Наконец, возможно, «Вступление к циклу» появилось тогда, когда Ахматова начала публиковать «Северные элегии» как цикл – в кн. «Стихотворения», 1961 г., в «Беге времени». Так, в январе 1964 г., при работе над рукописью последней редакции книги «Бег времени» Ахматова сказала Л.К. Чуковской: «...«Элегии»

пора скомпоновать... Я позабочусь о циклах...» (Чуковская, З. С. 150).

Однако в кн. «Бег времени» цикл составил лишь из четырех элегий, и вводное четверостишие «Их будет семь...» не пригодилось.

И первая уже свершила // Свой путь к позорному столбу... – Можно предположить, что Ахматова говорит о судьбе элегии «Так вот он – тот осенний пейзаж...»,

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat опубликованной под загл. «Вроде монолога» в журн. «Звезда». 1946. № 1, – т.е. в том журнале, кото-рый был осужден в постановлении о журналах «Звезда» и «Ленинград» от 14 августа 1946 г.

244 Смерть Софокла. Впервые – журн. «Звезда». 1961. № 5. С. 146. Под № 1 в цикле «Античная страничка» из двух стихотворений (2. «Александр у Фив») – «Бег времени». С. 428, дата – 1961. В перечне стихов «Античные» (РТ 104, л. 1, РГАЛИ) имеет дату – 1 марта. В РТ 106, л. 30 об. (РГАЛИ) перечислены стихи цикла «Античная страничка»: «Дом поэта», «Дидона – Энею», «Смерть Софокла». Автограф ранней редакции в РТ 103, л. 6: дата – 1958–1961, эпитафия [«Осаждав-шему Афины царю во сне явился Дионис, и] тогда царь понял, что умер Софокл». «Легенда о смерти Софокла». Вариант строки 2: «Хор траурный цикад вдруг заз-венел из сада»; загл.: «Софокл», затем переделано на «Смерть Софокла». В РТ 106, л. 5 – чистовой автограф с датой – 1961.1 марта. Ленинград. Красная Конни-ца, под текстом помета Ахматовой: «Напечатано: «Звезда» 1961». Печ. по кн. «Бег времени». Дата – по РТ 103 и 106.

Впервые после долгого перерыва Ахматова перечита-ла Софокла в конце 1957 г. – см. запись в дневнике

Л.К. Чуковской от 4 декабря слов Ахматовой: «Пятьде-сят лет не брала в руки Софокла. Теперь перечла. И не потеряла его. Оказывается, можно спокойно его перечиты-вать и не обеднеть» (Ч у к о в с к а я, 2. С. 271). В 1958 г., по-видимому, началась работа над стихотворением. В се-редине 1960 г. была написана его ранняя редакция – 23 ок-тября 1960 г. Л. К. Чуковская записывает со слов Ахмато-вой, что она предложила включить «Софокла» в готовя-щуюся книгу стихов. «Хочет попытаться опубликовать в «Литературной газете» Софокла и еще кое-какие стихи, чтобы опубликованием проложить им путь в сборник» (там ж е. С. 430). 3 марта 1961 г. Ахматова читала сти-хотворение пришедшим к ней в гости Л.Я. Гинзбург, И.М. Семенко, А.С. Кушнеру и Н.В. Королевой. См. об этом в воспоминаниях Н.В. Королевой «В гостях у Анны Ахматовой» («Книжное обозрение». 1989. № 24, 16 июня; «Анна Ахматова и ленинградская поэзия 1960-х годов» / «Свою меж вас еще оставив тень...» С. 117–132: «В тет-ради заполнены только первые страницы. Стихотворение про Софокла, которое она нам читает, имеет дату: «1 марта 1961 г.» ... Когда прочла про Софокла, сказала: «Не получилось. Я хотела передать легенду о том, как некоему царю рассказали про страшные беды и ужасы в его госу-дарстве, – и тогда царь понял, что умер Софокл». Леген-да о смерти Софокла приводится в его «Жизнеописании» и повторяется у ряда античных историков. 22 июня 1961 г. Ахматова читала стихотворение Л.К. Чуковской, – запись в ее дневнике от 23 июня 1961 г. (Ч у к о в с к а я, 2. С. 464). И при чтении друзьям, и после публикации сти-хотворения в «Звезде» Ахматова неоднократно сталкива-лась с отрицательным или равнодушным отношением чи-тателей и слушателей к этому стихотворению. Л.К. Чуков-ская 1 июля 1961 г. записала яростный монолог Ахматовой в ответ на ее оценку «Софокла» – «холодноватые стихи»: «– Холодноватые?! – с яростью произнесла Анна Ан-дреевна. – Рас-ка-лен-ные! – повторила она по сло-гам, – и каждый слог был раскален добела. – Просто у вас нет уха к античности. Для вас это пустое место. И Дионисово действо, и легенда о смерти Софокла – звук пустой. А это должно быть внутри, вот здесь, – она пока-зала на грудь, – этим надо жить... И стихи мои о смерти Софокла так существенны для понимания отношений между искусством и властью. Должных отношений. Это урок» (там ж е. 2. С. 468–469).

«Это с тобой я встречала тогда...» Впервые – журн. «Вопросы литературы». 1983. № 6. С. 158, публикация В. Я. Виленкина по автографу РНБ; БО 2. С. 93. Печ. по черновому автографу РНБ.

Двустиишие записано на одном листе со стихотворени-ем «Мартовские элегии. I» («Если бы ты музыкой была...») и черновыми записями статьи о Пушкине.

246 Мартовские элегии (1. «Если бы ты музыкой была...»). Впервые – «Литературная Грузия». 1979. № 7. С. 89, публикация М.М. Кралина; то же – БО 2. С. 69. Печ. по автографу РНБ.

Элегия записана на одном листе с двустиишем «Это с тобой я встречала тогда...» и черновыми набросками ста-тьи о Пушкине. Загл. и цифра I перед текстом подразуме-вают, что «Мартовских элегий» должно быть несколько, – см. «Мартовская элегия» («Прошлогодних сокровищ моих...»).

24724 мая. Впервые – «Записные книжки». С. 38. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 98, л. 29). Датируется по местоположению в тетради среди записей 1959 г.

248 Отрывок («...И мне показалось, что это огни...») Впервые – «Новый мир». 1960. № 1. С. 152; дата – 1959; «Стихотворения», 1961. С. 277; в экзempla-ре книги, подаренной Н.А. Ольшевской, строфы соедине-ны в единое семистишие; тот же текст – «Бег времени». С. 410. Печ. по кн. «Стихотворения», 1961. Дата – по автографу РНБ; после текста запись: «Москва. Набереж-ная. 21 июня 1959. Троица. (Шуман, «Юмореска», играет Святослав Рихтер)».

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat
в РТ 96, л. 8 (РГАЛИ) загл. «Из Московской тет-ради. Трилистник закрытый» (загл.
«Отрывок» зачеркну-то), дата – Москва. Июнь 1959. В составе «Трилистни-ка» – I.
«И мне показалось, что это огни...»; II. «Не стра-щей меня грозной судьбой...»;
III. «Мартовская элегия». В некоторых записях-планах этот цикл назывался
«Трили-стник московский» (РТ НО, л. 153 об., РГАЛИ).

249 «Не мешан мне жить – и так не сладко...»

Впервые – «Книги и рукописи в собрании М.С. Лесма-на». С. 377, в статье Р.Д.
Тименчика «Страницы чернови-ков Анны Ахматовой»; то же – газ. «Ленинградская
прав-да». 1989. 23 июня, публикация М.М. Кралина по авто-графу из собрания М.С.
Лесмана; БО 2. С. 65–66. Дата – июнь 1959. Комарово. Печ. по автографу из
со-брания М.С. Лесмана (Фонтанный Дом). Варианты строк:

15: Утомленных, усмиренных глаз 25: Продолжает тот же разговор.

В черновом автографе варианты строк ранней редак-ции:

9: В прежних жизнях мы с тобою что-то 10: Плохо поделили, бедный друг! 12: Сухо
нёбо, кровь бормочет что-то 14: Иль помнились взоры глаз покорных 15:

[Утоленных, усмиренных глаз]

В тот [так прочно позабытый час]

В тот для памяти запретный час 21: И как видишь сотни километров 25: Тот же
продолжает разговор.

Продолжает наш старинный спор

Дата – Комарово. 1959. Июнь.

По содержанию переключается с наброском 1954 г. «Отрывок» («В прошлое иду я –
спят граниты...») и с бо-лее поздним стихотворением «Эхо» (25 сентября 1960
г.), в котором использованы строки: «Что там – окровавлен-ные плиты // Или
замурованная дверь» из 5-й строфы.

Стихотворение обращено в прошлое, к любимому, су-ществовавшему «в прошлых
жизнях». Возможно, толчком к созданию стихотворения явилось письмо от И.
Берлина, полученное в июне 1959 г. Л.К. Чуковская, которой Ахма-това показала
письмо, записала в дневнике: «Некто сооб-щает, что никогда не забудет двух своих
встреч с нею («по-мню каждое ваше слово») и надеется непременно снова увидеть ее
этим летом». Л.К. Чуковская определила пись-мо как «типичное любовное», что
вызвало весело-иронич-ную реакцию Ахматовой: «Ах так? Даже типичное? Зна-чит,
мне не показалось? А я уж, признаться, вообразила, что у меня начинается
сексуальный психоз. Как у Любви Дмитриевны. Этого бы еще не хватало! В 70 лет
даме ме-рещатся любовные послания! У меня седые волосы дыбом встали. Вот так». Она с двух сторон обеими руками под-няла над головой две длинные седые пряди и
движением плеч, рук, головы с такою безупречною точностью изоб-разила мраморную
гордыню сквозь возмущение и ужас, что я не удивилась чьей-то влюбленности. Живая
арка из рук – это был подлинный архитектурный шедевр» (Ч у к о в с к а я, 2. С.
360).

Тематически стихотворение связано с циклами «Cinque» 1945–1946-го и «Шиповник
цветет. Из «Сожженной тет-ради» 1950-х годов; можно найти в нем и воспоминания
об уехавших из России возлюбленных – Б.В. Анрепе и А.С. Лурье, и отголоски
сложных взаимоотношений с Н.Н. Луниным.

251 «Ты любила меня и жалела...» Впервые – «Книги и рукописи в собрании М.С.
Лесмана». С. 378, в статье Р.Д. Тименчика «Страницы чернови-ков Анны Ахматовой»;
БО 2. С. 103, с датой – 1960-е годы. Печ. по автографу в собрании М.С. Лесмана,
с разрешения Н.Г. Князевой.

Посвящено Марине Ивановне Цветаевой.

Ты любила меня... В стихотворении М. Цветаевой «Анне Ахматовой» (1915) –
заключительная строфа:

В утренний сонный час, – Кажется, четверть пятого, – Я полюбила Вас, Анна
Ахматова.

В стихотворении «О, Муза плача, прекраснейшая из муз!..» (1916): «И вопли твои
вонзаются в нас, как стру-ны... // И я дарю тебе свой колокольный град, // –
Ах-матова! – и сердце свое в придачу». Так зачем же твой голос и тело... –
Двойная цитата: из стихотворения

Ахматовой «Умирая, томлюсь о бессмертье...»: «А люди придут, зарюют // Мое тело
и голос мой» (1912); и Н.С. Гумилева «Заблудившийся трамвай»: «Где же те-перь
твой голос и тело, // Может ли быть, что ты умер-ла?» (1920). Смерть до срока у
нас отняла. – М.И. Цветаева покончила с собой в Елабуге 31 августа 1941 г.

252 «Что нам разлука? – Лихая забава...» Впер-вые – «Новый мир». 1964. № 6. С.
173, под загл. «Из трагедии «Пролог, или Сон во сне»; БП. С. 303. Печ. по
автографу РГАЛИ (РТ ПО, л. 62). Даты – по автогра-фам РГАЛИ.

В рукописи кн. «Бег времени» как самостоятельное стихотворение включено в разд.
«Из заветной тетради». По словам Ахматовой В.М. Жирмунскому (БП. С. 500),
является самостоятельным произведением и в «Пролог» было включено ошибочно. В РТ
98, л. 19 об. (РГАЛИ), под загл. «Из неоконченных монологов. 1959» – ранняя

очинений в шести томах. Том 2 Книга первая. Стихотворения 1941–1959. Анна Андреевна Ахматова akhmat

редакция стихотворения:

Что нам разлуки – игра и забава...

Мука ль забудет на час?..

Спяну ли ввалится в горницу слава,

Бьет ли тринадцатый час?

Или забыты, забиты, за... Кто там...

Лихо умеешь стучать,

Вот и иди мне обратно к воротам

Новое горе встречать.

Кончено 10 декабря Красная Конница

В РТ 96, л. 29 (РГАЛИ) автограф с датой – 1959, строки 1–2:

Что нам разлука – игра и забава!.. Мука ль забудет про нас?

Строки 5–6 – как ранней редакции.

В РТ 108, л. 32 (РГАЛИ) – вариант первой строфы (запись 1963 г.):

Жажду ль мою утолила отрава, Горе ль забыло про нас – Спяну ли ввалится в горницу слава, Бьет ли тринадцатый час?

Далее записаны две строки из стихотворения «Прощальная» (цикл «Песенки», вариант строк 3–4):

По тебе с ума сходила С самого начала.

В РТ 110, л. 35 об. (РГАЛИ) записана 1-я строфа с ранним вариантом строки 1:

«Что нам разлука – игра и забава». В этой же тетради на л. 62 – чистовой автограф окончательной редакции с единственным исправлением в строке 1:

Что нам разлука? – [Игра и] Лихая забава.

Строфа 2 – в окончательной редакции, после текста: «Записано 14 августа 1963.

Ленинград». Рядом с текстом стихотворения (частично поверх него) – записи чернови-ков стихотворения 1963 г., посвященного А.Г. Найману: «Ты – верно чей-то муж и ты любовник чей-то...» Теми же чернилами над текстом стихотворения «Что нам разлу-ка...» поставлено посвящение: N, после текста – подпись: А. Автограф в собрании А.Г. Наймана имеет дату – 1963, посвящение Ан. Найману.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://akhmatovaanna.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!